

ВЕСТНИК

КУРГАНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№3 (34) 2014

Серия
«Гуманитарные науки»
ВЫПУСК 10

ВЕСТНИК

КУРГАНСКОГО № 3 (34)
ГОСУДАРСТВЕННОГО 2014
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ

*«ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ»*

Выпуск 10

Редакционная коллегия:

д-р биол. наук, проф. *Речкалов А.В.* (главный редактор журнала)
д-р филос. наук, проф. *Шалютин Б.С.* (ответственный редактор серии)
д-р пед. наук, доц. *Еговцева Н.Н.*
д-р ист. наук, проф. *Менщиков В.В.*
д-р филол. наук, проф. *Ратушная Е.Р.*
д-р пед. наук, проф. *Савиных В.Л.*
д-р экон. наук, проф. *Семенов В.М.*
д-р юр. наук, проф. *Шабуров А.С.*

Вестник Курганского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – Вып. 10. – 134 с.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 45-00016 от 3 декабря 2008 года, выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Курганской области.

Учредитель журнала *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Курганский государственный университет»*

Подписной индекс в Каталоге Роспечати «Газеты. Журналы» Агентства ООО «МАП» – 15729.

Журнал «Вестник Курганского государственного университета» включен в международную базу данных «Ulrich's Periodicals Directory».

Главный редактор журнала *Речкалов А.В. - д-р биол. наук, проф.*

Ред. коллегия: *Шалютин Б.С. - д-р филос. наук, проф.,
Еговцева Н.Н. - д-р пед. наук, доц.,
Менщиков В.В. - д-р ист. наук, проф.,
Ратушная Е.Р. - д-р филолог. наук, проф.,
Савиных В.Л. - д-р пед. наук, проф.,
Семенов В.М. - д-р экон. наук, проф.,
Шабуров А. С. - д-р юр. наук, проф.*

Адрес редакции: 640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25, к. 404 б

Телефон/факс: 8(3522) 43-32-73

Электронная почта: vestnik@kgsu.ru

Отв. редактор серии: *Шалютин Б.С.*

Директор РИЦ КГУ: *Агафонова Т.В.*

**Изготовление
оригинал-макета
и корректура:** РИЦ КГУ

ISSN 2222-3363

© Курганский
государственный
университет, 2014
© Авторы, 2014

Е.А. Алексеева
Курганский государственный университет

АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЯХ КАК НОВЫЙ ФАКТОР ВИКТИМНОСТИ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ СОВЕРШАЮТСЯ КРАЖИ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема появления нового фактора виктимности, связанного с развитием информационных технологий – активного участия пользователей в социальных интернет-сетях, применительно к вопросу профилактики краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище. Предлагаются практические рекомендации, адресованные пользователям социальных сетей, направленные на профилактику краж из жилищ.

Ключевые слова: виктимность, социальная интернет-сеть, кражи, совершаемые с незаконным проникновением в жилище, виктимологическая профилактика, активное участие пользователя.

E.A. Alekseeva
Kurgan State University

ACTIVE PARTICIPATION IN SOCIAL INTERNET NETWORKS AS A NEW FACTOR OF VICTIMIZATION OF PERSONS AGAINST WHOM THEFT WITH ILLEGAL ENTRY INTO A DWELLING IS COMMITTED

Abstract. This paper addresses the problem of the emergence of a new factor of victimization associated with the development of information technology - the active participation of users in online social networks, in the context of prevention of theft committed with illegal entry into a dwelling. The article offers practical recommendations addressed to the users of social networks aimed at preventing thefts from homes.

Keywords: victimization, social internet network, theft committed with illegal entry into a dwelling, victimological prevention, active participation of the user.

Введение

Кражи, совершаемые с незаконным проникновением в жилище, являются одним из наиболее распространенных преступлений не только в России, но и за рубежом. Так, за 2013 год в Российской Федерации было совершено более 100 тысяч подобных преступлений [1]. Не приходящая значимость предупреждения данного вида преступлений, в том числе виктимологического аспекта, обусловлена тем, что в жилище человек накапливает и хранит наиболее ценное имущество, потеря которого подчас является невозможной. При этом с учетом относительно низкой раскрываемости краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище, большинство исследователей данной проблемы приходят к однозначному выводу о приоритетности деятельности по их предупреждению.

Важным аспектом деятельности по предупреждению любых преступлений, в том числе краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, является виктимологическая профилактика.

Проблемами виктимологии в разное время занимались такие отечественные ученые, как Л.В. Франк, В.И. Полубинский, Д.В. Ривман, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Т.В. Варчук, П.С. Дагель, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, В.Д. Малков, Э.Ф. Побегайло, Л.М. Прокументов и другие.

На фундаментальные положения теории виктимологии, разработанные вышеуказанными авторами, опирается и исследование, представленное в настоящей статье.

Вместе с тем преступность, как в целом, так и ее отдельные виды, представляет собой явление не только устойчивое в своем существовании, но и динамичное. Последняя характеристика состоит, прежде всего, в том, что, будучи неотъемлемым явлением в жизни социума, преступность развивается вместе с ним, а потому любые новые технологии, которые человечество внедряет в свою повседневную жизнь, оказываются в поле зрения лиц, совершающих преступления.

Преступники также совершенствуют свои методы совершения преступлений. Для краж, сопряженных с незаконным проникновением в жилище, характерной является стадия приготовления к совершению преступления. На данной стадии преступники подыскивают потенциальную жертву, узнают, какие материальные ценности хранятся в ее жилище, выясняют распорядок дня обитателей дома, избирают способ совершения кражи, приискивают места сбыта похищенного имущества и т.д.

Необходимо заметить, что в нашей стране гражданам из всех мер предупреждения краж, сопряженных с незаконным проникновением в жилище, предпочитают укреплять физическую защищенность своего дома (устанавливают двойные входные конструкции, решетки на окна, системы сигнализации), упуская субъективный аспект виктимности.

Одним из составляющих субъективного аспекта виктимного поведения, в том числе создающего благоприятные условия для совершения краж с незаконным проникновением в жилище, является относительно новое массовое явление, которое в настоящее время не

получило должной оценки в рамках теории и практики виктимологической профилактики – чрезмерная активность граждан в социальных сетях.

Популярность социальных сетей, а также тот объем информации, которые пользователи выкладывают на своих персональных страницах, предоставляет преступникам возможность более эффективно и с меньшими усилиями осуществлять приготовление к совершению краж из жилищ (здесь и далее термин используется в значении «кражи, совершаемые с незаконным проникновением в жилище»).

Зарубежный опыт уже показал, насколько значимым с криминологической точки зрения является активное участие граждан в соцсетях, ввиду чего, по нашему мнению, выработка практических рекомендаций по виктимологической профилактике участия граждан в соцсетях является весьма актуальной и важной проблемой.

Виктимность и активное участие пользователя в соцсети как ее новый фактор

Проанализировав дефиниции виктимности, данные Л.В. Франком и В.И. Полубинским, Д.В. Ривман определил индивидуальную виктимность как «обусловленное наличием преступности состояние уязвимости отдельного лица, выражающееся в объективно присутствующей человеку (но не фатальной) способности стать жертвой преступления. Реализованная преступным актом или оставшаяся в потенци, эта уязвимость зависит от субъективных и объективных предрасположений и в конечном счете выступает как неспособность противостоять преступнику, определяемая совокупностью факторов, делающих ее объективной (не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного «нежелания или неумения» [2, 77].

Именно факторы виктимности субъективного характера представляют наибольший интерес виктимологов с точки зрения профилактических возможностей.

Так, в механизме краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, в большинстве случаев заметно проявляется отношение «преступник-жертва». Около половины краж из жилищ совершается лицами, знающими потерпевших (соседями, родственниками, сослуживцами, иными знакомыми, включая случайных). Очевидно, во многих ситуациях именно этими обстоятельствами обусловлено не критичное, неоправданно доверчивое поведение потерпевших. Создание обстановки, способствующей совершению кражи, детерминационно связано также с поведением, типичным для лиц, злоупотребляющих спиртными напитками (среди потерпевших примерно каждый пятый) [3].

В настоящее время к вышеперечисленным традиционным факторам можно отнести и активное участие лица в социальных интернет-сетях, которое заключается в опубликовании и сообщении пользователем чрезмерного количества персональной информации неопределенному кругу лиц в соцсети.

Согласно «классическому» определению Д. Бойд, социальные интернет-сети – это «сетевые услуги, которые позволяют частным лицам строить общественные или полуофициальные профили в пределах ограничений, наложенных системой, определять список других пользователей, с которыми они могут общаться и делиться информацией, просматривать и связывать их список контактов с другими созданными пользователями внутри системы» [4].

Наиболее популярными в нашей стране являются такие социальные интернет-сети, как «Facebook», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир» и другие.

В данных соцсетях пользователи, пройдя несложную процедуру регистрации, создают свои страницы, на которых публикуют на первый взгляд безобидную личную информацию. В каждой соцсети пользователю предлагается заполнить анкету (предпочтительно наиболее полным образом – заполнив все предлагаемые сервисом графы), чтобы облегчить другим пользователям сети опцию поиска его страницы, по заданному им критерию.

Часто пользователи размещают на своих страницах личные фотографии, на которых хорошо различим интерьер их квартиры, а также имущество, находящееся там.

В рамках некоторых сервисов также предлагается отметить на карте место (вплоть до конкретного адреса), где была сделана фотография.

Таким образом, доверчивый пользователь соцсети демонстрирует свое имущество и указывает приблизительный адрес своего жилища.

Далее необходимо обратить внимание на такой сервис соцсетей, как определение устройства, с которого пользователь выходит в сеть Интернет. В случае, когда пользователь находится в соцсети с мобильного телефона, эти данные отражаются на его странице. Кроме того, в приложениях соцсетей предусмотрена такая функция, как определение местоположения «друзей, находящихся поблизости».

Многие пользователи также неосмотрительно сообщают дополнительные сведения о своем местоположении, размещая соответствующую информацию в графе статус либо подписываясь на участие в массовых мероприятиях, дата, время и место проведения которых также публикуются в соцсети.

Пользователи часто указывают на страницах свои номера телефонов, а также место работы. Кроме того, интересующую информацию можно получить непосредственно от самого пользователя путем личной переписки.

Квартирные воров освоили новый способ вычислять отсутствующих дома жильцов. Для этого группировки профессиональных квартирных воров начинают сотрудничать с хакерами, которые взламывают наиболее распространенные социальные сети, устанавливая состоятельных посетителей и из переписки узнают, когда люди уезжают на отдых.

Разумеется, такое обилие информации не могло не привлечь внимание лиц, совершающих кражи из жилищ, а также иных преступников.

«Социальные сети уже давно используются злоумышленниками всех мастей для совершения преступлений, – подтверждает Илья Сачков, генеральный директор компании Group-IB, участвующей в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий. – Исследование, проведенное в Великобритании, показало, что четыре из пяти ограблений совершаются при помощи Twitter и Facebook. У нас в стране такая статистика не ведется, но практика показывает, что российские преступники не отстают от зарубежных «коллег» в использовании информационных технологий. Личные страницы в соцсетях часто позволяют получать сторонним пользователям значимую информацию о каждом из нас. Многие люди публикуют на своих страницах фотографии машин, техники, ювелирных украшений и других дорогих вещей. Такие фотографии представляют несомненный интерес для преступников и могут использоваться при выборе жертвы для ограбления». При этом существует возможность автоматизировать поиск по тем же статусам. Специальная программа может осуществлять поиск пу-

бликаций, например, со словом «отпуск» или «holidays», на выходе предоставляя подборку пользователей, находящихся на отдыхе. Злоумышленникам остается лишь выяснить адрес [5].

Так, показательным стало уголовное дело в отношении Р. Ли, Н. Пруго и др., которые совершали кражи с незаконным проникновением в жилище группой лиц по предварительному сговору в период с октября 2008 года по август 2009 года. Ущерб от совершенных ими преступлений составил около 3 миллионов долларов. Данные лица использовали информацию о своих жертвах, размещенную в интернете, в том числе на их страницах в социальных сетях. На допросе в ходе предварительного расследования по делу Н. Пруго заявил, что благодаря открытым интернет-источникам (прежде всего соцсетям) они собрали информацию более чем о 50 домах – их владельцах и имуществе, однако не смогли реализовать преступный умысел, направленный на совершение краж из указанных домов, поскольку были арестованы сотрудниками полиции [6; 7].

Согласно статистическим данным американских исследований, в США число краж из жилищ, в ходе приготовления к совершению которых использовались данные, полученные в социальных интернет-сетях, в период с 2008 по 2012 годы возросло на 12% и составило около 17%. Сходными по содержанию являются и статистические показатели британских исследователей, согласно которым с применением персональных данных пользователей соцсетей в Великобритании за последний год совершено не менее 15% краж из жилищ [8].

Можно предположить, что число преступлений, совершаемых с использованием интернет-ресурсов, в ближайшей перспективе при отсутствии массовой виктимологической профилактики по данному вопросу будет постепенно возрастать как в России, так и за рубежом, поскольку соцсети становятся все более популярными средствами проведения досуга и обмена информацией, пользователи становятся более активными и открытыми участниками сети.

Таким образом, активное участие граждан в социальных сетях, проявляющееся в предоставлении значительного объема информации о себе в свободном доступе, является современной вариацией классического виктимного поведения, когда лицо по неосмотрительности, не осознавая возможных негативных последствий своих действий, пренебрегает разумными мерами безопасности.

Распространение практических рекомендаций о безопасном использовании соцсети как основная мера виктимологической профилактики активного участия пользователей

В отечественной криминологии предупреждение преступности (профилактика) рассматривается как социальная система, целостный процесс, включающий общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение. При этом единого взгляда на соотношение понятий предупреждения и профилактики преступлений в настоящее время не существует. Одни ученые считают их равнозначными, другие рассматривают профилактику как часть предупреждения, относя к последнему также предотвращение и пресечение преступлений.

На общесоциальном уровне виктимологическое предупреждение преступлений осуществляется за счет мер экономического, политического, идеологического, организационного, правового характера, не имеющих специальным назначением борьбу с преступностью и, в частности, профилактику преступлений. Однако эти

меры (в перспективе) объективно обеспечивают создание условий, снижающих риск совершения преступлений, устраняющих криминогенные и виктимогенные факторы.

Специально-криминологическое предупреждение преступлений включает меры, непосредственно направленные на решение профилактических задач. В сферу применения этих мер попадают не только преступники и лица, от которых можно реально ожидать совершения преступлений, но и жертвы (состоявшиеся и потенциальные), а также обстановка, в которой они формируются в этом своем качестве и проявляются (или могут проявиться) как действующие лица ситуаций преступлений. Специально-криминологическое предупреждение преступлений также делится на общее и индивидуальное [9].

Виктимологическая профилактика, как неотъемлемая часть специального-криминологического предупреждения, направлена на предупреждение такого поведения жертвы, которое может стать детерминантой совершения преступления, и включает в себя систему мер, направленных на снижение индивидуальной и массовой виктимности посредством устранения негативных виктимных предрасположений, активизации защитных возможностей потенциальных жертв преступлений и обеспечения их безопасности [10].

К общим мерам виктимологической профилактики относится разработка и распространение профилактических рекомендаций, направленных на предупреждение конкретных видов преступлений с учетом факторов виктимности.

В настоящее время создатели и владельцы соцсетей не публикуют никаких рекомендаций относительно соблюдения базовых правил персональной безопасности пользователями, многие граждане не осведомлены о возможности использования информации, опубликованной на их странице, лицами, совершающими преступления.

Попытки разработать рекомендации по безопасному участию в социальных сетях осуществлялись и за рубежом, однако единых рекомендаций выработано не было [11].

Полагаем, что в социальных сетях (таких, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook» и т.д.) является целесообразным с точки зрения виктимологической профилактики размещение адресованных гражданам рекомендаций о безопасном использовании социальных сетей. Требуется нормативное закрепление обязанности владельца социальной сети разместить указанные рекомендации. Размещение соответствующей информации должно производиться администратором интернет-ресурса, для чего целесообразно выделить раздел «персональная безопасность пользователя» в рубрикаторе соцсети, где должен публиковаться не только текст памятки, но и иллюстрированное руководство по ее реализации с помощью функций и программ соцсети.

Можно предложить следующие рекомендации гражданам:

- ограничить свободный доступ к персональной странице в социальной интернет-сети, т.е. по возможности закрыть основную массу информации, содержащуюся на странице для просмотра незнакомых пользователей (например, сделать доступной «только друзьям» опцию просмотра фотографий, содержащихся в фотоальбомах, написания личных сообщений и т.д.);

- не добавлять в «друзья» незнакомых лиц, проверять наличие общих друзей, уточнять цель обращения

к Вам данного пользователя, изучать информацию, размещенную на его странице в соцсети;

– не выставлять статусы о местоположении и планах, об отсутствии в жилище, не указывать прямо или косвенно время отсутствия (например, «ура, отпуск... улетаю в Турцию», «Сегодня в клубе N super-party, кто со мной» и т.д.);

– не указывать информацию об участии в публичных мероприятиях (в том числе проводимых группами соцсетей), не вступать в диалог с незнакомыми лицами относительно достоверности вашего участия (например, 15.01.2014 г. с 16.00 до 18.00 состоится флешмоб, сбор у кинотеатра «Россия» в 15.45);

– стараться не выходить в соцсети с мобильного телефона, в случае такого выхода не активировать приложение «определение местоположения друга»;

– не публиковать фотографии, на которых видна домашняя обстановка, особенно бытовая техника, демонстрируются предметы роскоши и дорогостоящее имущество;

– не указывать адрес и номер телефона, размещать минимум личной информации (например, сведения о работе или учебе и т.д.);

– удалять личную переписку с «друзьями» сразу после ее окончания (особое внимание уделить сообщениям, в которых Вы напоминаете другу свой домашний адрес);

– регулярно менять пароль вашей страницы, устанавливать «сложные пароли» (состоящие из большого количества символов, возможно смешение языковых символов, букв и цифр и т.д.);

– не давать друзьям и знакомым логин и пароль своей страницы в соцсетях, не использовать функцию сохранения персональных логина и пароля при выходе в соцсеть с чужого устройства и т.д.

Необходимо соблюдать определенные границы и остерегаться сообщать слишком много персональных сведений о себе в Интернете.

Полагаем, что применение вышеизложенных рекомендаций на практике позволит снизить риск совершения краж с незаконным проникновением в жилище, с использованием информации полученной из социальных интернет сетей, в отношении лиц, их соблюдающих.

Заключение

В настоящее время кражи, совершаемые с незаконным проникновением в жилище, являются актуальной проблемой российского государства, о чем свидетельствует их распространенность и ущерб, причиняемый данными преступлениями.

Во многом совершение краж из жилищ обусловлено виктимным поведением граждан. Это происходит, когда жертвы ведут аморальный или противоправный образ жизни, а также в случаях правомерного поведения, которое характеризуется отсутствием должного уровня осмотрительности и нежеланием предвидеть последствия своих легкомысленных действий.

С появлением и популяризацией социальных интернет-сетей к традиционным факторам виктимного поведения граждан добавился фактор активного участия в соцсетях, который характеризуется чрезмерной открытостью пользователя, т.е. выкладыванием в сеть большого количества персональной информации, которая может быть использована в целях совершения краж с незаконным проникновением в жилище.

Наиболее характерные ошибки пользователей заключаются в обозначении своего местоположения, указании адреса и (или) телефона, места работы (учебы), а также в демонстрации фотографий, на которых запечатлено ценное имущество.

Подобная информация на сегодняшний день активно используется лицами, совершающими кражи с незаконным проникновением в жилище, как в России, так и за рубежом. Однако в России в настоящее время официальной статистики по данному вопросу не ведется.

Вместе с тем соблюдение элементарных мер безопасности при использовании социальных сетей может предотвратить совершение кражи из жилища с применением информации полученной на данных сайтах.

В рамках виктимологической профилактики необходимо распространение практических рекомендаций, адресованных пользователям соцсетей, в том числе с введением требования обязательного размещения указанных рекомендаций в приложениях социальных интернет сетей.

Список литературы

- 1 По материалам ГИАЦ МВД России. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEY.pdf (дата обращения 19.09.2014).
- 2 Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений: учебное пособие. – Л., 1975.
- 3 Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – СПб., 2002.
- 4 Ефимов Е. Г. Кузнецов А. А. Виды кризисного потенциала социальных сетей как региональных социально-экономических систем // Всероссийская научно-практическая конференция «Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве», 28-29 октября 2011 г. – Волгоград, 2011. – С.144-145.
- 5 Сухотин А. Домушники: национальная специализация и объемы работ. URL: <http://www.newsland.ru> (дата обращения: 10.09.2014).
- 6 URL: <http://Allen.N.Hollywood.Bling.Ring.burglar.jailed/The.Daily.Telegraph.London>. Retrieved (2010-05-11) (дата обращения 19.09.2014).
- 7 Аналогичными методами в России пользуются коллекторы. Согласно информации, опубликованной в интернет-издании «Интерфакс», сегодня многие банки и коллекторские агентства широко используют практику поиска недобросовестных заемщиков через такие популярные социальные сети, как «Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой круг» и другие. URL: <http://money.newsru.com/article/26dec2007/collectors> (дата обращения 19.09.2014).
- 8 Roberts L. Facebook status updates are 'burglary risk'. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-birmingham-12062331> (дата обращения 19.09.2014); Facebook security breach revealed. URL: <http://www.bbc.co.uk/newsbeat/11565948> (дата обращения 19.09.2014); Embarrassing Facebook bug exposed. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/10099178> (дата обращения 19.09.2014).
- 9 Антонян Ю. М. Организация профилактики правонарушений: Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивной преступности: курс лекций. Лекция 25 / под ред. Г.А. Аванесов. – М., 1977. – С. 28; Аванесов Г. А. Криминология. – М., 1984. – С. 333-335; Бышевский Ю.В. Кражи и их предупреждение. – Омск, 1980. – С. 30; Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – М., 2013. С. 185; Курганов С.И. Криминология. – М., 2007. – С. 80.; Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб., 2008. – С. 304; Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – М., 2012. – С. 435.
- 10 Бумаженко Н. И. Виктимология: учебно-методическое пособие. – Витебск, 2010.
- 11 Police warn of burglary risk from social media sites. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-12070679> (дата обращения 20.09.2014); Click's Facebook security advice. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/click_online/7376547.stm (дата обращения 20.09.2014); Harris M. Christmas Warning – Burglary Danger from social networking sites. URL: <http://techieminx.com/christmas-warning-burglary-danger-from-social-networking-sites.html> (дата обращения 20.09.2014).

М.М. Басимов
Курганский государственный университет

А.А. НАВАЛЬНЫЙ В НЕЛИНЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНТОВ И ТРИВИАЛЬНОСТЬ ЛИНЕЙНОЙ КАРТИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассмотрены политические предпочтения студенческой молодежи, центральным параметром которых выбран параметр «Отношение к А.А. Навальному», даны подробные интерпретации отобранных в контексте статьи нелинейных зависимостей. Показана тривиальность линейного подхода и малосодержательность полученных с применением корреляционного анализа результатов, а значит, необходимость нелинейных моделей в политической социологии.

Ключевые слова: политические предпочтения, зависимость, нелинейный, максимум, сравнительная весомость, коэффициент силы связи, триады, кварталы.

М.М. Basimov
Kurgan State University

A.A. NAVALNY IN THE NONLINEAR STRUCTURE OF STUDENTS' POLITICAL PREFERENCES AND TRIVIALITY OF THE LINEAR PICTURE IN POLITICAL SOCIOLOGY

Abstract. The article discusses the political preferences of undergraduate students, with a central parameter of Attitudes towards A.A. Navalny. The work provides the detailed interpretation of nonlinear dependencies selected in the context of the article. Also shown are the triviality of linear approach and little significance of the results obtained using the correlation analysis, and hence the value of nonlinear models in political sociology.

Keywords: political preferences, dependence, nonlinear, maximum, comparative weightiness, connection strength factor, triads, quarters.

В условиях современного мира линейное мышление, до сих пор доминирующее в некоторых областях науки, становится принципиально недостаточным и

даже опасным в нелинейной сложной реальности [13]. А «**Нелинейность**» – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе социологического исследования. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности [1].

При этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает последний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [14; 15; 16; 17]) только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности, и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

В рамках плана работы социологической лаборатории КГУ (Курганский государственный университет) было проведено социологическое исследование феномена «гражданского брака» и проблемы формирования его образа под влиянием политических установок студентов (традиционный анализ экспериментальных результатов был представлен в дипломной работе Е.Ю. Грибовой).

Для изучения связей (линейных и нелинейных) были отобраны или построены 24 интервальных (порядковых) параметра:

- 1 Отношение к гражданскому браку.
- 2 Приемлемость гражданского брака как формы отношений.
- 3 Возможность рождения ребенка в гражданском браке.
- 4 Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка.
- 5 Интерес к политике.
- 6 Участие в обсуждении политических вопросов в своем окружении.
- 7 Отношение к партии «Единая Россия».
- 8 Отношение к партии «Справедливая Россия».
- 9 Отношение к партии ЛДПР.
- 10 Отношение к партии КПРФ.
- 11 Отношение к партии «Яблоко».
- 12 Отношение к В.В. Путину.
- 13 Отношение к Д.А. Медведеву.
- 14 Отношение к В.В. Жириновскому.
- 15 Отношение к Г.А. Зюганову.
- 16 Отношение к М.Д. Прохорову.
- 17 Отношение к С.М. Миронову.
- 18 Отношение к А.А. Навальному.
- 19 Удовлетворенность результатами голосования на выборах в ГосДуму РФ.
- 20 Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ.
- 21 Удовлетворенность работой президента РФ В.В. Путина.
- 22 Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ.
- 23 Возраст.
- 24 Субъективная оценка своего материального положения.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [5] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 4] для квантильных разбиений (триады, кварталы, квинты), данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы дан-

ных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [3].

При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Но перед тем, как перейти к рассмотрению конкретных нелинейных социологических систем, рассмотрим одну показательную зависимость из идеализированной математической задачи, где каждый из параметров представляет собой значения одной из 36 элементарных функций в интервале, симметричном относительно нуля, с равномерным шагом аргумента. Для изучения зависимостей между этими функциями был применен наш статистический метод изучения связей [6]. Коэффициенты силы связи SV нормируются таким образом, чтобы значение $SV=1$ соответствовало бы единичной линейной корреляции $R=1$, полученной для линейной функции (например, $Y=X$).

Рассмотрим четную функцию (зависимость $Y=X^2$ от X), для которой коэффициент линейной корреляции равен нулю, но в то же время не только нельзя сказать, что связь между переменными отсутствует, а следует отметить, что она очень сильная.

Зависимость параметра $Y=X^2$ от параметра X в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X :

X-1 ($Y= +3720$); X-2 ($Y= -3798$); X-3 ($Y= -3798$); X-4 ($Y= +3720$)

Коэффициент силы связи = 1.69

Коэффициент корреляции = 0

В дополнение мы предлагаем программно реализованный метод классификации зависимостей. Для классификации определены виды зависимостей: 10 для триад и 28 для кварт. Основные типы зависимостей: зависимости с максимумом и минимумом, возрастающие и убывающие, но далеко не линейные, колебания max-min и min-max. В каждом типе содержится различное количество (от 2 до 9) видов зависимостей (для триад меньше, для кварт больше), которые определяются симметричностью, общей возрастающей или убывающей тенденцией, сдвигом влево или вправо, равномерностью изменения. Классификация проходит по определенным критериям. Зависимости, попавшие ни в один из видов зависимостей, приводятся в конце отдельным списком и также могут быть интерпретированы.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [3] апробировалось также нами в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков (юношей) [7; 8], этнопсихология [9; 10], психология профессий [11], психология стресса [12] и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричные, для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования.

Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

Поэтому в рамках применения нашего метода для выявленных линейных зависимостей мы выбираем только один вариант из двух симметричных по линейной корреляции упорядоченных представлений зависимостей, которые попали под условия отбора сильных связей.

Всего была выявлена 21 сильная линейная (близкая к линейной) зависимость. Линейные зависимости, как правило, связывают родственные параметры, они легко предсказуемы, а значит, не представляют большого эвристического интереса для исследователя.

Но именно такие зависимости человек в силу своей обычной исследовательской логики предвидит, формулирует в виде гипотез исследования, логически выводит, и ему часто кажется, что других закономерностей просто не существует. А более сложные закономерности социологического (и не только) содержания в основном непредсказуемы и требуют экспериментального изучения, дальнейшей аналитической работы, которая не ограничивается линейными представлениями.

Чтобы подчеркнуть сказанное, перечислим все выявленные сильные линейные зависимости, для удобства объединяя их в 7 смысловых групп:

1 Связь параметра «Удовлетворенность работой президента РФ В.В. Путина» с 6 параметрами:

- «Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ»;
- «Удовлетворенность результатами голосования на выборах в ГосДуму РФ»;
- «Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ»;
- «Отношение к В.В. Путину»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву»;
- «Отношение к партии «Единая Россия»».

2 Связь параметра «Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ» с 4 параметрами:

- «Удовлетворенность результатами голосования на выборах в ГосДуму РФ»;
- «Отношение к В.В. Путину»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву»;
- «Отношение к партии «Единая Россия»».

3 Связь параметра «Удовлетворенность результатами голосования на выборах в ГосДуму РФ» с 4 параметрами:

- «Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ»;
- «Отношение к В.В. Путину»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву»;
- «Отношение к партии «Единая Россия»».

4 Связи пар параметров:

- «Отношение к В.В. Путину» и «Отношение к партии «Единая Россия»»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву» и «Отношение к партии «Единая Россия»»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву» и «Отношение к В.В. Путину».

5 Связи пар параметров:

- «Приемлемость гражданского брака как формы отношений» и «Отношение к гражданскому браку»;
- «Участие в обсуждении политических вопросов в своем окружении» и «Интерес к политике».

6 Связи пар параметров:

- «Отношение к В.В. Жириновскому» и «Отношение к партии ЛДПР»;
- «Отношение к Г.А. Зюганову» и «Отношение к партии КПРФ».

Линейные зависимости могут пригодиться лишь в

одном. Это контроль искренности ответов респондентов, проверка результатов на отсутствие фальсифицированных ответов по анкете (аналог психологическим шкалам на лживость).

В выбранном для демонстрации нелинейной природы социологической информации исследовании сильных нелинейных зависимостей выявлено 122. Из них для триад независимой переменной выявлено 28 сильных нелинейных зависимостей (9 с максимумом, 3 с минимумом по критериям классификации); для кварт – 94 (из них 32 с максимумом, 9 с минимумом, 13 в виде колебаний). Среди нелинейных связей для качественного анализа мы отбираем только те случаи, когда наши коэффициенты силы связи $SV > 0.5$, а линейные корреляции по модулю в 2 и более раза их меньше (близки к нулю).

В рассматриваемом социологическом исследовании изучались отношения к институту «гражданского брака», а также политические предпочтения студенческой молодежи. Для анализа связей мы построили 24 количественных параметра, один из которых, «Отношение студенческой молодежи к А.А. Навальному», стал предметом интерпретаций в рамках настоящей статьи. Все рассматриваемые ниже зависимости далеки от линейной модели и представляют интерес в рамках синергических представлений.

Но перед тем как перейти к зависимостям, в которых фигурирует А.А. Навальный, рассмотрим вначале две различные по форме (с максимумом и минимумом) зависимости отношения респондентов к традиционным политическим лидерам последнего десятилетия.

Зависимость параметра «Отношение к В.В. Путину (Y)» от параметра «Отношение к Г.А. Зюганову (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (Y = +13); X-2 (Y = +471); X-3 (Y = -1149)

Коэффициент силы связи = 0.61 (0.09)

Коэффициент корреляции = -0.08

Положительное отношение к В.В. Путину увеличивается по сравнительной весомости (с +13 до +471) при увеличении принятия Г.А. Зюганова на начальном этапе (при переходе с низкого уровня на средний). В дальнейшем при принятии Г.А. Зюганова на высоком уровне (предпочтение на выборах) наблюдается резкий спад в принятии В.В. Путина до значений значительно меньших первоначальных значений (-1149 по сравнительной весомости). Первоначальный совместный рост положительного отношения к двум политикам можно объяснить как появление у респондентов интереса к политике и политическим лидерам, в дальнейшем мы наблюдаем, как парламентские антиподы (власть и оппозиция) дистанцируются в восприятии молодых респондентов. При этом следует отметить, что независимый параметр – это принятие оппозиционного лидера (Г.А. Зюганова), т.е. высокий уровень положительного отношения к одному из лидеров оппозиции способствует крайне резкому падению отношения к представителю власти (В.В. Путину). Обратная зависимость крайне слабая (коэффициент силы связи 0.09), и отношение к В.В. Путину не формирует отношения к Г.А. Зюганову. Таким образом, эта зависимость с небольшим максимумом и общей убывающей тенденцией.

Следующая зависимость противоположного плана в сравнении с предыдущей. Это зависимость с минимумом и общей крайне значительной возрастающей динамикой при сравнении 1 и 3 триады независимого параметра.

Зависимость параметра «Отношение к В.В. Жириновскому (Y)» от параметра «Отношение к С.М. Миронову (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (Y = -111); X-2 (Y = -652); X-3 (Y = +1146)

Коэффициент силы связи = 0.68 (0.20)

Коэффициент корреляции = 0.14

В рассматриваемой зависимости на первом этапе с увеличением принятия С.М. Миронова (переход с 1 триады на 2 триаду) наблюдается достаточно значительный спад (с -111 до -652 по сравнительной весомости) принятия В.В. Жириновского. Но в дальнейшем картина резко меняется, и высокий уровень отношения к С.М. Миронову является причиной принятия и В.В. Жириновского (+1146 по сравнительной весомости). Обратная зависимость слабая, и принятие лидера ЛДПР не оказывает ощутимого влияния на принятие лидера «Справедливой России».

Таким образом, при слабом интересе к рассматриваемым политическим лидерам они антиподы в отношении респондентов, но в дальнейшем в восприятии респондентов они объединяются (путь от принятия С.М. Миронова к принятию В.В. Жириновского, но не наоборот) как представители оппозиции.

Перейдем теперь к рассмотрению проблемы формирования интереса к политической фигуре А.А. Навального, как политическому лидеру новой формации, порожденному политической обстановкой в России в последние 3-4 года. Отношение к А.А. Навальному одинаково зависит от принятия как представителя власти (Д.А. Медведева), так и разноплановых представителей многолетней парламентской оппозиции (В.В. Жириновский и Г.А. Зюганов). Обратные зависимости слабые, т.е. принятие А.А. Навального не оказывает заметного влияния на формирование отношений к лидерам различных парламентских партий. Сила связи наибольшая для принятия студенческой молодежью В.В. Жириновского (0.94), наименьшая для принятия Д.А. Медведева. Разберем подробно эти зависимости и зависимости, близкие им по содержанию (с параметром «Отношение к А.А. Навальному»).

1 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к Д.А. Медведеву (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (Y = -107); X-2 (Y = +970); X-3 (Y = +45)

Коэффициент силы связи = 0.59 (0.19)

Коэффициент корреляции = 0.11

Положительное отношение к А.А. Навальному увеличивается по сравнительной весомости (с -107 до +970) при увеличении принятия Д.А. Медведева на начальном этапе (при переходе с низкого уровня на средний). В дальнейшем при принятии Д.А. Медведева на высоком уровне (предпочтение на выборах) наблюдается резкий спад в принятии А.А. Навального до значений близких к первоначальным значениям (+45 по сравнительной весомости). Первоначальный совместный рост положительного отношения к двум политикам можно как и раньше объяснить как появление у респондентов интереса к политике и политическим лидерам, а в дальнейшем мы наблюдаем, как властные и площадные антиподы (власть и непарламентская оппозиция) дистанцируются в восприятии молодых респондентов. При этом следует отметить, что зависимый параметр в этом случае, как и в следующих двух зависимостях, – это принятие непарламентского оппозиционного лидера (А.А. Навального), т.е. высокий уровень положительного отношения к лидеру одной из парла-

ментских партий способствует крайне резкому падению отношения к представителю неформальной оппозиции А.А. Навальному. Обратная зависимость слабая (коэффициент силы связи 0.11), и отношение к А.А. Навальному не формирует отношения к представителю власти Д.А. Медведеву.

Таким образом, эта зависимость с практически симметричным максимумом. Для зависимостей с максимумом характерной особенностью является резкий спад зависимой переменной после первого этапа совместного увеличения зависимой и независимой переменных. Таким образом, максимальные значения зависимая переменная принимает при средних значениях независимой переменной. Это можно характеризовать как эффект насыщения и резкого изменения (бифуркации) складывающейся поначалу простой и легко интерпретируемой зависимости, когда линейные аппроксимации могут привести к упрощенному и ошибочному пониманию изучаемого явления.

2 Аналогичные по форме зависимости наблюдаются и для двух других независимых параметров, характеризующих отношения респондентов к лидерам двух парламентских (оппозиционных) партий: В.В. Жириновскому и Г.А. Зюганову.

2.1 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к В.В. Жириновскому (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (Y= -735); X-2 (Y= +899); X-3 (Y= -726)

Коэффициент силы связи = 0.95 (0.04)

Коэффициент корреляции = 0.07

Похожая картина связи наблюдается и для более детального решения задачи, когда независимый параметр разбивается на кварталы. Максимум наблюдается на второй четверти независимого параметра (+1225), присутствует общая положительная динамика: (-636) – 1 квартал; (-199) – 4 квартал.

2.2 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к В.В. Жириновскому (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -636); X-2 (Y= +1225); X-3 (Y= -308); X-4 (Y= -199)

Коэффициент силы связи = 0.76 (0.25)

Коэффициент корреляции = 0.07

Далее приведем зависимость родственную по содержанию, когда в качестве зависимой переменной выступает уже не В.В. Жириновский, а его партия ЛДПР.

3.1 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к партии ЛДПР (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (Y= -107); X-2 (Y= +440); X-3 (Y= -791)

Коэффициент силы связи = 0.52 (0.27)

Коэффициент корреляции = -0.01

В отличие от своего лидера для партии ЛДПР наблюдается большее значение (-107) параметра «Отношение к А.А. Навальному» для низкого уровня отношения к партии, поэтому можно говорить при наличии максимума для среднего уровня об общей отрицательной динамике отношения к А.А. Навальному при сравнении низкого и высокого уровня отношения к партии ЛДПР.

Похожая картина связи наблюдается и для более детального решения задачи, когда независимый параметр разбивается на кварталы. Максимум наблюдается на третьей четверти независимого параметра (+743), т.е. рост интереса к А.А. Навальному в единицах отношения

к ЛДПР более медленный, чем дальнейший его спад.

3.2 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к партии ЛДПР (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -450); X-2 (Y= +148); X-3 (Y= +743); X-4 (Y= -403)

Коэффициент силы связи = 0.51 (0.31)

Коэффициент корреляции = -0.01

В отличие от отношения к В.В. Жириновскому (симметричный максимум) для независимого параметра «Отношение к Г.А. Зюганову» наблюдается общая положительная динамика в принятии А.А. Навального (с -891 до -48 по сравнительной весомости).

4 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к Г.А. Зюганову (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (Y= -891); X-2 (Y= +778); X-3 (Y= -48)

Коэффициент силы связи = 0.73 (0.14)

Коэффициент корреляции = 0.28

Зависимость с несимметричным максимумом и общим возрастанием. Наблюдается значительно меньшее значение (-891) параметра «Отношение к А.А. Навальному» для триады низкого уровня отношения к Г.А. Зюганову, чем для триады высокого уровня (-48). Поэтому можно говорить при наличии максимума для среднего уровня об общей положительной динамике отношения к А.А. Навальному при сравнении низкого и высокого уровня отношения к Г.А. Зюганову.

Далее приведем зависимость родственную по содержанию предыдущей, когда в качестве независимой переменной выступает уже не Г.А. Зюганов, а его партия КПРФ. Зависимость между этими параметрами определена для кварт независимой переменной.

5 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к партии КПРФ (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -816); X-2 (Y= -160); X-3 (Y= +857); X-4 (Y= -69)

Коэффициент силы связи = 0.57 (0.20)

Коэффициент корреляции = 0.22

Картина связи напоминает предыдущую. Только теперь благодаря более детальному решению задачи, когда независимый параметр разбивается на кварталы, можно выделить два неравнозначных участка. Вначале близкий к линейному рост (с -816 до +857) зависимой переменной с 1 по 3 кварту независимой переменной (отношение к КПРФ), а потом спад параметра «Отношение к А.А. Навальному» на 4 четверти независимой переменной, но до значений (-69), значительно больших, чем первоначальные (-816) для 1 кварты.

Кроме рассмотренных были выявлены еще две зависимости, в которых причина (независимая переменная) – это отношение к одной из двух партий, причем одна представляет парламентское большинство – «Единая Россия», а другая – представляет парламентской оппозиции – «Справедливая Россия». Зависимости по виду как раньше – зависимости с максимумом.

6 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к партии Справедливая Россия (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -332); X-2 (Y= +4); X-3 (Y= +1285); X-4 (Y= +486)

Коэффициент силы связи = 0.53 (0.40)

Коэффициент корреляции = 0.22

Картина связи напоминает зависимость, когда в качестве независимой переменной выступало отношение к другой партии парламентской оппозиции КПРФ. Только теперь она (все 4 кварталы) сдвинута в положительном направлении по сравнительной весомости в направлении большего принятия А.А. Навального. Как и в зависимости с КПРФ вначале монотонный, но далеко не линейный рост (с -332 до +1285) зависимой переменной с 1 по 3 кварту независимой переменной (отношение к партии «Справедливая Россия»), а потом спад параметра «Отношение к А.А. Навальному» на 4 кварте независимой переменной, но до значений (+486) значительно больших, чем первоначальные (-332) для 1 кварты.

7 А вот для партии власти общей динамики практически не наблюдается. В результате статистического анализа получилась зависимость с практически симметричным максимумом (+1245).

7.1 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к партии Единая Россия (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (Y= -157); X-2 (Y= +1245); X-3 (Y= +9)

Коэффициент силы связи = 0.77 (0.25)

Коэффициент корреляции = 0.05

Зависимость для тех же параметров, но построенная для кварт независимой переменной имеет максимум на 3 кварте независимой переменной. Такая модель зависимости дает более слабую зависимость по силе связи.

7.2 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к партии Единая Россия (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -30); X-2 (Y= -604); X-3 (Y= +821); X-4 (Y= +168)

Коэффициент силы связи = 0.58 (0.46)

Коэффициент корреляции = 0.05

Но самая сильная зависимость (с коэффициентом силы связи = 1.33) параметра «Отношение к А.А. Навальному» наблюдается от параметра «Отношение к М.Д. Прохорову».

8 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к М.Д. Прохорову (X16)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -2025); X-2 (Y= +1912); X-3 (Y= +969); X-4 (Y= -259)

Коэффициент силы связи = 1.33 (0.47)

Коэффициент корреляции = 0.30

Низкий уровень принятия М.Д. Прохорова – это крайне низкие значения (-2025) параметра «Отношение к А.А. Навальному». Далее при переходе с 1 на 2 кварту принятия М.Д. Прохорова наблюдается рекордный рост интереса к А.А. Навальному (с -2025 до +1912). Дальнейший интерес к политике новой волны М.Д. Прохорову способствует (как и в случае других политиков) резкому падению интереса к А.А. Навальному, причем падение интереса близко к равномерному (вначале с +1912 до +969; потом с +969 до -259). Значение 4 кварты говорит об отсутствии интереса к А.А. Навальному (-259), но в то же время это значительно больше, чем непринятие А.А. Навального представителями 1 кварты респондентов с низким уровнем параметра «Отношение к М.Д. Прохорову».

И только одна зависимость была выявлена в нашем анализе, где зависимая переменная «Отношение к А.А. Навальному» зависит не от отношения к другим

политическим силам (партиям или политикам), а от параметра другого (чисто социального) плана.

9 Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Возможность рождения ребенка в гражданском браке (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +200); X-2 (Y= -80); X-3 (Y= +1355); X-4 (Y= -167)

Коэффициент силы связи = 0.70 (0.09)

Коэффициент корреляции = 0.09

Первые две кварты параметра «Возможность рождения ребенка в гражданском браке» никак не прогнозируют интерес к А.А. Навальному (сравнительные весомости +200 и -80). Но переход на 3 кварту очень резко поднимает интерес к оппозиционному политику (+1355). 4 кварта независимого параметра, когда респонденты высоко оценивают возможность рождения ребенка в гражданском браке, интерес к А.А. Навальному резко падает (-167) до значений несколько меньших, чем первоначальные (+200).

Отметим, что несмотря на некоторые отличия приведенных зависимостей, для них наблюдается одно общее свойство – это зависимости с максимумом, когда присутствует эффект насыщения и резкого изменения (бифуркации) складывающейся поначалу простой и легко интерпретируемой зависимости (зависимая и независимая переменные одновременно растут), в результате чего зависимая переменная начинает резко менять свою динамику с роста на быстрое уменьшение.

В заключение рассмотрим две зависимости, которые отличаются от всех предыдущих тем, что параметр «Отношение к А.А. Навальному» выступает как независимая переменная, как причина изменения других параметров.

1 Зависимость параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений (Y)» от параметра «Отношение к А.А. Навальному (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -283); X-2 (Y= +533); X-3 (Y= +122); X-4 (Y= -973)

Коэффициент силы связи = 0.51 (0.11)

Коэффициент корреляции = 0.07

Зависимость параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений» от параметра «Отношение к А.А. Навальному» представляет зависимость с максимумом на второй кварте независимого параметра (+533). Максимум относительно небольшой по значению. И при этом в дальнейшем мы видим быстрый спад зависимой переменной до значений, значительно меньших, чем первоначальные (-973) – характеристика явной неприемлемости гражданского брака как формы отношений. Таким образом, приемлемость гражданского брака как формы отношений в оценках молодежи растет только на первом шаге повышения интереса к А.А. Навальному. Дальнейший рост интереса к А.А. Навальному дает обратный результат, причем со значительно большей скоростью.

2.1 Зависимость параметра «Субъективная оценка своего материального положения (Y)» от параметра «Отношение к А.А. Навальному (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (Y= +594); X-2 (Y= -700); X-3 (Y= +166)

Коэффициент силы связи = 0.63 (0.10)

Коэффициент корреляции = -0.16

В модели зависимости для триад независимой переменной можно отметить наличие минимума в субъективной оценке своего материального положения для среднего уровня параметра «Отношение к

А.А. Навальному». Это единственный случай, в котором зависимость, где присутствует параметр «Отношение к А.А. Навальному», имеет минимум, а не максимум в качестве экстремума. На первом шаге модели зависимости для триад наблюдается падение субъективной оценки своего материального положения (с +594 до -700), после чего на следующем шаге динамика меняется на рост (с -700 до +166), но до значений значительно меньших, чем первоначальные (+166 против +594). Таким образом, наблюдается общая отрицательная динамика зависимого параметра от параметра «Отношение к А.А. Навальному», а наименьший интерес к политику показывают молодые респонденты, которые не могут отнести себя ни к богатым, ни к бедным, находятся в стадии формирования субъективной оценки своего материального положения.

Субъективная оценка своего материального положения представляется многомерной психологической дилеммой: что именно я считаю для себя высоким или низким уровнем материального положения, с чем его сравниваю, чего хочу и т.д. Поэтому зависимость для тех же параметров, но построенная для кварт независимой переменной дает несколько отличную от более простой модели для триад картину и более подробную динамику зависимой переменной. Можно также отметить, что и обратная зависимость: зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному» от параметра «Субъективная оценка своего материального положения» также представляет интерес (коэффициент силы связи = 0.5).

2.2 Зависимость параметра «Субъективная оценка своего материального положения (Y)» от параметра «Отношение к А.А. Навальному (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +392); X-2 (Y= +1183); X-3 (Y= -706); X-4 (Y= +271)

Коэффициент силы связи = 0.80 (0.50)

Коэффициент корреляции = -0.16

Минимум сдвигается на третью квартиру, а на второй кварте мы наблюдаем максимум. Колебание зависимого параметра говорит о сложности социальной зависимости в принятии фигуры А.А. Навального. Но при этом можно отметить, что респонденты крайних кварт – низкого и высокого уровня отношения к А.А. Навальному оценивают свое материальное положение на средних позициях. А вот для респондентов средних уровней (2 и 3 кварты) отношения к А.А. Навальному наблюдаются резкие колебания субъективного ощущения своего материального положения (+1183 и -706).

Полученные результаты позволяют говорить о содержательности выдвинутой проблемы для социологического исследования: анализ взаимовлияния мнений студентов о феномене «гражданского брака» и их политических предпочтений и установок. Политические предпочтения студенческой молодежи оказались предметом исследования прежде всего нелинейной социологии. Мы рассмотрели часть выявленных в исследовании зависимостей, для которых центральным параметром был выбран параметр «Отношение к А.А. Навальному». Для исследования в целом показана тривиальность линейного подхода и малосодержательность полученных с применением корреляционного анализа результатов, а значит, обращено внимание на необходимость нелинейных моделей в политической социологии.

Таким образом, **главным содержанием** проведенного исследования в плане изучения связей измеряемых параметров становятся зависимости, которые не

вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества. **Нелинейная социология** – это новый подход к изучению социологических явлений, ставящий своей главной задачей изучение специфически нелинейных свойств социальных явлений.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Список литературы

- 1 Князева Е. Н., Курдюмов С. П. *Основания синергетики. Синергетическое мировоззрение.* – М. : КомКнига, 2005. – С. 240.
- 2 Басимов М. М. *Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики.* – М. : Изд-во ИП РАН, 2005. – Вып. 3. – С. 128-157.
- 3 Басимов М. М. *Изучение статистических связей в психологических исследованиях: монография.* – М. ; Воронеж, 2008. – С. 432.
- 4 Басимов М. М. *Множественное сравнение в социологических исследованиях: монография.* – Курган : Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
- 5 Басимов М. М. *Нелинейная социология : монография.* – Курган : Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
- 5 Басимов М. М. *Математические методы в психологических исследованиях : монография.* – Курган : Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
- 6 Basimov M. M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph.* – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.
- 7 Басимов М. М. *Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии.* – 2007. – №2. – С. 83-93.
- 8 Басимов М. М. *Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии.* – 2007. – №4. – С. 142-158.
- 9 Басимов М. М., Хромов А. Б. *Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии.* – 2009. – №2. – С. 209-222.
- 10 Басимов М. М., Хромов А. Б. *Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ.* – 2010. – №2. – С. 140-155.
- 11 Басимов М.М. *Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология : научно-практический журнал.* – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.
- 12 Басимов М. М., Достовалов С. Г. *Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал.* – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.
- 13 Mainzer K. *Thinking in Complexity. The Complex Dynamics of Matter, Mind, and Mankind.* Berlin: Springer-Verlag, 1994. – P. 13.
- 14 Basimov M. M. *Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.*
- 15 Basimov M. M. *Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.*
- 16 Basimova P. M., Basimov M. M. *Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.*
- 17 Basimov M. M. *The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.*

М.С. Байутова

Курганский государственный университет

МНОГОЛИКОЕ ПРАВО В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Аннотация. В статье анализируются отдельные аспекты работы Л.И. Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» в целях включения философского наследия мыслителя в дискуссию по проблеме правового плюрализма.

Ключевые слова: правовой плюрализм, плюрализм источников права, позитивное право, интуитивное право, официальное право, неофициальное право.

M.S. Bayutova
Kurgan State University

MANY FACES OF LAW IN SOCIAL PHILOSOPHY OF LEON PETRAZYCKI

Abstract. This article analyzes some aspects of Leon Petrazycki's Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality in order to use the philosophical heritage of the thinker in the discussion on the problem of legal pluralism.

Keywords: legal pluralism, pluralism of sources of law, positive law, intuitive law, official law, unofficial law.

Л.И. Петражицкий (1867-1931) – яркая фигура социально-философской мысли, творчество которого исследуется в рамках разных проблем, прежде всего, проблемы природы права, соотношения права и нравственности, построения подлинной науки о праве, но к имеющимся можно добавить ещё одну – проблему правового плюрализма.

Термин «правовой плюрализм» появился в отечественных исследованиях в конце XX – начале XXI века. Однако отправным пунктом данной статьи в частности послужило утверждение В.И. Фатхи о том, что «теория правового плюрализма нашла своих сторонников в России значительно раньше» [1, 27], и обозначение в качестве такового Л.И. Петражицкого. Представляется, что обращение к идеям одного из основателей психологической теории права в данном смысле – это попытка включения отечественной социально-философской мысли в обсуждение проблемы правового плюрализ-

ма, возникшее и развивавшееся в XX веке преимущественно в европейской и американской социальной науке. В изложенной ниже статье автор обращается к произведению Л.И. Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», чтобы проанализировать высказывания мыслителя, представляющие ценность для указанной проблематики, и обосновать возможность обращения к творчеству Л.И. Петражицкого как предтечи правового плюрализма в России.

Тем не менее, в начале статьи необходимо обратить внимание на то, что, как уже было упомянуто, Л.И. Петражицкий принадлежал к числу основателей психологической теории права, и, как следствие, любое его высказывание следует анализировать сквозь призму указанной теории. Так, А.В. Попова пишет, что Л.И. Петражицкий исходил из точки зрения метафизического дуализма, согласно которому существует только два вида реальности – физическая и психическая, и в силу очевидной невозможности, в представлении мыслителя, причисления права к первой, он относит его ко второй [2, 119], и «реальными феноменами являются здесь именно...переживания, сочетания императивно-атрибутивных эмоций с...интеллектуальными элементами» [3, 84], представлениями внешнего и внутреннего поведения. Философ усматривал природу права в деятельности психики индивидов и, относя право к разновидности этических переживаний, предложил в качестве критерия отличия права от нравственности эмоциональный состав соответствующих переживаний (императивно-атрибутивные переживания, т.е. такие, где переживанию права на что-либо в психике одной из сторон отношений соответствует переживание долга, обязанности в психике второй, соответствующей, стороны, в отличие нравственности, чисто императивных переживаний). Можно заметить попутно, что не только Л.И. Петражицкий в своё время был предложен данный критерий различения права среди регуляторов поведения. В частности, такой мыслитель, как О. Эрлих, основатель теории «живого права», утверждал, что «вопрос о противоположности правовой нормы и внеправовых норм является вопросом не науки об обществе, а социальной психологии», и указывал, что «различные виды норм вызывают различные оттенки чувств, и мы отвечаем на нарушение различных норм своеобразно и с различными эмоциями», а «правовая норма является собственно чувством, для которого юристы нашли такое характерное название – «*opinio necessitatis*»¹, по которому её и можно отличить от других норм [4, 501]. Однако, как можно видеть, сущность эмоций, характеризующих такой регулятор поведения, как право, у Л.И. Петражицкого и О. Эрлиха значительно различается и, кроме того, если это «единственный критерий для разграничения, который смог предложить» [5, 134] последний, то для первого – это основа построения теории о природе права.

Так, Л.И. Петражицкий, выстраивая логически последовательную теорию права, указывает, что право в юридическом смысле (та группа явлений, которую юристы привыкли называть правом) не только не пред-

¹ В римском праве – народное убеждение в правильности того или иного установления, в необходимости исполнять такое установление и поступать соответствующим образом // Эрлих О. Основоположение социологии права // Эрлих О. Основоположение социологии / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. – СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. – С.501.

ставляет класса, пригодного для построения теории, но и вообще не является классом явлений. Философ, опираясь на собственное понимание права, призывает расширить его определение, обратившись к исследованию таких явлений, «находящихся вне сферы ведения и вмешательства со стороны государственных законов, судов и иных официальных учреждений и начальства» [3, 87], как бесчисленные правила разных игр; правила вежливости, этикета (например, «дуэльное право»); право, которое действует в области дружбы, любви («любобное право»); «детское право» (указывая, что «детская психика обнаруживает в разных отношениях сродство с правовой психикой менее культурных народов или менее культурных слоёв и классов общества» [3, 93]); а также право преступных организаций (преступное право); право, действующее в психике отдельных элементов народонаселения, классов общества, например, религиозных, племенных групп; суеверное и патологическое право (соответствующие психические явления в правовой психике душевнобольных) и т.д.

Серьёзное внимание в своей теории права Л.И. Петражицкий уделил его видам. Так, мыслитель указывает, что важнейшими подклассами общего рода таких правовых явлений, как императивно-атрибутивные переживания, могут быть названы интуитивное и позитивное право, а также официальное и неофициальное.

Интуитивное и позитивное право как подклассы одного рода явлений обладают общими свойствами права как такового, главным образом, императивно-атрибутивной эмоциональной природой соответствующих переживаний, отличием от нравственности как чисто императивных переживаний и т.д. Главное различие между интуитивным позитивным правом заключается в интеллектуальном составе интуитивного права, «в сознании... обязанности соответствующего поведения независимо от каких бы то ни было посторонних авторитетов» [3, 382], в опоре исключительно на индивида, в отличие от позитивного права, которое требует подобную ссылку, например, «потому что так поступали отцы», «потому что так написано в законе» и т.д. Однако Л.И. Петражицкий не довольствуется одним этим отличием и развивает учение об интуитивном праве, в рамках которого выделяет его дополнительные особенности в сравнении с позитивным. Так, мыслитель указывает на индивидуальный характер интуитивного права, большую обусловленность «условиями и обстоятельствами жизни каждого, его характером, воспитанием, образованием, социальным положением, профессиональными занятиями, личными знакомствами» и т.д., тогда как позитивное право предлагает «однообразный шаблон правил для более или менее значительных масс людей» [3, 383]. Конечно, тут же оговаривает Л.И. Петражицкий, определённая общность условий развития интуитивно-правовой психики нескольких индивидов или масс людей ведёт к некоторому согласию содержания их интуитивного права, благодаря чему можно выделять, например, интуитивное право женщин, мужчин, детей или фабрикантов, рабочих, крестьян и других групп людей, но в целом «интуитивных прав столько, сколько индивидов» [3, 383]. Кроме того, интуитивное право учитывает обстоятельства каждого отдельного случая, житейской ситуации, оно не стеснено, подобно позитивному праву законными предписаниями или сложившимися обычаями и т.п., которое, как следствие, ведёт к подчинению сущности дела внешней форме. Меньший, в сравнении с позитивным правом, интеллектуальный состав позволяет, по мнению

Л.И. Петражицкого, применять его к большему количеству ситуаций, а, соответственно, сфера применения интуитивного права значительно шире, чем позитивного. А многие сферы общественной жизни вообще чужды позитивно-правового нормирования, считает философ, например, отношения с близкими, семейная, домашняя жизнь, области любви и дружбы и т.д. И даже больше – в тех сферах, которые регулируются позитивным правом, «фактически» люди руководствуются вовсе не им, а «указаниями своей интуитивно-правовой совести», обращаясь к позитивному праву лишь в исключительных случаях. В главе, посвящённой официальному праву России, Л.И. Петражицкий заявляет, что «Россия может быть... названа царством интуитивного права по преимуществу», где последнее «пользуется... по закону, и еще в большей степени, чем можно судить по словам закона, в действительности чрезвычайно большой, исключительно широкой сферой официального права» [3, 491]. Однако из приведённых утверждений вовсе не следует, что поле действия интуитивного права (и, в частности, в России) поистине безгранично, а его распространённость является достижением правовой жизни. Так, для начала Л.И. Петражицкий указывает, что встречаются вопросы поведения, разрешаемые позитивным правом, но которые при этом не находят ответа в интуитивно-правовой психике (мыслитель приводит в качестве примера порядок составления государственного бюджета)¹. Указывает Л.И. Петражицкий и на то, что очерчивание сферы действия интуитивного права – существенный вопрос для понимания правовой жизни. Однако далее Л.И. Петражицкий, на наш взгляд, произвольно, суживает сферу действия интуитивного права до «области отношений к другим, в которых дело идёт о причинении известного добра или зла... или распределения известных благ или зол между несколькими субъектами» [3, 389]. Впоследствии подобное определение позволило Л.И. Петражицкому в рамках его теории приравнять справедливость к интуитивному праву, в результате чего справедливость превратилась в «вид права». И эта концепция справедливости, по словам Е.В. Тимошиной, «относится к числу ключевых идей, воспринятых всеми... учениками» мыслителя, хотя и «получивших в их трудах различную интерпретацию» [6, 181].

Завершая обзор учения об интуитивном праве Л.И. Петражицкого и переходя к позитивному праву, можно ещё добавить и то, что интуитивное право не только более восприимчиво к определённой ситуации и определённому человеку и имеет более (или, скорее, менее) широкую сферу действия, но отличается большей изменчивостью и приспособляемостью в процессе развития общественной жизни. Позитивное же право, в частности, из-за фиксированности своего содержания фактами прошлого (особенно, как указывает

¹ Видимо, здесь можно указать автору на явное противоречие в его теории, ведь всего несколькими страницами ранее в «Теории права и государства в связи с теорией нравственности» утверждалось о том, что «интуитивных прав столько, сколько индивидов». Кроме того, вопрос об отсутствии или наличии отклика в интуитивно-правовой психике на тот или иной аспект социальной жизни может быть решён только с применением надлежащей методологии, о которой Л.И. Петражицкий также было указано – в частности, путём использования интроспекции. Соответственно, мыслитель здесь не может судить об отсутствии у всех индивидов внутреннего отклика интуитивно-правовой психики, опираясь только на свой собственный интроспективный опыт, пусть в произведении он и не ссылается на него в качестве теоретической основы.

Л.И. Петражицкий, в обычном праве, где «чем святее, тем старее»), подвержено отставанию от различных сфер жизни или, напротив (например, в области законодательного права, которое зависит от усмотрения тех или иных лиц), подвержено необоснованным скачкам вперёд, когда соответствующие условия ещё не сложились – ни в народной психике, ни в той или иной сфере жизни.

Но, несмотря на все привлекательные черты интуитивного права, на почве его одного «не могла бы существовать и успешно развиваться нормальная социальная жизнь не только потому, что в таком случае не было бы надлежащей унификации правоотношений, не было бы социального мира и прочного порядка, но и потому, что многие области поведения, нуждающиеся в правовом нормировании, были бы вообще лишены такового вследствие неспособности интуитивного права доставить его» [3, 390]. И главное преимущество позитивного права перед интуитивным (предусмотрительно лишённого его мыслителем) в том, что оно может касаться любых сфер поведения, независимо от распределения добра или зла между теми или иными лицами.

Л.И. Петражицкий различает множество самых разнообразных видов позитивного права – в зависимости от того, на какой нормативный факт (составную часть интеллектуально-эмоциональных переживаний, которая указывает, почему обязательно поступать таким или иным образом – как, например, уже было указано, «потому что так написано в законе» и т.д.) имеется ссылка в данных позитивно-правовых переживаниях – и отвергает сведение позитивного права к законному праву, обычному праву и праву судебной практики. Кроме того, Л.И. Петражицкий отвергает обозначение видов позитивного права, прежде всего перечисленных в качестве «источников» права, утверждая, что есть лишь право и его виды (и, как следствие, философ предлагает учение об «источниках права» переименовать в учение о позитивном праве и его видах).

Л.И. Петражицкий называет следующие виды позитивного права. Первый вид – законное право (законы) – представляемые односторонние правовые распоряжения кого-либо, поскольку они вызывают соответствующие императивно-атрибутивные переживания в чьей-либо правовой психике. Законы отличаются от других видов позитивного права тем, что «здесь одно лицо или известная группа лиц может по своему усмотрению вызывать... в психике более или менее обширных масс такое право... какое ему или ей представляется...желательным, а равно устранять, отменять существующее право и производить разные другие изменения в чужой правовой психике и жизни» [3, 435].

Другой вид позитивного права – обычаи (обычное право) – императивно-атрибутивные переживания, которые ссылаются на соответствующее представляемое массовое поведение других как на нормативный факт. Обычное право делится мыслителем на «старообразное» («чем старее, тем святее») и «новообразное», которое тем неукоснительнее соблюдается, чем «более общепринятым и неуклонно соблюдаемым в подлежащей сфере представляется данное правовое поведение» [3, 438]. Представляется важным и то, каким образом Л.И. Петражицкий анализирует различные типы отношений между обычным правом и законом: «субординации», подчинения первого второму или наоборот, а также ещё один тип – «координации», отношения равенства обычаев и законов, отсутствия перевеса в сторону того или другого вида позитивного права. И по поводу последнего типа отношений автор позво-

лит себе довольно длинную цитату. Так, рассуждает Л.И. Петражицкий, отношение равенства не только не допустимо в качестве теоретического положения, но и «неприемлемо в качестве практического принципа, в качестве руководящего правила поведения для судов... Оно подрывало бы силу законов...противоречило бы задачам унификации права, установления определённого и прочного правопорядка, содействовало бы произволу и правовой анархии. При наличии в известной социальной среде обычного права, нормирующего известные области поведения иначе, чем полагается по закону...с точки зрения учения о равенстве закона и обычая следовало бы последовательно сказать, что, например, судьи могут свободно выбирать, как судить, по закону или обычаю, так что дело зависело бы от произвола, от вкусов и т.д. Господствующее учение не замечает этого логического следствия учения о равенстве законного и обычного права, потому что оно не предполагает возможности *двоеправия* (курсив – Баютова М.С.); для него обычное право отвергаемое законом, превращается в *не-право* (курсив – Баютова М.С.), «простые нравы» и т.п.» [3, 445].

Приведённые рассуждения, несмотря на то, что Л.И. Петражицкий отверг учение об «источниках права», вполне могут быть отнесены именно к теории плюрализма источников права в качестве одного из вариантов её трактовки, если можно так выразиться, «субъективного» (сквозь призму теории Л.И. Петражицкого о праве как продукте психической деятельности индивидов). Даже критический тон по отношению к явлению «двоеправия» схож с тоном представителя данной концепции, К.В. Заббарова, хотя для последнего его причина заключается в другом аспекте (в частности, в постановке под сомнение тесной связи права с государством, которая представляется критерием разграничения права от других социальных регуляторов [7], что для теории Л.И. Петражицкого не является камнем преткновения, поскольку природу права философ усматривает в совершенно иной области). Причём необходимо отметить, обозначенный выше как «субъективный» характер трактовки вовсе не будет означать её небольшой теоретической ценности. Так, например, Ж. Вандерлинден пытается обратить внимание теории правового плюрализма именно на отдельного человека, говоря, что «он и только он один находит самого себя в ситуации правового плюрализма...и это он тот, кто будет должен сделать выбор» между различными регуляторами при определении своего поведения и, соответственно, это «на его уровне...возможный конфликт в социально-правовом регулировании обретёт свой полный смысл» [8, 153]. И концепция Л.И. Петражицкого позволяет сделать это, поскольку, как отмечает, например, У.А. Блюдина, «благодаря ей человек представал не пассивным объектом правового регулирования, а активным внесударственным правосозидающим фактором» [9, 42].

Обычное право, согласно Л.И. Петражицкому, «наиболее косный и консервативный вид права» (особенно это относится к так называемым старообразным обычаям). Обычаи – это право, которое, в отличие от закона, смотрящего вперёд, всегда обращено в прошлое и сообразуется с условиями, которые были в прошлом. И чем более высокая ступень культуры достигается обществом в его развитии, тем более негативным фактором социальной жизни, по мнению мыслителя, становится обычное право: «орудие развития и поддержания социально-правового неравенства, кастовых и сословных привилегий, рабства и крепостного права, бесправия

женщин и т.д.» [3, 450]. Роковую роль обычное право сыграло и в России, замечает Л.И. Петражицкий, указывая на то, что освобождение крестьян от крепостной зависимости в XIX веке не сопровождалось включением их в «позитивное нормирование» и предоставлением для трёх четвертей народонаселения Российской империи «элементарных благ прочного позитивного правопорядка» [3, 452].

Среди других видов позитивного права Л.И. Петражицкий называет: 1) право судебной практики (императивно-атрибутивные переживания со ссылкой на практику тех или иных судов как на нормативный факт), которое мыслитель объединяет с правом отдельных преюдиций¹ в преюдициальное право, а также такой вид права, как юдициальное право – императивно-атрибутивные переживания со ссылкой на соответствующее судебное решение (самое сильное и авторитетное право среди видов позитивного права); 2) книжное право (правовые переживания со ссылкой в качестве нормативных фактов на продукты коллективной работы, например, Талмуд, шариат, законы Ману, или книги, написанные отдельными лицами – бывшими народными судьями, духовными лицами и т.д. – например, Саксонское зеркало); 3) право принятых в науке мнений и право учений отдельных юристов или групп их (например, философ указывает, что в своё время на изречения Гуго Гроция, сыгравшего важнейшую роль в становлении международного права, ссылались как на нормативные факты для вывода международных обязанностей и прав); 4) право юридической экспертизы; 5) право изречений религиозно-этических авторитетов (пророков, апостолов, святых, отцов церкви и т.д.) и право религиозно-авторитетных примеров, образцов поведения; 6) договорное право (правовые переживания со ссылкой на заключённый между сторонами договор) и право односторонних обещаний, а также право, ссылающееся на признание обязанной стороны; 7) программное право (в качестве примера которого Л.И. Петражицкий приводит, например, публичные сообщения отдельных государств в международных отношениях или партийные программы во внутренней политической жизни); 8) прецедентное право; 9) право юридических пословиц и поговорок (которое, по мнению Л.И. Петражицкого, иногда путают с обычным правом), а также общенародное право.

Представляется, что анализ указанных «видов права» в обозначении Л.И. Петражицкого и их взаимоотношений (применительно к сегодняшнему дню или в исторической перспективе) способствует построению подлинной теории плюрализма источников права и, в целом, развитию учения об источниках права, хотя необходимо постоянно помнить о той разнице смыслов, которые вкладывал Л.И. Петражицкий и вкладывает современная теория права в эти «виды», а также обратить внимание на обоснованность и возможность их выделения.

Другим делением права в теории Л.И. Петражицкого является деление на официальное и неофициальное право, где официальное право – «право, подлежащее применению и поддержке со стороны представи-

телей государственной власти» [3, 184], высший вид права по отношению к неофициальному праву – праву, лишённому подобной поддержки (к последнему Л.И. Петражицкий относит, в частности, международное право). Официальное право, согласно Л.И. Петражицкому, включает в себя не только позитивное право, но и многообразные виды интуитивно-правовых явлений. Кроме того, состав официального права у народов на разных ступенях развития или в сравнении с другими народами – отличается и меняется с течением времени.

Однако, несмотря на преимущества поддержки государства, «тесная связь» с последним в рамках теории мыслителя не имеет значения критерия отличия права от «неправа», и подобная точка зрения Л.И. Петражицким критикуется с указанием, что она относится «только к государственным законам», а претендует на применимость к праву вообще [3, 215]. Более того, Л.И. Петражицкий определяет государство как явление правовой психики (отчего выведение понятия «право» из понятия «государство» – логический круг в его теории). Государство имеет «служебный по отношению к соответствующему праву характер» и обязано «сообразно долгу социального служения, пользоваться...силой для защиты права против неправды» [3, 182], в частности, государство, по мнению Л.И. Петражицкого, обеспечивает потребность правовой психики в суде, в беспристрастном разбирательстве дел, а также ограждает граждан от самовольного применения к ним насилия со стороны других помимо установленного порядка. Причём Л.И. Петражицкий указывает, что благами подобного положения дел пользуются не только законопослушные граждане, но и преступники, которые терпят кару только со стороны государства в установленных границах.

Завершая разговор о «Теории права и государства в связи с теорией нравственности» Л.И. Петражицкого, можно сказать следующее. Безусловно, причисление мыслителя к сторонникам правового плюрализма не представляется неожиданным: многие утверждения в работе философа, анализируемой в данной статье, подталкивают сделать это: например, расширение класса явлений, трактуемых в качестве права; внимание к разнообразным видам позитивного права и указание на тип отношений между двумя из них как «двоеправие»; отсутствие признака связи с государством в качестве критерия, отличающего право от других социальных регуляторов. Вместе с тем отнесение права к разряду этических переживаний и указание на характер эмоции в качестве критерия его отличия; отождествление права и справедливости; указание на то, что на основании поддержки государства официальное право – высший вид права заставляют отнестись настороженно к пониманию теории Л.И. Петражицкого в искомом качестве. Тем не менее, взгляды мыслителя, изложенные в данной статье и показывающие, до какой степени разнообразным может представляться право, позволяют оценить их как предвестие, предтечу правового плюрализма в социально-философской мысли.

Список литературы

- 1 Фатхи В. И. *Идея правового плюрализма в контексте юридической этнологии // Философия права. – 2007. – №1.*
- 2 Попова А. В. *Общетеоретические проблемы права в трудах русских неопералов в конце XIX – начале XX в. // Журнал российского права. – 2009. – №1.*
- 3 Петражицкий Л. И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – Серия «Мир культуры,*

¹ В качестве «преюдиций» понимается одно или более судебных решений, вынесенных ранее, однородных по содержанию с вопросом, разрешаемым в данный момент, которым обязаны следовать при решении дела в данное время // Петражицкий Л. И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб. : Изд-во «Лань», 2000. – С. 454.*

истории и философии». – СПб. : Изд-во «Лань», 2000.

4 Эрлих О. Основоположение социологии права // Эрлих О. Основоположение социологии / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. – СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум», 2011.

5 Антонов М. В. Социология права Ойгена Эрлиха // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – №6.

6 Тимошина Е. В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л. И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – №6.

7 Заббаров К. В. Позитивизм в юридической антропологии // Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии / отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. – М., 1999. URL: <http://www.jurant.ru/ru/publications/> (дата обращения: 20.09.2014).

8 Vanderlinden J. Return to legal pluralism: twenty years later // JOURNAL OF LEGAL PLURALISM, 1989 – nr.28.

9 Блюдина У. А. Л. И. Петражицкий и польская школа социологии права // Социологические исследования. – 2004. – № 9.

УДК 177.9

Ю.Н. Данилова

Курганский государственный университет

ФЕНОМЕН МОРАЛИ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Аннотация В статье рассматривается влияние буддизма и конфуцианства на формирование морально-этических норм в Китае, как в древности, так и в современности. Характеризуется роль морали в развитии Китая.

Ключевые слова: мораль, буддизм, конфуцианство, стыд, вина.

Yu.N. Danilova
Kurgan State University

PHENOMENON OF MORAL IN THE CULTURE OF CHINA

Abstract. The article presents a phenomenon of moral in culture of China. The work focuses on the influence of Buddhism and Confucianism on the forming of ethical norms in China in antiquity, as well as at the present time. The role of moral is considered with regard to the development of China.

Keywords: moral, Buddhism, Confucianism, shame, guilt.

С конца XX в. весь мир говорит о китайском экономическом чуде. Поразительные успехи в экономике (вторая экономика мира) сами китайцы объясняют тем, что, несмотря на активное заимствование научно-технических новшеств западной цивилизации, они продолжают следовать своим культурным традициям. Уважение к старшим, подчинение своему господину (руководителю), следование долгу перед обществом и своей социальной группой легли в основу культурно-исторического развития Китая.

Понятие «мораль» многие исследователи [1] относят исключительно к европейской культуре и признают, что ни в одной другой не сформировалось подобного лексически-семантического обобщения поведения людей. Принято считать, что именно в европейской культурно-философской традиции были определены общезначимые морально-нравственные принципы. Но хотя в других, не европейски ориентированных восточных культурах не было сформулировано универсального нравственного императива, в них существует понятие морали. В китайском языке есть слова, обозначающие мораль – «даодэ», «лун», «лунли», «лунли даодэ». С ними в Китае тесно связаны понятия общественного и личного долга и обязанностей, чувств вины и стыда.

Хотя современный Китай является высокотехнологическим обществом, в повседневной жизни китайцы продолжают руководствоваться средневековыми нравственными ценностями. Социальные преобразования XX в., переход к рыночной экономике не смогли изменить уклада жизни, сформировавшегося за многие столетия. Все стороны личной и общественной жизни современного китайского общества испытывают на себе влияние морально-этических установок далекого прошлого.

Историю Китая можно разделить на доимперский (до III в. до н.э.), имперский (с III в. до н.э. – до 1911 года) периоды, а также современный (период республики, правление Мао Цзэдуна и настоящее время) период. На протяжении древней и средневековой истории Китая (доимперский и имперский периоды) отношение к закону как средству установления социальной справедливости было негативным, и мораль как регулятор общественных отношений считалась более значимой, чем закон: «Закон нарушает врожденное чувство справедливости, возбуждение судебного процесса накладывает дурной отпечаток на отношения между индивидами, а закон в силу своей абстрактности... способен нарушить естественный ход событий» [2]. Осуждение со стороны общества считалось самым суровым наказанием за преступление. Судебный приговор зачастую заменялся символическим, но не менее действенным наказанием (сян). На преступника надевалась специальная холщевая рубашка или на тело наносилась татуировка. Таким образом, общество стремилось его перевоспитать, подвергнув всеобщему осуждению и презрению [3].

В конце доимперского периода возникают философия и этика конфуцианства. Основатель конфуцианства Кун-цзы (Конфуций) считал чувство стыда главным регулятором общественной и личной жизни. В своем главном произведении «Суждения и беседы» («Лунь юй») он писал: «Если в искренности близок справедливости, обещанное сможет выполнить. Если чит согласно ритуалу, то избежит стыда и срама» [4, 19], «Если править с помощью закона, улаживать наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [4, 20-21].

Несмотря на то, что уже в эпоху Хань (II в. н.э.) конфуцианство было провозглашено официальной идеологией, широкого распространения оно не получило. До XI в., когда учение Кун-цзы возродилось в трудах его последователя Чжу Си (представитель неоконфуцианства), о совершенномудром учителе знали немногие. Как пишет С.Н. Гончаров, это произошло из-за того, что «со времен Конфуция и Мэн-цзы, истинный смысл конфуцианского учения оказался утраченным. Его восстановили лишь при Северной Сун основоположники неоконфуцианской философии...» [5, 104]. В смутное время Пяти династий была даже предпринята попытка осквернения (вскрытия) его захоронения.

Первоначально конфуцианство предназначалась исключительно для подготовки бюрократического придворного аппарата. Следование моральному кодексу конфуцианства в аристократической среде было показным, а преданность правителю (чжун), важнейший принцип конфуцианской морали, понималась в зависимости от обстоятельств. Представители сильных родов заботились скорее о личной выгоде и процветании, чем о преданности правителю. Позднее те, кто добился положения в обществе благодаря покровительству властей (служилая аристократия), боясь потерять должности и привилегии, возвели этот принцип в ранг необходимых нравственно-политических качеств благородного сословия.

Высказывания Кун-цзы, записанные его учениками, первоначально предназначались только для благородных (образованных) людей (цзюнь цзы). Но, начиная с XIII-XIV вв., они становятся достоянием всего народа и на их основе, с целью нравственного воспитания, создается ряд трактатов. Одним из них было «Троеслоие» («Сань-цзы-цзин»), произведение, написанное в XIII в. в форме классического канона и традиционно приписываемое Ван Инлиню. Оно создавалось в сложное для страны время, когда на смену расцвету культуры в периоды Тан и Сун (VII-XIII вв.) пришло время социальной нестабильности, военных завоеваний, продлившееся до середины XIV в. Это свидетельствует о том, какое важное значение в то время придавали нравственно-этическим нормам как средству объединения страны, сохранению ее традиций.

В «Троесловии», книге, «по которой детей учили в Китае на протяжении тысячи лет, вплоть до начала двадцатого века, и которую пропагандируют сейчас, в начале двадцать первого века» [6], нашли отражение взгляды на принципы мироустройства. Наряду с Небом и Землей третьим равнозначным принципом выступал Человек. Утверждалось конфуцианское представление об изначально доброй человеческой природе, изменяющейся только при неправильном воспитании и недостойном окружении. В каноне перечислялись пять этических норм, которые должны были быть усвоены каждым, стремящимся осуществить волю Неба: человеколюбие (жэнь), справедливость (и), правила приличия (ли), знание (чжи), искренность (чэн). Достойным стыда и осуждения считалось проявление эгоизма, алчности, непристойного поведения в обществе, пренебрежение знаниями.

Буддизм, пришедший в Китай в VI в., хотя и не получил значительного распространения, тем не менее также оказал влияние на нравственную сторону жизни людей. Учения о сансаре и карме были восприняты здесь более оптимистично, чем на родине буддизма, ибо они давали человеку надежду на возможность вновь родиться и насладиться земным существованием, а также улучшить его будущую жизнь. Благопристойное поведение

в настоящей жизни должно было обеспечить благоденствие в последующей. Для достижения почестей и благополучия было необходимо вести праведную жизнь, основу которой составляла «сыновьяя почтительность» (сяо), включающая в себя не только заботу о близких, но и почитание предков. Жизнь человека мыслилась в тесной связи с другими. Несоблюдение сяо нарушало единство рода, передачу традиций от поколения к поколению, обезличивало имена предков и поэтому считалось совершенно недопустимым. Ю.М. Галенович утверждает, что «принадлежность к роду китайцев превыше принадлежности к тому или иному временно существующему государству. Собственно говоря, идея нации превыше всего – вот, что это, очевидно, должно означать» [6]. Каждый член семьи осознавал ответственность за судьбу своего рода: отцы отвечали головой за безнравственные поступки своих детей (это говорило о недостаточности воспитания), вина распространялась и на детей, если родители совершали преступление (зачастую, на несколько поколений). Именно в семье закладывались основы нравственного поведения.

История Китая была полна кровопролитных войн, поэтому особая роль всегда отводилась воспитанию духа воина. Создается воинская мораль удэ («путь воина», «мораль воина»), содержащая основные особенности конфуцианской морали. Воинская мораль считалась важнейшей дисциплиной, поэтому прежде чем приступить к изучению техники боя, обучающийся боевым искусствам должен был изучить моральные нормы. Успех воина зависел не столько от его физических данных, сколько от образа мышления.

Традиционно удэ подразделяется на два аспекта: мораль деяния и мораль ума. Первая включала воспитание таких нравственных качеств, как смирение, уважение, праведность, доверие, верность, вторая – волю, выносливость, настойчивость, терпение, смелость. Более важной считалась мораль деяния, так как она касалась отношений между учителем и учеником, соучениками, членами общества в целом. Тот из воинов, кто не смог развить в себе эти качества, не заслуживал доверия и уважения со стороны окружающих. Мораль удэ была связана с самосовершенствованием, включала в себя контроль над эмоциями, «эмоциональный ум» (синь) и «ум мудрости» (и). Начинаящий воин должен быть праведным (чжэнь), поступать согласно долгу, руководствоваться разумом, а не эмоциями. Если человек сохраняет ясность ума и следует своему долгу, ему нечего стыдиться, ему не за что испытывать чувство вины. Он будет достоин уважения и доверия со стороны окружающих [7]. Мораль удэ можно считать культурным образцом китайской морали: в ней огромное значение уделялось формированию в будущем воине общечеловеческих качеств, способных сделать из него не только опытного бойца, но и полноправного члена общества.

Высказывания и записи, оставленные правителями эпох Мин (1368-1644) и Цин (1644-1911), свидетельствуют о том, что долг сыновней почтительности продолжал доминировать в определении мотивов поступков людей. В 1628 г. к власти пришел император Чунчжэнь, отличающийся, по словам современников, совестью и честностью. Когда в 1644 г. Пекин был осажден войсками армии Ли Цзычэна, император, стремясь избежать позора поражения, кончает жизнь самоубийством. На рукаве одежды он написал: «Я прогневал небеса своей слабостью и недостаточной добродетелью. ...Я умираю, и мне будет стыдно встретиться с предками» [8, 160]. Причиной бедствий Чунчжэнь счи-

тал свое недостойное поведение и неуважение к традициям, из-за чего он испытывал чувство стыда перед своими предками, которые традиционно признавались членами семьи наравне с живыми.

Большинство чиновников боялись быть опозоренными в глазах общества, перед памятью предков («потерять лицо»), что являлось для них «моральной смертью», небывалым позором. Искупить вину в этом случае они могли только самоубийством. Правители и чиновники даже в эту эпоху продолжали верить в карающую силу Неба, и если случались природные катастрофы и эпидемии, они возносили ему молитвы и винились перед ним. Так случилось во время эпидемии конца XIX в., когда правитель обратился к Небу со словами: «Я знаю, что я повинен в этом, ибо я дурно управлял городом. Несчастья, постигшие его теперь, служат возмездием за мои грехи» [9, 316].

С эпохи Цин начались активные контакты с европейскими странами. Достижения западной цивилизации и культуры китайцы старались использовать для усиления собственной экономической и общественной жизни, провозгласив лозунг «ти – юн» («китайская основа – западная польза»). В результате Синьхайской революции в 1911-1913 гг. была свергнута династия Цин. Это положило начало длительному периоду военных и идеологических конфликтов как с внешними, так и с внутренними противниками. Образование в 1949 г. Китайской народной республики, приход к власти Мао Цзэдуна (1949-1976 гг.) привели к распространению в обществе коммунистической морали, в которой на смену преданности семье пришли новые формы преданности – партии, государству. В «Цитатнике» Мао Цзэдуна, ставшем своего рода священным писанием в Китае, говорилось о том, что каждый «должен подчинять личные интересы интересам революции; ...вести неустанную борьбу против всяких неправильных взглядов и поступков... должен заботиться об интересах партии и масс больше, чем о своих собственных интересах» [10]. В случае необходимости от человека требовали отречься от семьи, ее интересов ради достижения общественных и политических идеалов, поощрялись доносы одних членов семьи на других. Семей для человека становилось теперь государство, а его глава – непрекаемым авторитетом, требующим беспрекословного подчинения и служения коммунистической идее. При помощи террора, репрессий и норм тоталитарной коммунистической морали власть стремилась одержать полную победу над внутренними и внешними врагами Китая.

Сегодня в Китае культурные традиции прошлого продолжают играть большую роль. Характерной чертой китайской культуры, как и раньше, является недоверие к посторонним, сохраняется приверженность к родственным связям. Это касается и конфуцианской морали, придающей огромное значение семье: китайскому обществу чужд коллективизм, оно скорее похоже на горсть песка, где каждая песчинка – это отдельная семья. Поэтому институт приемных сыновей, как в Японии, в Китае не мог получить развития. Семья оказывает значительное влияние на китайскую экономику XX в. Как пишет Ф.Фукуяма [11], способом социализации в Китае всегда были и остаются родственные или семейные союзы (фамилизм), которые способствуют сегодня бурному экономическому развитию страны.

Для китайской экономики характерен небольшой размер предприятий, большинство из которых, относящихся к частному сектору, являются семейными. Как ранее семья была закрыта для посторонних, так и се-

годня в компанию неохотно берут людей со стороны, а руководители сохраняют дистанцию между собой и такими служащими. Главы семейных предприятий считают, что основой отношений внутри компании являются доверие и поддержка, которые между посторонними, нечленами семьи, невозможны.

Несмотря на значительные социальные изменения в XX-XXI вв., в современном Китае продолжают доминировать моральные принципы, сформировавшиеся под влиянием конфуцианства еще в эпоху средневековья. Более того, не раз правители страны обращались к этическим нормам прошлого с целью возрождения духа нации. Ху Цзиньтао (глава КНР с 2003 по 2013 гг.) в одном из своих выступлений изложил нормы морального кодекса для китайского общества, в котором были сформулированы восемь правил нравственного поведения, определяющих, что является достойным и недостойным, делом чести и доблести или позором, постыдным делом. Они были построены по традиционной для китайского менталитета дуальной схеме: должному поведению противопоставлялось недопустимое. Постыдным следует считать «нанесение вреда Отечеству», «поступки, идущие вразрез с интересами народа», «невежество и отсутствие знаний», «стремление к безделью и неприязнь к труду», «стремление пожить за чужой счет», «утрату чувства долга», «нарушение законов и дисциплины» и «стремление к роскоши, разгулу и праздности».

Многие приписывают причину знакового выступления главы государства нравственному кризису, охватившему китайское общество в конце XX в., вызванному проникновением принципов западной морали эгоизма и утилитаризма в экономическую и социальную сферы. В противоположность им власть стремится возвысить традиционные моральные ценности. «В обществе имеет место, – признает Ху Цзиньтао, – некое смешение моральных понятий, нравственных принципов, не проводится грань между правдой и ложью, правильным и неверным, а это неблагоприятно с точки зрения долгосрочного развития нации и государства» [6]. Тем не менее, для большинства населения, особенно сельского, предпочтительными оказываются нормы конфуцианской морали, что позволяет отнести культуру Китая к культуре стыда, представляющего страх перед социальной группой и общественным мнением.

Список литературы

- 1 Апресян П. Г. *Круглый стол «Мораль: многообразие понятий и смыслов»*. URL: <http://iph.ras.ru>. Дата обращения: 25.05.2014.
- 2 Косарев А. *История государства и права зарубежных стран*. URL: <http://vse-uchebniki.com>. Дата обращения: 25.05.2014.
- 3 Шубаро О. В. *Традиционная правовая система в Китае и современность*. URL: <http://elib.bsu.by>. Дата обращения: 27.05.2014.
- 4 Конфуций. *Уроки мудрости: сочинения*. – М., 2002.
- 5 Гончаров С. Н. *О Китае средневековом и современном: Зап. раз. лет.* – Новосибирск, 2006.
- 6 Галенович Ю. М. *Нравственность Китая - традиции и современность*. URL: <http://pravostok.ru>. Дата обращения: 27.05.2014.
- 7 Удэ. URL: <http://wudeschool.com>. Дата обращения: 27.05.2014.
- 8 Уинтл Дж. *История Китая*. – М., 2008.
- 9 Сидихменов В. Я. *Китай: Страницы прошлого*. – М., 1987.
- 10 Мао Цзэдун. *Цитатник*. URL: <http://royallib.ru>. Дата обращения: 04.06.2014.
- 11 Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. – М., 2008.

В.И. Красиков
 Российская правовая академия Минюста РФ,
 г. Москва

КОНЦЕПТЫ ЧЕЛОВЕКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация. *Статья знакомит читателей с современной ситуацией в европейской философии по проблеме человеческой идентичности, которая характеризуется столкновением коллективистской и персоналистской традиций. Автор сопоставляет преимущества и недостатки наиболее авторитетных из них, а именно постмодернизма, экзистенциализма и философской антропологии. Как он полагает, размышления о человеке возобновляются постоянно, так как философия имеет интенцию к метафизическим построениям*

Ключевые слова: человеческое бытие, постмодернизм, экзистенциализм, философская антропология

V.I. Krasikov
 Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of
 the Russian Federation, Moscow

CONCEPTS OF RIGHTS IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract. *The article introduces the current situation with the issue of human identity in European philosophy, which is characterized by a clash of collectivist and personalist traditions. The author compares the advantages and disadvantages of the most influential of them, namely, post-modernism, existentialism and philosophical anthropology. The author believes that thinking about the man is constantly renewed, for philosophy has an intention of making metaphysical constructions.*

Keywords: human being, post-modernism, existentialism, philosophical anthropology.

Введение

Эпоха доминирования постмодернизма в пространстве философского внимания завершена. Его эмоциональная энергия израсходована, напряженно-мессианистская стадия окончена, новое философское поколение уже воспринимает постмодернизм не как «живое движение», а скорее, как рядовую «школу» или «точку зрения».

1 Натиск постмодернизма

В истории философии движутся поколения с их конфронтующими идеями, а не сами по себе идеи или логика идей. Постмодернизм продолжил критическую работу Декарта, Юма, Канта и Ницше, а если заглянуть вглубь веков – софистов и скептиков. Его позиция была тотально-критической по отношению ко всему остальному возможному полю философских позиций, которые волей-неволей должны были консолидироваться в противостоянии столь мощному оппоненту. Однако консолидации, по-видимому, не произошло. Так и не появилось в пространстве философского внимания последних десятилетий XX века достойного постмодернизму соперника. Продолжали лишь вяло развиваться уже имеющиеся направления, утратившие во многом свою исходную эмоциональную живость и культурный капитал, т.к. лучшие молодые умы устремились в высокопрестижную постмодернистскую сеть. Эти прежние направления заняли глухую оборону (психоанализ, постпозитивизм, марксистские исследования, экзистенциализм и др.), делая вид, что критика постмодернизма их либо не волнует, либо не касается, т.к. они не страдают грехом метафизики, а вполне продвинутые «науки». Было, конечно, много критики постмодернизма, но собственно позитивным ответом представляется лишь тезис Хабермаса о «постметафизике» – проективной и рефлексивной, занимающейся «конструированием возможных миров» как реализацией имманентной потребности человеческого разума в предельном объяснении сущего. Однако этот тезис не привлек должного внимания, позволившего бы ему стать основой конструктивной платформы оппонирования постмодернизму. Может быть, потому, что сам Хабермас не был настроен показывать пример в новом метафизическом строительстве [1]. Позиция Хабермаса в отношении понимания человека и социума, напротив, скорее родственна в известном смысле постмодернизму, представляя ее мягкий вариант. У Хабермаса субъект также является функцией социально-культурного целого, «коммуникативного разума», где отсутствует объективное онтологическое своеобразие как основа «неповторимости», «авторства» субъекта. Последнее есть лишь условность коммуникации. Это еще конечно не «смерть субъекта», но что-то к этому приближающееся.

Достойных соперников у постмодернизма не оказалось. Но что не могли победить люди, побеждает время. Все становится привычным, утихает эйфория первооткрывательства, а революционные идеи превращаются в академические. Приходят новые люди, которые ищут новые пути для создания своих интеллектуальных репутаций, поскольку постмодернистский ресурс представляется уже практически реализованным. Обновляется традиционный культурный капитал истории философии в виде «неоклассики» уже течений XX века, возникают синтезирующие тенденции.

Новые поколения философов всегда будут стремиться вновь и вновь предлагать новые метафизические проекты, претендуя на внимание как интеллектуальных сообществ, так и публики. Метафизика имеет глубинно-психологическую мотивацию «бытийной страсти» субъекта [2]. Именно она властно проступает в новых проектах, превращая «перелицовывание» и комбинирование имеющихся культурных элементов, как мог бы квалифицировать это постмодернистский разум, в акты державного полагания новых реальностей, живущих эмоциональной энергией их создателей и адептов.

2 Основные подходы

В пространстве внимания философских учений о

человеку до «нашествия» постмодернизма доминировали два подхода: «философская антропология» и «экзистенциализм», представляя собой, с одной стороны, альтернативные, с другой – дополняющие позиции.

Философия, как мы ее понимаем, концептуализирует многообразие состояний человеческого проживания в мире. «Что есть мир для человека? Что есть человек для мира?» – эти вопросы получили новые интерпретации и дальнейшее терминологическое приращение-переописание в философской антропологии и экзистенциализме. Это были классические метафизические проекты, правда, «второй классики» (немецкой, не античной), т.е. ведущие свой отсчет от Канта.

Классичность Канта, на наш взгляд, заключается в том, что он впервые философски осознанно концептуализировал новое фундаментальное, или онтологическое, цивилизационное состояние продвинутой части человечества в лице Запада, которое впервые в истории в результате «второй неолитической революции» (индустриализации, техногенного общества) радикально самообособилось от природы в виде особой самостоятельной сферы. До того люди были привязаны к земле, зависели от климатических циклов, ибо «производство» было в основе своей природным процессом роста сельскохозяйственных растений, животных, где человек мог вносить лишь улучшения и оптимизации. Промышленное производство, где люди действительно сами производят и все зависит от их интеллекта и рабочего времени, автономизирует и резко динамизирует человеческую сферу. Собственно, в последние 3-4 столетия и появляется по-настоящему новый *homo sapiens* – как самостоятельная онтологическая сила.

Это-то обстояние дел и выразил Кант в своей первоначально узко-гносеологической концепции, выросшей, в конце концов, до «Антропологии с прагматической точки зрения». «Трансцендентальный мир» и концептуализирует современную (с Нового времени) сферу человека со своими новыми качественными основаниями, резко противостоящую остальному природному окружению. Человеку вполне хватает его собственного мира. Впрочем, даже если он и захотел бы выйти за его рамки, он этого сделать не в состоянии: основное смысловое пространство его реальности определяется его же исходным исполнением.

Тематическое поле, заданное Кантом, было неоглятно, учитывая абстрактно-метафизические контуры его «онтологических» категорий. Действительно, что такое «трансцендентальная сфера» и что такое «мир вещей самих по себе» и каковы их степени совместности-несовместности? Кант трактовал эти концепты довольно туманно.

Возможны, как показала история философии, различные варианты их конкретизации. Отвлечемся от чисто идеалистических версий трансцендентализма, рассмотрим те из них, которые стремились удерживать в фокусе трансцендентального внимания не только «человека сознания», но и «телесного», и «социального».

Сначала Фейербах, затем в начале XX века Шелер, Плеснер и Гелен развили философский проект под названием «философская антропология». Человечество – биологический вид с единым качественным основанием своего существования, которое задает свою смысловую специфику. Человеческая сфера находится в процессе развивающегося самоотличения от своего порождающего контекста, и это самоотличение имеет тенденцию радикализации до степени «чуждости», что влечет ее впоследствии к роли нового демиурга.

Важная методологическая особенность школы

«философской антропологии» – интерпретация ключевого человеческого качества в эссенциалистском, всеобще-видовом формате. Это некая универсальная для всех людей «сущность», даваемая от рождения и, возможно, варьируемая по интенсивности своего индивидуального проявления.

У Фейербаха «человеческая атрибутика» комплексна, включает в себя и физиологические, и психические, и ментальные особенности *homo*. Качество, которое синтезирует и экстремализует весь комплекс как «человеческий» – это половая любовь, в которой расцветают человеческие интеллект и воображение, актуализируются творческие способности. Философская антропология полвека спустя уже более рационалистична и вооружена обширными биологическими знаниями о «партикулярных мирах» различных видов живого, с большим знанием естественнонаучной подоплеки описывает отличительное субстанциальное качество человека.

По Шелеру, это способность к акту идеации, мгновенного, вдохновенно-интуитивного различения «сущности» и «существования». Способность сразу видеть глубинный смысл вещей, иллюстрируемая в трактате «Положение человека в космосе» экстремальными проникновенными способностями принца Гаутамы. По Плеснеру, это способность человеческого сознания к «выключению» из текущего потока существования, актуализирующаяся в моменты «остановки перед проблемой» [3] и приводящая к постепенному формированию «мыслительной лаборатории». Впоследствии из подобной «лаборатории» вырастает особая духовная действительность. Гелен, в отличие от коллег по направлению, которые ограничивали себя признаками сознания, объявляет субстанциальным человеческим качеством специфическую жизненную ориентацию *homo*. Это преобразующая целеполагающая деятельность. Так или иначе, общее, присущее им – демаркация видовой реальности.

Знаменитая анти-эссенциалистская позиция экзистенциализма в отношении понимания человека означала сознательную антропологизацию принципа индивидуации. Универсально-онтологическим его сделал, как известно, еще Лейбниц. Здесь же, у экзистенциалистов он был применен к человеческому атрибуцированию. Человеческий признак был усложнен и иерархизован. Это означало, что есть как бы два критерия: общевидовой, маркирующий нашу принадлежность к виду «разумных животных», человечеству в целом, и избирательно-видовой, обозначающий нашу потенциальную возможность принадлежности к эзотерической группе человечества, характеризуемой углубленным личностным развитием. К первому относимы интеллект и социальность, второе – способность к самобытию проектирования и самоизменения.

Человек в массе своей – существо коллективистское, стадное, живет по социальным программам и, действительно, соответствуя аристотелевскому определению, является только «разумным животным». Человеком же становится лишь «персона» – сознание, которое оказалось способным увидеть свою ограниченность, уславливаемость, свое рабство у *Map*. Стремление к свободе как аутентичности просыпается в «пограничных ситуациях» и может запустить процесс самоопределения. Причем «самость», «аутентичность» (или «сущность») не прячутся где-то глубоко под слоями социальных масок, накладываемых *Map* на личность. «Персона», «аутентичность» создается (или же нет) в самом процессе поиска, самотрансформации. То, что

составляет «проект», действительную авторскую неповторимость, не видовую «начинку», делается самим этим-вот человеком в ходе борьбы его же с самим собой, «старым», в ходе самонасилия и выпестовывания.

А может и ничего не получится. Вообще самобытная личность, сделавшая себя и избежавшая катастрофических провалов, – достаточно редкое явление. Из тех немногих, кто все же имеет силы начать и продолжить «восстание против рода» (Н. Бердяев). Впрочем экзистенциалисты об этом предпочитали либо благодарно помалкивать, либо, находясь под обаянием традиций просвещенческого гуманизма и либерализма, полагать аутентично человеческое все же потенциальной, «спящей» способностью любого из нас. Впервые же «программное обеспечение» идей персонализации, делающее возможным настоящее, второе рождение человека на территории духа, разработали деятели «осевого времени» (концепция К. Ясперса).

Пристальный интерес к концептуализации интимно-мотивационной и смыслопорождающей сферам субъективности совершенно выводит из зон их внимания другой, не-человеческий мир – классический сюжет и точка отталкивания не только традиционной, но и трансцендентальной философии. «Бытие» и «мир» если и присутствуют в экзистенциальных конструкциях, то только как «ручные», т.е. человекоразмерные: прямо или же в потенции стать таковыми («сокрытость»). Человеческое сознание и его мир, Dasein и Бытие – смысловое целое, где его динамичный, самоопределяющийся момент, по сути ядро, каждый раз своей эгоцентрической вселенной. Человеческое «я», экзистирова, и порождает эти самые «вселенные». Мир вне нас, разумеется, есть, но для нас это излишняя информация. Каждый субъект имеет дело либо с социальной реальностью, чьи значения продуцируемы спонтанным хаотизированным взаимодействием сознаний (публичность, Map), либо с авторизованными картинами мира, чьи значения порождены и конфессионально утверждены религиозно настроенными харизматическими индивидами, либо со своими самородными, если к таковым он оказывается способным, представлениями о мире.

Таким образом, проекты «философской антропологии» и «экзистенциализма» демонстрируют силу извечной дихотомии «Целого» и «персоны», коллективизма и индивидуализма. Философская антропология отслеживает видовые атрибуты человека, проблематизирует их эволюционное происхождение и озабочена выяснением перспектив их развертывания. Однако они теряют собственно чистую субъективность. Самость, авторство, неповторимость, даже если они и есть «миф», коммуникативная иллюзия, как показала история «Sturm und Drang» постмодернизма, это все же необходимая иллюзия. Так же, как в случае с идеей Бога. Кант, разрушивший всяческие возможные рациональные аргументы в отношении эвристичности и онтологичности Бога, был затем все же вынужден ввести эту идею как «постулат практического разума», как и идею «свободы» субъекта.

Экзистенциализм, напротив, культивирует персональность, исследует поле ее смыслов, объявляет ее искомой подлинностью и квинтэссенцией видового всеобщего. Однако эти определительные поиски идут только внутри тотальной «человеческой сферы». Природа, мир, реальность, несоразмерная нам, их не интересуют, поскольку для нас они вроде, как и не существуют.

Заключение

Представленное описание теоретических позиций философской антропологии и экзистенциализма ин-

дицирует вполне созревшую задачу синтеза этих подходов в рамках крепнущего «постметафизического» настроения современного философствования, постепенно выходящего из паралича «смерти субъекта» и постпозитивистско-лингвистического оцепенения [4].

Иманентность «метафизики» для человеческого ориентирования и самоутверждения столь же очевидны, как, к примеру, очевидны и извечны категории, ее составляющие: Бог, материя, свобода, «я» и мн. др. Конечно, критика метафизики (Кантом, Ницше, постмодернизмом) не проходит бесследно. Ряд подобных метафизических категорий обретает *регулятивно-экзистенциальный статус*, большую рефлексивную утонченность, внутреннюю критическую «отделку» в новом пост-постмодернистском философском контексте.

Притягательность метафизики – в ее предельной серьезности, искренности и масштабности описания. Если человек хочет понять смыслы фундаментальной ситуации «человека», да еще это выразить – то почему это должно ему возбраняться? Пусть делает это. Может, данная добавка составит необходимый элемент, ракурс в выстраиваемой постметафизическим дискурсом осознанно плюралистичной картины мира. В конце концов наши картины мира – одно из действенных средств оптимизаций нашего присутствия.

Как человека здравого смысла меня всегда привлекали те философские учения, которые схватывали и концептуализировали практические самоочевидности нашего жизненного мира: нашу эволюционную принадлежность живому, фундаментальную зависимость от него, как и разительность отличия Жизни от всего прочего, ее хрупкость, условность и эфемерность [5].

Экзистенциалисты, радикалы «философии в рамках только сознания», девитализируют субъективность. Эту операцию в теории проделать несложно: «вывести за скобки» тело, равно как и «природный мир», – но жить всем, в том числе и самим философам, приходится именно в материальном мире и в собственном теле. Игнорирование столь фундаментального мирорасположения сознания представляется «страусиной» позицией. Мы – частица не столько «социального» или «видового» Целого – через тело мы, или a priori нашего сознания, детерминированы исходной к нам Пра-силой, Жизнью.

Правота же экзистенциализма в том, что наши «я», наша вечно мятущаяся и ищущая субъективность, или разворачивающаяся в направлении уникализации «экзистенция», есть новая онтологическая сила. И это не всеобща-видовой, а избирательно-видовой, спонтанно-индивидуальный признак. У всех есть разум, но лишь некоторые способны к его самоформированию. К слову сказать, экзистенциалисты, как правило, старались не акцентировать это внутреннее неравенство человеческого рода, обоснованно опасаясь привычных упреков в недемократичности и в элитарном шовинизме.

Философская антропология, за исключением разве что Шелера, имеет холистский характер, т.е. вполне в научном, позитивистском стиле оперирует категориями «целого» и «видовых множеств», где индивидуальность – функция и химера. Вряд ли подобная картина может устроить представителей того подвида homo sapiens, для которых их собственное «я» является их же детищем, по крайней мере они хотят и готовы в это поверить.

Список литературы

- 1 Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 36-47.
- 2 Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех цен-

ностей. – М. : REFL-book, 1994. – 352 с.

3 Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С.96-152.

4 Суровцев В. А., Сыров В. Н. Об эвристическом потенциале энциклопедических изданий, или что можно ожидать от энциклопедии эпистемологии и философии науки // Философия науки. – 2011. – №4 (51). – С.3-17.

5 Красиков В. И. Конструирование онтологий. Эфемериды. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 304 с.

УДК 930.85; 008

О.В. Кузнецов
Курганский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ТРАГИЧЕСКИХ ПУТЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы будущего цивилизации с точки зрения возможности трагического завершения истории. Выявлены и проанализированы теоретические альтернативы осмысления дальнейших путей цивилизации. В рамках каждой альтернативы установлены различные футурологические сценарии, общность которых видна при обращении к их исходным идеям.

Ключевые слова: отчуждение, альтернатива, катастрофа, цивилизация, прогресс.

O.V. Kuznetsov
Kurgan State University

THEORETICAL ALTERNATIVES OF UNDERSTANDING OF THE TRAGIC WAYS OF CIVILIZATION

Abstract. The article considers the problems of the future of the civilization in terms of possible tragic end of the history. The paper identifies and analyzes the theoretical alternatives of understanding of further ways of development of the civilization. The research offers different futurological scenarios within each alternative, the commonality of which is obvious when referring to their original ideas.

Keywords: alienation, alternative, catastrophe, civilization, progress.

В социальной философии можно выделить два основных направления осмысления темы приближающейся катастрофы. Первое направление ориентировано на образ катастрофы, сложившийся в рамках христианской традиции. Так, учение Г. Гегеля об историческом движении – это, по существу, один из вари-

антов рационального осмысления библейской схемы всемирной истории, ведущую роль в котором играют провиденциальные мотивы. И. Кант, по-видимому, первым заявил о том, что «философия также может иметь свой хилиазм», рассмотрев идею всеобщей истории во всемирно-гражданском плане с целью «оправдания природы, или провидения» [1, 23]. Канта нельзя безоговорочно отнести к катастрофистам, тем не менее, ход его мыслей соизмерен с христианской традицией, в которой хилиастические представления развиваются в контексте темы катастрофы. Кроме того, именно Канту принадлежит заслуга создания концепции «старения» Земли. Апокалиптические настроения К. Маркса позволили ему создать впечатляющую картину мировой истории как череды социальных катастроф. Н. Бердяев, в соответствии с традициями русской философии, рассмотрел «исторические катастрофы и переломы» с эсхатологических позиций [2]. М. Ласки, Х. Мараваль дали анализ революционизма и реформизма с хилиастических позиций, продолжив линию так называемых утопических воззрений [3]. В целом, для любого христианского мыслителя тема эсхатологической катастрофы, завершения истории является одной из ведущих.

Второе направление ориентировано на образ катастрофы, сложившийся в науке. Поскольку науку в меньшей степени, чем религию, интересуют всемирные судьбы, а в большей – сценарии развития наличной ситуации, то в рамках этого направления сложились модели грядущей антропо-, социо- и геобиокатастрофы. При обращении к проблемам футурологии наука обнаруживает значительно меньший оптимизм по сравнению с религией, что наложило свой отпечаток на соответствующие построения. В концепции Л. Мэмфорда речь идёт о деперсонализации человечества, попавшего под власть машин. По Дж. Байрему, научно-технический прогресс вызывает психическое «помешательство». А. Бруно указывает на бессилие человеческого разума перед техническим разумом и утрату человеком самостоятельности мышления и действий. Тем не менее, житейский и философский оптимизм даёт себя знать. Э. Фромм, указав на возможность превращения людей в роботов, этих слепых винтиков машинной цивилизации, назвал подобное развитие событий «опасностью». Научно-аналитический образ «апокалипсиса», возникший в результате ориентации на изучение негативных тенденций в обществе и апелляции к страху, уступил в начале 80-х годов прошлого столетия место концепциям «ценностной революции», в чём, безусловно, сказывается облагораживающее влияние религиозных представлений о социальной катастрофе.

Оба направления рассматривают всемирную историю в её связности и единой направленности. Для западной мысли характерна акцентированная европоцентричность, рассмотрение проблем исторического движения сквозь призму развития техники и технологий, частной инициативы и становления демократических институтов. Идея прогресса является одной из центральных идей западного мышления. Если Гегель и Кант большее внимание уделили прогрессу в области гражданского состояния и через это – обретению духовной свободы, то Маркс предпринял попытку увязать все факторы прогресса воедино, отдав, правда, предпочтение материальному производству.

Русская философия стоит несколько особняком. В её недрах зародилась идея многонаправленности исторического движения, полицентричности культурной жизни и отсутствия общих для всех народов законов развития (Н. Данилевский). Эта идея была подхваче-

на западными мыслителями (О. Шпенглер, А. Тойнби), приобретающая пессимистическое звучание. Не исключено, что в лоне западной философии этой идее уготована печальная участь. Я связываю надежды с возрождающейся русской философией. Так или иначе можно говорить о третьем направлении – локальные исторические типы, цивилизации, – созвучном мифологическим представлениям о социальной катастрофе как смене поколений, народов и миров, где глобальные бедствия воспринимаются не столько как завершение пути и гибель прежнего мира, сколько как рождение нового.

На уровне обыденной философии эти направления осмыслены в форме представлений о «золотом веке», располагающемся либо в будущем, либо в прошлом, либо существующем уже сейчас, но не здесь. Житейское понимание изменения обстоятельств – дальше будет лучше, хуже, всё останется по-прежнему – соответствует трём формально-логически возможным вариантам разрешения проблемы. Связь с религиозными и мифологическими корнями, а также с научными положениями, разумеется, сказывается на обыденной философии, но остаётся на втором плане. По отношению к ним обыденность вполне самостоятельна. Самостоятельность теоретической философии по отношению к религии, мифологии и науке можно усмотреть в её связи с обыденной, хотя от последней её отличает заметное своеобразие, связанное со спецификой философского предмета и метода.

Философское осмысление темы трагического завершения истории на теоретическом уровне является, в целом, вторичным по отношению к мифологическому, религиозному и научному. Этот факт не принижает философскую рефлексию и само философское знание с его рефлексивностью (от *лат.* *reflexio* – обращение назад), критичностью (от *греч.* *kritike* – искусство разбирать, судить, оценка) и абстрактностью (от *лат.* *abstractio* – отвлечение). Путь человечества, его начало и конец занимают социальную философию с точки зрения природы самого человека и человеческого общежития. Философия будущего, как раздел социальной философии, рассматривает природу человека в контексте исторического времени, исторического процесса и путей цивилизации. Футурологические сценарии интересуют философию только во вторую очередь и в связи с пониманием места человека в мире.

Осмысление предельных оснований бытия и мышления составляет собственно философский метод постижения происходящего. Я полагаю, что «переломность» (на пересечении смысловых полей слов «парадоксальность», «трагичность», «предельность») является одной из сущностных характеристик философского мышления, что особенно ярко обнаруживается при осмыслении философскими средствами вопросов дальнейшей судьбы человека, общества, культуры. В отношении исторического процесса философия интересуется, говоря словами Шпенглера, центром тяжести всемирной истории, её переломом. Пытаясь схватить всю историю в целом, философия мыслит пределами исторической судьбы человечества. Поскольку в своих попытках подняться над частным и частичным философия стремится к предельному уровню обобщений она вынужденно обращается к представлениям о запредельном. Историческое время, занимающее социальную философию, не может быть охарактеризовано при помощи понятия «вечность», выражающего безвременье. Соответственно выводы в части запредельного философам приходится соотносить с мифологическим и религиозным образом мышления и облекать мифоло-

гические и религиозные идеи в форму спекулятивных суждений о предельных основаниях культуры.

Философия может быть представлена квинтэссенцией движения мысли в рамках одного из культурологических типов мышления, соответствующих мифологическому, религиозному или научному мышлению. Понятие квинтэссенции (от *лат.* *quinta essentia* – пятая сущность), которое у античных и средневековых философов обозначало эфир (от *греч.* *aither* – верхние лучезарные слои воздуха), мне представляется возможным в данном случае использовать во всех трёх значениях этого слова: 1) пятая сущность, стихия наряду с мифологией, религией, наукой и фольклором (от *англ.* *folklore* – народная мудрость); 2) всепроникающая среда, переносящая свет; 3) самое главное, наиболее существенное. Стихийность, светоносность и существенность философского осмысления темы завершения времён, связанные с особенностями философского знания, позволяют говорить об идеологиях будущего. В философском смысле, идеология – учение об идеях, составляющих фундамент того или иного типа мировоззрения.

Теоретические альтернативы осмысления путей цивилизации соответствуют тем «идеологиям», которые сложились в культурной традиции: 1) «спасение» человека как существа разумного и деятельного достигается на путях материального, социального или духовного прогресса; 2) человек, в силу своей природы, обречён, он прогрессирует к гибели; 3) действие деструктивных сил, обнаруживающееся в человеке и цивилизации в ходе исторического движения, может быть приостановлено или вообще сведено на нет. В рамках каждой альтернативы существует несколько вариантов, общность которых видна при обращении к исходным идеям.

Следуя хронологическому порядку, первой доминирующей теоретической альтернативой следует признать альтернативу, основанную на представлениях о человеке как существе созидающем, способном преобразовать мир по образу своему и подобию, согласно хорошо продуманному плану, реализация которого сделает мир более совершенным. Но поскольку тема катастрофы в начальных вариантах этой альтернативы скрадывается, выдвигаясь на первый план только в более поздних, мне бы хотелось начать со второй альтернативы.

После работы Ж.-Ж. Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов» многие мыслители давали отрицательный ответ на сформулированный в названии работы вопрос, но наибольшее распространение подобные настроения получили в конце XIX и начале XX века. В русской философии этого периода, особенно в работах Соловьева, Лосского, Бердяева, противопоставление культурного (человеческого) и «машинного» (бездуховного) начала достигла своих вершин. О стремлении человека к самоуничтожению, о гибели Европы и крушении земного Града Прогресса западные философы стали говорить около ста лет назад. О. Шпенглер в своём «Закате Европы» (1922) назвал цивилизацию смертью культуры. Э. Фромм в работе «Иметь или быть» писал о крушении «земного града Прогресса», который, выродившись в вавилонскую башню, грозит обрушиться и похоронить всех под своими обломками. Наконец Дж. Хаксли назвал человека «раковой опухолью» планеты, создающей на Земле хаос; человек истребляет всё прекрасное, в конце концов он уничтожит сам себя.

Количество вариантов, возникших в рамках данной альтернативы, достаточно велико. Так, согласно Т. Роззак, люди, получив огонь от Прометея, возмни-

ли себя равными богам. Но в отличие от богов они не смогли распорядиться своим могуществом: «У человечества никогда не было столько силы, столько знаний, богатства, динамизма, и тем не менее оно катастрофически близится к своему концу...» [4]. Пожертвовав своим духом, люди создали «токсичную» культуру. Высокомерие породило такую тягу к самоуничтожению, что поколение ныне живущих может оказаться последним. Гибель духа неизбежно приводит к гибели всего мира. У человека есть только один шанс на спасение, и этот шанс заключается в духовном пробуждении: апокастасис, «Великое возрождение», начнётся с того момента, когда человек задумается над тем, как ему спасти свою душу.

Если у Роззакса гибель цивилизации предопределяется рациональным началом, (предотвращение гибели – это только шанс, возможность, благое пожелание), то в других вариантах на первый план выдвигается иррациональность человеческого естества. Э. Фромм назвал историю цивилизации хроникой сдвигующей разрушительности [5]. А. Кёстлер, сравнив эволюцию с лабиринтом тупиков, пришёл к выводу о том, что в человеке «заложена какая-то встроенная ошибка или недостаток, обрекающий его на гибель» [6]. Р. Арон представил историю как иррациональный поток событий, не подчиняющийся рациональным законам и не имеющий объективных критериев для определения социального прогресса. Принятие идей Арона за исходный пункт размышлений о будущем позволяет признать трагический исход человеческой истории более, чем вероятным.

Все варианты теоретической альтернативы «человек обречён в силу своей природы» могут быть разбиты на группы в зависимости от того, что в человеческом естестве признаётся источником смертельной опасности. Во-первых, природа человека – разум, психика, чувства, биология, активность. В части биологии можно вспомнить концепцию К. Лоренца: человек по природе является слабым животным, у него нет «естественной этики» сильного или механизма запретов, присущих хорошо вооружённым животным и предотвращающих их взаимное истребление. В части активности можно назвать все антитехнистские концепции, объединённые общей мыслью: человек не в состоянии контролировать свою нарастающую технологическую мощь и техническое могущество (Дж. Байрем, А. Бруно, Л. Мэмфорд и многие другие).

Во-вторых, природа человеческих общественных отношений. Уже Руссо, считавший человека по своей природе существом добрым, утверждал, что злым и дурным его делает жизнь в обществе с развитыми общественными учреждениями, и призывал вернуться к «золотому детству» человечества. К. Маркс увидел в конфликтах, присущих классовому обществу, путь, ведущий к социальным катастрофам. По-видимому, Маркс только в своих пожеланиях был оптимистом, тогда как дух его учения – «мы мировой пожар раздуем» – особым оптимизмом не отличается. Р. Дарендорф отметил изначальную конфликтность человеческого общежития, мешающую человеку нормально себя чувствовать в сложно организованном сообществе. В учениях типа социал-дарвинизма получила развитие мысль об исходном социальном эгоизме и агрессивности человека, заставляющих его враждебно относиться к окружающим и не позволяющих строить нормальные человеческие отношения.

Идея «всё большее удаление от золотого века» (история есть регресс), осмысленная на теоретическом

уровне в форме идеи порочности человеческой природы, человеческих отношений и человеческой истории, связана с идеей «приближение к золотому веку» (история есть прогресс), являющейся обратной и в силу этого упрощённой, формулировкой первой идеи. «Двигаться к чему-то» – это первоначально «двигаться от чего-то». В бытийном плане – двигаться от того, что имело место, к тому, что может иметь место. Говоря языком теоретической философии, будущее входит в настоящее как потенциальная реальность, прошлое входит в настоящее как актуальная реальность, отягощая наличное бытие пройденным путём и грузом совершенных ошибок. С формальной точки зрения, прошлое через настоящее влияет на будущее, тогда как обратное неверно.

Идея прогресса, зародившаяся в период становления промышленного производства и теоретического естествознания, была приоритетной до тех пор, пока сохранялась надежда на возможность решения социальных проблем посредством развития техники, технологий и материального производства в целом. Расставание с иллюзиями технологического эвдемонизма (от *греч.* *eudaimonia* – счастье, блаженство) обернулось технофобией и так называемым технологическим алармизмом, под которым в специальной литературе принято понимать негативное восприятие последствий научно-технического прогресса. К концу XX века «эвдемонические» настроения оживились. В концепции постиндустриального общества (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, Ю. Хабермас и другие) произошёл отход от позиции жёсткого технологического детерминизма, кроме техники к факторам прогресса стали относиться социальную структуру, политику, духовные ценности.

В начале 1980-х годов Дж. Нэсбит увидел светлое будущее в ростках такой «мегатенденции», как слияние родственных отраслей – компьютерной, микропроцессорной и техники связи. Надо заметить, что «брак» между бюрократией (от *фр.* *bureau* – стол и *греч.* – *kratos* власть) и информационной техникой чреват. Ещё К. Маркс говорил о таком принципе успешной работы бюрократа, как доступ к необходимой информации и её сокрытие. В целом изменения настроений на полярные и обратно создают психологические трудности при выработке критериев прогресса и оценке успешности движения в избранном направлении.

Рассмотрение прогресса вне контекста представлений об эсхатологической катастрофе ставит под сомнение возможность успешного ответа на вопрос об его критериях. Можно, следуя идеям Ф. Бэкона, принять в качестве критерия степень овладения природой, следуя за просветителями – рост знаний, за Марксом – совершенствование производственных отношений, за технологическими детерминистами – развитие техники и технологий, за евангелистами – степень евангелизации человеческой жизни, наполнение её всё большей духовностью. Единый критерий для всех времён и народов, для всех сфер человеческого общежития и деятельности – фантом теоретического сознания, сладкая мечта, сладость которой прямо пропорциональна её недостижимости.

Без установления критериев рассуждения о прогрессе теряют свой смысл, поэтому прогрессивисты вынуждены остановиться на чём-то одном. Но здесь их ждёт ещё одна трудность. В зависимости от выбранного критерия определяют приоритеты развития. Между тем, по справедливому замечанию Ф. Энгельса, развитие в одном направлении затрудняет развитие в прочих. Кроме того, эволюционисты знают, что рост в одной из частей, подобно излишнему росту, нарушает гармо-

нию целого. В результате был сделан шаг к тому сознанию, которое мне бы хотелось назвать «кризисным». В научной литературе встречаются близкие по смыслу термины «транзитивное мышление» и «мышление переходного периода». Я полагаю, что они несколько уже по содержанию предложенного понятия, так как не включают в себя представления, относящиеся к социокультурному контексту специальной терминологии.

Слабости позиции сторонников прогресса к совершенному состоянию или к состоянию вырождения достаточно серьёзны для того, чтобы не иметь теоретического противовеса, каковым является умеренная позиция, очень близкая к житейскому пониманию построения поведения в кризисной ситуации. В этом направлении может быть сделан следующий шаг в раскрытии содержания «кризисного сознания», являющегося сниженным вариантом религиозного понимания идеи спасения.

Общезивилизационная ситуация такова, что в отличие от традиционной стратегии гуманизма на безграничное раскрытие творческих потенций человека и человечества стратегией, соответствующей постгуманистическому, или экологическому мышлению, является стратегия выживания (Дж. Платт, Дж. Фринман, Р. Эверед), основывающаяся на «осознании людьми тревоги по поводу будущего» [7] и необходимости принятия мер безопасности, что нашло своё выражение в движении «зелёных», в движении за разоружение, в движении за выживание (по некоторым оценкам – до 20 млн человек), во введении в американских школах четырёхдневного курса выживания в условиях атомной войны (в российских школах ведётся предмет «Основы безопасной жизнедеятельности»), а также в составлении руководств типа «Жизнь после Судного дня» и в выпуске журнала «Выжить» в США.

Согласно оптимистической позиции, избежать коллапса цивилизации вполне возможно, если принять срочные меры [8; 10]. Здесь открывается предмет и поле деятельности для тех, кто разрабатывает футурологические сценарии и кого в западной литературе называют «катастрофистами» [9]. В известном смысле, любой нынешний футуролог – катастрофист, поскольку вынужден соизмерять прогнозы развития наличной ситуации с возможностью внезапного, быстрого и необратимого разрушения социальной системы.

Понятие «катастрофизм» выражает осмысление темы эсхатологической катастрофы в рамках научного способа мышления. Специальные исследования будущего научными средствами заключаются в изучении наличной ситуации с точки зрения тенденций её развития. «Катастрофисты» в науке – это те учёные, которые соизмеряют исследование развития наличных тенденций, факторов, состояний с возможностью гибели общественного организма, включая всё человеческое сообщество. Учёные говорят о надвигающейся катастрофе не в связи с обзорением человеческой истории в целом, а исходя из результатов рассмотрения наличной ситуации сквозь призму глобальных проблем современности.

За последние несколько десятков лет тема ближайшего будущего человечества выдвинулась на первый план, прежде всего в форме представлений о «конце цивилизации». Динамичное экономическое и социальное развитие, угроза истощения ресурсов и глобального военного конфликта вызвали повышенный интерес к идее эсхатологической катастрофы, что привело к разработке различных сценариев дальнейшего развития событий. Доминирующая в специальных исследованиях класси-

фикация футурологических сценариев, основанная на противопоставлении «человек – техника», является несколько упрощённой, удобной для использования в научно-популярных и публицистических работах, но, по-видимому, мало пригодной для серьёзного философского анализа. В связи с этим мне бы хотелось отметить ряд существенных моментов, позволяющих установить многомерность «катастрофических» представлений.

Прогнозирование в науке может быть подразделено на позитивное и нормативное, аналогично смыслу понятий «позитивная экономика» и «нормативная экономика», употребляемых в области экономических исследований. В основании позитивного прогнозирования находятся архетипы мифологического миропонимания, с его синкретичностью, чуждостью исторической динамики и слитности восприятия действия рациональных и внерациональных факторов. Житейский взгляд на мир, ориентированный не на изменение природы человека или среды, а на успешное обустройство при сложившихся обстоятельствах, и суть «позитивной экономики», отвечающей на вопрос «что есть?», близки друг другу по духу. Позитивное прогнозирование касается вопросов жизнеобеспечения системы, её стабильности, нейтрализации действия деструктивных факторов, а также вопросов научно-технического, экономического, социального роста и повышения эффективности управления.

В основании нормативного прогнозирования находятся архетипы религиозного миропонимания с его разделением рациональных и внерациональных факторов (естественное, которое можно объяснить, постичь своими силами, и непостижимое вмешательство сверхъестественных сил), с его провиденциальностью и хилиастическими мотивами. Суть «нормативной экономики», отвечающей на вопрос «что должно быть?», близка по своему духу теоретизированному взгляду на мир, ориентированному на достижение желаемого состояния. Целью нормативного прогнозирования является разработка рекомендаций, следуя которым, можно достичь состояния системы, соответствующего заранее заданным критериям. При позитивном прогнозировании особое внимание обращается на выполнение управленческими структурами охранительной функции, при нормативном – креативной функции. И в том, и в другом случае пределы исследования наличной ситуации очерчены представлениями о пороговых состояниях системы, переход через которые означает её уничтожение.

Существует ещё одна ось поля смысловых координат, позволяющего дать не формальную, а содержательную классификацию футурологических сценариев «катастрофистов». В футурологических исследованиях понятие «катастрофа» расщепляется на смысловые плоскости таких понятий, как «коллапс» (от *лат.* *collapsus* – ослабевший, упавший), катаклизм (от *греч.* *kataklysmos* – наводнение, потоп) и кризис (от *греч.* *krisis* – решение, поворотный пункт, исход), означающих, соответственно, состояние развала, резкий перелом под влиянием разрушительных сил, или гибельное по своим последствиям событие и тяжёлое переходное состояние.

Научным языком об «истощении» системы первым сказал П. Сорокин. Послевоенный экономический рост заставил специалистов более оптимистично смотреть в будущее. Атмосферу оптимизма, господствовавшую в общественном сознании 60-х годов, в начале 70-х сменила волна пессимизма, захлестнувшая западные научные круги, что связано с соответствующими экономи-

ческими спадом и подъёмом. Понимание глобальности вставших перед обществом проблем заставило исследователей обратиться к глобальному моделированию. Все сценарии «катастрофистов», которым ближе всего понимание катастрофы как коллапса, оказались пессимистичны: будущее ужасно или оно вообще не наступит, макропроблемы влияют на него трагическим образом.

Ведущей идеей позитивного моделирования является идея выживания, оформившаяся на путях десакрализации религиозной идеи спасения. Соответствующие концепции – «нулевого роста», «глобального равновесия», «ограниченного роста» – связаны с разработкой единственно возможного сценария с подобных позиций: сдерживание экономического и демографического роста. Сниженный вариант апокалиптических идей в их светской интерпретации характеризуется заменой положительной эвристики на отрицательную, или «чего делать нельзя», а креативная функция приписывается абсолютному субъекту, под которым понимается объединённое человечество, проникнутое сознанием драматических судеб мира.

Группой Д. Медоуза были разработаны пять математических «моделей мира», в которых рассматривается взаимосвязь пяти тенденций развития, внушающих тревогу и имеющих далеко идущие отрицательные последствия: рост населения, увеличение районов с недостаточным питанием (голод), истощение невозполнимых ресурсов, загрязнение (общая «деградация» окружающей среды), высокие темпы индустриализации. Только в одной модели забрезжила возможность благоприятного развития ситуации – в случае стабилизации населения Земли. Исходные посылки оптимального варианта: 1) ограничение роста промышленного производства и сокращение капиталовложений в экономику; 2) контроль за уровнем загрязнения и повторное использование ресурсов.

Выпущенная по результатам исследования книга называлась «Пределы роста». Название весьма примечательно. Речь идёт о порогах устойчивых систем, определяемых внутренними ресурсами. Идеи концепции «нулевого роста» сразу нашли как своих сторонников, так и своих противников, внёсших, впрочем, не меньший вклад в их развитие. Критики обратили внимание на то обстоятельство, что группой Медоуза не в полной мере учтены социальные, политические, идеологические и психологические факторы, а также развитие методов организации производства и управления.

Понимание наличия пределов экономического роста и необходимости принятия срочных мер по его регулированию заставило искать возможности уравновешивания системы «человек – природа» в изменении качественных показателей. И. Уилсон и Дж. Нэсбит связали надежды со становлением «информационного общества». При этом Нэсбит настаивает на переходе от институализированной помощи к взаимопомощи на общественных началах. Мотив восстановления патриархальных нравственных отношений, звучащий в высказываниях Нэсбита, не набрал у него полного звучания, поскольку желаемое общественное состояние видится ему не в прошлом, а в будущем. Нэсбит предлагает руководствоваться лозунгом «Больной, помоги себе сам!», приводя такой пример: человек, узнав о серьёзном диагнозе, должен бросить пить, курить, сесть на диету и заняться гимнастикой, мобилизуя все свои внутренние силы на борьбу с болезнью.

Во всех сценариях, включающих элементы «гуманитарного» моделирования, поражение человека более чем вероятно. Путь спасения через возрастание

сознательности, что является сниженным вариантом религиозных представлений о необходимости спасения души, выглядит слишком умозрительно, хотя именно этот путь воспринимается как единственно возможный: «достойная жизнь в условиях смерти цивилизации» с проблесками надежды на духовное возрождение человечества, связываемое с революцией в сознании. Согласно О. Маркли, целью установления «новой морали» является культивирование общности жизненных интересов людей, единство всего человечества и целостная перспектива жизни. Р. Хиггинс предлагает не стремиться к лучшему, ухудшая тем самым создавшееся положение, а достичь хотя неустойчивого, но баланса между любовью и ненавистью на основе «этики сознательности». Надежды возлагаются на «ценностную революцию», «планетарное мышление», на все новое – «новая жизненная философия», «новое сознание», «новый гуманизм».

Для обозначения влияния возможного трагического будущего на сейчас, на исходные данные предвидения в западной социологической литературе широко используется специальный термин «эффект Эдипа». Кроме необходимости оценки ситуации с позиций будущего здесь присутствуют представления о необходимости сохранения отрицательной обратной связи между настоящим и будущим.

Не исключено, что человеку не дано ослабить давление тех проблем, которые присущи только человеку. В другой формулировке: отчуждение, как превращение деятельности человека и её результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную (чуждую) ему, непреодолимо, и о нём нельзя сказать, что оно с ходом времен нарастает или ослабевает. В разные периоды человеческой истории отчуждённость между людьми – индивидами и группами людей – дана по-разному. Мы не можем сказать о каком-то времени, что оно «лучше» или «хуже» любого другого. Тезис «если не преодолеть (ослабить) отчуждение, то гибель неизбежна» выглядит не вполне убедительно. Чуждость и враждебность личности социального и культурного мира, составляющая, говоря словами Г. Зиммеля, «трагедию культуры», выражают сущностную характеристику человеческого бытия. Другой характеристикой является нечуждость и невраждебность, поскольку социальный и культурный мир – это свой для человека мир, другого своего нет.

Список литературы

- 1 Кант И. Соч. – М. : Мысль, 1966. – Т.6. – С. 23.
- 2 См.: Бердяев Н. *Смысл истории*. – М. : Мысль, 1990. – 183 с.
- 3 См.: Ласки М. *Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы / пер. с англ., нем., франц. и др. языков ; сост, предисп. и общ. ред. В. А. Чаликовой*. – М. : Прогресс, 1991; *Мараваля Х. Утопия и реформизм // Там же*.
- 4 Roszak Th. *Where the Wasteland Ends. Politics and Transcendence in Postindustrial Society*. N.Y. 1972. P. XX.
- 5 См.: Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. – М. : АСТ, 2006. – 640 с.
- 6 Koestler A. *The Ghost in the Machine*. L., 1971, p. 12.
- 7 См.: Evered R. *Interest in the Future*. – *Futures*, 1977, v. 9. № 4.
- 8 Кроме докладов Римского клуба см., например: Завадин В. В., Фролов И. Т. *Глобальные проблемы современности. Научный и социальный аспекты*. – М., 1981.
- 9 Семченко А. Т. *Современный апокалипсис: Критика идеологии катастрофизма*. – М., 1989.
- 10 Tuccille J. *Who's Afraid of 1984? The Case for Optimism in Looking Ahead to the 1980's*. N.Y., 1976.

С.М. Попков

Курганский государственный университет

СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ СОДЕРЖАНИЯ НАУКИ КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье наука рассматривается как интегративная форма культуры, сохранение и трансляция которой осуществляется посредством четырех базовых универсальных культурных форм; раскрывается содержание демонстративных, императивных, ценностно-селективных и рационально-теоретических форм трансляции культуры в науке.

Ключевые слова: культура, наука, формы трансляции культуры, традиция, норма, стандарт, ценности, категории, принципы, методы.

С.М. Попков
Kurgan State University

WAYS OF PRESERVATION AND TRANSFER OF SCIENCE CONTENT AS A FORM OF CULTURE

Annotation. The article discusses science as an integrative form of culture, preservation and transfer of which is carried out through four basic universal cultural forms. The paper defines demonstrative, imperative, value-selective and rational-theoretical forms of culture transfer in science.

Keywords: culture, science, forms of culture transfer, tradition, norms, standard, values, categories, principles, methods.

Г.-В.-Ф. Гегель рассматривал науку как форму рационально понятой культуры и ставил задачу «выяснить, как во всех общезначимых явлениях истории мысли проявляется и действует собственный абсолютный и вечный разум человека» [1]. В XX веке в диалектическом материализме понимание науки как формы культуры стало заменяться её трактовкой как формы общественного сознания, детерминированной общественным бытием. Тем самым наука была вынесена за границы культуры. Но наука является формой культуры, так как сущность их одна – это способ и результаты деятельности человека. А потому так же, как и в культуре, в науке сохранение, трансляция и развитие её содержания осуществляется посредством четырёх универсальных форм: демонстративных, императивных, ценностно-

селективных и рационально-теоретических. Каждая из них передаёт опыт специфическим образом: демонстративные – через поведенческий образец и мимесис, императивные – через нормы, ценностно-селективные – через ценности и их свободный выбор, рационально-теоретические – через разум. Эти способы существуют в разных формах культуры, связывая их между собой, и обладают возможностями экстраполяции на новые области и объекты культуры, в силу чего расширяется содержание того опыта, который охватывается данными способами трансляции культуры.

К особенностям науки как формы культуры относится то, что хотя в ней действуют все формы трансляции культуры, но доминируют рационально-теоретические, а другие способы подчинены задаче получения истинного знания. В. Гейзенберг признавал, что содержание и способы производства знаний определяются традициями. «Мы убеждены, – писал он, – что... наши научные понятия, по меньшей мере, отчасти вытекают из научной традиции, сопровождающей или направляющей науку её многовековой истории» [2]. В науке существуют различные способы обоснования её положений, одни из которых являются универсальными, а другие – неуниверсальными, или контекстуальными. Среди последних широко используемым является аргумент к традиции. Просвещение, рассматривая традицию как форму авторитета, подчиняло её требованиям разума и считало, что традиция не может быть источником истины.

Х.-Г. Гадамер поставил задачу освободить учение о предрассудках от «просвещенческого экстремизма» и сделал это двумя способами. Первый заключался в указании на то, что «безусловной противоположности между традицией и разумом не существует» [3], так как сохранение традиции представляет акт разума. Второй заключался в доказательстве того, что и в науках о природе, и в науках о культуре «присутствует действенный момент традиции». В результате Гадамер сделал вывод о зависимости различных форм бытия человека, в частности, в сфере науки – от традиции. «То, – писал он, – что освящено преданием и обычаем, обладает безымянным авторитетом, и все наше историческое конечное бытие определяется постоянным господством унаследованного от предков – а не только понятого на разумных основаниях – над нашими поступками и делами» [4].

Традиция включает образцы, нормы, правила, благодаря чему сохраняется предшествующий опыт, соединяет прошлое и будущее, обеспечивает создание проектов. Сама научная рациональность является традицией. Обращение к традиции входит в содержание такого научного принципа, как принцип привычности (консерватизма). Аргумент к традиции играет важную роль в морали, лингвистике, ритуале, научных конвенциях и научной коммуникации.

Т. Кун охарактеризовал силу традиции, при которой воспроизводятся одни и те же научные методы и формы, научные проблемы, в своей концепции нормальной науки, показав, что в ней традиция является фактором накопления и сохранения знания. Научные коллективы, школы, сообщества играют важную роль в развитии нормальной науки, под которой он понимал «исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений – достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для развития его дальнейшей практической деятельности» [5]. Эти научные достижения он называет парадигмами

и выделяет три их функции: моделирующую, интегрирующую и эвристическую. «Под парадигмами, – объяснял он, – я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений. ...Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму. ...Парадигма... общепризнанный образец» [6]. Парадигма обеспечивает конкретные решения «не разгаданных ещё головоломок нормальной науки» [7].

Аргумент к традиции связан с аргументом к авторитету, ибо последний может рассматриваться как своего рода традиция в науке, но речь идёт об эпистемическом авторитете, как назвал его Ю. Бохеньский, т.е. авторитете специалиста. Количество ссылок на работы учёного рассматривается как свидетельство его научного статуса. Но в науке и к теориям, и к авторитетам относятся с критической позиции, так что аргумент к авторитету признаётся необходимым, но недостаточным. Традиция управляет ходом научного исследования, определяет форму полученных знаний, принципы их организации и систематизации, образцы научной деятельности и её продуктов [8]. Традиции в науке делятся на вербализованные (категории, методы и принципы научного исследования) и невербализованные, явные и неявные (передают неявные знания). В науке традиции взаимодействуют с нововведениями.

В науке используются такие императивные способы передачи культурного опыта, как запреты, нормы, стандарты (исходные образцы, эталоны, модели). И. Лакатос в своей концепции научно-исследовательских программ включал в программу отрицательную эвристику, систему запретов на ряд путей в научном исследовании, а также положительную эвристику, предсказывающую аномалии и предписывающую пути научных исследований. Наука использует запреты в логике по отношению к мышлению. В способы теоретического обоснования входят регулятивные принципы ограничений и запретов, которые, как и другие принципы, «существенно ограничивают произвол в выборе основных положений строящейся концептуальной системы» [9]. Наука имеет универсальные нормы, обеспечивающие её эффективное развитие, к которым относятся обоснованность научного знания, его логическая последовательность, рациональность, которая в философии науки понимается как соответствие знания наиболее общим принципам разума, и практическая значимость.

В науке применяются и такие методологические средства, как стандарты адекватности идей и теорий. Лакатос разделил все методологические концепции на две группы: 1) джастификационистские, устанавливающие высокие эпистемологические стандарты: «суждение является «научным» только в том случае, если оно доказано» [10] и 2) прагматистско-конвенционалистские, опирающиеся на принцип индукции. Выделяются стандарты, которые относятся к процессам вывода, и стандарты, которые связаны фактическими данными [11]. С изменением теории изменяются и стандарты адекватности. Сам Лакатос предлагает третий вариант – методологию научно-исследовательских программ, благодаря которой обеспечивается сравнение «конкурирующих логик научного исследования».

Наука использует и ценностно-селективные способы передачи культурного опыта. В.И. Вернадский писал: «Вопрос о моральной стороне науки – независимо от религиозного, государственного или философского проявления морали – для ученого становится на очередь

дня. Он становится действенной силой, и с ним придется все больше и больше считаться» [12]. Соотношение истины и ценности являлось в науке долгое время предметом спора. В XX в. М. Вебер по сути обосновал тезис «свобода от ценностей», который поддержали неопозитивисты. Р. Карнап писал: «Ценностные суждения являются не более чем приказами, принимающими грамматическую форму, вводящую нас в заблуждение... Они не являются ни истинными, ни ложными. Они ничего не утверждают, и их невозможно ни доказать, ни опровергнуть» [13].

Но кризис неопозитивизма привёл к пересмотру взглядов на роль ценностей в науке, который был осуществлен постпозитивизмом. Т. Кун в концепции нормальной науки ввёл кроме понятия «парадигма» понятие «дисциплинарная матрица», характеризующее принадлежность учёных к определённой дисциплине и включающее такие элементы, как символические обобщения, общепризнанные предписания и ценности, широко принятые среди различных научных сообществ, благодаря которым между учёными возникает чувство единства. Ценности обеспечивают выбор путей исследования, решения в отношении теорий, формулировки и решение головоломок [14]. Р. Мертон [15] разработал концепцию этоса науки, включив в него такие ценности, как универсализм, общность, незаинтересованность и организованный скептицизм, имеющие важное значение для научного сообщества. Нарушение этических норм (плагиат, подтасовка научных данных и т.д.) разрушают репутацию учёного, научной школы и других форм деятельности научных коллективов, снижают доверие к науке. Поэтому научные сообщества заинтересованы в том, чтобы между учёными сохранялось доверие к результатам научной деятельности, особенно когда речь идёт о научных открытиях, которые требуют поддержки для того, чтобы быть признанными.

Ценности входят в науку в виде абсолютных оценок или неявных оценок: «Идеалы и нормы науки, методологические и иные рекомендации, советы, предостережения, просьбы, обещания...целевые нормы... конвенции всякого рода. Все они являются предписаниями и находятся в ценностном отношении к миру» [16]. Сюда же можно отнести «парадигмы» у Куна, «жесткое ядро» у Лакатоса, тематический анализ у Дж. Холтона, признающего тематическую структуру научного знания. Сегодня положения науки считаются описательно-оценочными, и ценности делятся на внутренне, входящие в структуру теории (номинальное определение теории, конвенции в ней, аналитические истинные её утверждения), и внешние, действующие в контексте теории (образцы, нормы, правила, оценки, принципы и т.д.). Внешние ценности в виде требований, предъявляемых к учёному, составляют стандарт учёного, который исторически меняется. «Если не только общие принципы теории, – писал А.А. Ивин, – но и все её законы и даже некоторые факты ценностно нагружены, то ясно, что ценности неизбежны в структуре всех теорий, как гуманитарных, так и естественнонаучных. И поскольку ценности входят в теорию, как правило, не в виде явных оценок, а в форме дескриптивно-прескриптивных утверждений, невыполнимо не только требование устранять ценности из науки, но и более слабое требование отделять содержащиеся в теории оценки от чисто описательных утверждений» [17].

Специфика науки заключается в предметном содержании самой науки, которая исследует мир и человека в нём с целью объяснения и понимания, и в рационально-теоретических способах трансляции

культурного опыта. Возникновение науки в индустриальном обществе связано с автономией конкретных наук, созданием научных категорий и научных методов, способов научного обоснования и созданием научной рациональности (пришедшей на смену философской и теологической рациональности), для которой характерно упорядочивание всех уровней научного знания, его объективность, проверяемость, опровержимость, обоснование с помощью универсальной аргументации. Выделяются три типа научной рациональности: классическая, исключавшая субъекта и субъективность из научного знания, неклассическая, создавшая современную научную картину мира, и постнеклассическая, с междисциплинарными формами научных исследований, синергетической парадигмой и идеями глобального эволюционизма, в которой научные цели соединяются с социальными ценностями.

Таким образом, наука является интегративной формой культуры, она использует для своих целей (получение истинного знания) такие способы, как демонстративные (аргумент к традиции и авторитету, парадигмы), императивные (нормы, стандарты), ценностно-селективные (этнос науки). В науке эти формы не автономны, а подчинены задачам научного исследования. Кроме того, наука имеет специфические рационально-теоретические способы передачи знаний (категории, принципы, методы, формы).

Список литературы

- 1 Мамардашвили М. К. *Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания)*. – М., 1968. – С. 155.
- 2 Гейзенберг В. *Шаги за горизонт*. – М., 1987. – С. 226.
- 3 Гадамер Х.-Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. – М., 1988. – С. 334.
- 4 Там же. – С. 333.
- 5 Кун Т. *Структура научных революций*. – М., 2001. – С. 34.
- 6 Там же. – С. 17, 226, 241.
- 7 Там же. – С. 225.
- 8 *Философия и методология науки*. – М., 1996. – С. 210.
- 9 Мамчур Е. А., Илларионов С. В. *Регулятивные принципы построения теории // Синтез современного научного знания*. – М., 1973. – С. 357.
- 10 Лакатос И. *История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций*. – С. 489.
- 11 Ивин А. А. *Современная философия науки*. – М., 2005. – С. 264.
- 12 Вернадский В. И. *Живое вещество и биосфера*. – М., 1994. – С. 71.
- 13 Цит. по: Ивин А.А. *Современная философия науки*. – М., 2005. – С. 357.
- 14 Кун Т. *Структура научных революций*. – С. 234-238.
- 15 Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. – М., 2006. – С. 767-774.
- 16 Ивин А. А. *Современная философия науки*. – С. 362.
- 17 Там же. – С. 367.

УДК 111.85

М.Ю. Прокопьева
Курганский государственный университет

КАЛОКАГАТИЯ: СООТНОШЕНИЕ ИСТИНЫ, ДОБРА И КРАСОТЫ

Аннотация. В статье дается обзор античной калокагатии и прослеживается ее связь с базовыми ценностями: истиной, добром и красотой.

Ключевые слова: калокагатия, красота, истина, добро.

M.U. Prokopenko
Kurgan State University

KALOKAGATHIA: THE CORRELATION OF TRUTH, GOODNESS AND BEAUTY

Abstract. The article provides an overview of the ancient kalokagathia and traces its relation to the basic values of truth, goodness and beauty.

Keywords: kalokagathia, beauty, truth, goodness.

Феномен ценности – это сложное, многомерное, но в то же время целостное образование, «полюсами» которого, по нашему мнению, являются важность и оценка, что создается особой формой связи объекта и субъекта. Чем сложнее явление и чем большее значение оно имеет в нашей жизни, тем больше смыслов оно имеет, рождая споры об адекватности и искаженности его интерпретаций, так как объект приобретает смыслы лишь в оценке его субъектом, но для разных субъектов один и тот же объект может иметь разные смыслы (например, трактовка того или иного романа Ф.М. Достоевского, их экранизации и пр.). Ценностное отношение возникает, живет, изменяется в реальной социокультурной среде и одновременно оказывает на нее определенное воздействие. Такой ценностью является Красота.

Красота – одна из форм бытия материального мира в сознании человека, раскрывающая эстетический смысл явлений, их внешние и внутренние качества, которые вызывают удовольствие, наслаждение, моральное удовлетворение. Высшей степенью Красоты является прекрасное. Однако то, что кажется прекрасным одному, может показаться банальным другому, то, что считалось красивым в одну эпоху, представляется смешным в другую, то, что вызывает восхищение у людей одной культуры, подвергнет в недоумение пред-

ставителей другой. Весь этот хаос разных взглядов и мнений связан с существованием, развитием и отрицанием общественных идеалов, с разнообразием личных, семейных, сословных вкусов, с несовместимостью индивидуальных эстетических оценок. В истории культуры отношение человека к Красоте всегда претерпевало изменения. Так, античная калокагатия совмещала в себе одновременно социально-политический, педагогический, этический и эстетический идеал.

Греческий термин «calosagathia» буквально означает «прекрасный и хороший», «красивый и добрый», хотя интерпретаций его перевода довольно много. «Прекрасное» греки относили к телу, а «доброе» – к душе. Однако в античной калокагатии совершенно нет ничего отдельно «прекрасного» и отдельно «доброе». Человек-носитель калокагатии был идеальным гражданином полиса, который стремится к осуществлению коллективных целей гражданского коллектива и был способен их осуществить. В основе калокагатии – космически гармоничное и соразмерное, т.е. мера, порядок, четкость границ, симметрия. Олицетворением Красоты является прекрасный человек, в котором соединились все достоинства, как внешние (физическая красота – тело), так и внутренние (слава, достоинство, честь, имущество, свобода от унижающего труда), т.е. гармония тела и духа.

А.Ф. Лосев выделяет следующие значения калокагатии, анализируя которые, можно увидеть некоторые смысловые оттенки как «прекрасного», так и «нравственного»: социально-историческая калокагатия, т.е. принадлежащее к той или иной сословной группе; политическая – принадлежащее к той или иной партии; в эпоху культурного кризиса в Древней Греции появляется интеллигентско-софистическая калокагатия, понимание которой основано на «утонченных» и «изнеженных» методах мышления и жизни; философская калокагатия, имеющая значение бессознательного, вытекающее из употребления термина в обиходе.

Анализируя социально-историческое значение калокагатии, А.Ф. Лосев приходит к выводу, что каждая сословная группа и общественный класс в Древней Греции обладали своей собственной калокагатией, непрерывно переходящий от одной к другой. В социально-исторической калокагатии он выделяет несколько подвидов. Старинно-аристократическая калокагатия содержит в себе как элементы старинного родового, аристократического, жреческого благородства, так и материального благополучия, спартанской доблести.

Общественно-демонстративный тип – это наиболее выразительный тип классической калокагатии, так как представлен олимпийскими и прочими состязаниями, хорегиями и театральными празднествами, процессиями и всей внешней, демонстративной стороной греческой культуры. Человек, преуспевающий в кулачном бою, в беге колесниц, в метании диска, а также в мусических состязаниях, в игре на инструментах и пр. – это человек calos sagathos.

А.Ф. Лосев выделяет и мещанскую калокагатию, предупреждая, что данный термин имеет чисто условный смысл. Пример мещанской концепции калокагатии описан в «Экономике» Ксенофонта, где все преимущества, качества, достижения «заработаны» мещанином своими руками, а не получены с рождения, он – индивидуалист, поэтому не ценит никаких традиционно-родовых устоев жизни. Мещанское сознание деятельно, активно, предприимчиво, оно борется с созерцательными аристократическими идеалами, которые кажутся ему слишком мертвыми и пустыми, скованными и ре-

троградными. «Калокагатия же Ксенофонта, – делает вывод А.Ф. Лосев, – полна надежд, у нее сытое брюшко; и она пока еще вольной птицей выводит в цветущем, еще не сожженном лесу классического эллинизма свои завистливые мещанские трели» [1, 411].

Политический тип калокагатии описывает Аристотель и заключает, что калокагатия существует у тех людей, которые одновременно обладают достаточно высокой «нравственностью» и богатством, т.е. философ к благородному происхождению присоединяет черты демократии в виде свободы и интересов граждан, а наилучшая политическая форма, «полития», объединяет добродетель, богатство и демократические свободы в лице «наилучших».

Интеллигентско-софистическая калокагатия представлена греческой интеллигенцией (V-IV вв.), прежде всего, софистами, но не только. В это время появляется человек образованный, воспитанный, культурный и пр., а значит «прекрасный и хороший», однако героем он стать не может, так как для этого ему нужна жизненная выучка и воспитание, например, как у стоиков.

Философская калокагатия связана с расчленением философской рефлексией цельности и гармонической законченности, составляющей ядро греческой калокагатии, внутреннего и общего содержания и внутренней формы. Соотношение «тела» и «души» является исходным пунктом для понимания античной калокагатии, поэтому гармония тела и души является гармонией тела с самим собою. Представителем философской калокагатии является Сократ, который отличает ее и от добрых поступков, и от добродетели, и от красоты. Ксенофонт описывает его воззрения на калокагатию, которая, по Сократу, есть знание доброго, «ставшее жизнью доброго, давшего мудрость». В этой мудрости есть факт осуществления добра и есть смысл, значимость, вид, физиономия, картина его существования, которая и есть калокагатия. Это есть знание, ставшее жизнью, или мудрость, в которой и заключается единство и нераздельность калокагатии [1, 419-421].

Идеал калокагатии не просто идеальное человеческое тело, он воплощает живую личность, которая немислима в отрыве от рабовладельческого общества и является идеалом полисного гражданства. А.Ф. Лосев определяет калокагатию как «роскошь тела, души, общества, взглядов, обычаев. Калогатийный человек силен, бодр, весел, красив, здоров. Он – борец, герой, атлет, равно как и поэт, музыкант, художник. Он же и человек меры. Он покoren тому, чего нельзя миновать, покoren судьбе, но надеется на великую славу в грядущем. Изобилие жизненных благ ему нравится; но он не раболепствует перед ними, а расстается с ними с улыбкой. Он не отказывается от богатства. Однако не богатство и слава владеют им, а он владеет ими, и он над ними всегдашний господин» [1, 395].

Красота – это, прежде всего, эстетическая категория, отражающая ту сторону явлений, которая не может быть отнесена к суждениям ни с точки зрения теоретической истины, ни с точки зрения нравственного добра, ни материальной пользы, однако она составляет предмет положительной оценки – признается достойной или одобряется [2, 356]. Эстетическое чувство прекрасного, красоты непосредственно раскрывает нам все связи мира, т.е. сознание человека проникает в глубь явлений действительности с помощью образов, создаваемых им посредством личной, социальной, общественной практики. Данные образы не могут быть созданы без осознания и других ценностей, которые неизменно сопутствуют Красоте – это Истина и Добро. Как показал

обзор античной калокагатии, «прекрасный и хороший», «красивый и добрый», «нравственный идеал», совмещает в себе три этих базовых ценности, которые во все времена и у всех народов остаются неизменными и вечными, изменчиво лишь отношение к ним человека и связано со сменой в сознании поколений эмпирических ценностей: например, славы, материальных благ, власти. Данные ценности могут быть представлены как некая граница, за которой начинается чуждое пространство с «другими», «перевернутыми» ценностями. Ложь, заблуждение, зло, безобразное могут встать на место Истины, Добра и Красоты, но они должны постоянно разнообразиться, быть увлекательными, используя для этого порок, преступления, гордыню.

Список литературы

- 1 Лосев А. Ф. *История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 2.* – М.: Искусство, 1994. – 604 с.
- 2 *Эстетика: Словарь.* – СПб., 2009. – 407 с.

УДК 37.017.92

И.Н. Степанова
Курганский государственный университет

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

Аннотация. В статье анализируется развитие двух систем образования: открытой и закрытой школы – и показывается связь первой с универсальной, а второй – с исторической социальной ценностью образования.

Ключевые слова: социальная ценность, образование, «открытое образование», «закрытое образование».

I.N. Stepanova
Kurgan State University

EDUCATION AS A SOCIAL VALUE

Abstract. The article analyses the development of two educational systems: an open and closed schools. The research shows the connection of the first with the universal educational value and of the second with the historical social educational value.

Key words: social value, education, open education, closed education.

Социальной ценностью образование становится в силу того, что оно обеспечивает формирование социальных добродетелей. Понятие «добродетель» было введено в философию Платоном и Аристотелем. Но если у Платона добродетель представляет трансцендентное начало (принцип), посредством которого боги оценивают поступки людей, то Аристотель считал добродетель абсолютным нравственным началом, присущим жизни людей, и разделил все добродетели на мыслительные (дианоэтические) и нравственные (этические).

Описывая последние, он уделял особое внимание дружбе, которую называл дружбой добродетельных, проводящих жизнь сообща. К особенностям дружбы Аристотель отнес уравниность, взаимность, приязнь, желание другому блага, доверие. Философ по сути дела выделил социальные добродетели, которые могут распространяться на отношения Я со многими Другими. «Право[судие] и дружба, – писал он, – имеют место при всех вообще общественных взаимоотношениях, [т.е. в сообществах]. ...дружба [предполагает отношения] общности» [1, 232].

В XX в. социолог Дж. Коулмэн ввел понятие социального капитала, понимая под ним «способности людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе» [2, 26], а Ф. Фукуяма – понятие спонтанной социализированности, характеризующей коллективное участие людей, имеющих такие социальные добродетели, свидетельствующие о взаимном доверии, как «честность, ответственность, способность к сотрудничеству, чувство долга перед окружающими» [2, 79]. Фукуяма проанализировал экономическую жизнь различных стран Запада и Востока и пришел к выводу, что «одним из главных уроков изучения экономической жизни является то, что благополучие страны, а также ее хозяйственная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия» [2, 20-21]. Все страны по критерию поддержания спонтанной социализированности он разделил на общества с высоким и низким уровнем доверия и связал его с коллективистскими или индивидуалистическими стремлениями людей.

Социализированность на уровне инстинктов и внешних чувств имеется и у животных, но социализированность на уровне этических ценностей только у людей благодаря тому, что они живут в созданном ими социокультурном мире. Культура передает опыт прежних поколений через такие механизмы, как поведенческое подражание, нормы, ценности, понятия и принципы, а общество, следуя своим потребностям, создает необходимый для него человеческий тип, который воспроизводит система образования. «Воспитание, – считал Э.Дюркгейм, – вещь в высшей степени общественная, как по своему происхождению, так и по своим функциям» [3]. Социализированность формируется в человеке целенаправленно, через социальный институт образования и спонтанно, через образ жизни, привычки, религию, мораль, искусство, формы общения в труде и на досуге.

Древние греки разработали две системы образования, основателями которых были Сократ и Платон. Сократ выдвигал идеи индивидуализма, эгалитаризма, любви к свободе и веры в разум. К. Поппер пишет о системе идей Сократа: «Он был... величайшим оборотником индивидуалистической этики всех времен. ...Важно отметить, что интеллектуализм Сократа носил явно эгалитаристский характер. Сократ верил, что научить

можно каждого. ...Желающим обучиться можно помочь избавиться от предрассудков, т.е. обучить их самокритике и тому, что истину обрести нелегко. Но их также можно научить приобретать решимость и критически полагаться на свои собственные решения и озарения» [4, 169-170]. Эгалитаристские теории разрабатывались и в школе Горгия. Антисфен, который был учеником Сократа, расширил их содержание, «превратив их в учение о братстве всех людей и о всеобщей человеческой империи» [4, 194]. У Сократа система образования являлась персоналистской, направленной на развитие личности.

Противоположная система образования была разработана Платоном в работах «Государство» и «Законы», явившись сердцевинной его теории «задержанного общества». Эта система являлась институциональной (государственной) и имела целью «задержать политические перемены с помощью институционального контроля за передачей власти. Платон предполагал, что такой контроль может осуществляться с помощью системы образования, в основе которой лежит авторитаристский подход к обучению» [4, 178]. Эта система имеет функцией установить барьер между правителями и управляемыми и воспитывать по образцу божественных идеалов государства и человека, устанавливаемых философами-правителями. Система образования Платона была элитарно-ролевой.

По мнению К. Поппера, существует два подхода к политике и пониманию будущего общественного устройства: утопическая инженерия и постепенная, поэтапная инженерия. Суть первой заключается в том, чтобы создать проект идеального государства и затем искать средства для его существования в масштабе всего общества. Суть второй заключается в создании частных социальных решений для преодоления социальных бед в различных сферах общественной жизни, в частности, в образовании. Первый проект имеет априористский характер, второй основывает предвидение социальных факторов на эмпирическом опыте. Первый опирается на платоновскую теорию лидерства избранного меньшинства, являющегося экспертами, что ведет к возникновению закрытого общества (авторитарного, тоталитарного), второй – на теорию свободного выбора и личных решений индивидов, что ведет к созданию открытого общества. Поппер считает, что человеческая цивилизация находится в стадии перехода от закрытого общества к открытому. Применительно к системе образования можно ввести понятия «открытая школа» и «закрытая школа» и «открытое образование» и «закрытое образование».

Примерами открытой школы в античном обществе были школа софистов, кружок Сократа, школа Горгия, Сад Эпикура, а закрытой – школа Пифагора, Академия Платона и Ликей Аристотеля. Первая ставила задачей дать равное образование всем желающим, а вторая имела целью воспитание элиты. В первобытных и современных примитивных обществах существовал и существует особый тип открытой школы – «школа в буше», представляющая ученичество как интересующее неинституционализированное обучение.

По целому ряду формальных признаков ученичество можно отнести к школьному образованию: длительный срок обучения (от двух до восьми лет), наличие учебных групп, отделение учеников от общества, широкое содержание обучения, вербальный язык, аттестация в форме демонстрации умений и знаний и заключительный экзамен [5, 37]. Ученичество представляет переходный этап от социализации к институ-

ционализированному обучению. Оно обладает такими особенностями как исполнение штучного заказа (обучение конкретного человека), приобщение к общемировоззренческому знанию, партикулярность (неотделенность содержания обучения от личности учителя), вовлеченность ученика в жизнь учителя, эмпатия [5, 41-42]. Те исследователи, которые относят ученичество к школьному обучению, считают его неинституционализированным, но формализованным обучением и воспитанием. Ученичество продолжает существовать и в современном обществе, например, в материальном производстве (отношения мастер – ученик), в системе высшего образования и послевузовского образования в аспирантуре, в научных школах.

Но если «школа в буше» давала общее (среднее) образование, то античные школы Платона и Аристотеля являлись прототипами высшего образования. На основе последних сложилось две модели высшего образования: англо-саксонская либеральная модель с двумя уровнями – бакалавриат и магистратура, и немецкая, готовящая специалистов по различным профессиям. В «первой» модели акцент сделан на развитии самостоятельности человека, во второй – на технологической практике» [6, 130]. Кроме того, как пишет О. Долженко [6, 131], в высокотехнологических обществах наряду с классическими и техническими университетами, финансируемыми государством, появились вузы на базе фирм и корпораций с правом присуждения дипломов. Поэтому высшее образование сегодня включает общее высшее, профессиональное и специальное.

Открытая школа Сократа трансформировалась в XX веке в массовую школу, где дают общее среднее образование, а закрытые школы Платона и Аристотеля – в элитарные университеты. В России, где действовала преимущественно немецкая модель образования, готовящая специалистов, сегодня переходят на англо-саксонскую модель, а университеты разделены на региональные, федеральные и национальные (где готовят элиту в области экономики и госуправления). При этом сохраняются технические университеты, готовящие специалистов для материального производства.

Все эти формы образования так или иначе социализируют человека, но сама социализация выглядит по-разному, ибо социальные добродетели имеют различное содержание в либеральных, авторитарных и тоталитарных обществах. До второй половины XX века культурные ценности европейских стран и США считались незыблемыми, но в конце 60-70-х годов начинается «время возникновения критического духа в общественном сознании европейских стран» [7, 381]. Критический дух обнаруживается не только в гуманитарных науках (особенно в философии постмодернизма), но и в общественных движениях студенческой молодежи и возникновении молодежной контркультуры. Создатель идеологии новых левых Г. Маркузе в интервью заявил: «Все началось с университета, поскольку университет – ключевой элемент всего капиталистического общества, постольку сразу же требования, касающиеся университета, перешли в бунт против общества в целом, против конкретного общества, которое студенты воспринимают как опустошающее, движущееся к закату и репрессивное общество» [7, 383].

Протестом против образовательной системы Запада, готовящей полезных членов капиталистического общества, явилось возникновение в философии образования критико-эмансипаторского направления и критической педагогики. Наиболее острое осуждение западной системы образования и наиболее ради-

кальное предложение о ее упразднении принадлежит американскому культурологу И. Илличу, разработавшему концепцию «дескуликации общества». Сущность западной образовательной системы, особенно в США, он усматривает в том, что «она является одновременно хранилищем социальных мифов, средством узаконения противоречий, содержащихся в этих мифах, и центром ритуальных действий, воспроизводящих и поддерживающих расхождение между этими мифами и реальностью» [8, 59].

Конечно, ни одно общество не обходится без мифов и ритуалов, но мифы и ритуалы образования способствуют существованию потребительского общества в глобальном масштабе. Поэтому, с точки зрения Иллича, они являются наиболее социально опасными, превращающими школу из института культуры в корпорацию, оказывающую образовательные услуги. В них признается получение образования, если только оно зафиксировано удостоверениями, ценность образования сведена к набору стандартов, учебные планы и рабочие программы превращены в товар для продажи, личностное развитие сведено к бесконечному потреблению информации. Образовательные ритуалы с их перманентными инициациями (аттестациями об успехах в обучении) имеют целью «праздновать миф земного бесконечного потребления» [8, 66].

Иллич считает, что западное образование не обеспечивает индивидуального развития, социального равенства и социальных коллективистских добродетелей и представляет форму отчуждения от культуры. Школа признается им манипулятивным недружелюбным институтом и предлагается проект общественной сетевой системы образования, включающей четыре сети. Первая – служба рекомендации образовательных объектов, вторая – служба обмена навыками, третья – служба подбора партнеров, представляющих добровольную коммуникативную сеть совместного обучения, четвертая – служба рекомендации старших преподавателей. Некоторые элементы этой системы используются сегодня в условиях компьютеризации современного общества в программах дистанционного обучения. Но в целом образовательная система Запада и России осталась государственной системой с централизованным управлением, со всеми ее достоинствами и недостатками.

По сути критика современного социального института образования имеет основанием решение более общего вопроса о социальной ценности образования. Дело в том, что последняя включает две составляющие: универсальную социальную ценность образования, связанную с человеческой природой (способность к обучению как развитию мышления, получению и воспроизводству знаний, способность к сотрудничеству с другими и способность быть самим собой, личностью), и неуниверсальную, специфическую социальную ценность, связанную с исторически детерминированным типом экономики и социальной структуры общества (образование ради денег, успеха, престижа, власти, работы).

В первом аспекте социальная ценность образования выражается в лично развивающем характере образования, а во втором образование сводится к экономической ценности. У Э. Дюркгейма имеется идея о противоречии между реализацией в человеке коллективности и индивидуальности. Развитие в человеке коллективности превращает его в социальный тип, а развитие индивидуальности – в личность. Но в отличие от Дюркгейма мы связываем развитие индивидуальности не с общественным разделением труда, а с куль-

турой. Универсальная социальная ценность образования непреходяща, а историческая изменчива. Частично смысл этих двух аспектов социальной ценности образования совпадает (например, запрет на убийство является и универсальной, и исторической ценностью), но только частично. Более того, в своем историческом существовании эти ценности противоречат друг другу.

Социальная ценность образования конкретизируется через систему образовательных ценностей. Н.С. Розов [9, 128-151] к ценностям гуманитарного образования отнес ответственность за общезначимые ценности (нормы сознания и поведения – табу, заповеди, а также добродетели), свободное ценностное самоопределение (жизненные цели, ведущие мотивы и интересы, принципы, стремления, потребности и т.д.), общекультурную компетентность (социальная, коммуникативная, эстетическая и т.д.). К ценностям профессионального образования – профессиональную компетентность (знания, умения, способность к профессиональной деятельности).

Гуманитарное образование является первоначальной ступенью высшего образования и его основой. В ценностях гуманитарного образования конкретизируется универсальная социальная ценность образования, а в ценностях профессионального образования – историческая. Но тенденция прагматизации образования приводит к тому, что объем гуманитарного образования в высшей школе сокращается в пользу профессионального образования.

Сегодня широко распространено в различных странах представление о товарной ценности образования. «Предполагается, – пишет А.О. Карпов, – что образование, трансформированное в рыночно развивающуюся систему, превратит студентов в “критических потребителей”, а институты высшего образования – в поставщиков, которые будут формировать программы “под заказ”» [10, 93]. Эти представления реализуются в системе высшего образования, что свидетельствует о приоритете исторической социальной ценности образования в качестве главной цели системы образования, диктуемой рыночной экономикой и социальной структурой. Доминирование этой социальной ценности образования превращает его в «закрытое образование», с разделением на образование элиты и производителей материальных благ и услуг. Но образование имеет своей универсальной функцией передачу культурного наследия новым поколениям, с его общечеловеческими непреходящими ценностями. Если общество заинтересовано в развитии своего будущего, оно обязано руководствоваться идеей универсальной социальной ценности образования.

Список литературы

- 1 Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – М., 1984. – Т.4.
- 2 Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М., 2008.
- 3 Дюркгейм Э. Социология образования. URL: <http://socio.msk.ru>
- 4 Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. – М., 1992.
- 5 Безрогов В. Г. Учитель – ученик, институция и экзистенция // Человек. – 2006. – №3.
- 6 Долженко О. Очерки по философии образования. – М., 1995.
- 7 Огурцов А. П. Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб., 2004.
- 8 Иллич И. Освобождение от школы *Deschooling society* // Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. – М., 2006.

9 Розов Н. С. *Философия гуманитарного образования (Ценностные основания и концепция базового гуманитарного образования в высшей школе)*. – М., 1993.

10 Карпов А. О. *Коммодификация образования в ракурсе, его цели, онтология и логики культурного движения // Вопросы философии*. – 2012. – №10.

УДК 37.01

Н.Л. Худякова
Челябинский государственный университет

СТРУКТУРА КОМПЕТЕНТНОЙ МОДЕЛИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Аннотация. В современном зарубежном и отечественном образовательном пространстве результаты образования человека выражаются в терминах компетентностного подхода. В настоящей статье предлагается компетентностно-квалификационная модель результатов дополнительного образования, позволяющая создать структуру и содержание деятельности человека, этапы и закономерности его развития целостное описание того, из чего складывается готовность обучающихся к самостоятельному осуществлению какой-либо деятельности – их компетентность.

Ключевые слова: компетентностно-квалификационная модель, дополнительное образование, компетентность, компетенция, квалификация, личностная культура человека.

N.L. Hudyakova
Chelyabinsk State University

STRUCTURE OF COMPETENCE MODEL OF COMPLEMENTARY EDUCATION RESULTS: PHILOSOPHICAL GROUND

Abstract. In today's foreign and domestic educational environment the results of education are expressed in terms of competence approach. The article offers a competence and qualification model of the results of complementary

education. The model allows creating of the structure and content of human activities, the stages and patterns of personal development and the complete description of what constitutes the willingness of students to independently implement any activity, where the willingness is their competence.

Keywords: competence-qualification model, complementary education, competence, qualification, personal culture.

Введение

Применение компетентностного подхода в современном образовании предполагает его ориентированность на подготовку обучающихся к самостоятельному осуществлению определенных видов и способов деятельности. Компетенции, посредством которых описываются требования к результатам освоения образовательных программ, всегда отражают определенные виды деятельности. При этом предполагается, что обучающиеся должны уметь применять в деятельности и осваиваемые ими знания. Это значит, что основным целостным продуктом любой ступени и любого типа образования является способность выпускника к самостоятельному осуществлению какой-либо деятельности в ее целостности. Особенно продуктивно применение компетентностного подхода при описании результатов дополнительного образования, для которого главным является самостоятельность воспитанников в осваиваемой сфере деятельности, их способность к творчеству.

Исследования в области теории деятельности показывают, что такая целостность складывается в результате сцепления, скрещивания, взаимодействия элементарных видов деятельности, «которые в чистом виде существуют только в теоретическом описании» [2, 98]. К таким видам деятельности М.С. Каган отнес преобразовательную, познавательную, ценностно-ориентировочную, спортивную, художественную деятельность и общение. Также можно говорить о включенности практически во всякую сколь-нибудь самостоятельную деятельность человека проективной деятельности – той, которая направлена на проектирование образа любой предстоящей деятельности. Т. е., если как основной результат образования выступает готовность выпускника к какой-либо самостоятельной деятельности, то при его описании необходимо учитывать, что существует «внутренняя необходимость каждого вида деятельности в поддержке со стороны всех других» видов деятельности [2, 106].

Взаимосвязь осваиваемых обучающимися видов деятельности может быть отражена при описании результатов освоения образовательных программ через структуру компетентностной модели результатов образования. Компетентностная модель результатов образования – это описание продукта образования во всей его целостности, т. е. описание содержания готовности выпускника к самостоятельному осуществлению какой-либо деятельности. Построение такой модели возможно, если применение компетентностного подхода осуществляется в рамках деятельностного подхода. Применение теории деятельности при определении структуры описания компетенций позволяет отразить деятельность в полноте и взаимосвязи ее видов, форм и уровней.

Применение компетентностного подхода также должно быть согласовано с ориентированностью образования на развитие человека как целостности. Компетентность проявляется в способности самостоятельно проектировать и организовывать свою про-

фессиональную деятельность, но и развивается человек, прежде всего, как субъект деятельности, через это становясь личностью и обретая свою целостность. Квалификация выпускников всегда соотносится с уровнем их развития. Это требует применение генетического подхода, которое осуществляется через выделение групп компетенций, отражающих результаты социокультурного, физического и психического развития человека, а также через определение содержания компетенций на основе знаний о закономерностях развития человека на основных, общих для всех людей этапах этого процесса.

1 Основные группы компетенций, отражающие основные стороны развития человека

Структура компетентностно-квалификационной модели должна обеспечить целостное описание результата образования. Это требование может быть осуществлено, если такое описание будет упорядочено через характеристику компетентности и компетенций.

Связь между «компетентностью» и «компетенциями» – это, прежде всего, связь между целым и частью. Компетентность складывается из компетенций и может трактоваться как интегративная способность человека к самостоятельному осуществлению какой-либо деятельности, представленной комплексом видов и форм деятельности, входящих в нее.

Компетенции при этом отражают то, что выступает составляющими интегративной способности человека к самостоятельной деятельности, проявляющейся как компетентность. Также связь между «компетентностью» и «компетенциями» – это связь между возможным и действительным: компетенции существуют как возможности, которые, проявляясь как действительность, характеризуют компетентность человека.

Соотносимость как компетенции, так и компетенций с основными этапами социокультурного развития человека выражается в том, что компетентность – это характеристика человека, отражающая определенный уровень его квалификации, который в первую очередь определяется содержанием его личного опыта, его личностной культурой.

Компетентность, как стремление и интегративная способность человека к самостоятельному осуществлению определенной деятельности, может быть охарактеризована через выделение основных групп компетенций. При выделении групп компетенций мы исходим из того, что через *компетенции* описываются *предпосылки возникновения компетентности*. В качестве таких предпосылок выступают: 1) функциональные возможности человека, проявляющиеся в его способности к выполнению каких-либо действий; 2) ценностные ориентации, выражающие стремление человека эти действия выполнять.

Названные группы предпосылок образуют две группы основных компетенций: функциональные компетенции и ценностно-ориентационные компетенции. К числу функциональных компетенций мы отнесли физиологические, психологические, деятельностные и знаниевые (таблица 1).

Ценностно-ориентировочные компетенции можно соотнести с группой компетенций, которая у других исследователей называется личностно-поведенческими компетенциями.

Таблица 1 – Основные группы компетенций

Ценностно-ориентационные компетенции (стремления)	Функциональные компетенции (готовность к осуществлению чего-либо)			
	Социокультурные компетенции		Психо-физиологические компетенции	
Ценностно-ориентационные компетенции	Деятельностные компетенции	Знаниевые компетенции	Психологические компетенции	Физиологические компетенции

Выделенные основные группы компетенций соотносимы с природной и социокультурной стороной бытия человека и могут быть дифференцированы как группа социокультурных компетенций (ценностно-ориентационные, знаниевые и деятельностные компетенции) и группа психо-физиологических компетенций (физиологические и психологические компетенции). Исходя из этого, мы уточнили содержание понятия «компетенции». Компетенции – это характеристики человека, отражающие его физиологическую, психическую, деятельностную, знаниевую и ценностно-ориентационную способности (компетенции) к самостоятельному осуществлению каких-либо видов деятельности, либо действий, входящих в состав целостной деятельности человека, соотносимых с определенным уровнем квалификационных требований к ней.

Компетенции, входящие в деятельностную группу компетенций, выступают системообразующими по отношению к другим основным группам компетенций. Это достигается, прежде всего, через порядок определения содержания компетенций, описывающих результат образования: сначала определяются деятельностные компетенции (что должен уметь делать, чтобы организовать деятельность как результативную и эффективную), затем ценностно-ориентировочные (к воспроизводству каких значимых качеств отношений должен стремиться субъект деятельности при ее организации); а затем знаниевые компетенции (какой системой знаний должен владеть субъект деятельности для ее самостоятельной организации в соответствии с ее ценностными основами). Психо-физиологические компетенции определяются по отношению к определенным деятельностным компетенциям.

Системообразующая функция деятельностных компетенций закрепляется через различную трактовку термина «способность», посредством которого обозначается общая характеристика описания и компетентности и всех групп компетенций. При описании компетентности и деятельностных компетенций используется понятие «готовность», трактуемое как «актуально-реализуемое умение совершать действия-операции определенного рода» [1, 376]. При описании всех остальных компетенций «способность» трактуется нами, вслед за Э.В. Ильенковым, как чистая потенция, чистая возможность *усвоить* схему действий-операций определенного рода, *научиться* строить свои действия в согласии с ними [1].

2 Характеристика основных групп компетенций

Социокультурные компетенции составляют основу компетентности человека. Входящие в состав этой группы компетенций *деятельностные компетенции* характеризуют готовность человека самостоятельно осуществлять определенную деятельность как результативную и эффективную. Готовность при этом понимается как актуально-реализуемое умение самостоятель-

но и согласованно совершать те действия и операции, из которых она складывается, получая при этом ожидаемый продукт.

Ценностно-ориентационные компетенции отражают ценностные основы определенной деятельности (действия, операции). В качестве *ценностных основ определенной деятельности* выступает система общезначимых ценностей, отражающая ее качества и качества образуемых ею отношений, значимые, необходимые с точки зрения тех функций, которые посредством этой деятельности реализуются. В ценностную основу любой деятельности, прежде всего, входят ценности, фиксирующие необходимость ценностной ориентации субъекта деятельности на такие ее качества, как целенаправленность, результативность и эффективность. Не менее важное место в ценностных основах деятельности занимают ценности, отражающие такие ее качества, как *нравственная ориентированность, эстетическая привлекательность* и т.п.

Ценностно-ориентационные компетенции *проявляются как устойчивое стремление человека самостоятельно осуществлять определенную деятельность*, как отличающуюся определенными личностно значимыми качествами (например, как *целенаправленную, результативную и эффективную*). Такие стремления есть не что иное, как личностные ценности, складывающиеся в систему личностных ценностей, которая определяет ценностно-мотивационную ориентацию (ценностную основу, ценностную направленность) деятельности, организуемой индивидом.

Итак, *ценностно-ориентационные компетенции* мы рассматриваем как характеристики человека, отражающие его потенциальную возможность к самостоятельной организации определенной деятельности, обусловленную наличием у него системы личностных ценностей, которая образует ценностные основы этой деятельности, задающие определенную ценностную направленность ее осуществления.

Знаниевые компетенции – это характеристики человека, отражающие его потенциальную возможность к самостоятельному осуществлению определенной деятельности (действий, операций), обусловленную владением им (знает и умеет применять при разработке проекта деятельности, действий, операций) системой знаний, необходимых и достаточных для ее самостоятельной организации в соответствии с ее ценностными основами.

Группы знаниевых компетенций соответствуют группам деятельностных компетенций. Тем самым содержание знаний, осваиваемое человеком в процессе образования, определяется необходимостью разработки проекта определенной деятельности, действия или операции.

Группа *психо-физиологических* компетенций характеризует потенциальную возможность человека к осуществлению им самостоятельной деятельности, обусловленную определенным состоянием природной составляющей его бытия. *Психологические компетенции* – это характеристика человека, отражающая его потенциальную возможность к усвоению схемы определенной деятельности (действий, операций) и построению своих действий в согласии с ней, обусловленную уровнем развития его психических процессов и преобладающими психическими состояниями. *Физиологические компетенции* – это характеристика человека, отражающая его потенциальную возможность к усвоению схемы определенной деятельности (действий, операций) и построению своих действий в согласии с ней, обусловлен-

ную уровнем его физического развития и физическим состоянием.

3 Уровни компетенций в дополнительном образовании

Социо-культурные компетенции должны характеризовать компетентность человека через ее соотношение с всеобщим, общим и особенным уровнями культуры (уровневая структура компетенций). Для дополнительного образования это осуществляется через выделение следующих *уровней компетенций*: 1) общекультурные компетенции; 2) общепрофильные компетенции; 3) профильные компетенции. Эти уровни могут быть соотнесены как с компонентами результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования (метапредметный и предметный), так и с группами компетенций в высшем образовании (общекультурные компетенции, общепрофессиональные компетенции, профессиональные компетенции) (таблица 2).

Таблица 2 – Уровни компетенций в дополнительном образовании

Социо-культурные компетенции			Психо-физиологические компетенции	
Деятельностные компетенции	Ценностно-ориентировочные компетенции	Знаниевые компетенции	Психологические компетенции	Физиологические компетенции
Общекультурные				
Общепрофильные				
Профильные				

Характеристика ценностно-ориентировочных, знаниевых, психологических и физиологических компетенций на каждом уровне (общекультурном, общепрофильном, профильном) определяется характеристикой деятельностиных компетенций.

Деятельность мы понимаем как процесс и результат установления культурно-опосредованной формы отношений, основными элементами которого выступают субъект, объект, культурное средство, предмет и продукт. Уровни общности этого отношения для дополнительного образования определяются качествами действий, входящими в состав деятельности:

- общекультурный уровень образуют действия, входящие в состав любой деятельности;
- общепрофильный уровень – действия, входящие в состав деятельности, относящейся к определенным направленностям дополнительного образования;
- профильный – действия, входящие в состав деятельности, соотносимой с определенными профилями дополнительного образования.

Общекультурные и общепрофильные деятельностные компетенции отражают готовность человека самостоятельно осуществлять действия, входящие в состав любой деятельности (общекультурные) и в состав деятельности, относящейся к определенной направленности дополнительного образования (общепрофильные). Характеристика этих действий описывается через компетенции, отражающие тот их состав, тот комплекс операций, который соотносится с определенным квалификационным уровнем подготовки (этапом развития личностного опыта). Таким образом, общекультурные и общепрофильные компетенции входят в

характеристику любой конкретной деятельности. Они позволяют судить об общем квалификационном уровне подготовки ее субъекта. Наличие общекультурных и общепрофильных деятельностных компетенций в общей структуре компетентностной модели результатов образования предотвращает возможность узкой специализации и позволяет создать непрерывную систему образования, обеспечивающую универсализацию человека как субъекта деятельности. Через *профильные деятельностные компетенции* описываются виды деятельности, действия и операции, характерные для деятельности, соотносимой с определенными профилями дополнительного образования (таблица 3).

4 Характеристика общекультурных компетенций

1 Группу *общекультурных деятельностных компетенций* представляют три подуровня:

- *базовые общекультурные деятельностные компетенции;*
- *основные общекультурные деятельностные компетенции;*
- *общие организационные общекультурные деятельностные компетенции.*

Базовые общекультурные деятельностные компетенции характеризуют готовность человека самостоятельно осуществлять базовые действия, входящие в состав любой деятельности. К базовым действиям мы отнесли: 1) *действия, обеспечивающие создание проекта предстоящей деятельности;* 2) *действия, обеспечивающие адекватную реализацию проекта, т. е. его исполнение.*

Возможность выделения двух базовых действий в составе любой деятельности обусловлена структурой деятельности, которая представлена внутренней (мыслительной) и внешней (практической) деятельностью. Выделение мыслительной деятельности в качестве самостоятельной позволяет рассматривать комплекс действий, обеспечивающих создание проекта предстоящей деятельности как проектировочную деятельность.

Общую основу проектировочной деятельности составляет комплекс действий, относящихся к основным видам деятельности и выполняющих в процедуре создания проекта особую функцию. К таким действиям мы, прежде всего, отнесли: 1) действия, направленные на создание моделей предстоящей деятельно-

сти; 2) действия, направленные на получение знаний обо всех компонентах проектируемой деятельности; 3) оценочные действия. Все они определяют состав *общих проектировочных компетенций*.

К *общим действиям, обеспечивающим адекватную реализацию проекта*, т.е. его исполнение, мы отнесли действия, направленные на понимание содержания различного вида проектов деятельности (инструкций, стандартов, программ и др.). Эти действия мы обозначили как общие исполнительские и выделили группу общих исполнительских компетенций.

Основные общекультурные деятельностные компетенции характеризуют готовность человека к самостоятельному осуществлению элементарных видов деятельности, которые, согласно М.С. Кагану, могут быть выделены только абстрактно, т.е. они фактически включены в любую целостную деятельность человека как отдельные действия, выполняющие строго определенную функции в отношениях человека с миром [2, 98]. В качестве самостоятельной деятельности элементарные виды деятельности рассматриваются тогда, когда соответствующая им функция становится системообразующей, т.е. основной. В результате необходимости реализации одной из функций, например, познавательной, определяет характер выполнения всех остальных функций: коммуникативной, оценочной, преобразовательной и т.п. В число элементарных видов деятельности мы включили познавательную, оценочную, коммуникативную, преобразовательную, художественно-эстетическую.

Общие организационные общекультурные деятельностные компетенции характеризуют готовность человека к осуществлению видов деятельности, обеспечивающих *самостоятельную организацию им основных условий*, необходимых для удовлетворения базовых потребностей человека, его становления как Человека, как личности. Это условия плодотворного существования, самоактуализации, здорового образа жизни, безопасности и т.п. К таким видам деятельности мы отнесли:

- деятельность, направленную на организацию самообразования (организацию своей учебно-познавательной деятельности) – *компетенции самоопределения и самообразования;*
- деятельность, направленную на установление отно-

Таблица 3 – Основные группы общекультурных компетенций

Деятельностные общекультурные компетенции		Знаниевые общекультурные компетенции	Деятельностные общекультурные компетенции
<i>Базовые общекультурные деятельностные компетенции</i>	Общие проектировочные компетенции Общие исполнительские компетенции	Знаниевые компетенции, отражающие необходимость владения определенными знаниями для успешной реализации всех групп общекультурных деятельностных компетенций	Ценностно-ориентационные компетенции, отражающие необходимость направленности субъекта на построение любой деятельности как: - нравственной, - эстетически привлекательной, - целенаправленной, - результативной, - эффективной
<i>Основные общекультурные деятельностные компетенции</i>	Компетенции познавательной деятельности		
	Компетенции оценочной деятельности		
	Компетенции коммуникативной деятельности		
	Компетенции преобразовательной деятельности		
<i>Общие организационные общекультурные деятельностные компетенции</i>	Компетенции художественно-эстетической деятельности	Компетенции самообразования	
	Компетенции социального взаимодействия		Компетенции социального взаимодействия
	Компетенции здорового образа жизни и безопасности		

шений с другими людьми (партнерства, соседства, дружбы, любви и т.п.) в деловых и межличностных отношениях, в отношениях руководитель-подчиненный и т.п. – *компетенции социального взаимодействия*;

- деятельность, направленную на организацию здорового и безопасного образа своей жизни (организация своего быта, своей жизни в целом так, чтобы достигать физического, психического, душевного и духовного благополучия, наиболее полно актуализировать свой потенциал как Человека и индивида) – *компетенции здорового образа жизни и безопасности*.

2 Группа *общекультурных ценностно-ориентационных компетенций* отражает ценностные основы отношения человека с миром и самим собой, складывающиеся как система ценностей высокой степени общезначимости. В эту группу, прежде всего, входят ценности, характеризующиеся высшей степенью общезначимости, т.е. те, которые могут быть признаны всеми людьми, как лично значимые, как универсальные. В качестве таковых могут выступать такие ценности, как Любовь, Добро (Благо), Истина, Красота, Человек. Они составляют общие ценностные основы отношения человека с миром и проявляются в ценностях меньшей степени общезначимости. Необходимость этих ценностей в системе личностных ценностей человека характеризуется через *универсальный уровень общекультурных ценностно-ориентационных компетенций*.

Универсальный уровень общекультурных ценностно-ориентационных компетенций может отражать и другие системы ценностей. Универсальность каких-либо систем ценностей для индивидов и отдельных групп людей будет состоять в том, что эти системы ценностей определяют характер любых отношений людей, любой организующей ими деятельности.

В группу общекультурных ценностно-ориентационных компетенции входят также те, которые отражающие качества деятельности, значимые, необходимые для ее организации как трудовой деятельности. Этот *уровень общекультурных ценностно-ориентационных компетенций* может быть обозначен как *продуктивный*. Он отражает необходимость ценностной направленности субъектов на организацию деятельности как целенаправленной, результативной и эффективной.

Особенный уровень общекультурных ценностно-ориентационных компетенции отражает необходимость в ценностной ориентации субъекта на качества деятельности, значимые для адекватного производства всех групп *общекультурных деятельностных компетенций* (т.е. для качественного осуществления основных, базовых, организационных видов деятельности).

3 Группа *общекультурных знаниевых компетенций*, отражающих необходимость владения системой знаний, обеспечивающих самостоятельную организацию всех видов деятельности и действий, описанных через общекультурные деятельностные компетенции, в соответствии с их ценностными основами.

5 Характеристика общепрофильных компетенций в дополнительном образовании

Общепрофильные деятельностные компетенции в дополнительном образовании характеризуют готовность человека к определенному виду производства, соотносимого с определенной направленностью дополнительного образования. Виды производства, соотносимые с направленностями дополнительного образования, отличаются продуктами деятельности, имеющими общие качества. Готовность человека к производству

продукта – это всегда готовность к самостоятельному и результативному осуществлению деятельности.

Дополнительное образование детей заключается в формировании готовности воспитанников к практической деятельности. Содержание общепрофильных компетенций определяют следующие особенности практической деятельности: 1) практическая деятельность выделяется как отличная от познавательной (точнее, научно-исследовательской) и направлена на получение продукта с опорой на имеющиеся знания; 2) на определенных квалификационных уровнях практической деятельности предполагается создание новых способов ее организации, но при этом от субъекта деятельности не требуется производство новых научных знаний.

Квалификационные уровни практической деятельности предполагают различную степень ее самостоятельности. Степень самостоятельности определяется: 1) как самостоятельность исполнительской деятельности, при которой цель и план деятельности определяется не ее субъектом – субъект только самостоятельно реализует их; 2) как самостоятельность в разработке проекта практической деятельности, соотносимая с самостоятельно осуществляемыми уровнями проектирования, которая только и может рассматриваться как творческая деятельность. Уровни готовности к самостоятельной проектировочной деятельности в практической деятельности отражают следующий диапазон: от готовности к разработке проектов большой сложности до готовности к реализации проектов, разработанных другими людьми, при этом самостоятельно решаая проблемы, связанные, например, с подбором или с разным качеством инструментов и материалов, используемых в деятельности.

С учетом основных направлений дополнительного образования были установлены соотносимые с ними общие характеристики деятельности. На их основе может быть определено содержание всех групп общепрофильных компетенций: как социо-культурных (деятельностных, ценностно-ориентировочных, знаниевых), так и психолого-физиологических.

Художественно-эстетическая направленность дополнительного образования в качестве своего результата предполагает компетентность воспитанников в деятельности в сфере искусства, которая направлена на производство произведений искусства (деятельность художника, певца и др.) и осуществляется с опорой на воображение, знание и переживание.

Социально-педагогическая направленность дополнительного образования в качестве своего результата предполагает компетентность воспитанников в деятельности, направленной на решение проблем собственной жизни и жизни других людей. То есть продуктом этой деятельности являются оптимальные способы решения жизненных проблем.

Культурологическая направленность дополнительного образования в качестве своего результата предполагает компетентность в культурно-просветительской деятельности, которая заключается в производстве культурной среды, состоящей из лучших образцов культуры.

Физкультурно-спортивная и спортивно-техническая направленности дополнительного образования в качестве своего результата предполагают компетентность воспитанников в деятельности, направленной на производство качеств человека (самого себя) и условий, позволяющих быть здоровым и (или) в наибольшей степени актуализировать свои психофизиологические возможности. Названные направленности отличаются

создаваемыми условиями: и в той, и в другой в качестве таковых выступают специальные технические приемы, комплексы упражнений и методики тренировок, а во второй предполагается использование в качестве условий технических средств.

Содержание общепрофильных компетенций определяется через конкретизации содержания всех групп общекультурных компетенций с учетом особенностей профильной деятельности (деятельности по производству произведений искусств для художественно-эстетического направления; деятельность по производству оптимальных способов решения жизненных проблем для социально-педагогического направления и т.п.). Например, общепрофильные компетенции по художественно-эстетическому направлению будут представлены готовностью к проектированию деятельности по производству произведений искусств; готовностью к пониманию требований (инструкций) по производству произведений искусств, готовностью к познавательной деятельности, обеспечивающей получение знаний, необходимых для производства произведений искусств; готовностью к коммуникативной деятельности, осуществляемой через создание произведений искусств и т.п.

6 Характеристика профильных компетенций в дополнительном образовании

Профильные компетенции характеризуют готовность воспитанников к использованию средств, способов конкретных форм профильной деятельности. Так, профильные компетенции художественно-эстетического направления отражают содержание различных видов художественно-эстетической деятельности: пения, танца и т.п.

Содержание профильных компетенций отражают все виды действий и операций, которые входят в состав целостной профильной деятельности и ее основных форм. В компетентностной модели результатов дополнительного образования должна быть отражена последовательность освоения профильных компетенций. Этапы формирования профильных компетенций определяются базовыми общекультурными компетенциями: *первый этап* – этап исполнительской деятельности – обучение исполнительской деятельности заключается в освоении средств и способов деятельности соответствующего профиля (например, пения, танца и т.п.); *второй этап* – этап творческой деятельности – обучение способам проектирования деятельности соответствующего профиля (например, проектирование пения, танца и т.п.). На втором этапе можно выделить следующие подэтапы: 1) обучение планированию в соответствии с целью, поставленной педагогом (подбор средств, способов деятельности, последовательности действий); 2) обучение анализу ситуации и постановке цели; 3) обучение способам оценки результатов деятельности и процесса ее осуществления.

На первом и втором этапах планируется освоение сопутствующих профильным компетенциям основных и организационных видов деятельности (коммуникативной, познавательной, оценочной, художественно-эстетической, преобразовательной, деятельности по самообразованию, установлению социального взаимодействия и сохранению здоровья).

После определения содержания профильных деятельностных компетенций определяется содержание профильных ценностно-ориентационных и знаковых компетенций, а также психологических и физиологических компетенций этого уровня.

Заключение

Предлагаемая структура компетентностной модели результатов дополнительного образования помогает составить целостное описание того, из чего складывается готовность обучающихся к самостоятельному осуществлению какой-либо деятельности – их компетентность. Эта структура позволяет упорядочить требования федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) с учетом структуры и содержания деятельности человека, этапов и закономерностей его развития. Сам ФГОС содержит только содержание государственного образовательного заказа, отражающего наиболее значимые характеристики результатов образования. Для адекватной реализации этого заказа необходимо полное и целостное описание результатов освоения образовательных программ, что позволяет сделать структура компетентностной модели результатов дополнительного образования.

Список литературы

- 1 Ильенков Э. В. *Философия и культура*. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
- 2 Каган М. С. *Человеческая деятельность (Опыт системного анализа)*. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.

УДК 316.3

Р.Ю. Царёв
Курганский государственный университет

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ТРАКТОВКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье указывается, что социальность человека может быть раскрыта с внешней и внутренней стороны, в соответствии с чем обнаруживаются два подхода к исследованию исторического процесса – структурный и антропологический. Расхождения между ними заключаются, прежде всего, в трактовке природы культуры и выполняемых ею в исторических системах функций, и в раскрытии динамики исторических систем.

Ключевые слова: социальность человека, структурная история, антропологическая история, тотальная история, исторические системы, культура, менталитет.

FORMS OF HUMAN SOCIALITY AND THE INTERPRETATION OF THE HISTORICAL PROCESS

Abstract. *The work shows internal and external sides of human sociality, which brings two approaches to the study of the historical process – structural and anthropological. Differences between the two are primarily in the interpretation of the nature of culture and its function in historical systems, and in regarding the dynamics of historical systems.*

Keywords: human sociality, structural history, anthropological history, total history, historical systems, culture, mentality.

Социальная мысль пыталась объяснить развитие социальных систем на основе познания факторов, воздействующих на поведение и деятельность людей – выполняемых ими социальных функций, экономических, политических и иных структур, социальных форм их бытия, обусловленных традициями культуры и т.д. В этой связи можно выделить две формы бытия социальности человека – внешнюю и внутреннюю (понимая отсутствие непреодолимой границы между ними) – и соответственно, два подхода к ее раскрытию.

Первый подход заключается в приоритете раскрытия внешней социальности бытия людей путем исследования социальных структур, если не законов, то тенденций развития социальных систем, установлению связей между образующими их институтами. Этот подход был в значительной степени реализован социальной философией К. Маркса (учение об объективных законах развития общества, социальной детерминированности бытия людей), в XX веке – концепцией структурно-функционального анализа общества (Т. Парсонс). Для этого подхода характерно сведение бытия людей к социальным структурам, объяснение их деятельности как обусловленной воздействием структур.

Второй подход состоит в понимании бытия людей на основе их внутренней социальности – тех представлений, с помощью которых люди сами осознают и изменяют свою деятельность в обществе, вырабатывают ее цели, понимают ее смысл. Этот подход реализуется, прежде всего, в исследованиях менталитета и духовных ценностей школой «Анналов». Понятие «менталитет» предполагает проникновение через культуру в сознание людей, чтобы понять, как они сами понимают свое социальное бытие и поведение.

В соответствии с этим можно выделить два подхода к истории: первый можно обозначить как структурный, второй – как антропологический.

«Структурная история» не абстрагируется от деятельности людей, но рассматривает ее либо в единстве со структурами, либо как обусловленную ими и вытекающую из их динамики. Очень последовательно этот подход сформулировал Ф. Бродель, разграничивший «историю событий» и «историю структур». «Структуры» в его понимании представляют собой объективные исторические реальности, которые существуют во «времени длительной протяженности» и позволяют вырваться из «плена событий»; исследование истории представляет собой не что иное, как обнаружение структурного фундамента единичных событий (изменений) [3, 118-127].

Этот подход разделяет и И. Валлерстайн: струк-

туры, по его мнению, – это «коралловые рифы человеческих отношений, которые отличаются стабильным существованием в течение длительных периодов времени. Но структуры тоже рождаются, развиваются и умирают» [20, 3]. Отсюда – стремление обнаружить в массиве единичных событий тенденции, которым они подчиняются (этой цели служит синтез идиографической и номотетической методологий, реализуемый в концепции миросистемного анализа).

«Антропологическая история» на первый план выдвигает человека. По словам Л. Февра, «история – наука о человеке» [14, 19], М. Блок объектом исторической науки считал «людей во времени» [1, 18], поэтому предметом исторического исследования выступает их сознание: исследуя экономические, социальные, политические феномены, необходимо обнаружить, «где эти течения сходятся мощным узлом в сознании людей» [1, 89].

М. Блок и Л. Февр выдвинули концепцию «тотальной истории» как всестороннего воссоздания жизни и деятельности людей в обществе в единстве материальных и духовных факторов [1, 86-87; 14, 25-27]. «Тотальная история» призвана представить человека в истории как целостное существо, столь же целостно воссоздав его социальную деятельность.

Антропологический подход к истории не следует рассматривать как исключаящий структурный подход, он не абстрагируется от исследования социальных структур, но их содержание и смысл раскрываются (в варианте школы «Анналов») через ментальные установки, которые обуславливают хозяйственную жизнь, социальное поведение людей, мир повседневности, восприятие ими политических институтов. В частности, Ж. Ле Гофф подчеркивает: «Я неизменно предпочитал человеческие существа абстракциям, но историк не в состоянии их понять иначе, чем в недрах исторических систем, в которых они жили. Вся история заключается в этом взаимодействии структур с людьми во времени» [цит. по: 7, 358]. Смысл этого подхода состоит в объяснении, почему социальные структуры в данном обществе должны быть именно такими, почему должны функционировать так, а не иначе.

Что касается Ф. Броделя, его не интересовал фактор ментальности, но и у него возникает представление о социальном пространстве как мире культуры. Он не был сторонником механистического географического детерминизма и подчеркивал, что природно-географические условия детерминируют деятельность людей не напрямую, а через выработку коллективных традиций приспособления к их воздействию. Процесс приспособления и его результаты образуют «материальную жизнь» («повседневность») [2, 13-14].

«Структурная история» в варианте Ф. Броделя соприкасается с «антропологической историей» вниманием к культуре как пространству творчества людей, для него характерно стремление рассматривать деятельность людей в единстве с воздействием структур. В концепции миросистемного анализа, пусть и не в абсолютном смысле, прослеживается все же иная тенденция – рассматривать деятельность людей как обусловленную структурами и вытекающую из их динамики. Эта позиция обуславливает трактовку многих аспектов исторического процесса.

Во-первых, понимание природы культуры и ее функций.

В исследованиях школы «Анналов» культура предстает как неразрывно связанная с обществом реальность. Она вносит в сознание людей определенную картину мира, «оснащает» сознание людей своего рода

инструментарием восприятия общества, мира, своего места в нем. Речь идет о менталитете, понимаемом как привычки чувствовать, мыслить и действовать. «Анналисты» были убеждены, что в разные эпохи люди мыслят и чувствуют по-разному: по М. Блоку, «ментальность» охватывает «манеры думать и чувствовать» [цит. по: 6, 77], Л. Февр наряду с понятием «психическая оснастка» («умственная вооруженность») обосновывает необходимость социального анализа коллективных и индивидуальных эмоций и чувств [14, 109-126].

По словам Ж. Дюби, менталитет – «... это система образов, представлений, которые в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей». Эта система не имеет четких контуров, изменяется с течением времени, но «все взаимоотношения внутри общества столь же непосредственно и закономерно зависят от подобной системы представлений ... как и от экономических факторов» [10, 52].

Ж. Ле Гофф не склонен сводить менталитет только к сфере социально-психологических установок: необходимо дополнить и усилить историю ментальностей историей системы ценностей [цит. по: 8, 298]. Менталитету он дает, прежде всего, ценностную характеристику: «Как известно, общество не может существовать ни без целеполагания, ни без грез и мечтаний. История этих мечтаний и грез – это история мира воображения. История же целей, которыми задается общество, – это история признаваемых им ценностей, образов деятельности и индивидуумов, и социума в целом» [11, 26].

В частности, он показал, что существовавшее в Средние века «трехчастное» деление общества на «работающих», «воюющих» и «молящихся» отражало христианские представления о его идеальном устройстве [12, 239-244]. Следовательно, ценности религиозного сознания оказывали существенное воздействие на функционирование общества.

К. Маркс, как известно, полагал, что деятельность людей обусловлена комплексом социально-экономических отношений, предзадана в значительной степени деятельностью предшествующих поколений. В трактовке «анналистов» предзаданность действий людей определяется, прежде всего, культурой. Однако предзаданность, по М. Блоку, всегда является относительной: «Человек – это не часовой механизм, его поступки не запрограммированы», это всегда «великая переменная величина», его интеллектуальные и эмоциональные реакции не являются чем-то само собой разумеющимся [1, 111]. По словам Ж. Ле Гоффа, «...несмотря на огромное давление исторических структур и тирании событий, человек как личность и член общества способен влиять на общий ход истории и определять свою судьбу. И в этом огромную роль играют его ценностные ориентации, которые он определяет в процессе самосознания» [11, 44].

В концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна обнаруживается иной взгляд на культуру. Она обеспечивает относительную стабильность в современной миросистеме и в силу ее связи с различием социальных групп отвлекает внимание от неравенства, неравноправия, угнетения. Идеологические доктрины, лежащие в основе капиталистической миросистемы – универсализм и партикуляризм – это оружие на «поле битвы» современной миросистемы. Универсализм подразумевает «обман» с целью замаскировать иерархию государств внутри межгосу-

дарственной системы и иерархию граждан внутри государства [17, 39, 43]. Универсализм предполагает, что поведение людей определяется общими законами для любой эпохи и части пространства, и «вера в универсализм образует краеугольный камень идеологического здания исторического капитализма» [18, 79]. Партикуляризм оправдывает неравенство, акцентируя внимание на различиях между социальными группами на международном и государственном уровнях [17, 43].

Если в трактовке школы «Анналов» культура по отношению к обществу выполняет интегративную, аксиологическую, коммуникативную, регулятивную функции, функцию социальной памяти, то концепции миросистемного анализа, с одной стороны, акцентируются на интегративной и регулятивной функциях культуры в социальной системе, с другой стороны, эти функции раскрываются иначе, чем школой «Анналов», за пределами традиций и менталитета.

Перед «анналистами» и И. Валлерстайном стоит общая проблема – целостности определенной исторической системы – цивилизации Средних веков в Западной Европе и современной миросистемы, соответственно. Проблема имеет два взаимосвязанных аспекта: во-первых, что скрепляет целостность системы (онтологический аспект) и, во-вторых, как воссоздать адекватно эту целостность (гносеологический аспект).

Цивилизацию эпохи Средних веков в понимании «анналистов» скрепляет культура, современную миросистему в трактовке И. Валлерстайна – социально-экономические и политические процессы; «Анналы» социальную жизнь воссоздают через исследование сознания людей, И. Валлерстайн – через исследование мирового капитализма, динамики межгосударственной системы капиталистической миросистемы. В концепции миросистемного анализа имеет место существенный редукционизм в трактовке культуры.

Во-вторых, трактовка культуры в концепции И. Валлерстайна сказывается на понимании возникновения и динамики современной миросистемы.

И. Валлерстайн указывает на «неожиданное ослабление» социальной оппозиции капитализму, что позволило ему захватить господствующие позиции в экономике Западной Европы в XVI веке [5, 17], что, в конечном счете, повлекло за собой становление современной миросистемы. Однако важно определить, почему оппозиция ослабла, а не только зафиксировать появление этого шанса. Вопрос об ослаблении оппозиции капитализму – это вопрос об изменениях в культуре, системе ценностей общества. Правда, следует отметить, И. Валлерстайн указывает, что XV столетие ознаменовалось таким событием как «протестантская революция» [5, 15], однако, тем не менее, создается впечатление, что проблема взаимосвязи экономических и культурных изменений не составляет предмета его интереса.

Это впечатление усиливается пониманием им полупериферии как структурного уровня современной миросистемы. Это наиболее подвижная ее часть: наличие этой зоны неизменно на всем протяжении ее истории, но положение государств в ней изменяется вследствие конкурентной борьбы между ними. Поскольку центры экономической активности в системе постоянно изменяются, одни регионы прогрессируют, другие вступают в полосу упадка. Происходит процесс перемещения государств из полупериферии в ядро, с периферии на полупериферию, и наоборот [19, 49-50, 60-61].

Критика отмечает, что концепция миросистемного анализа не дает объяснения расширения полуперифе-

рии в современном мире, под которым имеется в виду успех стран, именуемых «азиатскими драконами» [по: 16, 29]. Причина та же: недооценка роли культуры в динамике системы.

Взаимодействие традиций и новаций, национального и интернационального (его, по логике миросистемного анализа, олицетворяет мировой капитализм) во многом обусловлено степенью восприимчивости культуры к воздействию новаций. Кроме того, если страны и регионы интегрированы в современную миросистему, это не означает элиминации их культурного своеобразия. Необходимо учитывать важную особенность сознания людей – его инерционность. Сознание изменяется очень медленно, резкие преобразования в социальном бытии вроде вхождения в капиталистическую миросистему необязательно должны автоматически повлечь за собой изменения в сознании. Динамика сознания и динамика социального бытия часто не совпадают, образуется разрыв между ними.

Ф. Бродель отметил, что ментальность людей представляет собой «темницу, в которой заточено время большой длительности» [цит. по: 9, 538]. Ж. Ле Гоффу эта идея дала основание сделать вывод, что «ментальности изменяются медленнее всего. История ментальностей – это история замедлений в истории» [цит. по: 8, 194]. В рамках школы «Анналов» возникла концепция «долгого Средневековья» (согласно ей, оно длилось вплоть до начала XIX века [12, 5]). В основе этой концепции лежит идея инерционности сознания, устойчивости ментальных установок, их медленного изменения во времени.

И. Валлерстайн недооценивает роль сознания вообще и его инерционность, в частности, не учитывает возможность (и реальность) его несовпадения с социальным бытием. Проявляется это в том, что слаборазвитость периферии он склонен объяснять действием механизмов функционирования мирового капитализма [18, 32-33]. Это предполагает изучение стран периферии в той мере, в какой позволяет раскрыть их зависимость в современной миросистеме без учета их собственной логики развития. Имеет место недооценка причин слаборазвитости на уровне самой периферии, несводимых к функционированию мирового капитализма.

В этой связи небезынтересно сопоставить воззрения И. Валлерстайна по данному вопросу с исследованиями Г. Мюрдаля. По мнению последнего, неблагоприятные для стран периферии внешние факторы усиливают действие благодаря сочетанию с внутренними факторами. Инерционность экономик слаборазвитых стран связана с многоукладностью, порождающей противоречивые тенденции: уклады имеют разные векторы эволюции, их динамика осуществляется неравномерно, что делает экономический рост непродолжительным, спорадическим, не охватывающим все уклады и секторы экономики. Иногда противоположные тенденции устраняют друг друга, делают рост экономики вообще невозможным. Идеалы модернизации наталкиваются на силу традиций, привычные модели экономической деятельности. Поэтому экономика «движется по кругу» в устоявшихся структурах: они воспроизводят себя, выступая тормозом развития [13, 128-166, 407-438, 541-575].

Следует признать правоту Ф. Фукуямы, согласно которому современный мир показал «нищету» материалистических теорий экономического развития, поскольку очевидно, что сознание и культура представляют собой «материнское лоно экономики». Непонимание того, что экономическое поведение обусловлено сознанием и культурой, приводит к ошибке объяснять идеаль-

ные по природе явления материальными причинами. Однако речь не идет об отрицании роли материальных факторов как таковых [15, 138-139].

В-третьих, И. Валлерстайн отрицает эвристическую значимость понятия «менталитет», по всей видимости, по следующим причинам.

Первая причина в том, что в концепции миросистемного анализа имеет место недооценка роли культуры в историческом развитии, следствием чего является стратегия внешнего описания социального бытия людей через его структурную детерминированность, на первом плане находится структурная динамика современной миросистемы. Человеческое измерение истории сведено в значительной степени к проблеме коллективного выбора новой исторической системы, которая с определенной долей вероятности может прийти на смену современной миросистеме. Истоки ее кризиса И. Валлерстайн усматривает в действии экономико-политических факторов [5, 18-20], недооценивая роль культуры в процессах социальной самоорганизации.

Вторая причина состоит в реализации концепцией миросистемного анализа наддисциплинарного (единодисциплинарного) синтеза социальных наук, что сопровождается отрицанием междисциплинарного подхода.

Школой «Анналов» была обоснована концепция междисциплинарного синтеза социальных наук, состоящая в идее важности «постоянно устанавливать новые формы связей между близкими и дальними дисциплинами; сосредотачивать на одном и том же объекте исследования взаимные усилия различных наук – вот наиболее важная задача...» [14, 20].

И. Валлерстайн тоже утверждает, что необходимо разрушить искусственные барьеры между социальными науками, однако он отрицает междисциплинарность, которая, по его мнению, способствует сохранению дисциплинарных границ [4, 327]. Не существует принципиальных границ между социальными науками, важными для исследования исторических систем – антропологией, экономикой, политологией и социологией. Следовательно, «данные дисциплины на самом деле – всего лишь одна» [21, 312-313].

Если междисциплинарный синтез характеризует объект через совокупность категорий, выработанных в отдельных дисциплинах, то наддисциплинарный (единодисциплинарный) синтез предполагает выработку трансдисциплинарных категорий, изначально пронизывающих весь комплекс социального знания, создавая тем самым условия для его единства.

Понятие современной миросистемы, являясь проявлением наддисциплинарного синтеза, в полной мере не реализуется как наддисциплинарное, ибо «работает» главным образом в сфере экономики и политики, единство которых раскрыто концепцией миросистемного анализа. Создается впечатление, что И. Валлерстайн, объявив междисциплинарный синтез изжившим себя, отбросил и понятие «менталитет» как его проявление.

Однако это понятие, по форме междисциплинарное, по содержанию является наддисциплинарным: с его помощью трактуются экономические, политические, социальные реальности, мир повседневности; это понятие воплощает единство номотетической и идиографической методологий: факты интерпретируются если и не с точки зрения обнаружения законов развития исторических систем, но в плане выявления универсальных для Средневековой цивилизации ментальных структур и духовных ценностей.

Наконец, в концепции миросистемного анализа акцент сделан на макроуровень исторической реаль-

ности: одной из ключевых ее особенностей является «глобальность» как следствие пересмотра исходного объекта анализа, которым является миросистема, а не общество или государство [4, 261].

Если макроуровень исторической реальности выступает как определяющий, который, в свою очередь, обусловлен экономикой (мировой капитализм), то локальные и региональные особенности, которые не всегда являются экономическими, оказываются эпифеноменами экономических процессов и не исследуются в их самостоятельном значении.

И в этой связи неоправданно игнорирование И. Валлерстайном понятия «менталитет», которое в значительной степени позволяет раскрыть специфику локальных и региональных общностей. Необходимо разграничивать уровни, на которых могут «работать» различные понятия: если понятие «современная миросистема» применима к глобальному уровню истории, то понятие «менталитет» – к локальному и региональному уровням, поскольку оно и не предназначено для исследования глобальных процессов.

Таким образом, «структурная история» предполагает модель внешней социальности человека, внешнее наблюдение исторического процесса, «антропологическая история» – модель внутренней социальности человека, внутреннее наблюдение, наполняя историю человеческим содержанием. Учитывая плюрализм современного социально-исторического познания, нельзя сказать, что одному из этих подходов следует отдать однозначное предпочтение, поскольку оба подхода имеют право на существование, даже если исходят из разных методологических принципов, создают не совпадающие представления об объекте и предмете социально-исторического познания.

Что касается концепции миросистемного анализа, то, с одной стороны, вряд ли стоит «окультуривать» все реальности, исследуемые этой концепцией, с другой – значительная недооценка роли культуры в развитии современной миросистемы обедняет реальную историческую картину.

Список литературы

- 1 Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М., 1986.
- 2 Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск, 1993.
- 3 Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории : сб. ст. – М., 1977.
- 4 Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М., 2003.
- 5 Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. – 1997. – № 1.
- 6 Гуревич А. Я. «Добротное ремесло» (первая биография Марка Блока) // Одиссей. Человек в истории. 1991. – М., 1991.
- 7 Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. – М., 1992.
- 8 Гуревич А. Я. Исторический синтез и «Школа «Анналов»». – М., 1993.
- 9 Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. – М., 1991.
- 10 Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. 1991. – М., 1991.
- 11 Ле Гофф Ж. С небес на землю (перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII-XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. 1991. – М., 1991.
- 12 Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. – М., 1992.

13 Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». – М., 1972.

14 Февр Л. Бои за историю. – М., 1991.

15 Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – №3.

16 Чешков М. А. Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И. Валлерстайна : Научно-аналитический обзор. – М., 1992.

17 Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Theory, Culture and Society. – L., 1990. – Vol. 7. – № 2/3.

18 Wallerstein I. Le capitalisme historique. – Paris, 1985.

19 Wallerstein I. The Capitalist World-Economy: Essays. – Cambridge, 1979.

20 Wallerstein I. The Modern World-System: In 3 Vol. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. – N.Y., 1974.

21 Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today. – Stanford, 1987.

УДК 30.304

К.В. Чемодуров
Курганский государственный университет

ФИЛОСОФСКАЯ ИСПОВЕДЬ В ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХАХ

Аннотация. В статье рассматриваются философские исповеди различных исторических эпох. Дается анализ текстов, относящихся к жанру исповеди, и предлагается их исследование в хронологическом порядке.

Ключевые слова: жанр исповеди, философская исповедь, историческая эпоха.

K.V. Chemodurov
Kurgan State University

PHILOSOPHICAL CONFESSION IN THE HISTORICAL EPOCHS

Abstract. The article considers the philosophical confessions of different historical epochs. The paper presents the analysis of the texts, which are related to the genre of confession. The study of the texts is given in the chronological order.

Index terms: genre of confession, philosophical confession, historical epoch.

Несмотря на то, что тексты жанра исповеди существуют на протяжении уже более 1800 лет, их систематического анализа и исследования не проводилось ни в

литературоведении, ни в философии. Среди исследователей не сложилось единого мнения о специфике исповеди как жанра литературы. Некоторые учёные говорят о существовании так называемого «исповедального жанра», в который включают дневники, автобиографию, мемуары, письма, исповедь и т.д., другие определяют исповедь как разновидность автобиографии. Не проводилось и универсального изучения философской и художественной исповеди. Пожалуй, только М.М. Бахтин в своих работах занимался их изучением в произведениях Ф.М. Достоевского, придя к выводу, что исповеди встроены в них (исповеди Ставрогина, Ипполита, Ивана Карамазова, Раскольникова и другие).

Существуют различные определения исповеди, начиная от её понимания как церковного таинства до литературной формы, которая выражает внутренний мир человека-индивида. Помимо того, что исповедь представляет собой признание (в том числе иногда и публичное) в своих делах, помыслах и открывает «глубину души», её важными признаками являются раскаяние и покаяние. Однако такие исследователи, как Г.Л. Тульчинский и М.С. Уваров, считают, что для человека рубежа XX-XXI вв. эти понятия теряют своё значение: «Исповедоваться вдруг начинает каждый второй политик, далекий от раскаяния за прошлые и нынешние грехи, но пекущийся свой православный имидж как горячие пирожки. ... Или появляется некая эстрадная дива, разумеющая под исповедью винегрет из поп-музыки ... При этом «классики жанра» не замечают, как сбиваются на пошлость, поднимают интимное слово исповеди многословием публичного срама. ... Девальвация идей раскаяния, покаяния, исповеди — одна из трагических отметин российского духовного опыта конца XX века» [1].

Поэтому исповедь можно определить как литературное произведение, в котором раскрываются личные, потаённые мысли автора о себе самом, своём духовном мире на фоне событий исторической эпохи, а в некоторых случаях добавляется признание в совершении прегрешений и покаяние в них. Философская исповедь является одним из основных видов исповеди наряду с художественной и религиозной.

Как считает Н. Казанский, традиционным является представление, согласно которому исповедь представляет собой самостоятельный жанр литературы, который восходит к «Исповеди» Августина Блаженного [2]. Однако это не совсем верно, потому что в исповеди присутствует автобиографический компонент, так что тот же Н. Казанский прав, утверждая, что одним из неканонических примеров автобиографии служат «Размышления» М. Аврелия. Неканоничность заключается в том, что автобиографичность занимает в них незначительную часть (только первую книгу из двенадцати), а акцент делается на истории внутренней жизни человека, изучении души и духа, которая при этом оказывается невыстроенной у Аврелия в какую-то хронологическую последовательность.

Исповедь как литературный жанр в чистом виде трудно определить. Не случайно авторы произведений, которые относятся к исповедальному жанру, хотя и называют свои произведения «исповедями», тем не менее, никогда не дают точного определения жанра своей работы. Например, «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо считается мемуарами или автобиографией, «История моих бедствий» П. Абеляра – мемуарами, «Исповедь» А. Августина – автобиографией или философской автобиографией, Н.А. Бердяев называет свою исповедь «самопознанием», добавляя, что это «опыт философской автобиографии».

К эпохе античности относятся «Наедине с собой. Размышления» М. Аврелия (121-180) и «Утешение философией» С. Бозция (480-524). Марк Аврелий был представителем Римской Стои христианской эпохи и написал свои размышления в 70-е годы II века, в конце своей жизни. Его сочинение состоит из двенадцати книг, которые представляют собой философский дневник о личном моральном самосознании, одновременно с этим напоминают диатрибу, т.е. проповедь, обращенную к кому-либо и связанную с моральной тематикой. В своих размышлениях Аврелий поднимает ряд философских проблем мироздания, познания, человека, морали. Но вопросы этики интересуют Аврелия в большей степени. Его этика рационалистична. Так, по его мнению, счастье заключается в согласии с разумом: «Удовлетворённость твоего духа самим собой, где он может указать тебе путь действия, согласный с правым разумом...».

Аврелий относился подозрительно к христианам и даже осуществлял гонения против них. Однако по мнению А.И. Доватура, это объясняется философскими причинами. Император полагал, что душа должна быть готова отрешиться от тела, но без театральности и воинственности, свойственной христианам [3, 88]. Несмотря на это, в произведении Аврелия есть мысли, родственные христианскому учению: забота о своей душе – «создай себе досуг, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без дела», призыв к добродетели, осознание греховности человека – «Прегрешающий прегрешает против самого себя; совершающий несправедливость совершает её по отношению к самому себе, делая себя дурным». Главное, что создал Аврелий, представляет новый моральный идеал мудреца-стоика, которому присущи отсутствие страстей, углубление в свой внутренний духовный мир, одиночество, самодостаточность, равнодушие к внешней стороне человеческой жизни, вера в судьбу.

Отнесение С. Бозция к эпохе античности не является однозначным. С одной стороны, Бозций родился в 480 году, т.е. уже после распада Римской империи (476 год), следовательно, хронологически его следует отнести к эпохе Средневековья. Как богослов он исследовал тонкости христианского учения, связанные с Троицей и с ипостасями и природами Христа. Но более правильным является мнение В.И. Уколовой, которая считает, что «фигура Бозция высится на «перекрёстке времён» – античного и средневекового», а сплывающим началом в истории Европы у Бозция было не только христианство, но и античное наследие [4, 4].

Главное произведение Бозция «Утешение философией» написано в тюрьме незадолго перед казнью. Этот факт свидетельствует о предельной искренности произведения, желании рассказать всю правду о своих душевных переживаниях. Жанр этого произведения определяется неоднозначно. Бозций использует жанр «утешительных» произведений, которые до него уже применяли Цицерон и Сенека. Одновременно это и философский трактат, представляющий собой наставление, поучение в мудрости и специфический жанр сатуры, т.е. сочетания стихов и прозы в рамках одного произведения, где используется диалогическая форма общения с философией. Всё это позволяет утверждать, что исповедь встроена в многоаспектную философскую работу. Такого же мнения придерживаются исследователи творчества Бозция. Например, по мнению Уколовой, первые две книги «Утешения» представляют собой исповедь [4, 88], а по мнению Г.Г. Майорова, «из пяти книг «Утешения» первая напоминает исповедь,

вторая — моралистическую диатрибу, третья — сократический диалог, четвертая и пятая — теоретический трактат» [5, 394]. В первой книге Бозций рассуждает о своей доле в окружении муз. Затем появляется женщина в белых одеждах, имя которой Философия. Бозций завязывает с ней разговор в форме диалога, и выясняется, что он нравственно болен, и лишь Философия способна вылечить его больную душу. В ходе диалога Бозций вспоминает свою прожитую жизнь, полную драматических переживаний.

К эпохе Средних веков относятся «Исповедь» А. Августина (354-430) и «История моих бедствий» П. Абеляра (1079-1142). В отношении жанра «Исповеди» А. Августина существует немало мнений и взглядов. В своей статье А. Крэйг Троксэл указывает, что исследователи рассматривают данное произведение как автобиографию, психологическую автобиографию, исповедальную автобиографию, интеллектуальную автобиографию, духовную автобиографию, философский трактат и т.д. [6]. П. Анри считает, что «в истории мысли и цивилизации св. Августин был первым мыслителем, который оценил значение и предпринял анализ философских понятий человека и человеческой личности» [7, 1].

«Исповедь» состоит из тринадцати книг, причём I-IX книги представляют собой психологическую автобиографию (хронология, хотя и имеет место, но не играет здесь ключевой роли, а главным выступают поворотные моменты в жизни Августина и связанные с ними душевные переживания), X книга является переходной, а XI-XII представляют собой разъяснение первой главы книги Бытия. Первые девять книг являются воспоминаниями, которые связаны с младенчеством и заканчиваются обращением в православное учение. Августин отмечает, что даже младенец, которому исполнился один день, не является свободным от греха, но грех этот связан с телесной невинностью, а не с душой, и сам он в детстве грешил, нарушая наставления родителей и учителей. Августин утверждает, что вспоминает все свои прошлые мерзости и испорченности души не потому, что любит их, но чтобы возлюбить Бога. В книге пятой рассказывается о его приезде в Медиолан и встрече с епископом Амвросием Медиоланским, который был «одним из лучших людей, известных по всему миру», благодаря которому Августин решает покинуть манихеев раз и навсегда. Последующие книги посвящены рассказам о друзьях Августина, его матери и отце, об обращении к православному, подлинному учению [8]. В десятой книге ставится ряд философских вопросов: «Что такое Бог?», что есть человек, что собой представляет чувственное познание; как соотносятся чувственное познание и внутреннее созерцание, каковы экзистенциалы, волнующие душу человека, какова счастливая жизнь. Августин показывает, каким должно быть смирение человека, почему невозможно спасение без благодати и упования на волю Бога.

«История моих бедствий» П. Абеляра представляет собой образец автобиографии, которую можно считать исповедальной. В этом произведении, состоящем из пятнадцати глав, кратко описано происхождение Абеляра, указывается, что он дворянского рода, стал учителем и читал лекции в школах, где преподавателями были богословы и философы. Как оказалось, у Абеляра были выдающиеся способности к преподаванию, что, в свою очередь, вызывало раздражение среди его коллег и порождало ненависть по отношению к нему. С этого начинается его несчастья, и дальнейшее повествование представляет собой описание произошедших с ним бедствий.

У Абеляра появляется талантливая и образованная ученица Элоиза (племянница каноника Фульберта). Абеляр откровенно признаётся в исповеди, что не любил её, а она являлась лишь средством наслаждения. У Элоизы родился ребенок, она тайно обвенчалась с Абеляром, но её дядя, который узнал о случившемся, пришёл в ярость и подослал слуг, которые ночью осклбили Абеляра. Как пишет сам философ, его больше терзали не физические муки, а душевные: «Признаюсь, что, скорее, смущение от стыда, чем обет обращения, принудило меня броситься в убежище монашеских келий» [9, 99]. Другие происшествия с Абеляром касаются его теологических трактатов, содержащих положения, в которых богословы усматривали ереси. Итогом этих недовольств стало ещё одно бедствие Абеляра: ему пришлось на церковном соборе отречься от своего трактата и бросить его в огонь, его самого заточили в монастырь Сен-Дени. Позже Абеляру пришлось уйти в пустыню для искупления своих грехов.

Назвать произведение Абеляра автобиографией в чистом виде не является правильным, так как в нём есть мотивы, роднящие его с исповедью. Во-первых, Абеляр не даёт детального хронологического описания своей жизни, его взгляд останавливается на ключевых моментах, которые происходили с ним, и эти моменты позволяют проследить душевно-духовные состояния автора. Во-вторых, это именно «история бедствий» жизни человека. В-третьих, Абеляр создаёт своеобразную апологию себя самого и пытается показать, что он не является виновником происшедших с ним бедствий. В конце произведения, где философ «изливает» свою душу, появляется момент раскаяния: «Я обдумывал и горестно оплакивал ту бесполезную и нищую жизнь, которую я вел, и жил так неплодотворно как для себя, так и для других, и скольким клирикам я прежде был полезен, и что теперь от меня нет никакой пользы» [9, 125].

В эпоху Возрождения ярким образцом исповеди является «Моя тайна или Книга бесед о презрении к миру» Ф. Петрарки (1304-1374). Книга представляет собой исповедь, написанную в форме диалога между Августином Блаженным и Франциском, т.е. самим Петраркой, перед судом Истины. Произведение состоит из трёх бесед, в которых поднимаются различные моральные вопросы. Среди особенностей книги отметим, что Петрарка не кается в грехах, а подвергает их изучению и дискуссии.

В первой беседе объектом дискуссии оказывается определение человека, в которой происходит противостояние двух мировоззрений: Августина Блаженного, который являет собой образец средневекового религиозно-аскетического мировоззрения, и Петрарки, который был человеком уже другой светской эпохи. Франциск определяет человека как животное смертное и наделённое разумом, Августин принимает такое определение лишь отчасти, считая, что разум даёт человеку возможность понять, что всё находящееся на земле смертно и, следовательно, не должно являться ценным для человека. Августин считает, что люди оказываются несчастными по своей воле, а Франциск утверждает, что люди не могут иметь волю быть несчастными.

Во второй беседе разбираются смертные грехи самого Франциска. Рассматриваются, например, отчаяние, которое Августин называет «худшим из всех несчастий», корыстолюбие, печаль (ацидея) и другие. Августин упрекает Франциска за его привязанность к земным благам, но под этими благами следует понимать не какие-то плотские наслаждения или желание

иметь большое количество денег, а то, что питает дух Франциска: любовь, природа, книги, поэзия. Рассуждая о смерти, Августин и Франциск находятся на разных позициях: если для первого смерть представляет собой переход к жизни вечной, то для Петрарки смерть есть расставание с земными благами.

В третьей беседе внимание уделяется личности поэта новой эпохи, и особую роль обретает тема любви. Петрарка полагает, что существует два вида любви: обычная любовь, которая связана с чувственными наслаждениями, и платоническая, которая находится на ступень выше обычной. При этом для Франциска любовь платоническая служит не только источником страданий и мук, но и радости, что является непонятным для Августина, так как его представления о любви связаны с религиозным мировоззрением. Августин упрекает Франциска в желании поиска славы, прославления своего имени. А.Х. Горфункель рассматривает данный диалог как литературную форму самоанализа и самооценки Петраркой противоречий своего духовного мира. «Спор в диалоге, – пишет она, – есть внутренний спор автора с самим собой, происходящий в нём самом спор гуманиста со сторонником христианской традиции. Поэт сам осознает в себе это противоречие, столкновение взглядов и исторических эпох и пытается разрешить его, избрав себе судьей любимого писателя, величайший авторитет западного христианства» [10, 28].

Жанр исповеди в Новое время представлен такими произведениями, как «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо (1712-1778), «Ессе Ното» Ф. Ницше (1844-1900), «Исповедь» Л.Н. Толстого (1828-1910). «Исповедь» Руссо часто определяют как автобиографию или как автобиографический роман. Это верно лишь отчасти, ибо хронология является внешней канвой, а внимание автора сосредоточено на анализе своей судьбы, своих творческих поисков.

По мнению И.Е. Верцмана, в первых шести книгах (от рождения до 1741 года) преобладает оптимизм, который граничит с восторженностью, позитивным отношением к жизни, людям. Эта первая часть посвящена жизни Руссо в деревне, где какие-то мелкие неудачи и неурядицы не мешают ему воспринимать красоту окружающего мира, а различные происшествя Руссо связывает с отклонением социального порядка от природы и «естественных законов». Во второй части произведения уже преобладают подозрительность по отношению к другим людям и пессимистическое восприятие мира. Руссо повествует о своей жизни в столичном городе в тот период, когда его деятельность из стадии надежд, мечтаний перешла в совершенно иную стадию, «когда его трактаты возбудили ярость многочисленных врагов – одних из зависти к его таланту, других из ненависти к его идеям» [11].

Сам Руссо подчёркивал исповедальный характер своего произведения: «Я хочу показать себе подобным человека во всей правде природы, и таким человеком буду я сам... Я одинаково откровенно рассказывал и о добрых своих делах, и о злых. Я не утаил ничего дурного, не прибавил ничего хорошего, а если что-то и приукрасил, то лишь восполняя пробел, вызванный недостатком памяти» [12, 7]. Руссо извлекает из глубин души все свои пороки и недостатки и повествует о них, например, о своей тяге к воровству; о том, как будучи лакеем, он украл у хозяйки серебряную ленту, в чём он обвинил юную служанку; об уговорах Терезы отдать их младенцев в Воспитательный дом и т.д. Не случайно Толстой считал этот роман «недостижимым образцом литературного откровения». По мнению В. Дильтея, что

бы Руссо ни делал, какие бы лишения и страдания он ни переносил, он продолжал считать себя благородным человеком и аристократом, «душа которого слита со всем человечеством», философ хотел показать миру «правомерность своего духовного существования, раскрыть его целиком таким, каким оно было ... Руссо стремится добиться признания права своего индивидуального существования» [13, 139].

Если сравнить произведения Руссо и Августина, то общим в них является исповедальная интенциональность произведений. Но если исповедь Августина обращена к Богу, то Руссо пишет для людей; Августин раскаивается в своих делах, просит прощения у Бога и благодарит Его за то, что он позволил ему отказаться от прошлой жизни, а Руссо даёт описание поступков, даже порочащих его, за которыми не стоит покаяния и раскаяния.

«Ессе Ното» Ф. Ницше является наряду с «Антихристом» одной из самых «взрывных» работ немецкого философа. В письме от 20 ноября к датскому литературоведу Г. Брандесу философ сам определил жанр своей рукописи: «Сейчас, с цинизмом, который станет всемирно-историческим, я рассказываю самого себя. Книга озаглавлена «Ессе Ното» и является бесцеремоннейшим покушением на Распятого; она завершается раскатами грома и молний против всего, что есть христианского или христианско-заразного, – этого не выдержит ни один слух и ни одно зрение. В конце концов я первый психолог христианства и могу, в качестве старого артиллериста, какovým я и являюсь, пустить в ход тяжелое орудие, о существовании которого едва ли догадывался какой-либо противник христианства» [14].

Ницше повествует о потаённых глубинах своего сознания, мировоззрения, мироощущения. Он заявляет о своей исключительности, неповторимости, желании выговориться: «Выслушайте меня, ибо я такой-то и такой-то. Прежде всего не смешивайте меня с друзьями!» [15, 7]. Такую исключительность подчёркивают и некоторые заголовки в книге, например: «Почему я так мудр», «Почему я так умён», «Почему я пишу такие хорошие книги» и т.д. Произведение служит источником обнаружения философских взглядов Ницше: «Мои опыты дают мне право на недоверие вообще к так называемым бескорыстным инстинктам, к «любви к ближнему», готовой всегда на совет и на дело. Для меня она сама по себе есть слабость, отдельный случай неспособности бороться против раздражений, – сострадание только у декадентов зовется добродетелью» [15, 20]; «истинных религиозных затруднений, например, я не знаю по опыту. От меня совершенно ускользнуло, как я мог быть «склонным ко греху» [15, 28-29]; «я верю только во французскую культуру и считаю недоразумением всё, что кроме неё называется в Европе «культурой», не говоря о немецкой культуре» [15, 36].

Ницше восхищается французской культурой, утверждая, «что я Паскаля не читаю, но люблю, как самую поучительную жертву христианства», впервые война «освободила» дух во Франции, Германия же, наоборот, куда бы ни распространяла своё господство, везде культуру портит. Тем не менее, он давал высокую оценку поэзии Г. Гейне и музыке Р. Вагнера. Большое место в работе занимает анализ Ницше своих философских произведений, в процессе подготовки которых происходило становление его атеистического мировоззрения. Последний раздел книги называется «Почему я являюсь роком». В нем философ говорит, что с ним будут связаны воспоминания как о чём-то огромном, «о

кризисе, какого никогда не было на земле, о самой глубокой коллизии совести». Анализ своих произведений Ницше сопровождает выражением своих чувств и переживаний, связанных с формами человеческого бытия.

«Исповедь» Толстого представляет религиозно-философский труд, который был написан в 1879-1881 годах. В России публикация этой книги была запрещена духовной цензурой. «Исповедь» показывает читателю духовный кризис Толстого, который произошёл с ним в 1870-1880 годы, вследствие чего главной темой трактата становятся религиозно-духовные искания писателя. Как и во многих исповедях, хронологичность и автобиографичность присутствуют, но они не играют ключевой роли. Толстой начинает повествование с того, что он был крещён и воспитан в православной семье, но когда «вышел» со второго курса университета, то уже не верил тому, чему его учили, считал, что надо ходить в церковь и учить катехизис, но серьёзно ко всему этому относиться не стоит. Но, как и Августин, Толстой с горечью вспоминает прегрешения своей молодости: «Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах» [16, 11]. Писатель, раскаиваясь, перечисляет свои злодеяния: убивал людей на войне, вызывал на дуэли, проигрывал в карты и казнил мужиков, лгал, обманывал и т.д.

Духовные искания приводят философа в тупик, и его начинают посещать идеи о самоубийстве. Эти мысли приходят ему на ум в возрасте пятидесяти лет, когда его жизнь была вполне благополучной. Однако у него возникло ощущение, что «жизнь моя есть какая-то кем-то сыгранная надо мной глупая и злая шутка» [16, 21]. Поиск смысла жизни становится главным в эти годы для писателя, он сравнивает свои искания с человеком, который заблудился в лесу, вышел на поляну, залез на дерево и увидел, что кругом бескрайние просторы.

Это душевное состояние заставляет Толстого искать веру, которая не отрицала бы разум. Он начинает изучать буддизм, магометанство и особенно христианство по книгам и на примере жизни людей, которые его окружали. Но и это не помогает ему, так как он увидел, что люди эти живут в таких же духовных переживаниях, как и он сам, с той лишь разницей, что их жизнь изначально не соответствует началам, которые они излагают в своём вероучении. Тогда писатель обращается к людям бедным, различным странникам, монахам, крестьянам и видит, что их вера, несмотря на наличие некоторых суеверий, является подлинной. Так Толстой возвращает себе истинный смысл жизни и отрывается от жизни, которую вёл круг его знакомых, посчитав, что она представляет лишь некое подобие жизни. Писатель обращается к христианству, но если раньше он полагал, что оно не является истинным, то теперь придерживается мнения, что в нём есть как истина, так и ложь. На последних страницах «Исповеди» Толстой утверждает, что своей задачей считает найти, что истинно и что ложно в христианстве, и отделить одно от другого.

«Самопознание» Н.А. Бердяева (1874-1948) является одним из последних произведений русского философа, представляя своеобразный итог его философских взглядов и идей. Признавая заслуги произведений разных жанров и авторов – дневники Амиеля и Жида, исповеди Августина и Ж.-Ж. Руссо, воспоминания А.И. Герцена, поэзию Гёте – Н.А. Бердяев отмечает, что его произведение является особенным, и оно не может быть в полной мере отнесено ни к одному из вышеперечисленных жанров. Русский мыслитель характеризует свою книгу как «философское познание и осмысливание меня самого и моей жизни» [17, 8] и

«опыт философской автобиографии и историю духа и самосознания».

В произведении присутствуют автобиографические моменты, которые выступают фоном повествования. Сам автор говорит, что его книга написана свободно, и порядок глав в ней не является хронологически выверенным, а их расположение связано с темами и проблемами, которые мучили философа всю его жизнь. Бердяев кратко рассказывает, что ему пришлось жить в катастрофическую эпоху как для страны, так и для него самого; о своей семье, о своём характере; об учёбе в Киевском кадетском корпусе; о роли болезни в его жизни; о встречах и общении с различными людьми своего времени (например, с П. Струве, М. Туган-Барановским, С. Булгаковым, М.А. Новосёловым, старцем Германом, о. А. Мечевым, М. Шелером и т.д.). Бердяева не случайно считают представителем философии экзистенциализма, подтверждение чему мы находим в одной из глав «Самопознания», которая посвящена рассмотрению таких экзистенциалов, как одиночество, тоска, свобода, бунтарство, жалость, эрос. Русский философ, отмечая, что вся его жизнь проходила в исканиях, сомнениях, «борениях духа», утверждает своё понимание Бога: «Бог не есть бытие, и к Нему не приемлемы категории бытия, всегда принадлежавшие мышлению. Он существует, Суций, и об этом мыслить можно лишь экзистенциально и символически» [17, 87].

Бердяева интересует вопрос о смысле жизни человека, и он вспоминает свой духовный переворот, произошедший между отрочеством и юностью: «Пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже даёт смысл жизни, и я посвящаю свою жизнь этому исканию смысла» [17, 99]. Бердяев рассказывает о своём философском мировоззрении, утверждая, что он, скорее, «человек мистический», чем «человек религиозный», признаёт влияние мистики Я. Бёме, высказывает свои симпатии А. Шопенгауэру, подчёркивая, что его всегда больше интересовали этические проблемы. Он критикует классический экзистенциализм, считая, что экзистенциальный философ тот, у кого «мысль означает тождество личной судьбы и мировой судьбы», у кого существование выступает субъектом, а не объектом познания. Бердяев акцентирует внимание на своих духовно-религиозных исканиях и утверждает, что Бог даёт человеку свободу, Он сам есть свобода, Он не Господин, а Освободитель. Понятие греха мыслитель связывает с утратой свободы человеком, но в области обсуждения этих вопросов Бердяев подчёркивает, что он не богослов, а свободный религиозный философ.

В философской исповеди отражены ключевые компоненты духовного мира как самого мыслителя, так и эпохи, в которую он живёт. Если использовать терминологию М. Бубера, то философские исповеди создавались в эпохи бездомности человека: гибели цивилизаций и культур, войн, революций, смены мировоззрений, возникновения кризисного общественного сознания.

Список литературы

- 1 Тульчинский Г. Л., Уваров М. С. *Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков // Исповедальное слово в метафизической перспективе*. URL: http://polbu.ru/tulchinsky_metaphysics/ch16_i.html
- 2 Казанский Н. *Исповедь как литературный жанр*. URL: http://krotov.info/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm.
- 3 Доватур А. И. *Римский император Марк Аврелий Антонин // Аврелий М. Размышления*. – Л., 1985.
- 4 Уколова В. И. *«Последний римлянин» Бозций*. – М., 1987.

- 5 Майоров Г. Г. Судьба и дело Бозция / Бозций «Утешение философией» и другие трактаты. – М., 1990.
- 6 Troxel A. Craig. What did Augustine “Confess” in his Confessions? URL: http://www.earlychurch.org.uk/article_augustine_troxel.html
- 7 Henry P. Saint Augustine on Personality. – New York., 1960.
- 8 Августин Аврелий. Исповедь. – СПб., 2008.
- 9 Абелья П. Теологические трактаты. – М., 2010.
- 10 Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. – М., 1980.
- 11 Верцман И. Е. Предисловие // Ж.-Ж. Руссо. Исповедь. URL: http://modernlib.ru/books/zhan-zhak_russo/isповед/read/
- 12 Руссо Ж.-Ж. Исповедь. – СПб., 2012.
- 13 Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – №4.
- 14 Свасьян К. А. Хроника жизни Фридриха Ницше. URL: <http://litrus.net/book/read/43295?p=6>
- 15 Ницше Ф. Эссе Ното. Антихрист. – СПб., 2013.
- 16 Толстой Л. Н. Исповедь. О жизни. – СПб., 2012.
- 17 Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. – СПб., 2013.
18. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. – Черкассы, 1993.

УДК 340 (075.8)

Б.С. Шалютин
Курганский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПАХ ОТНОШЕНИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье показано, что право конституирует общество в ходе социогенеза, затем подавляется государством, возникающим как силовое, затем эволюционирующим в направлении полусилового-полуправового государства, устанавливающегося посредством буржуазных революций и далее трансформирующегося в правовое, то есть подчиненное праву, что обеспечивается формированием гражданского общества.

Ключевые слова: правогенез, вождество, политогенез, государство, буржуазное государство, правовое государство, гражданское общество.

B.S. Shalyutin
Kurgan State University

HISTORICAL TYPES OF LAW AND STATE RELATIONSHIP REVISITED

Abstract. The article shows that law constitutes

society during sociogenesis, and then it is suppressed by the state, arising as a power based state. Then it evolves towards a half-power and half-rule-of-law state, established by bourgeois revolutions, and further transforming into a legal, subordinate to law state, which is ensured by the formation of the civil society.

Keywords: law genesis, chiefdom, political genesis, state, bourgeois state, rule of law state, civil society.

Предлагаемая статья носит концептуальный характер. Ее задача – представить целостное авторское видение проблемы, вынесенной в заголовок. При этом моя трактовка возникновения права, а отчасти и государства, ранее излагались в научных и учебных изданиях. Остальные вопросы публично представлены впервые.

1 Возникновение права [1]

Право появляется с возникновением общества. Более того, формирование права и конституирует общество. Единственная общеизвестная сегодня концепция начала человеческого общества и, соответственно, границы, отделяющей его от предыдущего уровня организации, принадлежит Леви-Стросу¹. Она состоит в том, что общество начинается с экзогамии, означающей появление межгрупповых союзов ранее замкнутых эндогамных групп. Так происходит «замена системы кровного родства биологического происхождения социальной системой отношений свойства» [2].

Предсоциальные эндогамные человеческие группы, находившиеся между собой в состоянии войны всех против всех, характеризовались чрезвычайно высокой степенью соперничательной эмоциональной сплоченности, характерной и сегодня для архаических общностей.² Объединение таких групп в парные союзы на основе экзогамии могло состояться только при двух взаимосвязанных условиях.

Во-первых, это блокировка силовых столкновений в случае конфликтов между индивидами, принадлежащими к разным половинкам дуальной общности, которые – силовые столкновения – были неизбежны в рамках прежней, досоциальной логики. Блокирующим механизмом здесь стало взаимное заложничество. Заложницами оказывались жены мужчин из одной половины, по рождению принадлежавшие другой половине. Любое нападение на половинку-контрагента означало угрозу их жизням, невозможную в условиях того соперничательного единения, о котором сказано выше.

Во-вторых, это формирование несилового механизма прекращения конфликта. Нанесение ущерба в прежней ситуации войны всех против всех вызывало эмоцию мщения, воплощавшуюся в нападение на группу-обидчика. В условиях дуально-группового союза нападение блокировалось страхом за жизнь заложниц. Таким образом, ситуация не имела разрешения в рамках эмоциональной детерминации поведения, что привело к возникновению надэмоциональной ра-

¹ Хотя, на мой взгляд, в свете последующих антропологических исследований и теоретической рефлексии идея Леви-Строса требует некоторой корректировки, она не существенна в свете обсуждаемой здесь проблемы.

² Показателен в этом отношении вывод антрополога Ф. Маерса: «Концепция эмоций у пинтупи (представители одной из культур австралийских аборигенов) представляет самосознание отдельного человека как признающее сущностную идентичность с другими в такой степени, как будто другие составляют часть его самого». Myers F.R. Emotions and the Self: A Theory of Personhood and Political Order among the Pintupi Aborigines // Ethos. 1979. V. 7, p. 365.

циональной процедуры разрешения конфликта. Она предполагала установление действительности самого факта нанесения ущерба, определение виновного и назначение санкции, призванной восстановить нарушенное равновесие и справедливость. Эта процедура (которую мы сегодня называем судебной) требовала выработки определенных правил, смысл которых состоял в предоставлении каждой стороне полной и равной возможности аргументации своей позиции. Отсутствие такой возможности у одной из сторон вынуждало бы ее отстаивать свои интересы силой. Такие правила сегодня называют процессуальными нормами. Наконец, при отсутствии каких-либо обособленных принуждающих структур судебная процедура имела смысл лишь в случае ее завершения договором об исполнении санкции.

Таким образом, необходимым моментом перехода к социальности стало формирование регулятивного механизма, включавшего в себя суд, нормы, договор и принуждение (исходно – к миру). Впоследствии на этой базе сформировались специализированные судебные, нормотворческие и принудительно-силовые органы, однако сам механизм в его органической целостности является ровесником общества. Как видно из его генезиса, он означает замену аргумента силы на силу аргумента. Не случайно римляне говорили *inter arma leges silent*. Существенно также то, что этот механизм противостоит не только силовому, но и эмоциональному началу. Это чистая рациональность. Право представляет собой систему отношений, формирующуюся в результате договоров свободных и равных субъектов (в том числе и договоров «по умолчанию») и предполагающую рациональный порядок разрешения конфликтов (реальных или предполагаемых нарушений договоров), базирующийся на полной и равной возможности сторон аргументировать свою позицию.

Я вижу такое понимание сущности и генезиса права как вариант процессуалистского юснатурализма. Юснатурализм в широком понимании есть позиция, утверждающая, что право имеет те или иные основания, более глубокие, нежели установление социальной власти. Почти все версии юснатурализма соотносятся с некими нормами материального права. Однако, как показывает история правовой мысли, ни один такого рода вариант не выдерживает критики. И это не случайно. Право в качестве особого регулятивного механизма конституируется как некий процесс формирования договорных правил и разрешения конфликтов, основополагающие принципы которого представлены в определении. В этих рамках возможны самые различные конкретные конструкции норм процессуального и тем более материального права.

2 Возникновение государства [3]

Государство есть институт, осуществляющий социальную власть в обществе на основе силового превосходства над другими социальными субъектами¹.

Все классические концепции государствоведения базируются на ложной посылке о том, что государство является исторически первой формой институциональной организации централизованной общесоциальной власти и что оно возникает в процессе более или менее непосредственной трансформации эгалитарного общества в государственно организованное.

¹ *Центральная идея этого определения – замена веберовской монополии легитимного насилия на силовое превосходство – заимствована у Ч. Тилли. См. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990-1992 гг. / пер. с англ. Менской Т. Б. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2009. – С. 21-22.*

В 60-е годы XX века Э. Сервис и М. Салинз предложили принципиально новую идею, развившуюся в концепцию вождества, ставшую практически общепринятой в социальной науке к 80-м годам. Вождество представляет собой общество, состоящее из нескольких надсемейных сегментов², обладающее институциональной централизованной властью, не опирающейся на силовое принуждение. Так называемые простые вождества насчитывают до тысячи человек. При этом один сегмент возвышается над остальными, а политические и социальные отношения строятся согласно правилам родства. Власть обеспечивается, прежде всего, *идеологией*, носящей религиозный характер. Право повелевать «... неизменно основывалось на предполагаемом божественном происхождении вождя» [4]; «... желание вождя становится также и волей божеств... И чтобы придавить хребет тем, кто мог бы возразить, часто добавляется угроза скорых и ужасных кар со стороны божеств, если приказ не будет исполнен» [5]. Вождество исторически возникает существенно раньше государства. Сложные вождества, до десятков тысяч человек, формируются через интеграцию простых, сохраняющихся в сложном в качестве подсистем, но подчиненных единому вождю. Подобным же образом на базе сложных могут формироваться суперсложные вождества.

В современных исследованиях политогенеза введены понятия аналогов государства [6] и вождества [7]. Под аналогами государства понимаются общества, не уступающие раннегосударственным по общему уровню развития (размеры, уровень расслоения, разделение труда, материальная культура и технологии и т.п.), но не имеющие института государства. Такова же методология определения аналогов вождества, которые, соответственно, не имеют вообще никакой централизованной власти. Показано также, что реальные государства образовывались как на базе вождеств, так и через трансформацию аналогов государств.

В то же время описанные процессы возникновения государств относятся к так называемому вторичному государствоведению. Для конкретноисторической реконструкции ключевых моментов и механизмов становления первых государств достаточных данных нет. Вместе с такими классиками политической антропологии, как Э. Сервис, М. Салинз, Р. Карнейро и многими другими, я думаю, что первые государства возникли на базе сложных вождеств, и далее представляю логику этого процесса. Но даже если допустить возможность возникновения государств в рамках первичного политогенеза непосредственно на иной основе, следует иметь в виду, что вождества возникали и распадались, создавая тот общий социокультурный уровень, который без их решающего участия сформироваться не мог и который сделал возможным возникновение государственности.

Исходя из сказанного, вопрос государствоведения я делю на два: о возникновении вождества и о переходе от вождества к государству.

2.1 Возникновение вождества

Вождества формировались на базе обществ, состоявших из нескольких существенно автономных статусно равных сегментов. Внутренней логики возвышения одного сегмента над остальными не существовало. Более того, такое возвышение противоречило бы устойчивому способу существования подобных систем: «Эти сообщества политически равны... и это декларируется при малейшей провокации» [8].

² *Часто говорят «надлокальное», однако вряд ли это слово применимо к кочевым вождествам.*

Становление централизованной власти можно осмыслить только на базе понимания того, что эволюция обществ обусловлена, главным образом, их конкуренцией между собой, и в первую очередь – военной. Проигравшие исчезают. История обществ есть процесс их взаимного усиления относительно друг друга. Одним из ключевых факторов этой конкуренции является трансформация самих способов социальной организации. «Существует тенденция, – пишет Салинз, – к доминированию более высоких культурных форм над более низкими, к вытеснению первыми вторых» [9, 53]. Именно в этой логике (пожалуй, только оценочное «высоких») лучше заменить на вполне определенное «сильных») и возникает централизованная власть, сначала в форме вождества, а затем – государства.

Централизованную власть порождает война. Когда численность воюющих сторон начинает превышать некоторый уровень, важным фактором военного успеха становится организация боевых действий. Последняя возможна только на основе командования. Антропологами описано много случаев, когда равные в мирной жизни группы, подсистемы одного общества, иногда даже взаимно враждебные, объединялись в войне под командованием лидера одной из них, становившегося военным вождем. Однако по окончании военных действий все возвращалось на круги своя. Обратимся еще раз к М. Салинзу: «Определенные группы могут образовывать временные целевые союзы, например, для военных предприятий, но коллективный дух остается эпизодическим. Когда цель, вызвавшая его, оказывается достигнутой, союз прекращает свое существование, и племя возвращается к своему нормальному состоянию разобщенности» [9, 53]. То же пишет и Кревельд: «Когда боевые действия заканчивались, братства неизменно распускались, и вожди лишались своей власти. Например, так было в племенах чероки с их так называемыми красными вождями, так же было у пуэбло, дживаро, динка и масаи» [4, 19].

Логично думать, что в условиях длительной острой конкуренции политий за ресурсы – а такие условия раньше или позже обязательно возникают – боевые столкновения становятся постоянным фактором жизни обществ, и, соответственно, централизованная власть также устанавливается на постоянной основе. «Если военный лидер избирается на время войны... а военные действия никогда не прекращаются, то он начинает выглядеть абсолютно необходимым» [10], – пишет Х. Льюис. Этот тип социальной организации обретает устойчивость тогда, когда под него трансформируется идеология. Трансформация, утверждающая наиболее близкую родственную связь вождя со сверхъестественными силами, вполне органичная при успешном ходе войны в силу всеобщего характера религиозно-мифологических объяснений, и знаменует собой формирование вождества.

2.2 От вождества к государству

В развитых производящих акефальных¹ обществах описана фигура так называемого бигмена – наиболее авторитетного и влиятельного человека, не обладающего, однако, в отличие от вождя, формальным и тем более властным статусом. Он лучше и больше всех работает, «его руки постоянно в земле, а со лба то и дело стекают капли пота» [11, 130], но по потреблению не отличается от других. Разница между производством и потреблением идет на подарки, создавая социальный капитал за счет демонстрируемой и почитаемой

щедрости и возникновения у одариваемых ответных обязательств («использует свое богатство, чтобы сделать других должниками») [11, 131]. *Имущество само по себе здесь еще не имеет позитивного социального значения, почему и инвестируется в более надежный социальный капитал.*

Отчасти похожее явление существует и в ранних вождествах. Оно называется редистрибуция – перераспределения. «Снизу к вождю, – как пишет Р. Фирт, – ... течет поток подарков» [12, 119]. При этом «вождь также с легкостью раздавал добро в качестве подарков своим сторонникам. Так он добивался их преданности и отплачивал им за подарки и оказанные ему личные услуги... Он был своего рода каналом, по которому перетекали материальные ценности, а копил их он только для того, чтобы снова с легкостью сорить ими» [11, 134]. Однако «при развитых формах вождеской организации... подобное перераспределение не лишено материальной выгоды для вождя» [11, 134]. Вождь «не возвращает всего» [11, 134], может «себе позволить, что называется, без зазрения совести залезать в общественный карман и использовать произведенный народом продукт исключительно на собственные нужды» [12, 120].

В ходе эволюции вождества, таким образом, происходят два важнейших взаимосвязанных процесса. Во-первых, имущество обретает самостоятельное позитивное социальное значение, тем самым появляется смысл в его концентрации, возникает сам феномен имущественного накопления. Во-вторых, на этой основе появляется имущественное расслоение, которое в развитых сложных вождествах становится уже очень сильным. Концентрация значительного богатства в руках вождя, как будет видно далее, – одна из предпосылок формирования государства.²

Для понимания государствогенеза следует в принятом выше определении государства отделить друг от друга два момента. Во-первых, государство обладает силовым превосходством над иными субъектами, во-вторых, за счет этого оно властвует в обществе. Мне неизвестно, чтобы кто-либо ранее акцентировал это различие, причем «по умолчанию» понималось, что первое и второе существуют и исторически формировались в единстве. Между тем, если в каком-нибудь школьном классе есть мальчик Петя, который физически сильнее прочих, то не обязательно – хотя и не исключено, – что он в классе властвует. Причины и механизмы формирования социальной подсистемы, обладающей силовым превосходством над другими, и присвоения ею общесоциальной власти – вопросы *разные* и должны быть рассмотрены самостоятельно. Начну с первого – логически и исторически.

В качестве правила, когда появляется новое более эффективное оружие, его не хватает на всех. Равномерное или случайное распределение такого оружия гораздо менее эффективно, чем его концентрация. Поэтому внутри вождеств, начиная с некоторого уровня, образуются обособленные приоритетно вооруженные подразделения, способные нанести во время боя решающий удар в решающей точке в решающий момент. Их результативность зависит от боевой подготовки, поэтому входящие в их состав лица со временем ос-

¹ Не имеющих институциональной централизованной власти.

² Здесь, особенно для отечественного читателя, вскормленного и в значительной мере продолжающего вскармливаться марксизмом, стоит обратить внимание, что власть не производна, а первична по отношению к имущественному расслоению. Только при капитализме обогащение посредством использования властного статуса перестает быть нормой.

вобождаются от жизнеобеспечения через собственное материальное производство. Необходимые ресурсы они получают от вождя, который благодаря концентрации богатства уже имеет такую возможность. Историки часто называют такие подразделения дружинами.

Все прежние социальные подсистемы вождества строились на принципах родства и свойства. В формировании дружины эти принципы спустя некоторое время были преодолены, поскольку, во-первых, в нее должны входить наиболее сильные, смелые и подготовленные, во-вторых, по мере укрупнения дружины ближайших родственников вождя оказывалось недостаточно. Существенный момент состоит также в том, что дружина (не случайно в русском от корня «друг») предполагала высочайшую степень сплоченности и готовность дружинников к самопожертвованию друг за друга. Боевое «братство», формировавшееся перед лицом смерти, становилось вполне конкурентоспособным с братством кровным. Дружина – не просто еще один, а *принципиально новый* элемент в структуре вождества. Именно с ее возникновения начинается преодоление абсолютного доминирования родственной социальной структуры, которое привело к ее оттеснению с системообразующих позиций уже с формированием раннего государства.

Несмотря на инородность и в этом смысле противоположность дружины прежним принципам социальной организации, исходно она – цвет, гордость и слава вождества и ориентирована только на противостояние внешним врагам. Ее трансформация во внутрисоциально властвующий институт также происходит через текст внешних противоборств.

Акефальные общества, достигнув некоторой величины, распадались. Только с возникновением вождеств и интеграции, своего рода «сборки» простых вождеств в сложные появляются крупные общества. Так возникают значительные устойчивые различия в размерах и, соответственно, воинской силе обществ, создающие возможность подчинения одних другими. Однако это не так легко, как может показаться. Военной победы и несомненного силового превосходства недостаточно, поскольку люди, оказавшиеся в ситуации перманентной угрозы, просто уходят, бросая недвижимость.

Первым механизмом подчинения одним обществом другого становится заложничество. Однако уже не рассмотренное выше взаимное и добровольное. Теперь оно обеспечивается силовым захватом в качестве заложника сына или другого ближайшего родственника вождя более слабого вождества.¹ Силовое присоединение таким путем одного за другим нескольких вождеств приводит к формированию империи, метрополией которой становится вождество с дружиной.² По мере развития империй чисто силовое заложничество трансформируется, дети периферических вождей становятся «воспитанниками» при дворе верховного вождя (фараона, императора и т.п.). Параллельно выковывается религиозный или квазирелигиозный культ этого верховного вождя. В то же время подлинного идеологического единства в империи не бывает. В отличие

¹ Акефальное общество вообще не может быть подчинено. Внешняя власть может войти только в то общество, которому в принципе уже известны властные отношения. Нельзя водить комариную стаю, привязав за ниточку одного комара.

² Обеспечение покорности присоединенных территорий остается типичным и для развитых государственных империй вплоть до новейшей истории. Например, Российская империя широко практиковала его в XIX веке на Аляске.

от простых вождеств, добровольно интегрировавшихся в сложные, периферические вождества империй хранят память о захвате, и ритуальные демонстративно-публичные восхваления центрального вождя соседствуют со сжатой пружиной сепаратизма,³ готовой развернуться при любой возможности.

Важнейшим фактором возникновения такой возможности становится ослабление центральной власти, которое может быть вызвано разными причинами, но раньше или позже возникает. В какой-то (каких-то) из провинций пружина сепаратизма развертывается в реальные политические действия, и иногда это ведет к распаду империи. Но если центральная власть сравнительно быстро восстанавливается, то в мятежную провинцию направляется дружина, учиняющая кровавую расправу.

Подавление дружиной провинциального мятежа – это уже не внешняя война, а карательная акция внутри собственной политики. Обагрив руки в крови «своих» (пусть не до конца, пусть «второсортных», но все же хотя бы относительно «своих»), дружина переходит Рубикон. Теперь, когда уже в самой метрополии, представляющей собой сложное вождество, намечаются процессы, направленные против вождя (а в вождествах, как показывают история и социальная антропология, такие процессы происходят хотя и редко, но неизбежно), он использует для их подавления уже готовую к этому дружину. Тем самым дружина во главе с вождем превращается из чисто внешнего кулака также и во внутреннюю репрессивную структуру. Возникает институт общесоциальной власти, базирующийся на силовом превосходстве над всеми другими социальными субъектами – государством.

3 Социальный порядок при силовом государстве

Возникновение государства, вопреки по-прежнему распространенному в российской литературе мнению, не только не порождает права, а несет в себе огромный антиправовой потенциал. Если правовые нормы базируются на договоре равных, то государство за счет силового превосходства может действовать, ни с кем не договариваясь, в том числе в одностороннем порядке устанавливать нормы (не имеющие тем самым правового характера), обеспечивая их чисто силовым путем. Именно так действовали государства на протяжении тысячелетий, пока в некоторых обществах люди не научились ограничивать их посредством права.

Тип государства, использующего силу без правового опосредования, я называю силовым. Мне представляется, что существуют три основных механизма поддержания социального порядка в обществе с силовым государством.

Первый – политико-силовой. Он базируется на том, что субъекты, находящиеся в системе власти на более высоких позициях, имеют возможность силой навязывать и осуществлять свою волю в отношении нижестоящих.

Политико-силовой механизм, однако, регулирует только отношения между субъектами, находящимися на разных ступенях вертикали власти, или опосредованные вышестоящей властью. Однако значительный пласт социальных отношений между равными с точки зрения властного статуса субъектами не опосредуется государством и строится на той же, что и в догосударственный период, то есть договорной, правовой основе. Кроме того, отчасти, а иногда и в очень значительной степени, договорно-правовой порядок регламентирует

³ Старшему поколению россиян то и другое памятно по СССР и его распаду.

и отношения между субъектами, различающимися по властному статусу.

Сохраняющееся право – это второй механизм поддержания социального порядка. Заметим, что и силовое государство часто играет значительную роль в поддержании правопорядка, в частности, через разрешение возникающих конфликтов официальными лицами, будь то специализированные судьи или иные должностные лица, осуществляющие судебские полномочия в числе прочих. Следует иметь в виду, что во многих обществах, особенно до Нового времени, государственных норм сравнительно немного, и они не являются основной, а тем более единственной базой для принятия судебных решений.

Политико-силовой и правовой механизмы поддержания социального порядка, однако, не равны. Первый является доминирующим, второй действует лишь постольку, поскольку не противоречит первому.

В рамках собственной логики политико-силового порядка вышестоящие имеют очень мало или вообще никаких ограничений по отношению к нижестоящим. Казалось бы, в этих условиях должен процветать, если воспользоваться бытовым, но по сути точным термином, беспредел, творимый вышестоящими в своих интересах. Действительно, иногда в истории мы такое обнаруживаем. Но это обычно исключительные, кризисные или предкризисные периоды. Ни беспредельная жадность, ни беспредельная жестокость по отношению к нижестоящим не являются типичными для обществ, где доминирует политико-силовой порядок. В связи с этим возникает вопрос о том, что же его ограничивает, если это не заведомо подчиненное ему право.

Таким ограничивающим фактором выступает третий важнейший механизм поддержания социального порядка – идеология, носящая, как правило, религиозный характер и предписывающая заботу о подданных, с одной стороны, и почитание власти, с другой. В рассматриваемых сейчас обществах идеология в той или иной форме работает на смягчение отношений вышестоящих и нижестоящих. Это может быть, в духе Конфуция, «отеческая забота», с одной стороны, и «сыновнее почтение», с другой (практически повсеместно), а может и дополняться христианским «возлюби ближнего своего» или еще какими-либо гуманизирующими эти отношения формулами.

Следует отметить, что отношения между идеологической и политико-силовой регуляцией нельзя однозначно субординировать. Аналогично выстраиванию государственности религиозная идеология обретает институциональную вертикальную организацию в виде церкви. Церковно-идеологическая и политико-силовая власти всегда конкурируют, и в разных обществах, в разные исторические периоды соотношение сил выглядит по-разному. Однако принципиально они поддерживают друг друга. Идеология обеспечивает легитимность политической власти, государственная сила помогает выкорчевывать инакомыслие.

4 Формирование предпосылок исторического преодоления силового государства. «Буржуазные» революции как преодоление политико-силового доминирования и конституирование экономико-правового порядка

Процессы, о которых далее пойдет речь, в отличие от предыдущих, в основном специфичны для европейского мира. В какой-то мере что-то похожее можно найти и в других регионах, но только здесь они получили свое логическое завершение, и лишь затем идущая из Европы волна, доходя до других территорий и культур,

в сложном и разном взаимодействии с собственными трендами стала в значительной мере задавать вектор их дальнейшего развития.

Совпавшие и переплетавшиеся варваризация и христианизация Европы сопровождалась отказом от античного наследия с его культом разума. Знаменитое приписываемое Тертуллиану «Верую, ибо абсурдно» выражало этот дух времени. Однако через некоторое время в силу причин, обсуждение которых выходит за рамки данной статьи, наметилась противоположная тенденция. Рационализация культуры нарастает и становится главным содержанием эпохи.

Внутри христианской идеологии это наиболее ярко выражается в появлении доказательств бытия Бога. Созданные из самых благочестивых соображений как ответ на порожденные усилившимся и не знающим ничего святого разумом тайные сомнения, эти доказательства на самом деле нанесли абсолютному идеологическому доминированию христианства сильнейший удар. Бог в системе религиозной культуры – бесосновная основа. И если он об-ОСНОВЫВАЕТСЯ логически, он уже не Бог. Благочестивые теологи, сами того не ведая, уже подсунили на его место разум. Бог, может, еще и не умер, но слишком ослаб, чтобы по-прежнему надежно легитимизировать власть.

Другое, не менее важное проявление рационализации имело место в эволюции систем производства и движения материальных благ, все более обретавших качество экономики. Этот момент требует пояснения в силу ряда распространенных, особенно в нашем неизжитомарксистском общественном сознании, заблуждений.

По Марксу, как известно, «правовые отношения... коренятся ... в политической экономии», при этом «отношения собственности» есть лишь «юридическое выражение» тех отношений, обусловленных уровнем развития производительных сил, в которые люди необходимым образом вступают в процессе общественного производства – производственных отношений, совокупность которых «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая... надстройка» [13].

В действительности отношения собственности возникают за десятки тысяч лет до всякого производства и являются одной из древнейших форм правоотношений. Отношения собственности есть отношения признания субъектами друг за другом права на нечто отчуждаемое. Один из наиболее важных аспектов древнейшего дарообмена между обществами или относительно автономными сегментами обществ охотников-собирателей заключается именно в демонстрации такого признания, в символическом отказе от намерения отнять что-либо силой, от «права на всё», влекущего, как показал Гоббс, «войну всех против всех». Отношения дарообмена создают так называемую «замиренную среду», «Дар — это примитивный путь достижения мира», – пишет Салинз [11, 157]. В отношениях собственности в полной мере проявляется сущность права как отказа от силовых взаимоотношений. Признание чужой собственности есть признание другого в качестве субъекта собственности и тем самым как субъекта вообще, как того, с которым можно иметь дело, не воевать, а договариваться, устанавливать и поддерживать какие-либо отношения.

Экономика есть не что иное, как процесс социального движения материальных благ на основе института собственности. В рамках обществ с силовым государством движение материальных благ детерминировано по преимуществу внеэкономически. Так обстояло дело и в раннем средневековье. Однако влияние экономи-

ческих факторов постепенно очень сильно возрастает, они фактически начинают доминировать, в значительной мере определяя динамику развития.

Последнее и означает, что система производства и движения материальных благ обретает качество экономики, предполагающее значительное усиление самого института собственности. А поскольку экономические отношения есть особая разновидность правоотношений, а правоотношения, как было показано ранее, есть чистая рациональность, то их усиление и есть вышеупомянутое проявление рационализации культуры.

Нарастание роли экономико-правовых отношений имеет помимо проявления рационализации культуры и иное (хотя и сопряженное с указанным) значение, причем чрезвычайно важное. Эти отношения все более выходят из подчиненного положения, становясь конкурентоспособными с политико-силовыми механизмами. Как показано Ч. Тилли, наиболее существенным непосредственным фактором их развития становится военная конкуренция, преимущество в которой получают общества, где концентрация принуждения сочетается с концентрацией капитала. Европейские короли для организации военных кампаний в полной мере используют денежные механизмы, для чего берут огромные кредиты под будущую военную добычу [14]. Высшие в Европе политические субъекты всю игру играют по экономико-правовым правилам, роль которых продолжает расти, что в конечном счете выливается в их прямое столкновение (так называемые буржуазные революции) с политико-силовыми порядками, в котором последние терпят историческое поражение, причем его важным фактором становится описанное выше ослабление религиозной легитимации власти.

Закрепившееся за революциями Нового времени обозначение «буржуазные» вполне правомерно, несет в себе значительное научное содержание, указывая руководящую силу этих революций. Однако оно не фиксирует их фундаментальную историческую сущность, которая состоит в том, что *это революции экономические, то есть преодолевающие доминирование политико-силового и устанавливающие доминирование экономического (экономико-правового) механизма поддержания социального порядка.*

5 Классическое буржуазное государство как государство полусиловое-полуправовое

Крушение традиционной религиозной легитимации власти являлось колоссальным историческим вызовом, ответ на который дал Гоббс, представивший в качестве светской альтернативы стройную разработанную концепцию общественного договора. Люди принимают власть и подчиняются ей не потому, что она от Бога, а потому, что они об этом договорились.

Договор – правоустанавливающий акт. Казалось бы, государства, выстраивающие себя в Новое время под знаменем общественного договора, должны быть правовыми. Однако таковыми они отнюдь не становятся.

Уже в обществах с бигменами, как мы видели, формируется механизм трансформации имущества субъекта в создание обязательств по отношению к нему со стороны других лиц, то есть механизм подчинения чужой воли при помощи имущества, конвертации имущества во власть над другими людьми, протоэкономического принуждения. Этот механизм не получает там значительного развития, поскольку еще не сформировался сам социальный феномен имущественного накопления, находящийся еще и в противоречии с существующей системой ценностей, возвышающей щедрость.

Как мы видели, имущественное накопление и, соответственно, расслоение возникает в вождестве. Идеологические трансформации выстраивают вертикаль властных статусов, устойчивость которых создает возможность накопления и сохранения накопленного. Хотя изначально оно также по преимуществу раздается, а некий нераздаренный остаток представляет собой нечто типа временной формы концентрации потенциального социального капитала, постепенно оно становится все более значимым. Чисто идеологическая власть, оставаясь безусловно доминирующей и системообразующей, дополняется своего рода протоэкономическим принуждением.

Возникновение государственной, то есть силовой власти застаёт имущественное расслоение уже в готовом виде. Государство становится, с одной стороны, его дополнительной защитой, защитой класса имущих и самого их имущества, с другой стороны, механизмом его увеличения за счет уже чисто силового отъема материальных ценностей у населения. Богатство, сосредоточенное в руках государства, становится дополнительным рычагом власти, вспомогательным по отношению к идеологии и силе.

Становление и развитие экономики означает эмансипацию отношений собственности, их обособление от системы государственной власти и формирование альтернативного источника детерминации социальных процессов. Описанный выше процесс формирования предпосылки преодоления силового государства включает в себя образование мощного класса – вполне в марксистском понимании этого слова, – роль которого в общественных процессах, в том числе властная воля, осуществляемая через экономическое принуждение, начинает все более успешно конкурировать с властью государства. Буржуазные революции представляют собой перелом и историческую победу этого класса. Господствующей в обществе становится власть капитала и капиталистов.

Историческая победа власти капитала отнюдь не означает прекращения существования прежних властных механизмов, в том числе, разумеется, и государственно-силового. Но подобно тому, как в рамках силового государства богатство, которым оно располагает, является в его руках дополнительным инструментом, в данном случае вооруженная сила государства становится инструментом – и очень важным – властвования буржуазии в обществе.

Становление нового социального, в том числе политического, порядка коренным образом отличается от того процесса, который описан классиками концепции общественного договора, от Гоббса и далее. Субъекты, формирующие общество и государственную власть, и далее действующие в этом обществе, у Гоббса равны между собой. Люди, оказавшиеся в одном обществе после революции, не равны принципиально. Одни из них являются собственниками отчуждаемых ценностей, другие – нет (точнее, являются в пренебрежимо малом объеме). Структура распределения богатства в обществе такова, что доля первых очень невелика. При этом собственность дает им – помимо всякого государства – власть над теми, кто ей не располагает. Именно это обстоятельство и позволяет буржуа, пользуясь экономической властью, выстроить новое государство, сами правила его функционирования в собственных интересах.

Государство действительно формируется на основе договора. Однако фактически это договор отнюдь не всех людей, которые оказываются в соответствующем обществе, а лишь той незначительной части, которая

является собственниками, в первую очередь – собственниками средств производства. И одним из важнейших пунктов этого договора как раз и является сохранение ими своего эксклюзивного положения в качестве субъектов этого договора. Буржуазное государство является результатом общественного договора буржуазии и одновременно сговором против остального населения, прежде всего – против пролетариата. Поэтому вполне адекватным является утверждение «Манифеста коммунистической партии», что «...современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» [15, 426], как и формула Энгельса о государстве как «машине для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса», если трактовать ее не как всеобщую, а применительно к рассматриваемой эпохе. Так классическое буржуазное государство оказывается неким гибридом правового и внеправового начал, выступая как наполовину правовое, наполовину силовое. Его законодательство для буржуазии действительно выступает правом, поскольку право есть договор равных о взаимном поведении. Однако для остального населения оно оказывается системой внешних, чуждых, силовым образом навязываемых правил. Поэтому нельзя не согласиться и с риторическим обращением «Манифеста...» к буржуазии: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса» [15, 443].

Классическая естественно-правовая триада включает в себя, как известно, наряду с жизнью и свободой собственности. Пролетарий не имеет собственности. И хотя Маркс говорит о пролетарии, что «как личность он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, как к своему товару» [16, 110], обозначение этого отношения через термин «собственность» является глубокой теоретической ошибкой. Она тем более удивительна, что Маркс сам отмечает неотчуждаемость рабочей силы от человека: «Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума» [16, 113]. Это отношение – ПРИРОДНОЕ, тогда как отношение собственности – социальное. Индивид конституируется в качестве социального субъекта через систему социальных отношений, в рассматриваемую историческую эпоху – прежде всего, через отношение собственности. Поэтому, как верно заметил Г. Спенсер, «...хотя рабочий и может по своему усмотрению заключать договор с кем угодно, но это, в сущности, сводится к его праву менять одно рабство на другое. Давление обстоятельств суровее давления, которое хозяин мог производить на своих крепостных» [60, 498].

В юриспруденции есть понятие кабальной сделки (кабального договора). Это «сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, а также сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась» [17, 179]. Такая сделка «может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего» [17, 179]. Это не правовые, а квазиправовые отношения, что и лежит в основе возможности признания такой сделки недействительной. Понятие кабального договора вполне адекватно выражает характер отношений буржуа и пролетария в рассматриваемую эпоху. Тот, кто не является собственником, не признается, а значит и не является, полноценным социальным субъектом. Ему только предстоит стать таковым в результате последующей борьбы.

Хотя Гоббс и формулирует идею новой легитимации

власти как общественного договора, но поскольку действительного – общесоциального, подлинного общественного – договора нет, эта идея фактически не может стать легитимирующей властью. Реально вместо религиозной теперь легитимирующей властью идеей становится национальная. Именно в Новое время Европа окончательно оформляется как система политий, получивших обозначение национальных государств, в основе каждой из которых лежит своя националистическая идеология, в той или иной мере конфронтующая – что немаловажно – с аналогичными идеологиями соседей. Население идентифицируется по национальному основанию, а институциональным выражением национального интереса оказывается центральная силовая власть. Самосакрализация нации образует некую квазирелигиозную идеологию, отчасти обеспечивающую некоторую легитимность. В то же время вопрос того, почему именно эти люди и силы осуществляют власть внутри той или иной страны, остается открытым и становится полем идеологической борьбы. Легитимность власти не может быть адекватно выражена в бинарной логике «да-нет». Она характеризуется различными уровнями. Уровень легитимности государственной власти периода классического капитализма весьма невысокий, ибо она не базируется на каком-либо стройном концептуальном основании.

Немаловажным обстоятельством, оказавшим серьезное воздействие на складывавшийся социально-политический облик Европы, стало радикальное снижение гуманизирующего влияния христианства на отношения между «верхами» и «низами». Не только церковь как институт отделяется от государства. Поскольку государственная власть более не «от Бога», то христианские ценности и нормы оказываются внешними по отношению к системе политического управления. Что касается отношений между буржуа и пролетариями, то здесь влияние христианства также стремится к нулю не только в силу общего ослабления на фоне иных форм общественного сознания, но и по причине того, что объективная логика капиталистического хозяйства детерминирует, в отличие от феодальной эпохи, жесткую минимизацию расходов, в том числе на заработную плату. Игнорирование этой логики угрожает разорением самому капиталисту. Следует отметить также, что капитализм полностью разрушает патриархальную психологию моральной ответственности феодала за своих крестьян. Наемные рабочие для капиталиста в качестве личностей, о которых следует хоть как-то заботиться, вообще не существуют. Государство же – еще раз здесь возвращаясь к нему – фактически целиком выражает волю буржуазии. Поэтому реальное положение пролетариев, как верно отметил Спенсер, порою хуже крепостного, сродни рабскому. Отношения двух системообразующих классов рассматриваемой эпохи оказываются жестко конфронтационными, враждебными, как и отношения между пролетариатом и буржуазным государством.

6 Логика перехода от буржуазного государства к правовому

Вполне очевидно, что понимание правового государства обусловлено тем или иным типом правопонимания.

Из логики юридического позитивизма в его наиболее распространенной легистской версии, трактующей право как систему создаваемых и принудительно обеспечиваемых государством норм, вытекает определение правового государства как государства, соблюдающего собственные законы. Однако такую позицию

сегодня озвучивают только чиновники разного ранга. В современных сколь-нибудь заметных учебных и научных легистских текстах ее уже не найти, поскольку их авторы все же имеют некоторое представление о Нюрнберге. Поэтому в рамках научного дискурса полемизировать с данной трактовкой правового государства теперь нет необходимости.

Достаточно часто в описании правового государства в качестве основного момента отмечается его нацеленность на соблюдение базовых прав и свобод человека, на их защиту от кого бы то ни было, включая саму государственную власть. Эта позиция соответствует классическому юснатурализму, логическая несостоятельность которого давно осознана в социальной мысли.

С точки зрения представленного выше процессуалистского юснатурализма, аргументы против которого мне неизвестны, правовое государство следует определить как государство, реализующее законодательство, построенное на основе общественного договора, и именно такая его трактовка принята в этой статье. Отсюда вопрос о переходе от буржуазного полуправового-полусилового государства к правовому предстает как вопрос о переходе от договора буржуазии, являющегося одновременно сговором против пролетариата, к подлинному общественному договору, то есть договору общесоциальному.

Поскольку задача данной статьи состоит в том, чтобы представить общую логику эволюции отношения права и государства, здесь нет возможности рассматривать переход к общественному договору в его конкретике, на которую в значительной мере наложила печать первая, а отчасти и вторая мировые войны. Тем не менее, сквозь влияние этих факторов, которые, в свою очередь, были отнюдь не случайными, можно увидеть реализацию «работы» исторической тенденции движения к подлинному общественному договору.

Право, как мы видели выше, есть договор равных. Буржуа и пролетарии не равны. Квазиправовой договор трудового найма и чисто силовым образом навязываемое буржуазией законодательство определяют характер социальных и социально-политических отношений. Действуя в рамках законодательного пространства, пролетариат не имеет возможности отстаивать свои интересы. Поэтому ситуация, закономерно усугубляемая безудержной, ничем не ограниченной эксплуатацией, «беспредделом» со стороны буржуазии, совершенно необходимым образом побуждает пролетариат на борьбу, выходящую за пределы законодательства. «Борьба за право» – если воспользоваться названием знаменитой книги Р. Иеринга – и составляет содержание этой эпохи. «Всякое право в мире – пишет этот выдающийся мыслитель – должно быть добыто борьбой» [18, 12]. Всякий опыт изменения законодательства вызывает «...основанное на стремлении к самосохранению сильное сопротивление со стороны угрожаемых интересов, а следовательно и борьбу, в которой, как и во всякой борьбе, берет перевес не убеждение, но отношение сил взаимно борющихся сторон» [18, 16]; «Новое право устанавливается только путем борьбы, которая часто продолжается целые столетия» [18, 16].

Борьба против буржуазного государства, авангардом которой оказывается пролетариат, проходит длительную эволюцию, начинаясь со стихийных бунтов и трансформируясь в идеологически оформленные течения, наиболее мощным из которых становится марксистский пролетарский социализм (коммунизм), идеология которого включает учение о пролетарской

революции, диктатуре пролетариата, преодолении частной собственности и снятии ее в собственности общественной и многое другое, в том числе интернационализм: «Рабочие не имеют отечества» [15, 444].

В ходе этой борьбы пролетариат постепенно «конституируется как класс для себя» [15, 183], организуясь в силу, способную противостоять буржуазии. «Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами» [16, 423], – пишут Маркс и Энгельс уже в 1848 году. Демонстрация им своей силы идет по нарастающей, все более заставляя буржуа считать ее с ней, особенно в свете угрозы «бродающего по Европе» призрака коммунизма. Октябрьская революция 1917 года в России, несомненно, лежала в этом же русле противостояния пролетариата буржуазии.¹ И хотя массовое стачечное движение и революционный подъем в Европе не привели к установлению пролетарских диктатур в других странах, силовое господство буржуазного государства в наиболее развитых странах пришло к концу. Завершился – в дополнение к давно достигнутой легализации забастовок, мощному легальному профсоюзному движению и т.п. – процесс отмены имущественных и иных цензов, начавшийся еще в XIX веке (а кое-где и раньше), блокировавший или ограничивавший доступ пролетариата к участию в общественном договоре. Исчезли также – обычно несколько позже – гендерные ограничения. В западном мире установилось реальное всеобщее равное избирательное право в качестве важнейшей системы нормативных предпосылок формирования общесоциального общественного договора и, соответственно, правового государства.

Равенство перед законом – необходимое, но недостаточное условие правового государства. Как было сказано выше, богатство одних и нищета других дают первым власть над вторыми. Поэтому важнейшим фактором формирования правового государства на протяжении XX века, особенно во второй его половине, стал рост материального благосостояния широких масс населения, в том числе наемных работников. Немалое значение здесь имели и законодательные возможности представления и отстаивания своих интересов, но к этому дело не сводится. Огромную роль сыграл научно-технический прогресс.

Разумеется, поскольку и распределение благосостояния в обществе, и его нарастание с течением времени континуальны, здесь трудно провести некие границы в силу их определенной условности. И тем не менее, на принципиальном уровне это представляется возможным. Если достаточно широкий слой наемных работников, во-первых, по качеству жизни не отличается принципиально от значительной части тех, кто имеет свое «дело», во-вторых, за счет заработной платы может в разумные сроки (полагаю, этот принятый в юриспруденции термин здесь уместен) сформировать первоначальный капитал (в том числе с использованием разумного кредита), то это значит, что принципиальные социальные различия между собственниками и не собственниками средств производства исчезают, а вместе с ними и возможность первых тем или иным принудительным образом навязывать при помощи государственных механизмов свою волю вторым.

¹ *Вопрос о том, была ли она неизбежной, здесь не рассматривается. В любом случае она была НЕ СЛУЧАЙНОЙ в свете логики общеевропейского процесса. Ленинская трактовка России как «слабого звена» в цепи капиталистических государств, несомненно, не лишена оснований. Что касается ее трагических последствий для российской истории, это также совсем другая тема.*

Сегодня правовое государство существует во многих странах. Разумеется, это не рай на земле. Более того, это совсем не конец истории. Выход на новый уровень развития означает возникновение новых проблем, описание которых не входит в задачу данной статьи.

7 Правовое государство и гражданское общество

На мой взгляд, актуализация тематики гражданского общества связана с пониманием в свете многих, в том числе трагических, событий истории XX века того, что номинальное, фиксируемое в законодательстве разделение властей вовсе не решает задачи недопущения превращения государства в супербандита, монопольного в пределах собственного общества.¹ Логически это вполне объяснимо²: ветви государственной власти не могут ограничивать государство, ибо находятся внутри него. Кроме того, если нет внешних по отношению к государству ограничителей, то исполнительная власть легко и сравнительно быстро подчиняет себе законодательную и судебную. Возможностей для этого достаточно, и полагаю, что они известны каждому сколь-нибудь социально-политически грамотному человеку.

Внешним по отношению к государственной машине может выступать общество, поскольку оно живет независимой от государства жизнью. Только оно и может быть внешним ограничителем государства. Однако не всякое. Именно в этом контексте и актуализируется концепт гражданского общества. Исходя из этого оно может быть определено следующим образом: гражданское общество – это общество, а) где базовым социальным субъектом выступает индивид; б) институциональная организация которого позволяет ему контролировать государственную власть и при необходимости в известной мере противостоять ей.

Первое условие отграничивает от обществ, имеющих в качестве доминирующей клановую, племенную и т.п. структуру. Они просто находятся вне контекста рассматриваемой проблемы, находясь в рамках иного типа социальной организации, где данная проблема не актуальна. Второе условие связано с тем, что лишь институты, а не отдельные индивиды, способны контролировать государство, которое само является мощнейшим институтом, опирающимся, в отличие от других институтов, еще и на вооруженную силу.

Институты представляют собой устойчивые, воспроизводящие себя относительно автономные и обладающие внутренней логикой системы взаимодействия социальных субъектов. Устойчивость их непосредственно обеспечивается системой норм, которые сохраняются в потоке сменяющих друг друга во времени субъектов. При этом нормы представляют собой систему стандартов поведения в относительно устойчивой социальной среде, ориентирующегося на те или иные ценности. Таким образом, институты – это, прежде всего, в своем системообразующем ядре, ценности. Для науки – истина, для искусства – красота, для многих других институтов – некие сложные интегрированные ценностные комплексы.

Ценности играют системообразующую роль в фор-

мировании человеческого поведения. Это означает, что всякое посягательство на них с чьей бы то ни было стороны вызывает отпор, а если это институциональные ценности – отпор институционально организованный, сила которого, пожалуй, и является наиболее наглядным выражением степени сформированности соответствующего института.

Институциональная организация гражданского общества – сложная, вариативная, меняющаяся система. Однако в ее основании в любом случае лежат некие фундаментальные ценности. Это, прежде всего, уважение, достоинство личности как свободного субъекта, как цели, а не как средства, то есть как того субъекта, который не может принимать извне навязываемые ему силовым образом правила поведения. Поэтому если эти ценности действительно укоренены в обществе, оно всегда находит оптимальные и эффективные формы противостояния тем силам, которые готовы нарушить лежащий в основе правового государства общественный договор, сконцентрировать неограниченную социальную власть в своих руках и в своих интересах.

Правовое государство, таким образом, фактически невозможно без гражданского общества, то есть без укоренения в обществе соответствующих ценностных начал. Поэтому правовое государство не может быть выстроено «сверху», даже при самой правильной политике. Ценности формируются, а не вводятся, не конструируются не даруются и укореняются только тогда, когда выстраданы в ходе борьбы. Лишь то, что выстрадано в ходе борьбы, и может мобилизовать людей на свою защиту.

Список литературы

- 1 Подробно см.: Шалютин Б. С. Правогенез как фактор становления общества и человека // *Вопросы философии*. – 2011. – № 11. – С. 14-26; Он же. *Становление права // Государство и право*. – 2011. – № 5. – С. 5-16.
- 2 Леви-Строс К. *Структурная антропология*. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 63.
- 3 Подробно см.: Шалютин Б. С. Тезисы о происхождении, сущности и усмирении Левиафана // *Вестник Курганского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. – Вып. 8. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012.
- 4 Кревельд Мартин ван. *Расцвет и упадок государства*. – М., 2006. – С. 19.
- 5 Карнейро Р. *Было ли вожжество сгустком идей? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. – Волгоград, 2006. – С. 224.
- 6 Гринин Л. Е. *Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. – Волгоград, 2006.
- 7 Grinin L., Korotayev A. *Chiefdoms and their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity // Social Evolution & History*, Vol. 10, No. 1, pp. 276-335, 2011
- 8 Sahlins M. *Tribal Culture and Its Transformations // Shared diversity: peoples and cultures in the global village. Texas A & M University. Dept. of Anthropology*. 2002. P.56.
- 9 Цит. по: А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, В.А. Лышца. *Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации*. – М., 2000. – С. 53.
- 10 Lewis Herbert S. *Warfare and the origin of the state // Claessen, Henri J. M. And Peterr Skalnik, The Study of the State, The Hague, Mouton publishers, 1981, P. 214.*
- 11 Салинз М. *Экономика каменного века*. – М., 1999. – С. 130.
- 12 Цит. по: Крадин Н. Н. *Политическая антропология*. – М., 2004. – С. 119.
- 13 Маркс К. *К критике политической экономии // К. Маркс, и Ф. Энгельс. Соч.* –2-е. изд. – Т.13. – С.5.
- 14 Тилли Ч. *Принуждение, капитал и европейские государства. 1990-1992 гг. / пер. с англ. Т. Б. Менской*. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – С. 60.

¹ Особенно это касается разделения именно и несомненно ГОСУДАРСТВЕННОЙ власти. В странах так называемого общего права или права судей есть определенная специфика, не случайно ни в одной из них не сформировался тоталитаризм. Однако здесь нет возможности улубляться в этот сюжет.

² Правда, как это часто бывает, логическая некорректность обнаруживается под напором новой эмпирической реальности.

- 15 Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 426.
 16 Маркс, К. Капитал. – Т.1. Книга 1. – М.: Партиздат, 1932. – С. 110.
 17 Гражданский кодекс РФ. Ч. 1. Ст. 179.
 18 Иеринг Р. Борьба за право. – М., 1874. – С. 12.

УДК 101.9

Т.Н. Шихардина
 Курганский государственный университет

А. БОГДАНОВ: СВОБОДА ОШИБКИ ИЛИ РАБСТВО ПЕРЕД ИСТИНОЙ?

Аннотация. В статье рассмотрены основные вехи жизни и творчества А. Богданова, противоречия политической судьбы и теоретического наследия которого рассматриваются как противовес сползанию к догматизму и ортодоксии.

Ключевые слова: большевизм, революционный романтизм, утопизм, истина.

T.N. Shihardina
 Kurgan State University

A. BOGDANOV: FREEDOM OF ERRORS OR SLAVERY TO THE TRUTH?

Abstract. This article describes the major milestones of life and work of A. Bogdanov, the contradictions of political life and theoretical heritage of whom are seen as a counterbalance to descending toward dogmatism and orthodoxy.

Keywords: bolshevism, revolutionary romanticism, utopianism, the truth.

Вехи биографии А. Богданова (1873-1928) типичны для многих его единомышленников. Студент-медик, он увлекается идеями народовольцев, как следствие – первый арест, ссылка, эмиграция, знакомство в Женеве с Лениным и переход сначала на социал-демократические, а потом большевистские позиции. В 1905 году Богданов возвращается в Россию – и вновь арест, а затем жизнь в Европе до 1914 года. В Первую мировую войну он становится военным врачом. Член редакции нескольких партийных газет Богданов после октября 1917 года – один из создателей Пролеткульта. Постепенно он, по собственному признанию, сходит с политической сцены (с 1926 года Богданов занимается основанным им институтом переливания крови), но

политика его не отпустила. Начинается самый трагический период его жизни: в 1923 году еще один арест, и хотя через месяц Богданов был освобожден в связи с отсутствием состава преступления, разворачивается кампания беспощадной его травли. Богданов писал: «Таково товарищеское уважение. Это пролетариат? Нет, это грубый солдат, который целуется с товарищем по казарме, пока вместе пьют денатурат, а чуть несогласие – матерщина и штык в живот» [1, 191]. После процесса над Бухариным Богданов надолго останется в статусе врага марксизма.

Интеллектуальное наследие А. Богданова весьма многогранно: он философ, социолог, экономист, естествоиспытатель, литератор – и одновременно противоречиво. В противоречиях этих, однако, прослеживается внутренняя логика, и, возможно, именно они стали противоядием от того догматизма и ортодоксии, которыми оказались заражены многие из его товарищей по политической и партийной борьбе.

Начинает Богданов очень ярко: его «Краткий курс экономической науки» (1897), многократно переиздавался, был переведен на ряд языков. Ленин в рецензии обратил внимание на «выдающиеся достоинства этого сочинения», главное из которых – «полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги» [2, 35]. Но уже в «Материализме и эмпириокритицизме» философские позиции Богданова станут предметом жесткой критики. Канонизация книги началась с момента ее появления в 1909 году, но когда в 1920 году вышло ее второе издание, популярности Богданова-философа был положен конец [3, 17].

Тем не менее, научная деятельность Богданова продолжается, и в 1920 году он завершает почти десятилетнюю работу над теорией организационных систем – тектологией. Богданов продемонстрировал возможность применения законов системы к решению как злободневных экономических задач, так и естественнонаучных проблем. Время для системного подхода придет, к сожалению, слишком поздно для российской науки, но именно с «открытия» этих идей начнется возрождение интереса к творчеству и личности Богданова.

В личности Богданова удивительно органично сочетались революционный романтизм и утопизм, с одной стороны, и трезвый, аналитический ум, с другой. Он автор двух романов, один из них – утопия «Красная звезда». Богданов мечтал найти способ возвращения утрачиваемых с возрастом физических и интеллектуальных возможностей за счет переливания крови и умер после двенадцатого эксперимента на себе.

Одновременно Богданов обладал способностью к глубокому политическому анализу. Он автор термина «военный коммунизм», которым характеризовал особенности большевизма. В письме к Луначарскому он пишет, что партия, которая первоначально была рабочей, в силу объективных причин стала рабоче-солдатской, что привело к перерождению большевизма: «он усвоил всю ломку казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал» [1, 190]. Среди особенностей казарменной психологии – вера в силу приказа, его необсуждаемость, априорная истинность. «Буржуазная демагогия – необходимое приспособление к задаче собирания масс, – констатирует Богданов, – ...культурное принижение – необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата» [1, 191].

В свете этих оценок Богданова ретроспективно можно иначе взглянуть на посвященные ему главы в «Материализме и эмпириокритицизме». Дело не только в том, насколько обоснованы и справедливы обви-

JUDICIARY REFORM IN THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD: HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE

Abstract. *The historical and legal experience of country should be taken into account in order to have the effective modern judicial reform. The article investigates the experience of modernization of the judicial system in the New Economic Policy period. The factors and direction of the reform of the judicial system have been analyzed. The paper studies the concept of the unity of the judicial system and its implementation with special and public.*

Key words: judicial system, judiciary, judicial reform, court, new economic policy.

Введение

С 2009 г. в России принят политический курс на всестороннюю модернизацию страны. Это комплексный процесс инновационных мероприятий, охватывающий все стороны жизни общества (экономическую, социальную, политическую, культурную) [1, 25].

Совершенствование судебной системы как одно из направлений модернизации одновременно является и одним из факторов успешной модернизации страны. В структуре судебной системы следует выделить основные компоненты: судостроительство (систему судов); судопроизводство; статус судьи.

Современная судебная реформа в России началась еще в 1991 г. [2]. Но процесс этот не завершен, о чем свидетельствует частота и существенность изменений законодательства о судебной системе. Так, в 2014 г. были внесены изменения даже в Конституцию РФ – в главу, посвященную судебной власти. В Концепции федеральной программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» отмечается, что «несмотря ...на значительное увеличение бюджетных расходов на органы правосудия, имеются проблемы, которые не позволяют говорить о том, что процесс модернизации этой сферы удовлетворяет общество» [3].

Судебная система России, в частности, система арбитражных судов не совпадает с административно-территориальным делением. Так, Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа административно входят в Уральский федеральный округ и одновременно в Западно-Сибирский арбитражный округ.

Для успеха современной модернизации судебной системы необходимо, чтобы она основывалась на научной разработке проблем, в том числе на историко-правовом опыте. Очевидно, сложность судебной реформы в современности, как и в период новой экономической политики (нэпа) – в масштабности перемен, в связи с чем исследование модернизации судебной системы в период нэпа (1921-1929 гг.) представляется особенно актуальным.

Историографический анализ свидетельствует об интересе ученых к теме судебной системы периода нэпа. Но вместе с тем ряд проблем остается не изученным или малоизученным. К ним, в частности, относятся: 1) факторы, особенности и направления реформирования судостроительства; 2) разработка и реализация концепции единства судебной системы при наличии специальных и общественных судов. Исследование

нения в адрес Богданова. Вопрос в том, насколько эта критика непредвзята. Богданов раньше многих понял, что книга Ленина была, в сущности, политическим, а не философским произведением. Причины, по которым Богданов отрицал абсолютную истину, имели в большей степени не гносеологическую, а политическую природу. Если существует абсолютная истина, то требуется оракул, ее рупор, хранитель, обладатель, имеющий право признать истину абсолютной. Остальным остается принять ее не рассуждая, как казарме подчиниться приказу командира. Всякий вопрошающий, сомневающийся – дезертир, и его судьба решается по законам военного времени. Богданов, предвидя вероятность авторитаризма и тоталитаризма, предпочел, по образному выражению его современника П. Юшкевича – сторонника эмпириосимволизма, которому тоже «досталось» в работе Ленина, «свободу ошибки рабству перед истиной».

Список литературы

1 Неизвестный Богданов. Кн. 1. – М., 1995.

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4.

3 Любутин К., Змановский Г. Прологомены к «богдановщине». – Екатеринбург, 1996.

УДК 347.9 (091)

О.И. Филонова

Курганский государственный университет

РЕФОРМА СУДОУСТРОЙСТВА В ПЕРИОД НЭПА: ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ ОПЫТ

Аннотация. *Для эффективности современной судебной реформы следует учитывать отечественный историко-правовой опыт. В статье исследуется опыт модернизации судебной системы в период новой экономической политики. Анализируются факторы и направления реформы судостроительства. Исследуется концепция единства судебной системы и ее реализация в условиях функционирования специальных и общественных судов.*

Ключевые слова: судебная система, судостроительство, судебная реформа, суд, новая экономическая политика

указанных проблем и является предметом данной работы; выводы могут быть использованы для совершенствования законодательства в рамках проходящей в современной России судебной реформы.

1 Реформа судоустройства: факторы и направления

24 ноября 1917 г. СНК РСФСР был принят Декрет о суде №1, который лишь в общих чертах закреплял основы судоустройства [4]. Теоретическую основу судоустройства составили программные положения об упразднении дореволюционных судов и замене их классовыми рабоче-крестьянскими судами [5].

С образования советского государства проводилась активная законотворческая деятельность по формированию судебной системы: с ноября 1917 г. до конца 1920 г. было издано три Декрета о суде и два Положения о народном суде. Первые Декреты о суде провозглашали создание местных народных судов и революционных трибуналов.

Особенности и направления модернизации судебной системы были обусловлены политико-идеологическим характером советского государства. На суды как органы государственной власти возлагались задачи охраны советского строя, осуществления революционной законности. Необходимость создания эффективной судебной системы в условиях диктатуры пролетариата и нэпа обусловила поиск оптимальной модели судоустройства.

В период нэпа происходила непрерывная модернизация судебной системы, а судебная реформа 1922 г. и реформирование 1926 г. – важнейшие вехи этого процесса.

Базовым документом, определившим концепцию модернизации судебной системы в период нэпа, стало Положение о судоустройстве от 11 ноября 1922 г. [6].

Его принятию предшествовало изучение проектов. Реализованным оказался проект идеолога советского правосудия Н.В. Крыленко [7].

Положением о судоустройстве было провозглашено создание на территории РСФСР единой системы судебных учреждений: 1) Народный суд в составе постоянного народного судьи или постоянного народного судьи и двух заседателей; 2) Губернский суд; 3) Верховный суд РСФСР. Таким образом, в России была принята концепция трехзвенной судебной системы, которая до сих пор представляется наиболее эффективной для организации судоустройства. Основным звеном, судом первой инстанции для большинства гражданских и уголовных дел являлся народный суд. Губернский суд выступал судом первой инстанции по наиболее важным делам, и кассационной инстанцией для дел, рассмотренных народными судами, а также органом судебного руководства и надзора за деятельностью народных судов. Высшей судебной инстанцией РСФСР провозглашался Верховный суд РСФСР.

Характерным признаком внутренней организации судебной системы юрист и государственный деятель А.Я. Вышинский называл начало коллегиальности [8, 64]. Народный суд, губернский суд, Верховный суд действовали на коллегиальных началах, в составе трех членов (суд первой инстанции в составе одного народного судьи и двух народных заседателей).

Высшее руководство всеми судебными учреждениями на территории РСФСР возлагалось на Народный Комиссариат Юстиции [9]. Судебная система в период нэпа не занимала самостоятельного места в механизме государства.

Одна из задач дальнейшей модернизации судо-

устройства в 1925-1929 гг. заключалась в необходимости привести судебную систему в соответствие с новым административно-территориальным устройством РСФСР, который предусматривал в рамках укрупнения постепенный переход к трехзвенной системе: область (край), округ, район. Кроме того, ко второй половине 1920-х гг. были выявлены отдельные недостатки судебной системы. Реформирование судоустройства получило законодательное закрепление в Положении о судоустройстве РСФСР от 19 ноября 1926 г. [10].

Принятию Положения о судоустройстве 1926 г. предшествовала работа по изучению опыта областей, где уже прошло районирование, а также изучение проектов деятелей юстиции. Основные разногласия среди деятелей юстиции возникли по вопросу о кассационных функциях Верховного Суда РСФСР, областных и окружных судов.

Реализованным в Положении о судоустройстве 1926 г. стал проект, предложенный В. Яхонтовым, признававший за Верховным Судом РСФСР право кассационной инстанции как для краевого (областного) суда, так и для окружных судов. За окружным судом были закреплены кассационные функции в отношении дел, рассмотренных народными судами.

Система судоустройства по Положению 1926 г. приняла следующий вид: 1) Народный суд; 2) Губернский суд (в губерниях); окружной суд (в округах) и областной (краевой) суд (в областях и краях); 3) Верховный Суд РСФСР.

В 1928 г., следуя партийной линии НКЮ РСФСР пошел по пути децентрализации функций судебного управления – областным судам были предоставлены кассационные права в отношении дел, рассмотренных окружными судами; за Верховным судом РСФСР сохранились кассационные функции лишь по делам, рассмотренным областными судами по первой инстанции [11, 227].

В связи с завершением районирования и переходом на областное (краевое) деление, в октябре 1929 г. были упразднены губернские суды и повсеместно образованы областные (краевые) суды. А с упразднением в октябре 1930 г. округов и окружных судов, систему судоустройства РСФСР составили три звена: Верховный суд РСФСР, областные (краевые) суды, народные суды.

По сути, произошел возврат к трехзвенной системе, установленной Положением о судоустройстве 1922 г., но с учетом нового административно-территориального деления.

О соотношении количества судебных участков с размером территории и численностью населения можно сделать вывод на основе статистических данных по отдельным округам Уральской области, представленных в таблице 1.

Таблица 1 – Сводная таблица по судебным участкам Уральской области: количество в округе судебных участков, размер территории, численность населения (1927 г.) [12]

Наименование округов	Количество судебных участков	Размер территории (в кв. км)	Количество населения
Свердловский	26	34771	557106
Пермский	26	37602	652513
Челябинский	20	29442	502558
Тюменский	16	43778	444219
Шадринский	21	28105	665402
Курганский	17	31550	461074
...			
По всем 16 округам	256	1655728	6427220

Таким образом, в среднем, каждый судебный участок обслуживал территорию площадью 6500 кв. км с численностью 25100 человек.

В качестве одной из тенденций модернизации судостроительства в период нэпа следует назвать расширение компетенции народного суда. В соответствии с Положением о судостроительстве РСФСР 1922 г. народным судам стали подсудны все дела, за исключением некоторых категорий дел, подсудных губернским судам и специальным судам. Постановлением ВЦИК РСФСР от 16 октября 1924 г. из подсудности губернских и областных судов был исключен ряд дел, главным образом, бытовых, и передан в народные суды [13].

Как указывал Н.В. Крыленко, «народный суд лежит в основе судебной системы» – это выражение должно понимать и как констатирование факта первенствующего значения народного суда по количеству разбираемых им дел, и как указание и директиву судостроительной политики». Он призывал к расширению подсудности народного суда, прежде всего в целях приближения суда к населению [14, 53]. «Расширение подсудности народных судов, на путь которого вступило наше законодательство с 1924 г., – указывал А.Я. Вышинский, несомненно, укрепит авторитет и значение этих судов еще больше» [8, 64].

2 Концепция единства судебной системы при наличии специальных и общественных судов

Процесс модернизации судостроительства, предполагавший поиск наиболее эффективной структуры, оказался сложным и неоднозначным, на что указывали и сами деятели советской юстиции [14, 3]. Проблема создания единого суда коренилась в том, что Декретом о суде №1 было допущено сосуществование двух систем советского суда: местных судов и революционных трибуналов.

В период нэпа возникли условия для объединения двух систем. На IV съезде деятелей юстиции РСФСР возникла дискуссия по вопросу об организации единого суда: часть юристов настаивала на том, что трибуналы нельзя ликвидировать; другая часть во главе с Н.В. Крыленко выступала за единство суда, считая необходимым уничтожение многообразия судов и организацию единой кассационной инстанции [15, 51].

Концепция создания единой судебной системы была заложена в решении заседания Коллегии НКЮ РСФСР 12 июля 1922 г., где было постановлено: «вопрос о системе судов РСФСР разрешить на следующих основаниях: 1. Народный суд с двумя заседателями, Совнарсуд и Ревтрибунал сливаются в Суд особой подсудности и Кассационный суд по делам Народных судов с двумя заседателями. Народные суды с шестью заседателями упраздняются» [16].

Упразднение революционных трибуналов в структуре судебной системы и проведение концепции единого суда, несомненно, имело огромное прогрессивное значение для целей модернизации судебной системы.

Другим аспектом проблемы единого суда стало наличие в судебной системе специальных судов.

Несмотря на упразднение Положением о судостроительстве 1922 г. системы революционных трибуналов и провозглашение единой системы судебных учреждений, то же Положение временно вводило действие специальных судов: военных и военно-транспортных трибуналов; особых трудовых сессий народных судов; земельных комиссий; центральной арбитражной и местных арбитражных комиссий.

Специальные суды, «временно» введенные Положением о судостроительстве 1922 г., стали частью су-

дебной системы. В Положении о судостроительстве РСФСР 1926 г. существование специальных судов также получило закрепление.

В ходе модернизации судебной системы в период нэпа принимались нормативно-правовые акты, устанавливавшие или изменявшие состав и подсудность созданных в 1922 г. специальных судов, создававших новые специальные суды.

Обосновывалось учреждение специальных судов, с одной стороны, необходимостью специальных знаний для рассмотрения дел отдельных категорий, с другой – значимостью отдельных преступлений по отношению к делу укрепления республики.

Деятели юстиции, в частности Я.Л. Берман, А.Я. Вышинский, указывали на невыдержанность принципа единого суда, поскольку наряду с народными судами действуют иные судебные органы, учрежденные для рассмотрения дел специальных категорий. Вместе с тем они указывали, что все специальные суды включены в общую судебную систему, связанную единым обязательным для всех руководством – Верховным Судом РСФСР [8, 55; 15, 61-62].

И действительно, все специальные суды процессуально замыкались на Верховный Суд РСФСР.

Надзор за деятельностью военных и военно-транспортных судебных учреждений возлагались на военную и военно-транспортную коллегию Верховного Суда (ст. 85 Положения о судостроительстве 1922 г.).

Кассационной инстанцией для приговоров трудовой сессии являлся согласно ст. 4 Положения о судостроительстве 1922 г. губернский суд.

Образованные для разрешения споров о земле и имущественных споров между государственными органами земельные и арбитражные комиссии, согласно ст. 94 Положения о судостроительстве в порядке надзора подчинялись: на местах – пленарным заседаниям губернских судов, в центре – Верховному Суду.

На земельные комиссии возлагалось рассмотрение спорных дел, возникавших при землеустройстве, и споры о правах на землепользование. Система земельных судов складывалась из волостных, уездных и губернских земельных комиссий, созданных при исполкомах. Кассационной инстанцией для дел, рассмотренных губернской земельной комиссией, являлась Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам, создаваемая Народным Комиссариатом Земледелия РСФСР совместно с НКЮ РСФСР. Надзор за решениями Особой коллегии и земельных комиссий принадлежал Прокурору РСФСР и Председателю Верховного Суда РСФСР. Положением о судостроительстве РСФСР 1926 г. система земельных судов была дополнена краевыми, областными, окружными земельными комиссиями, создававшимися при соответствующих исполнительных комитетах.

Для разрешения имущественных споров между государственными органами создавались арбитражные комиссии; они подчинялись на местах – губернским судам и прокурорскому надзору, в центре – НКЮ РСФСР, Верховному суду и Прокурору республики. Решения арбитражных комиссий имели силу судебных решений.

Особые трудовые сессии народных судов в соответствии со ст. 92 Положения о судостроительстве РСФСР 1922 г. образовывались при каждом губернском суде в составе одного постоянного судьи и двух постоянных членов суда: одного – по избранию местного губернского профсоюзного совета, другого – от местного губернского отдела труда. Такое комплектование состава преследовало цель, во-первых, образовать трудовые

сессии из лиц, наиболее компетентных в разрешении трудовых дел; во-вторых, обеспечить связь трудовых сессий с деятельностью профсоюзов и отделов труда. Это должно было гарантировать наиболее правильное разрешение данной категории дел.

Трудовые сессии действовали в том же порядке и по тем же правилам, что и народные суды. Непосредственный надзор и наблюдение за деятельностью трудовых сессий возлагались на губернский суд, который являлся и кассационной инстанцией для дел, рассмотренных ими. Трудовые сессии, несмотря на отнесение их к числу специальных судов, входили в единую систему народного суда; отличие их заключалось в том, что действовали они в особом составе и рассматривали особые категории дел.

Положением о дисциплинарных судах, утвержденным ВЦИК 7 июля 1923 г., учреждались Главный дисциплинарный суд при ВЦИК и губернские дисциплинарные суды при губернских исполкомах [17]. Положение о дисциплинарных судах от 14 июня 1926 г. предусматривало расширение подсудности дисциплинарных судов вплоть до подчинения их компетенции низового аппарата власти, и создание сети низовых дисциплинарных судов при окружных и уездных исполкомах [18].

Следует подчеркнуть, что специальные суды не являлись обособленной структурой – они находились под контролем органов судебного управления, а вхождение народных судей в состав земельных комиссий и особых трудовых сессий народных судов поддерживало связь с народными судами.

Создание специальных судов было обусловлено рядом причин, в частности, убеждением реформаторов, что более грамотное решение по отдельным категориям дел смогут принять специалисты. Народные суды были перегружены делами, что обусловило стремление вывести часть дел из ведения общих судов, создать специальные суды для разных категорий дел и населения.

В целях разгрузки народных судов от мелких дел обеспечить воспитательное воздействие суда на рабочих и крестьян и в соответствии с государственной политикой с 1927 г. началась разработка законодательной базы и экспериментальное создание общественных судов.

В 1928 г. начали создаваться: для крестьян – примирительные камеры при сельских советах, для рабочих и служащих – товарищеские суды на фабрично-заводских предприятиях, государственных и общественных учреждениях [19; 20].

Примирительные камеры при сельских советах образовывались в составе председателя и двух членов, избравшихся на год. Председатель избирался сельским советом из числа его членов, а члены примирительной камеры – из числа местных жителей, пользовавшихся избирательными правами. К подсудности примирительных камер были отнесены дела по имущественным спорам на сумму не свыше 15 рублей и уголовные дела об оскорблениях, нанесении ударов и побоев, не связанных с телесным повреждением. Обжалованию постановления примирительных камер не подлежали, но могли быть пересмотрены в порядке прокурорского надзора. Народный судья имел право внести дело на рассмотрение народного суда, если считал, что решение примирительной камеры нарушает закон или интересы государства и граждан.

Организация товарищеских судов на предприятиях была возложена на губернские суды с участием профсоюзов. Председатель и заседатели товарищеских судов избирались на общих собраниях рабочих и служащих.

К подсудности товарищеских судов были отнесены дела об оскорблениях, клевете, нанесении ударов, не связанных с телесными повреждениями в тех случаях, когда потерпевший и обвиняемый принадлежат к рабочим или служащим одного предприятия или учреждения, включенных в особый список. Среди мер воздействия товарищеские суды могли применить различные виды общественного порицания, штраф, обязанность возместить вред. Их постановления обжалованию не подлежали.

Создание общественных судов проходило в соответствии с общим курсом Советского государства – руководство страны с конца 1920-х гг. стало уделять большое внимание массовым формам работы местных Советов, созданию общественных органов. В течение 1920-х и в начале 1930-х гг. наблюдалось существенное расширение компетенции местных Советов [21, 20].

Особый характер примирительных камер определялся тем, что, с одной стороны, они являлись судебными органами, подконтрольными народным судам; с другой – как образованные при сельских советах, они создавали опыт массовых форм работы Советов, позволяли привлекать население к государственному управлению.

Общественные суды, организованные в виде примирительных камер и товарищеских судов в 1928-1929 гг. как эксперимент, уже в 1930 г. превратились в составную часть советской судебной системы; их подсудность была расширена.

В 1930-1931 гг. примирительные камеры были реорганизованы в сельские общественные суды в изъятие из общего порядка рассмотрения уголовных, гражданских, трудовых и земельных дел; товарищеские суды на предприятиях были реорганизованы в производственно-товарищеские суды.

Таким образом, создание общественных судов в виде примирительных камер и товарищеских судов стало одним из направлений модернизации судостроительства, направленном на повышение эффективности правосудия и приближения суда к населению во второй половине 1920-х гг.

Подводя итоги исследования историко-правового опыта реформирования судостроительства в период нэпа, можно сделать ряд выводов и внести предложения по совершенствованию современной судебной системы.

Следует выделить факторы, действовавшие на модернизацию судостроительства в период нэпа:

- возврат к дореволюционной системе судостроительства не допускался, опыта построения советской судебной системы не было, а между тем необходимо было найти эффективные структуру и формы судостроительства;
- новая экономическая политика потребовала усиления законодательной деятельности, создания новых институтов суда, адвокатуры, прокуратуры как для новых правоотношений, так и для защиты советского строя;
- новое административно-территориальное деление поставило задачу привести в соответствие с ним судостроительство;
- задача повышения эффективности суда, особенно в условиях перегруженности народных судов делами, необходимость осуществить принцип «приближения суда к населению» обусловили поиск особых форм судостроительства, в частности, создание специальных судов и общественных судов.

Необходимо отметить такую характерную черту модернизации судебной системы в период нэпа, как экспериментальный характер и ситуационное поведение реформаторов.

На эволюцию судостройства оказал существенное влияние принцип «приближения суда к населению», что выразилось:

- в расширении сети судебных участков,
- в проведении принципа соответствия судебной системы административно-территориальному делению,
- в организации судебных органов на мелком административно-территориальном уровне,
- в создании примирительных камер при сельских советах для крестьян и товарищеских судов для рабочих и служащих.

В реализации концепции единого суда следует выделить два аспекта.

Во-первых, в период нэпа произошло объединение двух систем: народных судов и революционных трибуналов, по сути, произошло устранение системы революционных трибуналов из структуры судебной системы.

Во-вторых, были созданы специальные суды: военные и военно-транспортные трибуналы; особые трудовые сессии народных судов; земельные комиссии; арбитражные комиссии; дисциплинарные суды. Вместе с тем, очевидно, прямого противопоставления концепции единого суда здесь не было, поскольку специальные суды процессуально замыкались на Верховный Суд РСФСР. Помимо специальных судов с 1928 г. стали создаваться общественные суды в виде примирительных камер при сельских советах и товарищеских судов на предприятиях, учреждениях.

Интересно, что одна из задач реформы судостройства заключалась в создании единой системы судостройства, преодолении многообразия существовавших судебных органов, а в действительности количество различных судебных органов в ходе реформирования увеличилось.

В ходе модернизации судебной системы в период нэпа были закреплены основные принципы организации судебной системы: ее единство, соответствие административно-территориальному делению. Была создана эффективная трехзвенная система судостройства: народный суд, губернский суд (областной (краевой) суд), Верховный суд РСФСР. Следует отметить, что соответствие судостройства административно-территориальному делению – это несомненный положительный опыт, который следует учитывать при проведении современной судебной реформы.

Опыт советского руководства по поиску мер для решения задач повышения эффективности правосудия, привлечения населения к государственному управлению и к отправлению правосудия может быть использован и в современной практике.

Список литературы

1 Винниченко О. Ю. Юридические аспекты современной российской модернизации: к постановке проблемы // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. – № 3. – С.24-30.

2 Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. – № 44. – Ст. 1435.

3 Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 г. // Собрание законодательства РФ. 01.10.2012. №40. Ст.5474.

4 Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // СУ РСФСР. 1917. – № 4. – Ст. 50.

5 Ленин В. И. Проект программы РКП (б) // Полное собрание сочинений. – Т.38. – М. : Изд-во политической литературы, 1974. – С.115.

6 Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 года «О введении в действие Положения о судостройстве РСФСР» // СУ РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.

7 ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.353. Оп.6. Д.66. Л.70.

8 Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса. – М. : Юридическое издательство НАРКОМЮСТА РСФСР, 1927. – 222 с.

9 Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 01 февраля 1923 года «Положение о Народном Комиссариате Юстиции» // СУ РСФСР. – 1923. – № 10. – Ст. 120.

10 Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 19 ноября 1926 года «Об утверждении Положения о Судостройстве РСФСР» // СУ РСФСР. – 1926. – № 85. – Ст. 624.

11 Кожевников М. В. История советского суда 1917–1956 гг. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1957. 384 с.

12 ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф.88-р. Оп.1. Д.1079. Л.21.

13 Кимсис А. Расширение подсудности народных судов // Еженедельник Советской юстиции. – 1926. – № 25. – С.774.

14 Крыленко Н. В. Суд и право в СССР. Ч.1. Основы судостройства. – М. : Государственное издательство, 1927. – 164 с.

15 Берман Я. Л. Очерки по истории судостройства РСФСР / с предисл. Н. В. Крыленко. – М. : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1923. – 72 с.

16 Протокол заседания Коллегии НКЮ РСФСР от 12 июля 1922 г. // ГАРФ. Ф.353. Оп.6 Д.66. Л.62.

17 Положение о дисциплинарных судах от 07.07.1923г. // ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф.№.р.315. Оп.1. Д.812. Л.1-6.

18 Циркулярное письмо Народного комиссара юстиции от 15 июля 1926г. // ГАКО. Ф.№р.315. Оп.1. Д.812. Л.32-33.

19 Постановление НКЮ РСФСР от 17 апреля 1928 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта 1928 г.

20 Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 27 июля 1928 г. «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях» // СУ РСФСР. – 1928. – № 114. – Ст. 707.

21 Винниченко О. Ю. Советы Урала в механизме тоталитарного государства. 1929-1941. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2001. – 176 с.

С.Н. Абуков
Донецкий национальный университет

ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ КУПЦОВ ЮГА УКРАИНЫ В 1861-1905 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Статья посвящена развитию частного землевладения купцов Юга Украины на примере одной из крупнейших украинских губерний Российской империи – Екатеринославской, в пореформенный период. Проблема является новой для исследования и глубоко не изучалась, так как основное внимание ученые обращали на частное землевладение дворян и крестьян. Статья базируется на различных статистических материалах второй половины XIX – начала XX в. Она содержит небольшой историографический анализ, постановку вопроса и вывод.

В статье определены основные черты частной земельной собственности этого сословия, место купеческого землевладения в частном земельном секторе Екатеринославской губернии в целом. Также даны характеристики частной земельной собственности купечества в различных аспектах и разных частях губернии во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделено изменениям, которые происходили в их землевладении в изучаемый период, определено место землевладения купцов Екатеринославщины в сравнении с другими украинскими губерниями.

Статья имеет большое значение как для изучения социально-экономической истории Украины второй половины XIX – начала XX в., так и для использования опыта прошлого сегодня в период поиска оптимальных форм социального и экономического развития.

Ключевые слова: купцы, Екатеринославская губерния, земля, частное землевладение, десятина.

PRIVATE LAND TENURE OF MERCHANTS IN THE SOUTH OF UKRAINE IN 1861-1905 (ON THE EXAMPLE OF EKATERINOSLAVSKAYA PROVINCE)

Abstract. The article dwells upon the development of private land tenure of merchantry in South Ukraine on the example of Ekaterinoslavskaya province (one of the largest Ukrainian provinces in the Russian Empire) during post reform 1861 period. This problem is rather new in historiography and has not been explored extensively, as the researchers mostly focus on the landholding of nobility and peasantry.

The work is based on various statistic sources of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. The article has a short historiographical review of the problem, a statement on the relevance of the subject and a summary. The paper outlines the general features of private landholding of this social class, and gives an attempt to identify its place in private land sector of Ekaterinoslavskaya province. The author provides the analysis of private landholding of merchantry in dynamics and in comparison with other Ukrainian regions and social groups.

The research of this subject seems very important for modern Ukraine, which tries to find the optimal mode of social and economic development. It also helps to understand the social and economic processes in our country at the turn of the 20th century.

Keywords: merchantry, Ekaterinoslavskaya province, land, private land tenure, dessiatina.

Период после отмены крепостного права в 1861 г. является одним из переломных в социально-экономической истории Украины, как и Российской империи в целом. Исследование основных социальных групп, в том числе в регионе степного Юга, остается одним из основных аспектов ее изучения. Одним из главных маркеров положения социальных групп является вопрос принадлежности земельной собственности. Он выходит далеко за чисто сельскохозяйственные рамки. Можно утверждать, что он дает ответ в двух аспектах: в социальном, так как позволяет глубже изучить положение крупнейших социальных групп, известных в дореволюционном праве как сословия, а также в экономическом, так как дает понимание материальной базы их существования. Для стран постсоветского пространства тема частной собственности на землю является очень актуальной, как и поиск оптимальных форм землепользования.

Традиционно частую собственность на землю в Украине в пореформенный период связывают с двумя сословиями: дворянами и крестьянами. Изучение землевладения дворянства переживает в современной украинской и российской историографии настоящий ренессанс. Что касается дворянства этого региона, то в последние годы сделано несколько крупных исследований, так же, как и по отдельным аспектам хозяйственной деятельности крестьян после реформы 1861 г. [1-4]. В трудах, посвященных аграрным отношениям в

украинских губерниях Российской империи пореформенного периода, содержатся отдельные факты по землевладению других сословий, в том числе и Юга [5]. Что касается изучения купечества как сословия Российской империи в целом, то ему посвящены обобщающие работы в российской историографии [6, 106].

То обстоятельство, что другие социальные группы также являлись крупными собственниками земли, специально не исследовалось. В этом плане следует обратить внимание на сословие купцов, которых в традиционном представлении трудно считать землевладельцами. Их земельная собственность, ее изменения, основные характеристики, территориальное расположение, соотношение с другими сословиями, специально не рассматривалось.

Основными материалами для исследования проблемы стали документы государственной статистики по данным 1877, 1885, 1887 и 1905 гг., а также земской статистики второй половины XIX – начала XX в.

Как известно, купцы являлись одним из основных сословий Российской империи. По численности они уступали дворянам, мещанам и крестьянам. Корни купечества как социальной группы уходят во времена Киевской Руси, а упоминания о них зафиксированы в летописях. Их главным занятием была торговля, хотя издревле существовало как расслоение купечества, так и владение ими землей [7, 100]. Законодательно их образование в отдельную социальную группу было закреплено правовыми актами империи XVIII в. Постепенно изменялись их права и признаки сословия, которые то сужались, то вновь расширялись. Толчком к развитию землевладения купечества стал указ императора Александра I 1801 года, который разрешил недворянским сословиям приобретать в собственность населенные земли [8, 196]. По данным первой общероссийской переписи, в Екатеринославской губернии проживало 7898 человек, что составляло всего 0,38% от общего числа жителей (меньшим по численности было только духовенство) [9].

С отменой крепостного права и началом буржуазных реформ в 60-70-е гг. XIX в. начинается процесс изменений, в том числе в вопросе частного землевладения этого сословия. Статистические обследования 1877 г. и 1905 г. дают точную картину изменений в землевладении купцов губернии с 176,3 тыс. дес. до 234,3 тыс. дес. (на 32,9%), что в абсолютных цифрах превышало землевладение мещан и духовенства, но уступало более чем в 5 раз землевладению дворян и более чем в 2 раза – крестьян. В сравнении с другими сословиями темпы роста землевладения этого сословия в исследуемый период уступали и дворянам, и крестьянам, и мещанам [10, 10,12].

Более четкую картину соотношения числа владельцев земли дают данные 1887 и 1905 гг. (таблица 1).

Таблица 1 – Число владений и количество земли купцов Екатеринославщины в 1887 и 1905 гг. [8]

Уезды	1887		1905	
	собственников	земли (тыс. дес.)	собственников	земли (тыс. дес.)
Екатеринославский	12	18,4	13	17,4
Александровский	18	25,4	54	37,3
Бахмутский	26	55,8	49	34,3
Верхнеднепровский	27	37,4	61	48,3

Продолжение таблицы 1

Мариупольский	8	2,9	15	3,6
Новомосковский	28	17,4	56	23,7
Павлоградский	26	18,7	79	33,0
Славяносербский	24	23,9	36	36,7
Всего в губернии	169	199,9	363	234,3

Как видим, произошло значительное увеличение числа купцов-землевладельцев за 18 лет (на 115%). Выросло и количество земли (на 17,2%), хотя и не настолько, как число собственников. Наибольшее число купцов-владельцев предполагалось Бахмутском и Верхнеднепровском уездах. Наиболее значительно число собственников выросло в Александровском и Павлоградском уездах. В свою очередь, количество земли изменилось незначительно в шести уездах, а в двух – столичном и Бахмутском – даже сократилось. Больше всего земли сословия концентрировалось в 1905 г. Верхнеднепровском, Александровском, Славяносербском уездах.

Теперь рассмотрим еще один важный показатель землевладения купцов – средний размер их владений (таблица 2).

Таблица 2 – Средний размер владений купцов в 1887 и 1905 г. (дес.) [9]

Уезды	1887	1905
Екатеринославский	1531,7	1340,6
Александровский	1409,8	691,2
Бахмутский	2146,6	699,0
Верхнеднепровский	1383,4	791,8
Мариупольский	366,6	242,2
Новомосковский	621,6	422,8
Павлоградский	719,9	418,2
Славяносербский	996,3	1018,2
Всего в губернии	1182,8	645,5

Как видно, средний размер владений купцов упал за 18 лет почти в два раза. Это можно объяснить как дроблением, так и перераспределением владений между собственниками. Обращаем внимание, что большие в целом владения купцов только незначительно уступали дворянам, что сближало их как крупных помещиков. Особенно значительными были средние размеры земельной собственности купечества в столичном уезде. В то же время в отдельных частях Екатеринославщины происходил процесс значительного сокращения средних размеров их владений. Как обычно, особняком стоит Мариупольский уезд, где отмечается в исследуемый период минимальный размер владений купцов

Для того, чтобы понять особенности землевладения купеческого сословия, важен еще один показатель – распределение земли по размерам. Обычно существует разделение на три группы: мелкое (до 100 дес.), среднее (от 100 до 1000 дес.), крупное (от 1000 дес.). В отдельных случаях используется еще дополнительная классификация, а именно «очень большое» (свыше 10000 дес.) (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение купцов и почетных граждан* Екатеринославской губернии по размерам владений в 1877, 1896 и 1905 гг. [10]

	До 100	От 100 до 1000	Более 1000	Более 10000
Владений (1877)	24	75	42	2
Земли, тыс. дес. (1877)	778	34725	105731	35998
Владений (1896)	58	112	73	-
Земли, тыс. дес. (1896)	1683	54008	155079	-
Владений (1905)	116	182	80	-
Земли, тыс. дес. (1905)	3411	86289	148248	-

*Иногда купцов статистики объединяли с небольшой группой почетных граждан.

Из приведенной таблицы понятно, что землевладение купцов концентрировалось в группе свыше 1000 дес., хотя в 1877 г. они имели два владения со средней площадью в 18 тыс. дес., что являлось редкостью даже для местного дворянства. Однако к 1905 г. эти владения исчезли. Что касается землевладения в других группах по размерам, то очевидно, что мелкое занимало очень скромное место в их землевладении в целом. Если по числу владельцев они доминировали в группе от 100 до 1000 дес., то основная масса их земли концентрировалась в исследуемый период в крупном, что сближало их с дворянами.

При этом удельный вес владений купцов среди всех сословий губернии за 18 лет (1887-1905) изменился незначительно: с 4,2% до 4,6%. По отдельным уездам он колебался с 2,2% (Александровский) до 6,5% (Славносербский) в 1887 г. и с 1,9% (Екатеринославский) до 10,4% (Славносербский) в 1905 г. [10, 40]. На Екатеринославщине купцы-владельцы занимали по объему земельной собственности третью позицию после дворян и крестьян. Любопытно, что в 1887 г. только 12% своих владений купцы сдавали в аренду [12, 6]. Следует также отметить, что по темпам увеличения земельной площади купцы сильно проигрывали и крестьянам, и мещанам.

Но в целом доля купеческого землевладения было незначительной, о чем свидетельствуют следующие данные (таблица 4).

Таблица 4 – Удельный вес землевладения купцов Екатеринославской губернии (%) [10, 33]

Сословие	Удельный вес в общей площади		Удельный вес в частной земельной площади	
	1877 г.	1905 г.	1877 г.	1905 г.
Купцы	3,2	4,2	6,3	8,4

По этому показателю купцы занимали третью позицию после дворян и крестьян.

Теперь остановимся на месте купеческого землевладения Екатеринославской губернии среди всех 9 губерний Надднепрянщины, в том числе среди степных губерний Юга (таблица 5).

Таблица 5 – Частное землевладение купцов в украинских губерниях в 1877 и 1905 гг. (тыс. дес.) [13]

Губернии	1877	1905
Екатеринославская	176,3	234,3
Херсонская	429,2	403,5
Таврическая	467,1	503,3
Волынская	89,5	145,3
Киевская	71,6	103,9
Подольская	43,5	40,8
Черниговская	146,2	135,4
Полтавская	82,8	105,8
Харьковская	133,2	163,7
Всего	1639,4	1836,0

Как следует, в 1877 г. среди 9 украинских губерний купцы Екатеринославщины занимали третье место, которое они сохранили за 28 лет. В сравнении с соседними губерниями степной группы Херсонской и Таврической екатеринославские купцы им сильно проигрывали, хотя опережали губернии Право- и Левобережья. Всего доля екатеринославских купцов в общем землевладении сословия «русской» Украины составляла 6,9%.

Не менее красноречив процент роста купеческого землевладения на Екатеринославщине в сравнении с другими украинскими губерниями (таблица 6).

Таблица 6 – Процентное изменение землевладения купцов украинских губерний в 1877-1905 гг. [13, 122]

Губернии	%
Екатеринославская	132,9
Херсонская	94,0
Таврическая	107,7
Волынская	162,3
Киевская	145,1
Подольская	93,8
Черниговская	92,6
Полтавская	127,8
Харьковская	122,9
Всего	106,4

Как следует из таблицы 6, по темпам роста землевладения купцы в целом по губернии также занимали третью позицию, что в процентном соотношении было выше, чем в среднем по губернии.

Таким образом, частное землевладение купцов Екатеринославской губернии требует всестороннего изучения. Несмотря на «торговый» характер своего социальной принадлежности и рода занятий, купцы были заинтересованы в приобретении земли в собственность. После реформы 1861 года и особенно к концу XIX в. произошли изменения в частном землевладении купеческого сословия Екатеринославщины, которое выросло с 1877 по 1905 г. с 176,3 тыс. дес. до 234,3 тыс., то есть почти на 33%. Они являлись третьими собственниками частной земельной площади губернии после дворян и крестьян. Однако по темпам увеличения площади земли они уступали и крестьянам и даже мещанам. Если число собственников с 1887 по 1905 г. выросло на 115%, то землевладение – всего на 17,2%. За тот же период средний размер владений купцов сократился с 1182,8 дес. до 645,5 дес., что не было особенностью только этого сословия. В абсолютных цифрах они обладали вторыми после дворян средними размерами владений, а по темпам их сокращения (почти в 2 раза) были вторыми после крестьян. По группам владений

они некоторое время располагали даже очень крупными поместьями (свыше 10 тыс. дес.), а в целом их земля концентрировалась в группе от 100 до 1000 дес. Кроме того, на просторах губернии купеческое землевладение размещалось неравномерно. В отдельных уездах оно доходило до 10% общей частной собственности. В сравнении с другими украинскими губерниями Российской империи по общей площади земли екатеринославские купцы уступали только купцам Херсонщины и Тавриды, а по темпам роста своего землевладения – купцам Волынской и Киевской губерний.

Однако в целом небольшая часть купеческих семей владела землей на основании частной собственности. По основным признакам (средний размер владений, концентрация в среднем и крупном землевладении, наличие больших поместий) они имели наибольшее сходство именно с дворянами.

Список литературы

- 1 Абуков С. Н. Помісне дворянство Катеринославської губернії в 1877-1905 рр.: соціально-економічний вимір. : дис. ... канд. істор. наук. – Донецьк, 2012. – 246 с.
- 2 Константинова Ю. В. Дворянство Південної України в другій половині XIX – на початку XX ст. : автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Донецьк, 2012. – 20 с.
- 3 Циганенко Л. Ф. Дворянство Південної України (друга половина XVIII ст. – 1917 р.) : автореф. дис. ... д-ра істор. наук. – Переяслав-Хмельницький, 2010. – 48 с.
- 4 Петров О. О. Стан селянського та дворянського господарства Катеринославської губернії у 80-ті рр. XIX ст. URL: <http://ukrhyst.at.ua/publ/21-1-0-436>.
- 5 Темірова Н. Р. Поміщики України в 1861-1917 рр: соціально-економічна революція. – Донецьк, 2003. – 319 с.
- 6 Боханов А. Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX века // История СССР. – 1985. – № 4. – С. 106-118.; Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861-1900 гг.). – М., 1974; 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. – М., 1995.
- 7 Грамоты князей великих и удельных. – М., 1909. – С. 100.
- 8 Ключевский В. О. Курс русской истории. – М., 1989. Т.5. – С. 196.
- 9 Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. XIII. Екатеринославская губерния. – СПб., 1904. – С. IX.
- 10 Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XIV. Екатеринославская губерния. – СПб., 1906. – С. 10, 12.
- 11 Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. XIII. Екатеринославская губерния. – СПб., 1897. – С. 6.
- 12 Подсчитано: Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. ... – С. 6.
- 13 Темірова Н.Р. Вказ. праця. – С. 120.

УДК 93

А.П. Галицкая
Курганский государственный университет

КОЛЧАКОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И ПАРТИЯ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ

Аннотация. Период Гражданской войны на Урале и в Западной Сибири – интереснейший этап в истории региона, имевший не только региональное, но и общенациональное значение. В данной статье рассматривается внутренняя борьба двух важнейших антибольшевистских сил периода Гражданской войны на Урале и в Сибири: правых эсеров и Сибирского Правительства. Описывается ход борьбы в период, предшествовавший перевороту 18 ноября 1918 г., выявляются ее причины и итоги, рассматривается ее влияние на последующий ход Гражданской войны на восточном фронте.

Ключевые слова: Гражданская война, Временное Сибирское правительство, Директория, партия эсеров, Съезд членов Учредительного собрания, Колчак, переворот 18 ноября 1918 г.

A.P. Galitskaya
Kurgan State University

KOLCHAK COUP AND THE PARTY OF RIGHT SOCIALIST REVOLUTIONARIES

Abstract. The period of the Civil War in Ural and Western Siberia is the most interesting period in the history of the region, which had not only the regional but also the national importance. This article discusses the internal struggle between the two major anti-Bolshevik forces during the Civil War in Ural and Siberia: the Right SRs and the Siberian Government. The article describes the course of the struggle in the period preceding the coup on November 18, 1918. The paper also identifies the causes and the results of the struggle, examines its impact on the subsequent course of the Civil War on the Eastern Front.

Keywords: the Civil War, the Provisional Siberian Government, Directory, the Socialist-Revolutionary Party, the Congress of the members of the Constituent Assembly, Kolchak, coup on November 18, 1918.

Переворот 18 ноября 1918 г., приведший к власти Колчака, – важнейшая веха в истории Гражданской войны на Урале и в Сибири. Переворот привел к консолидации политической власти и открыл последний

и наиболее решительный этап антибольшевистской борьбы на восточном фронте. Вместе с тем колчаковский переворот явился своеобразным индикатором политической ситуации той эпохи. Переворот выявил, продемонстрировал и углубил крупнейший раскол внутри антибольшевистского лагеря на Урале и в Сибири: непреодолимый антагонизм эсеровской «демократической контрреволюции» и Сибирского правительства.

Переворот 18 ноября 1918 г. внешне выглядел как самочинный арест членов Директории казачьими отрядами под руководством Красильникова, Катанаева и Волкова. Арест привел к падению Директории и образованию Омского правительства адмирала Колчака. Однако этот внешний, во многом случайный акт явился развязкой длительной, серьезной борьбы между различными течениями белых на Востоке: Сибирским правительством и эсерами – членами съезда Учредительного собрания. Начало этой борьбы хронологически совпадает со свержением советской власти на территории Сибири – маем-июнем 1918 г. Именно в этот период образуются два важнейших центра, вокруг которых объединяются антибольшевистские силы на востоке: Самарский Комуч и Временное Сибирское правительство в Омске. Расстановка сил выясняется уже тогда: правые эсеры действуют в Самаре, опираясь на чехов и Народную армию, сибиряки – в Омске, опираясь на формирующуюся Сибирскую армию. Уже первые месяцы существования двух антибольшевистских правительств демонстрируют наметившийся антагонизм: Комуч и Сибирское правительство ведут между собой острую политическую борьбу, таможенные войны и пр. [1]. Два правительства действуют самостоятельно: Комуч – на Волге, Омское правительство – в Сибири. Камнем преткновения являются претензии на всероссийскую власть Комуча, отстаивание им прав старого, разогнанного большевикам Учредительного собрания и провозглашение Временным Сибирским правительством государственной самостоятельности Сибири. Попытки соглашения, предпринимаемые с июля 1918 г., увенчались успехом лишь в сентябре на Уфимском государственном совещании (8-23 сентября 1918 г.). В результате переговоров и взаимных уступок была, наконец, образована единая всероссийская власть в лице Директории. В ее состав вошли два эсера: Авксентьев и Зензинов (член ЦК), покровительствующий эсерам глава «Союза Возрождения» генерал Болдырев, кадет Виноградов и глава Временного Сибирского правительства Вологодский. Коалиционный характер власти, казалось бы, должен был преодолеть существовавший кадетско-эсеровский антагонизм и привести к консолидации антибольшевистских сил, однако в реальности компромисс не устраивал никого: ни эсеров, ни сибиряков. Директория, по мысли ее создателей, не была самостоятельной верховной властью. Формально она была подчинена и подотчетна Учредительному собранию старого созыва, кворум которого должен был собраться к 1 января 1919 г. [1]. Подчинение вновь избранного Всероссийского правительства Учредительному собранию образца 1917 г., да еще в весьма урезанном варианте (кворум в 250 чел. при полном составе в 800 депутатов), было прямой уступкой партии эсеров. При этом до созыва Учредительного собрания 1 января 1919 г. формально действовал его официальный орган – съезд членов Учредительного собрания, основной задачей которого была подготовка к созыву будущего собрания. Все это никак не устраивало Сибирское правительство, видевшее в подчинении Директории старому Учредительному собранию прямое вмешательство эсе-

ров в деятельность вновь избранного правительства [1]. Однако и эсеры были недовольны главным образом составом Директории: включением в нее «областника» и главы Сибирского правительства Вологодского и кадета Виноградова, людей, не принадлежавших к партии эсеров. Таким образом, внешне достигнутый компромисс оказался лишь ширмой, прикрывавшей упорное стремление эсеров к власти и ненависть к ним значительной части сибирской общественности, офицерства и сибирского казачества. Избрание Директории открыло собой последний и самый решительный этап борьбы двух крупнейших антибольшевистских сил на Востоке: эсеров и Сибирского Правительства.

Избранная Директория при ближайшем рассмотрении оказалась мертворожденным учреждением, не имевшим ни аппарата управления, ни армии. Уже первые решения правительства вызвали неодобрение даже в лагере ее сторонников. Крайне неудачным был выбор резиденции избранного правительства. Вынужденная под напором наступавших большевистских войск переехать в Омск под защиту Сибирской армии, она фактически оказалась, по замечанию Святицкого, в плену «организованной реакции» [2]. Кроме того, в Омск был перевезен и золотой запас, попавший в руки Сибирского правительства [3]. В ходе переговоров о формировании кабинета министров Временного Всероссийского правительства, проходивших с 12 по 29 октября 1918 г. между членами Административного Совета Временного Сибирского правительства и эсеровской частью Директории – Авксентьевым и Зензиновым, был сформирован Совет министров, почти целиком состоявший из сибиряков (кроме товарища министра внутренних дел эсера Роговского) [2]. Подобный состав совета министров Директории никак не мог устроить противоположный лагерь – эсеровский съезд членов Учредительного собрания. Съезд 19 октября переезжает в Екатеринбург под защиту чехов, в основной массе своей настроенных враждебно против Сибирского правительства. Формируется два противоположных центра надвигающейся борьбы: омский и екатеринбургский.

Главным предметом разногласий по-прежнему оставался вопрос политический, прежде всего отношение к избранному в Уфе правительству. Однако и в самой партии эсеров не было единства по этому вопросу. На государственном совещании в Уфе ЦК партии эсеров был представлен 7 членами, из которых в поддержку избранной Директории проголосовало 4 делегата, против нее – 3 [4]. Таким образом, формально ЦК партии эсеров поддержал Директорию. Однако фактически ситуация была иная. На Уфимском совещании не присутствовали Чернов, Раков и Ракитников – видные члены ЦК и важнейшие руководители партии, выступавшие против соглашения.

В результате в партии эсеров наметились две позиции по отношению к Директории: левая, во главе с Черновым, не признававшая Уфимского соглашения, и правая, одобрявшая соглашение и смотревшая на него как на победу партии (М.Я. Гендельман) [4]. Взаимное недоверие росло. Левое крыло ЦК партии издало 22 октября 1918 г. в Уфе прокламацию ко всем партийным организациям, в которой выражалось недоверие Временному Всероссийскому правительству и содержался призыв всем членам партии вооружиться для борьбы с «организованной реакцией» [4].

В прокламации говорилось о том, что «удовлетворительного разрешения задачи организации власти на Государственном Совещании в Уфе достигнуто не было» [4].

Основными причинами провала соглашения ЦК считал «упорное сопротивление реакционно-империалистической группы, свившей себе гнездо среди Сибирского Правительства», и угрозу «чреватых гражданской войной заговоров в атмосфере военных неудач на фронте Учредительного Собрания». Заявляя о всесторонней поддержке избранного правительства, прокламация, тем не менее, утверждала, что «центром тяжести своей практики партия с.-р. должна сделать собрание собственных и примыкающих к ней демократических сил вокруг У.С. и его преддверия Съезда членов У.С.» [4].

С этой целью «партия должна сомкнуться, сплотить теснее свои ряды, излечиться от неуверенности, колебаний, болезненного страха ответственности и склонности слишком легко капитулировать перед внешним давлением...» [4].

И наконец: «В предвидении возможных политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, все силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта. Работа по вооружению, сплочению, всестороннему политическому инструктированию и чисто военной мобилизации сил партии должны явиться основной деятельностью ЦК, давая ему надежные точки опоры для его текущего, чисто государственного влияния» [1].

Прокламация не была простой декларацией на бумаге. Эсеры начали борьбу. Совет Управляющих Ведомствами – исполнительный орган Комуча, перебравшийся из Самары в Уфу, приступил к организации «демократических воинских формирований имени учредительного собрания» [4]. Формирование добровольческих частей, подконтрольных исключительно Совету, поддерживалось чешским командованием, настроенным враждебно к Омску и сибирякам. Несмотря на запрет главнокомандующего генерала Болдырева формировать какие-либо воинские части помимо военного министерства Директории, формирование добровольческих частей в Уфе продолжалось.

После приезда в Екатеринбург 2 ноября Чернова и Вольского (одного из бывших руководителей Комуча) левое крыло партии значительно усилилось, образовав организованное большинство. Чернов, по свидетельству Святицкий, намерен был действовать решительно, приехав в столицу Урала в «боевом настроении» [4]: «Левое крыло съезда в лице приехавших получило так недостававших ему общепризнанных руководителей. В.М. Чернов впервые вошел в качестве рядового члена в съезд и принял деятельное участие в его жизни. <...>С приездом Чернова образовывается в съезде уже вполне устойчивое и весьма внушительное левое большинство. Группа правых тает все более и, наконец, превращается в кучку в 8-12 человек» [4].

Покончив с партийными разногласиями и достигнув видимого единства партии, эсеры приступили к обсуждению политических вопросов, касающихся деятельности Всероссийского правительства. Святицкий сообщил: «На совещаниях, происходивших в номере В.М. Чернова, были обсуждены вопросы и более общего характера – вопросы дальнейшей политической тактики съезда. Приехавшим был сообщен список совета министров всероссийского правительства. Они так же были им огорошены, как и мы... Положение становилось крайне серьезным, и у многих уже возникал вопрос – не настал ли момент для решительных действий?»

Некоторые товарищи уже сейчас предлагали выступить против директории» [4].

Мнения разделились. Часть членов бюро съезда предлагала немедленно разорвать Уфимское соглашение и выступить против Директории, а эсерам – участникам Директории – выйти из ее состава. Для военной поддержки такой политики предлагалось привлечь на свою сторону чехов и опереться на их военную помощь. Однако большинство членов съезда высказалось за выжидательную тактику: «Пусть реакция сама даст повод к возникновению гражданской войны. Мы же, чтобы не быть застигнутыми врасплох, должны заняться, не медля ни одного дня, напряженной работой по подготовке своего контрнаступления.<...>В особенности нам не следовало упускать из своего внимания Екатеринбург, где мы должны произвести революционный переворот, в первую голову, изгнав сибирское командование и водрузив на его месте свою собственную власть» [4].

Таким образом, планы организации заговора с целью свержения Директории вынашивались не только омскими офицерам и общественностью, но и эсеровскими руководителями съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге. Чернов и др. руководители партии в своих далеко идущих замыслах не останавливались ни перед перспективой развязывания гражданской войны в тылу антибольшевистского фронта, ни перед вмешательством иностранцев (чехов) во внутренние дела России, ставя свои узкопартийные интересы выше общих интересов борьбы с Советами. Однако это были всего лишь планы. В реальности Чернов и группа его приверженцев не пользовались общественной поддержкой даже в самом Екатеринбурге. Святицкий не скрывает того, что представители так называемых «буржуазных кругов» Екатеринбурга относились враждебно к съезду. Съезд подвергался нападкам со стороны «буржуазной печати», а его руководители обвинялись в «честолюбии, стяжательстве и авантюризме» [4]. Чешский национальный совет и военное командование, под защитой которых фактически находился съезд, также не спешили оказывать эсерам всестороннюю поддержку в их противостоянии с Сибирским правительством, предпочитая придерживаться выжидательного нейтралитета в отношении русских дел.

Перейдем к рассмотрению ситуации в Омске. Сразу же необходимо отметить, что и омские военные, и политические круги на деле смотрели сквозь пальцы на Уфимское соглашение и вели себя пренебрежительно по отношению ко вновь образованному Всероссийскому правительству. Омские политики позволяли себе открыто демонстрировать неприязнь к членам Директории. При встрече на вокзале в Омске Директорию приветствовал И. Михайлов – министр финансов Временного Сибирского Правительства и злейший враг эсеров и Авксентьева. Для Директории не нашлось помещения в городе, и члены Всероссийского правительства вынуждены были жить в вагонах на железнодорожной ветке [4]. С этим обстоятельством была связана злая история, пущенная в адрес Директории казачьим атаманом Красильниковым – будущим участником переворота 18 ноября. Кроль записывает в своих воспоминаниях: «... на “ветку” приехал атаман Красильников, вышел из автомобиля, остановился и спросил:

- А где здесь птичье правительство?

- Почему “птичье”?

- Да как же? На ветке сидит, вспугнешь – полетит» [3].

Если Директория не пользовалась никаким моральным авторитетом, то съезд членов Учредительного Собрания открыто ненавидели. Святицкий сообщает

следующее об обстановке в Омске и отношении омской общественности к эсерам и съезду: «Омск – средоточие буржуазии, собравшейся со всей Сибири и отчасти Европейкой России. Обилие частных вольно-наемных казачьих банд позволяет реакционерам самоуправствовать, как угодно: сегодня громят одну газету, завтра другую. Только что закрыт орган с.р. – газета “Дело Сибири”. Слова “социалист-революционер”, “учредительное собрание” – в Омске слова одиозные, ругательные. Ненависть к отдельным более популярным депутатам, например, к Чернову, Вольскому, Брушвиту такова, что их могут убить пьяные офицеры в любом ресторане или на улице, благо в Омске вообще по ночам происходит сплошная поножовщина» [3].

Ему вторит Кроль: «Среди части военных кругов сильно развилось то, что характеризовалось словом “атаманщина”. В кратких словах – это разгул и произвол безудержные. Внешне в Омске это давало себя знать по вечерам в увеселительных заведениях, где “патриотизм” выяснялся в требовании исполнения национального гимна и насилиями над инакомыслящими ... Атмосфера взаимного недоверия достигла крайней степени раскаленности» [3].

Обстановка накалялась. Съезд членов Учредительного собрания, претендовавший на верховную власть, все более вызывал ненависть и раздражение офицерства и казачества, относившихся враждебно к так называемой «учредилловщине».

Кроль свидетельствует о существовании заговора против «учредилловцев», проживавших в Омске и Екатеринбурге. Он пишет: «На следующий день в здание Директории зашел офицер из Ставки за справкой об адресах проживающих в Омске членов Учредительного Собрания. Ему обещали приготовить справку к следующему дню, проследили, выяснили, что такого офицера в Ставке нет, а на завтра, когда он вновь пришел за справкой, его арестовали. Удалось установить, что существует особая военная организация, поставившая себе задачу “выводить в расход” членов Учредительного Собрания» [3].

Святыцкий подтверждает данное известие: «... был арестован один офицер, признавшийся в том, что существует в Омске тайная организация офицеров-монархистов, поставивших себе, между прочим, цель истребления членов учредительного собрания. В первую голову намечены покушения на В.М. Чернова, В.К. Вольского и И.М. Брушвита. Отряд, взявший на себя обязанность выполнить эти покушения, уже выехал в Екатеринбург, где к тому же намечалось отделение тайной организации» [4].

«Тайная организация» отнюдь не бездействовала. В конце октября в Омске офицерами был убит секретарь съезда членов Учредительного Собрания В.Н. Моисеенко [4]. Расследование убийства, предпринятое Директорией, быстро зашло в тупик.

Директория все более становилась помехой для омских политических кругов. С избранием Совета министров, включившим в себя практически весь состав прежнего Сибирского Правительства, Директория становилась ненужной ширмой, прикрывавшей всю ту же, сформированную еще летом 1918 г. сибирскую власть. Необходимость замены громоздкого и чужеродного для Сибири учреждения более простой и приемлемой на востоке военной диктатурой ощущалась все более остро.

Эсеровские члены Директории – Авксентьев и Зензинов, – понимая шаткость своего положения в Омске, пытались лавировать между сибирскими мини-

страми и съездом, фактически идя на всевозможные уступки сибирякам.

Святыцкий прямо упрекает их в бездействии и нерешительности. По его мнению, подтвержденному и Кролем [3], даже в таком городе, как «реакционный» Омск, влияние офицерства и «атаманщины» было отнюдь не безграничным. Он пишет: «У самой Директории воинской силы не было, но при желании она могла получить ее, это был отряд чехословаков. Последних в Омске до 3-х тысяч человек. И чехи дали понять, что они к услугам директории, и в два часа очистят Омск от всей реакционной “сволочи”, как они выражались. Фактически перевес сил мог быть, таким образом, на стороне директории. Но для этого она должна была решиться действовать, не боясь вступления на путь гражданской войны с реакцией. Однако решимости-то у нее и не было» [4].

Кризис назрел, когда в Омске стало известно об эсеровской прокламации. Она явилась искрой, упавшей на благодатную почву.

Генерал Болдырев записывает в своих воспоминаниях: «Прокламация провозгласила переполох. Ставила под удар Директорию и страшно озлобила военных. Нокс через консула в Екатеринбурге сообщил чехосовету, что в Англии за такую проповедь расстреляли бы авторов...» [2].

Прокламация послужила поводом к выступлению, которое стало неизбежным.

Переворот, приведший к свержению Директории, произошел в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. История переворота освящена довольно полно и всесторонне, изучена такими крупными историками белого движения на Востоке, как С.П. Мельгунов, Г.З. Йоффе, П.Н. Зырянов, В.Г. Хандорин и др.

Отметим лишь, что существует множество версий, отвечающих на вопрос об участниках и организаторах переворота. С.П. Мельгунов в своем двухтомном труде «Трагедия адмирала Колчака» изложил важнейшие из них. К наиболее интересным следует отнести версию об участии иностранных миссий (английской, французской) в организации переворота, об организации переворота чехами и Гайдой, о руководящей роли в перевороте партии кадетов, «Национального центра» и В.Н. Пепеляева, об организации переворота членами Сибирского правительства во главе с Вологодскими т.д. Однако, несмотря на обилие версий и предположений о том, какие силы явились истинными вдохновителями переворота, большинство из них отличает отсутствие сколько-нибудь серьезных источников о рассматриваемом событии. Источниками сведений о перевороте 18 ноября служат в основном мемуары и воспоминания участников событий, а также русская и иностранная пресса – материал весьма неоднозначный и субъективный. Важно отметить, что мемуары часто передают непроверенные данные и основываются скорее на слухах, версиях и предположениях, чем на достоверных сведениях. Многие из них приводят откровенные сплетни и басни, ходившие тогда в Сибири. Особенно это касается свидетельств иностранцев.

Так, генерал М. Жанен в своем дневнике писал: «Действительно, англичане, поставив Колчака у власти, были приблизительно столь же удачливы, как и тогда, когда они свергли Николая II. Без этого, не знаю, был ли бы побежден большевизм в России, но Сибирь, в этом я убежден, удалось бы спасти и устроить» [2].

Ему вторит полковник Ю.Л. Пишон: «Совершенно несомненно, что адмирал, привезенный англичанами из Месопотамии и из Индии, конвоированный во

Владивосток и в Сибирь английским батальоном, был человеком генерала Нокса» [2].

Е. Колосов приводит свою версию событий, выдвигая на передний план среди заговорщиков генерала Гайду. Он пишет: «Так однако или иначе, но Гайда в это свидание с Пепеляевым вполне сошелся во взгляде на то, что диктатура необходима. Ободренный этим Пепеляев мог тогда поставить вопрос более конкретно: диктатура – это хорошо, но кто будет диктатором? Быть может, он зондировал почву для кандидатуры ген. Хорвата, но Гайда предупредил его, ответив быстро и определенно:

– Диктатор едет со мной в этом же поезде. Это адмирал Колчак...» [5].

Все это основанные на слухах версии, весьма упрощенно трактующие события. Реальность была, по-видимому, несколько иной, гораздо более сложной и противоречивой, чем она виделась авторам дневников и мемуаров.

По всей вероятности, наиболее достоверный перечень организаторов переворота, не называя, впрочем, их имен, дает не кто иной, как сам адмирал Колчак. В ходе допроса в Иркутске 4 февраля 1920 г. он показал следующее: «... из бесед с Лебедевым выяснилось для меня, что переворот организовывался составом почти всей Ставки и штаба главнокомандующего при участии и некоторых из членов Совета министров и, что вообще организация переворота охватила гораздо более широкие круги, чем мне представлялось, при этих беседах я спросил Лебедева не называть мне фамилий организаторов переворота, считая, что это создало бы между мной и ними ложные отношения, которые могли бы вести к попыткам с их стороны влияний на меня. <...> Я так до сих пор и не знаю, кто из состава Совета министров был в числе организаторов переворота; то же самое и по отношению к Ставке и к штабу главнокомандующего, но считал и считаю, что все офицеры Ставки, за исключением разве только самых младших чинов, принимали участие в перевороте, затем командный состав казачьих кругов и часть офицеров омского гарнизона...» [6].

Таким образом, по сведениям самого верховного правителя, организаторами переворота являлась Ставка, омское офицерство и некоторые члены Совета Министров. Вероятно, данная гипотеза недалеко от истины, если учесть настроения омских политических кругов и офицерства по отношению к Директории. С.П. Мельгунов отмечает: «Бесспорно “заговор” создан не в один день. Весь период существования Директории был так или иначе временем подготовки ее свержения. Существовавшее никого не удовлетворяло – ни правых, ни левых, ни тот центр, на который Директория могла бы опереться при несколько ином к нему отношении. Директория не захотела этого сделать и повисла в безвоздушном пространстве. Вопрос о перемене власти муссировался во всех кругах: и в “салонах”, и в частных совещаниях общественных деятелей, и в военной среде, и в правительственных сферах, и в среде иностранцев» [2].

Мельгунов называет и основных предполагаемых участников переворота. Ими, по его мнению, явились генерал А.И. Андогский, полковник А. Сыромятников, полковник Д.А. Лебедев и министр финансов И.А. Михайлов. Кроме того, по-видимому, в подробности готовящегося переворота были посвящены члены английской военной миссии (полковник Нельсон), прямо не участвовавшие в подготовке выступления, но сочувствовавшие ему.

В пользу данной версии говорит еще одно обстоятельство. Сценарий переворота фактически явился повторением событий, произошедших в Омске в конце сентября 1918 г., а именно ареста полковником Волковым членов Сибирского Правительства Шатилова и Крутовского, председателя Сибирской областной Думы Якушева и министра Дерберовского Правительства Новоселова. Сентябрьский конфликт в Омске произошел в русле той же борьбы партии эсеров и Сибирского правительства. Инициатором конфликта явилась Сибирская Областная Дума – региональный представительный орган, большинство депутатов которого являлись членами партии эсеров. Конфликт начался с попытки со стороны Думы изменить состав Сибирского правительства, введя в него своего партийного товарища Новоселова – члена Дерберовского правительства, располагавшегося во Владивостоке. В отсутствие председателя правительства Вологодского и министра продовольствия И.И. Серебrenникова (первый уехал во Владивосток, а второй – в Уфу) председатель Думы И.А. Якушев, приехавший из Томска, попытался создать Совет Министров и ввести в его состав А.Е. Новоселова с помощью министров, дружественных эсерам – М.Б. Шатилова и В.М. Крутовского. Попытка государственного переворота, однако, не удалась благодаря противодействию министра финансов Михайлова, отказавшегося принимать участие в заседании правительства [1].

Попытки эсеров создать в Омске марионеточное правительство, зависимое от Сибирской областной Думы, привели к обратному результату. 21 сентября 1918 г. Шатилов, Крутовский, Якушев и Новоселов были арестованы начальником Омского гарнизона полковником Волковым «по обвинению в том, что этими лицами замыслено и приступлено к совершению государственного переворота, направленного против государства Российского и Временного Сибирского Правительства» [7]. В тот же день от Крутовского и Шатилова были получены прошения об отставке, подписанные, по словам Крутовского, «под угрозой расстрела» [7].

Сентябрьские события окончились трагедией: 23 сентября Новоселов был убит сопровождавшим его в тюрьму конвоем. Розыск убийц, предпринятый позднее Директорией, ничего не дал: омские власти отнюдь не содействовали расследованию преступления.

Таким образом, события 18 ноября 1918 г. как две капли воды повторяли сценарий сентябрьских арестов и, по-видимому, имели характер чисто омский, мало связанный с вмешательством каких-либо иностранных миссий, честолюбивых генералов, общественных организаций и т.п.

Непосредственными исполнителями переворота 18 ноября 1918 г. явились все тот же начальник Омского гарнизона полковник В.И. Волков, войсковые старшины А.В. Катанаев и И.Н. Красильников.

Официальная версия (так называемое «Постановление Чрезвычайного военного суда над участниками переворота 18 ноября...») основной причиной произведенного ареста членов Директории называет заговор эсеров против Болдырева и Вологодского, якобы раскрытый омской контрразведкой: «Полковник Злобин, заведующий контрразведкой при ставке верховного главнокомандующего, показывает, что к нему стали поступать сведения о подготовке эсеров к перевороту... Партия эсеров поставила целью свержение власти и начала предпринимать политические шаги. Из Новониколаевска был переведен в Омск распропагандированный в эсеровском духе отряд в 200 человек.

Предполагалось, что для переворота можно использовать часть фронтовых войск, настроенных большевистски. В Уфе под руководством членов Учредительного Собрания Фортунатова и Климушкина организовывались отдельные боевые отряды. Начальник государственной охраны эсер Калинин рассылал агитаторов в воинские части...» [8].

Основным руководителем заговора, имевшего целью свержение правительства, авторы «Постановления...» считают Е.Ф. Роговского – эсера, занимавшего пост товарища министра внутренних дел в правительстве Директории: «Роговский совместно с другими членами партии эсеров организовал вооруженный отряд в целях устранения нежелательных для партии членов директории: генерала Болдырева и Вологодского и выполнения террористических актов против офицеров и других лиц» [8].

Основанием для таких выводов «Постановление...» считает сведения о деятельности Роговского в Самаре: «В Самаре Роговский был уполномочен ком. Учр. Собрания организовывать министерство государственной охраны. В состав милиции привлекались партийные эсеры, работавшие в боевых организациях. Под видом эсеров в милицию Роговского проникали большевики. Милиция Роговского обрушилась преследованиями на членов партии кадетов и офицеров в то время, как советские деятели и большевики свободно разгуливали по Самаре. <...> В Омск Роговский перевел большую часть самарских милиционеров» [8].

Авксентьев и Зензинов также оказались причастными к «заговору», будучи уличенными в телеграфных переговорах с Уфой и эсеровским ЦК. Исходя из этого, делался вывод, что «дело возрождения родины тормозится членами Директории Авксентьевым, Аргуновым, Зензиновым и Роговским» [8].

О степени достоверности приведенных сведений судить сложно. Не вызывает сомнений заинтересованность Колчака представить совершенный в его пользу переворот попыткой предотвращения заговора против существовавшей верховной власти. Верховный правитель этого и не скрывал. На допросе он показал, что суд над участниками переворота был проведен «не для кары над ними», а для «предания гласности всего происшедшего» [6].

Организаторы суда не брезговали и подтасовкой фактов, как это произошло с текстом телеграммы, отправленной Авксентьевым в Уфу Н.П. Огановскому, содержание которой стало известно омским заговорщикам [8]. В постановлении текст приведен в следующем виде: «нам (Авксентьеву – Г.А.) тяжело работать, приходится бороться с бессознательной, дисциплинированной армией» [8]. Однако эсеровская версия телеграммы, напечатанная в Новониколаевской «Народной Сибири», выглядит следующим образом: «Наше положение тяжко. Приходится работать без сознательной и дисциплинированной армии. Ее необходимо создать» [8].

Кроме того, многие сведения, по-видимому, носили скорее характер сплетен и слухов, чем подтвержденных, достоверных данных. Так, Святицкий отмечает, что «мы, в Уфе, немало от души хохотали, читая газетные подробнейшие отчеты о “суде”» [4].

Существовал ли в действительности эсеровский заговор в Омске или сведения о нем были плодом воображения омских политических деятелей, судить сложно. На основании имеющихся данных нельзя сделать однозначных выводов по этому вопросу. Однако необходимо отметить, что существование подобного заго-

вора вполне могло иметь место, исходя из всей предшествовавшей деятельности эсеров в Самаре, Уфе и Екатеринбурге.

Омский переворот не означал еще прекращения борьбы в антибольшевистском лагере на восточном фронте. Известие о перевороте в Екатеринбурге вызвало у Съезда членов Учредительного Собрания, по замечанию Святицкого, «скорее радость, а не уныние»: «...было ясно, что недостойной комедии, какую представлял собой противоестественный блок “революции” с реакцией, пришел конец. Было запутанное, неясное и до крайности неловко-щекотливое положение, в котором находилась партия эсеров и съезд. Теперь положение во всяком случае выяснилось: решительная борьба с реакцией и, прежде всего, с Колчаком и Сибирским правительством» [4].

Съезд взял на себя «задачу активной борьбы с Колчаком». Начались многочисленные совещания в номере Чернова, призванные решить вопрос о дальнейших действиях съезда. В ходе этих совещаний было принято решение о том, что первой задачей Съезда «должно быть уничтожение насильнической власти Колчака». Для этого Съезд «должен взять в свои руки всю государственную власть» [4] и заручиться поддержкой чехов. Для переговоров с Гайдой и чешским командованием были командированы И.М. Брушвит и Н.В. Фомин. От чехов был получен ответ: «Вы можете не сомневаться в нашем отношении к перевороту: наши гарантии съезду остаются в силе, что бы съезд не предпринял» [4].

19 ноября 1918 г. Съезд выпустил воззвание «Ко всем народам России», в котором говорилось о том, что «17 ноября в Омске кучка заговорщиков арестовала Членов Всероссийского Временного Правительства». В связи с этим «Съезд Членов Всероссийского учредительного собрания берет на себя борьбу с преступными захватчиками власти» [9].

Далее в воззвании указывалось, что Съезд постановил избрать из своего состава исполнительный комитет, наделенный всей полнотой власти. В его состав вошли эсеровские лидеры: Чернов, Вольский, Алкин, Брушвит, Фомин и Иванов. Комитету поручалось войти в соглашение с непричастными к «заговору» членами Директории (Болдыревым и Виноградовым), областными и местными органами самоуправления, чешским Национальным Советом и союзными миссиями. Всем гражданам вменялось в обязанность подчиняться распоряжениям Комитета и его уполномоченных [9].

Воззвание переполнило чашу терпения и вызвало ярость офицерства, расквартированного в Екатеринбурге. К вечеру 19 ноября гостиница «Пале-Рояль», в которой размещались депутаты Съезда, была окружена несколькими ротами 25-го уральского драгунского (сибирского) полка. Святицкий так описывает арест депутатов и настроения производивших его солдат: «... офицеры отрядили с десяток солдат и направили их в №3 – комнату М.В. Чернова. “Поработайте хорошенько штыками!” – так напутствовали они бежавших к Чернову солдат. Разъяренные, с ружьями наперевес, вломились солдаты в номер Чернова и стали бегать по двум комнатам номера, ища Чернова по всем закоулкам и отвратительно ругая его при этом. Если бы Чернов находился в своем номере в этот момент, то можно не сомневаться в той участи, какая постигла бы его. К счастью, он был переведен в соседний номер Вольского» [4].

Арест сопровождался разбоем, обысками и грабежами, весьма характерными для солдатских нравов

и обстановки того времени: «...с грубыми издевательствами произвели обыск, похитили массу вещей, отобрали у всех деньги, личные и казенные...» [4].

Арестованные депутаты были отведены солдатами в штаб полка, однако находились там недолго. Арест, по-видимому, был произведен без ведома коменданта города и высшего чешского командования. Спустя несколько часов после своего прибытия в штаб, по распоряжению главнокомандующего генерала Гайды арестованные депутаты были возвращены в гостиницу «Пале-Рояль».

Трагедия закончилась фарсом. На следующий день депутаты вновь оказались арестованными в своих номерах, на этот раз своими потенциальными союзниками – чехами. В выпущенном распоряжении генерал Гайда предлагал депутатам в течение 24 часов покинуть Екатеринбург и выехать в Челябинск «в виду мятежнических действий съезда, выразившихся в пространстве от его имени воззвания к населению 19 ноября, совершенно недопустимых в прифронтовой полосе» [4].

Подобные действия, по оценке Святицкого, представляли собой не что иное, как «черное предательство со стороны чешского военного командования» [4].

Съезд был увезен чехами из Екатеринбурга в Челябинск, а затем в Уфу, где работы съезда продолжались, однако никакой реальной силы эсеры уже не представляли. Чехи вели двойную игру, заявляя о своей поддержке Съезда, в то же время запрещая формирование эсеровских добровольческих отрядов и отказываясь снять части с фронта для борьбы с Колчаком. Не бездействовали и омские власти. 3 ноября Колчаком был издан следующий приказ, гласивший: «Бывшие члены самарского Комитета членов Учредительного Собрания, уполномоченные ведомствами бывшего Самарского Правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени... в ближайшем тылу сражающихся с большевиками войск, пытаются поднять восстание против государственной власти...»

В связи с этим указывалось: «Всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие», «арестовывать лиц для предания их военно-полевому суду».

«Все начальники и офицеры, помогающие преступной работе вышеуказанных лиц, будут преданы мною военно-полевому суду. Такой же участи подвергнуть начальников, проявляющих слабость и бездействие власти» [10].

«В ночь на 3 декабря в Уфе были арестованы 30 депутатов Учредительного Собрания. По свидетельству Святицкого, арест производил самарский военный министр Галкин. Чехи держали строгий нейтралитет. Арестованные были препровождены в Омск» [2].

Оставшиеся на свободе эсеры перешли на нелегальное положение и начали переговоры о сотрудничестве с большевистским правительством.

Так закончилась активная фаза борьбы двух крупнейших антибольшевистских сил на восточном фронте Гражданской войны. Борьбы, ведшейся едва ли не с большим ожесточением, чем война с большевиками и Советской Россией. В чем состояла основная причина такого явления? Характер борьбы, имевшей место на восточном фронте в сентябре-декабре 1918 г., в первую очередь показывает, насколько пестрым было белое движение на начальном этапе Гражданской войны. В ходе событий, приведших к началу Гражданской войны, в антибольшевистском лагере оказались поч-

ти все партии правее большевиков: от правых эсеров и меньшевиков до монархистов включительно. Это не могло не наложить отпечаток на ход событий и придать ему характерные особенности.

В сущности, на востоке образовалось два фронта борьбы с большевиками: эсеровский на Волге и Урале и казацко-офицерский в Сибири. Противостояние между ними было неизбежно. И основной причиной этого были даже не идеологические разногласия партийных программ, а различие во взглядах на характер власти в стране. Спор шел о том, какая форма власти должна установиться в России после победы над большевизмом: общенациональная или партийная (с партией эсеров во главе)? Этот непреодолимый антагонизм и явился камнем преткновения в борьбе двух важнейших направлений белого движения на восточном фронте. Исход борьбы оказался не в пользу эсеров именно по этой причине. Белое офицерство, борющееся с партийной диктатурой большевизма, отнюдь не желало видеть подобную диктатуру в тылу антибольшевистского фронта. Кроме того, претензии эсеров на власть в стране не подкреплялись реальной военной силой и были основаны на большинстве в Учредительном собрании образца 1917 г. Однако за год, прошедший со времени его созыва, настроения в антибольшевистском лагере все более клонились вправо в пользу сильной единоличной власти и военной диктатуры. Это предопределило исход борьбы и вместе с тем оказало огромное влияние на ход Гражданской войны в целом. Затратив значительные усилия на противостояние в тылу, антибольшевистские силы оказались ослабленными перед лицом наступающих красных армий. Негативную роль сыграло и областничество сибиряков, выразившееся в предпочтении местных сибирских интересов интересам всероссийским. Значительные территории Поволжья и Урала, подконтрольные Комуцу, по причине равнодушия к ним со стороны омской власти к ноябрю 1918 г. оказались потерянными для белого движения и послужили плацдармом для дальнейшего наступления красных на востоке страны. Таким образом, белые силы на Востоке не смогли договориться и стали сравнительно легкой добычей большевиков: Урало-Сибирский фронт первым пал под натиском красных армий в ноябре-декабре 1919 г.

Список источников и литературы

- 1 Головин Н. Н. *Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Т. 8. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 г.* URL: http://mirknig.com/knigi/military_history/1181449113-rossiyskaya-kontr-revolyciya-v-1917-1918-gg-v-12-ti-knigah.html
- 2 Мельгунов С. П. *Трагедия адмирала А.В. Колчака : в 2 книгах.* URL: <http://istmat.info/node/21735>
- 3 Крель Л. А. *За три года (воспоминания, впечатления и встречи).* – Владивосток, 1921.
- 4 Святицкий Н. В. *К истории Всероссийского Учредительного собрания // Колчаковщина : сборник / под ред. Н. Райвида и Р. Быкова.* – Екатеринбург, 1924.
- 5 Колосов Е. Е. *Сибирь при Колчаке : Воспоминания, материалы, документы.* URL: http://scepstis.net/library/id_2602.html
- 6 *Верховный правитель России : Документы и материалы следственного дела адмирала Колчака.* URL: <http://istmat.info/node/30270>
- 7 Гинс Г. К. *Сибирь, союзники и Колчак : в 2 т.* – Пекин, 1921.
- 8 Зензинов В. М. *Государственный переворот адмирала Колчака в Омске.* – Париж, 1919.
- 9 Головин Н. Н. *Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Том 9. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 г.* URL: http://mirknig.com/knigi/military_

history/1181449113-rossiyskaya-kontr-revolyciya-v-1917-1918-gg-v-12-ti-knigah.html

10 Хроника Гражданской войны в Сибири. Документы.

URL: http://scspsis.net/library/id_2933.html

11 Хандорин В. Г. Адмирал А.В. Колчак. Правда и Мифы. – М., 2007

12 Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. – М., 1983.

13 Политические партии России: история и современность : учебник / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. – М., 2000.

УДК 930.2

Т.В. Козельчук

Курганский государственный университет

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КУРГАНА В 1920-Е ГГ.

Аннотация. Настоящая статья посвящена характеристике обязательных постановлений как одного из механизмов нормативно-правового регулирования городской повседневности на примере Кургана в период новой экономической политики. В статье показан процесс разработки и утверждения обязательных постановлений, дана характеристика их тематической направленности как отражение повседневных структур города, поставлена проблема влияния нормотворческой деятельности исполнительных органов власти на повседневную жизнь курганцев в 1920-е гг.

Ключевые слова: городская повседневность, повседневная жизнь, обязательные постановления, нормативно-правовое регулирование, Курганский окрисполком.

T.V. Kozelchuk
Kurgan State University

LEGAL REGULATION OF EVERYDAY LIFE IN KURGAN IN THE 1920S.

Abstract. The present article studies binding resolutions as one of the mechanisms of legal regulation of urban everyday life on the example of Kurgan during the New Economic Policy. The article describes the development and approval of mandatory resolutions and their thematic scope as a reflection of everyday organization of the city. The work also raised the problem of the impact of legislation activities of the executive authorities on the daily life of Kurgan in the 1920s.

Keywords: urban daily life, everyday life, binding resolutions, legal regulation, Kurgan regional executive committee.

Очередной социально-экономический эксперимент советской власти, каковым можно считать нэп, не изменил ни её социальную направленность, ни глобальные цели, включая стремление организовать повседневную жизнь граждан нового государства по заданным сверху нормативам. «Борьба за новый быт», если следовать лексике документов 1920-х гг., стала предметом пристального внимания и центральных, и местных властей, что выразилось в активной их правотворческой деятельности. Одним из проявлений таковой стали обязательные постановления, издаваемые властными структурами местного уровня, включая Курганский окружной исполнительный комитет. Именно о городской среде Кургана 1920-х гг., в рамках которой окрисполком, используя механизм обязательных постановлений, пытался выстраивать повседневную жизнь горожан, пойдёт речь в настоящей статье.

Актуальность заявленного сюжета обусловлена сразу несколькими аспектами. Размышляя о роли правовой деятельности местных властей в формировании городской среды, механизмах внешнего влияния на повседневную жизнь, о том, насколько вообще может быть результативным именно такое воздействие на структуры повседневности и т.п., исследователь получает возможность глубже понять сам феномен повседневности. Кроме того, разработка данных проблем позволит охарактеризовать социальную политику государства на примере Кургана, раскрыть источниковедческий потенциал нормативных документов на примере обязательных постановлений, наконец, дополнить новыми фактами историю города в обозначенный период.

Как разновидность подзаконных нормативно-правовых актов обязательные постановления были известны в отечественной практике ещё в досоветский период. «Обязательное постановление, – читаем в словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона, – есть общее правило, устанавливаемое в порядке управления. Это административный акт, ... содержащий в себе установление новых предписаний, в законе не заключающихся. ... От закона обязательное постановление отличается тем, что исходит не от законодательной, а от ей подчиненной исполнительной власти» [1]. Конечно, такого развития как в европейских странах «муниципальные законы» в России не получили [2], но, сохранив функциональное предназначение, заняли свою нишу в правовом регулировании повседневной жизни граждан уже нового советского государства.

В 1920-е гг. эти нормативно-правовые акты были призваны, как минимум, конкретизировать законы верховной власти, делать их удобными для применения на определённой административно-территориальной единице. Порядок их издания и применения, содержательная направленность были чётко прописаны в законах, ведомственных циркулярах и инструкциях. Так, согласно инструкции, утверждённой Уральским облисполкомом в 1925 г., обязательные постановления могли издавать областные, районные и окружные исполнительные комитеты, строго руководствуясь при этом декретом ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г. Дело в том, что декрет уже содержал перечень вопросов, по которым местные органы власти могли издавать постановления. Это, например, вопросы «общественной безопасности и порядка, ... об исправном содержании печей и дымовых труб, ... о соблюдении строительного

устава, о выполнении санитарных правил в помещениях и местах общего пользования, в помещениях для продажи съестных припасов и напитков, источниках водоснабжения, о порядке содержания в исправности улиц, площадей и тротуаров, о внутреннем распорядке на рынках, базарах, ... о мерах борьбы со стихийными бедствиями, ... эпидемиями» [3]. Конечно, данный перечень не мог быть исчерпывающим, реальная жизнь постоянно создавала новые проблемные ситуации, требующие быстрой реакции со стороны местных властей. Тем не менее перечисленные направления непосредственно касались каждого рядового человека и того пространства, в рамках которого протекало его каждодневное существование. Обязательные постановления в этом ряду – это правовые регуляторы, «те, что связаны с выживанием человека, действуют на него извне, как некоторые объективные силы» [4].

Весьма показательным, на наш взгляд, будет следующий пример. Осенью 1928 г. все округа Уральской области получили циркуляр облизполкома о том, что «на линии ж/д магистралей, по которой следуют Сибирские курьерные поезда, продолжают наблюдаться случаи бросания камней в пассажирские вагоны», в связи с чем руководство области предлагало принять соответствующие меры и «в частности, издать обязательное постановление» [5]. К этому можно добавить другой пример, когда в 1926 г. административный отдел Курганского окрисполкома, предлагая проект «О порядке пользования и торговли охотничьим оружием», рекомендовал «поспешить с изданием постановления с целью проведения такового в жизнь» [6]. Отчасти это говорит об эффективности обязательных постановлений как инструмента регулирования общественных отношений. Только отчасти, так как полную картину мы можем получить, лишь изучив практику их применения. Однако, зная, что постановления, допустим, об охране общественного порядка Курганский окрисполком принимал (или продлял действие прежних) ежегодно, добавляя, корректируя формулировки с учётом изменения ситуации, можно сказать, что эти нормативно-правовые документы не могли не влиять на определённые стороны повседневной жизни людей.

Кстати, постановления, охраняющие железнодорожные, телефонные и телеграфные сооружения, издавались в Кургане с начала 1920-х гг. Благодаря одному из таких текстов (это постановление от 2 октября 1925 г.) мы узнаём, какие именно действия совершали «хулиганствующие лица» в отношении этого госимущества: «порча путём ... вывинчивания гаек, накладывания на железнодорожный путь шпал, камней, частей рельс, а равно повреждений и отвинчивания изоляторов на телефонных столбах, краж телефонных и телеграфных проводов, оттягивание проводов, обрывание оттяжек, наброска на провода, порча подпор и приставок телефонных и телеграфных столбов, хищение щитов и битьё стёкол проезжающих поездов» [7]. Такая детализация особенно характерна для актов по охране общественного порядка, борьбе с хулиганством и пьянством, которые были предметом особого внимания со стороны местной власти.

Постановление Курганского окрисполкома от 14 апреля 1925 г. «Об охране общественного порядка», которое отменило прошлогоднее на ту же тему, максимально подробно, охватывая как можно больше сфер повседневной жизни курганцев, прописывало правила их поведения в общественных местах. В частности, граждане не могли проживать в городе без прописки, распространять печатные издания без специально-

го разрешения, проводить религиозные шествия без согласования с органами власти. Были запрещены «размножение и распространение порнографической литературы и изображений; устройство и организация лотерей, денежных и имущественных, без разрешения на то Административного отдела...; занятие хиромантией, гаданием, магией, спиритизмом, гипнотизмом, знахарством и коновальством; азартные игры (имеющие денежный или имущественный интерес) в карты, кости и пр.; ношение холодного оружия, а равно кастетов, резиновых плетей, тростей с вделанными в них кинжалами, клинками и др. орудиями...; стрельба в домах, дворах, на улицах, площадях... кроме случаев, когда на это имеется специальное разрешение; выпуск скота на улицы города без призора; ввод собак в места общественного пользования и выпуск таковых на улицы и площади города без призора, намордников и жетонов, выбираемых в Коммуналделе; появление на улице, а равно и в других местах общественного пользования в пьяном виде, а также крики, брань, ссоры, пение, драки и другие виды нарушения тишины и порядка» [8].

Далее следует любопытное примечание: «Появление граждан в пьяном виде в общественных местах считается наказуемым в том случае, если действия их проявляются в неблагопристойной жестикуляции, в несвязной речи, в назойливом обращении (приставании) к присутствующим, в неустойчивости на ногах, вообще в неестественном трезвому человеку поведении, вызывающем негодование присутствующих» [9]. В таких формулировках проявляется мастерство законодателя, сумевшего максимально точно охарактеризовать девиацию с тем, чтобы легче её было запретить. Но как иначе защитить горожан? Тем более элиминировать пьянство из повседневной жизни людей как пережиток буржуазного общества, просто запретив его, было в те годы (вспоминая «сухой закон», добавим, и в другие периоды), невозможно: подобные элементы повседневности редко поддаются внешнему воздействию. Максимум, что делали власти для борьбы с пьянством среди горожан и жителей округа в этот период кроме, конечно, пропаганды, это ограничение продажи спиртных напитков, чему был посвящен ряд специальных постановлений [10].

Продолжаем: «Запрещали продажу пива и вина в гостиницах, ресторанах, чайных и пивных заведениях, как для распития, так и на вынос лицам явно не трезвого вида, а также малолетним детям; ... профессиональное нищенство по всем без исключения населённым пунктам; езда на лошадях, велосипедах и др. самодвижущихся экипажах по тротуарам, дорожкам и газонам садов, проход по ним с ручными тележками, красильными и пачкающими прохожих принадлежностями...; порчу деревьев, скамеек, срывание цветов, афиш, объявлений и т.п., разбрасывание скорлупы орехов и шелухи подсолнечного семени во всех местах общественного пользования; устройство музеев, мастерских, театров, цирков, клубов, ресторанов и пр., вызывающих большое скопление публики, без ведома и разрешения органов власти; ношение форменной одежды и отличительных знаков кому это не присвоено; ... игры в футбол, мяч и пр. на улицах и площадях, мешающие свободному движению публики; устройство качелей и каруселей в местах для сего не отведённых; верховую и в запряжке езду галопом по улицам населённых мест, ... торговлю семечками ... кроме как в местах на то отведённых Коммуналделом» [11]. Без широкого цитирования документа в данном случае не обойтись, ведь каждое названное правило, каждый запрет представляет интерес

как стандарт поведения, задаваемый не традициями, привычками, некими внутренними установками, а системой предусмотренных санкций внешними регуляторами. Безусловно, такие регуляторы необходимы обществу. Государство в целом, местная власть в частности, предстают здесь как заботливые родители. Нельзя не согласиться с тем, что «забота и контроль – две ключевые категории, с которыми связана история социальной политики во всём мире. Социальная забота плотно окутывала общество, контролировала дела и помыслы многих» [12].

Пусть в этом документе всё, образно выражаясь, свалено в кучу: пьянство, азартные игры, хулиганство и другое. Такое ощущение, что местная власть торопилась, пытаясь одним постановлением сразу сделать пространство города образцовым, благоприятным и безопасным для курганцев. Но главное, здесь отразилась специфика повседневной жизни советского провинциального города, мы наблюдаем процессы урбанизации и их влияние на структуры повседневности. Так, курганцы приучались не мусорить на улицах и площадях, не срывать цветы с клумб, не портить дорожки и газоны в городских парках, не мешать движению транспорта по городским улицам, не ездить слишком быстро. Дополним, что впоследствии правилам уличного движения пришлось уделить особое внимание. В постановлении от 19 октября 1929 г. читаем: «Скорость движения по улицам ... на лошадях, как верховых, так и в упряжке, не должна превышать рыси. Предельная скорость движения ... для легковых машин, мотоциклов и велосипедов – 15 км в час; для грузовых – 10 км в час. Быстрая езда галопом воспрещается, ... гонка автомашин воспрещается, езда по городу ...должна производиться исключительно с правой стороны» [13].

Итак, в новой действительности, судя по тексту обязательного постановления «Об охране общественного порядка», не было места нищим, гадалкам, знахарям, нарушителям общественного спокойствия и в конце концов невоспитанным людям. Но не всё так просто. Нормативно-правовое регулирование, безусловно, имело свои пределы. Обязательные постановления не только каждый год продлевались, но и дополнялись новыми деталями, как будто население выдумывало всё новые хулиганства. Новым, например, в ряде постановлений второй половины 1920-х гг. стало: «протягивание верёвок или проволоки через дорогу, пешеходные тропинки и тротуары», «пение песен циничного содержания в местах общественного пользования, а равным образом пение песен, направленных к нарушению общественного спокойствия или нормального ночного отдыха трудящихся, исключительно в целях озорства», «бросание в проходящих или проезжающих на авто-мото-вело машинах палками, камнями и другими предметами», «озорные хулиганские выходки, направленные против личности или имущества отдельных граждан; приставание на улице и общественных местах, толкание, озорные пугающие крики, битьё стёкол, ... произнесение бранных слов, всякого рода надписи на стенах, заборах и садовых скамейках, отправление естественных надобностей в неустановленных местах» [14].

Итак, с одной стороны, мы видим в этой информации, косвенное отражение проявления негативной девиации среди населения, во-вторых, понимаем, что именно с помощью постановления власть, оценив эти действия как противоправные и вводя санкции, постаралась не допустить такого поведения впредь. Интересно, что кроме санкций в ряде постановлений предусматривалась широкая разъяснительная работа среди насе-

ления. Однако этот нормативно-правовой акт, согласно заключению старшего помощника прокурора Уральской области от 26 мая 1927 г., не был уполномочен преследовать «агитационно-разъяснительную цель» [15]. То есть издавать обязательные постановления только для воспитания населения было нецелесообразно. Они имели карательный характер, предусматривая в большинстве случаев санкцию административного характера, например, штраф до 100 руб. или принудительные работы до одного месяца. Наблюдение за их исполнением возлагалось на милицию и местные органы власти.

Практика показала, что научить горожан вести себя по-новому без санкций не всегда получалось. Так, оказалось недостаточным простое введение в апреле 1925 г. «Правил санитарной охраны». Текст этого документа кроме прочего интересен для понимания того, какие зоны повседневного пространства Кургана оказались наиболее проблематичными в санитарно-гигиеническом плане (хранение пищевых продуктов, поддержание чистоты в домах, на улицах, дворах, в прачечных, банях, охрана источников питьевой воды и многое другое) и каково с точки зрения власти должно было быть поведение горожан, чтобы город оставался не просто благоустроенным, а безопасным для здоровья его жителей (нельзя сваливать мусор и нечистоты на улицы, следует вовремя убирать в своих домах и дворах, не плевать на пол в помещении, в столовых тщательно мыть и прополаскивать посуду, парикмахерам всегда надевать чистые халаты и т.п.) [16].

Весной 1926 г., рассмотрев акт комиссии, производившей обследование окраин города и свалочных мест, окрисполком призвал отдел коммунального хозяйства города «ни в коем случае не допускать свалок навоза и нечистот не в отведённых на то местах. Усилить охрану свалочных и незасёлённых мест, берегов Тобола. Адмотделу провести решительную борьбу с нарушением правил санитарии города» [17]. А в июле этого года «в целях осуществления санитарного надзора в интересах охраны народного здоровья» и «в целях обеспечения надлежащего устройства и оборудования предприятий с точки зрения санитарных требований» были приняты два постановления, которые в отличие от «Правил» предусматривали более жёсткие меры правового регулирования: наказание виновных штрафом до 300 рублей или принудительным работам до трех месяцев [18]. При этом некоторые формулировки «Правил санитарной охраны» эти обязательные постановления уточнили и дополнили. Например, к прежней фразе о необходимости заводить тумбочки для окурков прибавилось: «запрещается бросать окурки на пол» [19]. Получается, что тумбочки завели, а окурки всё равно на пол бросают? Что не запрещено, то разрешено? Также в постановлениях говорилось не просто о необходимости чистоты в заведениях города, а о недопустимости в них «паутины и вообще засоренности и грязи и пыли» [20]. Всё это даёт основание предположить, что уровень повседневной культуры горожан был не высок, а эстетика окружающего пространства оставляла желать лучшего. Возможно, без подобной предельной конкретизации санитарно-гигиенических норм и ужесточения санкций «обратить город в общее жилище – здоровое, безопасное, по возможности долговечное, прочное, красивое и уютное» [21] – было бы затруднительно.

Ещё раз подчеркнём, что обязательные постановления издавались только в тех случаях, «когда по данному вопросу не имеется определённых указаний в законе или не издано обязательных постановлений вы-

шестоящего исполкома» или имеющиеся законы требовали «некоторого видоизменения применительно к местным условиям и особенностям» [22]. Такая практика, исключая излишнюю законотворческую активность местных властей, показывает, что рассматриваемые постановления не были формальными, а действительно касались самых актуальных для города проблем. Это подтверждают слова инструкции: «Поскольку обязательными постановлениями население или обязано выполнять что-либо, или ему запрещают те или иные действия, необходимо весьма вдумчиво подходить к составлению постановлений, включая в них лишь такие предписания, которые направлены к охранению важных государственных или общественных интересов, вызываемых жизненной необходимостью и не причиняют населению не вызываемой практической целесообразностью стеснений» [23].

Интересным для понимания механизмов нормативно-правового регулирования является процесс разработки, обсуждения и утверждения постановлений. Проекты постановлений выработывались заинтересованными должностными лицами и организациями, точнее теми, в ведении кого непосредственно находилась проблемная ситуация, требующая разрешения, утверждались на заседании Президиума исполкома, затем согласовывались с административным и другими отделами. Далее проходили юридическую проверку на законность и, в зависимости от итогов, либо корректировались, либо утверждались Президиумом, и после опубликования в газете «Красный Курган» или в форме объявлений вступали в силу.

Документы Курганского госархива, сопутствующие текстам обязательных постановлений, наглядно демонстрируют, что каждое перед утверждением «в целях установления единообразного порядка издания и строгого согласования с действующим законодательством» [24] тщательно изучалось прокуратурой и судебными органами. В ряде случаев для этого в Кургане создавалась правовая комиссия, вдобавок при Уральском облсовете действовала специальная комиссия по рассмотрению обязательных и протокольных постановлений окрисполкомов. Например, весной 1926 г., по мнению юрисконсульта М.Сажина, оказалось незаконно издавать постановление, обязывающее владельцев всех предприятий иметь на своих заведениях вывески, так как «нет общесоюзного закона об обязанности предприятий иметь вывески..., центральные законодательные учреждения не видят в этом необходимости». Тем более, как отметил Сажин в своём заключении, «в местных условиях Курганского округа не отмечено никаких особых обстоятельств» для этого постановления [25]. Тот же юрисконсульт рекомендовал исключить ряд пунктов из постановления «О порядке лова рыбы в реках и озёрах округа», а именно, об искусственно разведённой рыбе, так как «нет условий для его применения» [26].

Такая практика создаёт впечатление детальной проработанности и не случайности возникновения каждого постановления, что, в свою очередь, даёт возможность исследователю за формулировками увидеть факты повседневности. Конечно, это только фрагменты, которые исследователю приходится скрупулёзно собирать, но именно от этих «мелочей» зависит точность воссоздаваемого образа повседневности. Например, в заключении помощника облпрокурора Ремезова, который счёл незаконным слова постановления «О мерах безопасности против бродячих собак»: «по истечении со дня поимки собаки 3-х дней собака возврату не подлежит», так как «всякая собственность может быть

изъята только по суду» [27], мы видим частную ответственность как реальию эпохальной действительности. В постановлениях, регулирующих порядок торговли, узнаём о существовании в Кургане свободной торговли в лавочках, «находящихся в черте толкучки», «галантереей с лотков и рук», «в заведениях трактирного промысла и ресторанах». Точнее об относительно свободной торговле, ведь постановление собственно и регламентировало такую. Так, «нормальным временем для всякого рода торговли» в городе считалось: с 8.00 до 16.00 в период с августа по октябрь, с 9.00 до 17.00 с октября по 1 апреля; в дни революционных праздников всякая торговля запрещалась. Зато «в очередные дни отдыха (воскресенье и др. религиозные праздники) допустить торговлю в столовых, чайных, булочных... с 9 до 23-х часов» [28]. Это не могло не повлиять на поведение горожан, в данном случае они привыкали по-новому планировать время покупок.

Итак, в 1920-е гг. в границах Кургана (в том числе и Курганского округа), как и в других городах, шло формирование особого пространства – пространства советской повседневности. Горожане привыкали по-новому проводить свой досуг, к примеру, не играть в азартные игры, отмечать новые праздники, пользоваться новой метрической системой, не мусорить в своих дворах и на улицах, не хулиганить, не превышать скорость и даже не крестить детей. Именно обязательные постановления, задавая стандарты поведения, наполняли городское пространство ценностным содержанием, пытаясь превратить новое для горожан в привычное. Конечно, читая сегодня тексты постановлений Курганского окрисполкома, мы видим скорее только идеальную модель, но в ней отразились и реальные проблемы, с которыми столкнулось общество и которые требовали урегулирования, ведь безопасность граждан, организация благоприятных условий для их каждодневного существования – задачи актуальные для любого общества. Оставляя за скобками окончательный вывод о том, насколько успешным было нормативно-правовое регулирование, так как для этого нужны дополнительные источники, отметим, что без такого механизма, какой представляли собой рассматриваемые постановления, структурировать повседневную жизнь горожан в тех рамках, как задумала новая власть, было бы невозможно.

Список литературы

- 1 Обязательные постановления // Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Типо-Литография И.А.Ефрона, 1897. Т. XXIA. – С. 649.
- 2 Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. – М. : Наука, 1996. 480 с.
- 3 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 6. Л. 229.
- 4 Кнабе Г. С. Внутренне пространство: дом, город, общество // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М. : Наука, 1995. – С. 224.
- 5 ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 127. Л. 6.
- 6 Там же. Д. 6. Л. 223.
- 7 Там же. Д. 12. Л. 129.
- 8 Там же. Д. 6. Л. 27.
- 9 Там же.
- 10 ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. ДД. 6, 12, 12а, 50.
- 11 ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 6. Л. 27 об.
- 12 Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917-1930-е годы // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология повседневности. – М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – С. 21.
- 13 ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 127. Л. 20 об.
- 14 Там же. Д. 127. ЛЛ. 4-5, 18, 20, 54.

- 15 Там же. Д. 12а. Л. 87.
 16 Там же. Д. 6. ЛЛ. 17-20 об.
 17 Там же. Д. 50. Л. 61.
 18 Там же. Д. 12а. ЛЛ. 106-107 об., 115-115 об.
 19 Там же. Л. 106.
 20 Там же. Л. 107 об.
 21 Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. – М. : Наука, 1996. – С. 222.
 22 ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 6. Л. 229.
 23 Там же. Л. 229 об.
 24 Там же. Л. 229.
 25 Там же. Д. 12а. Л. 82.
 26 Там же. Л. 8.
 27 Там же. Д. 6. Л. 231.
 28 Там же. Д. 12а. Л. 134.

УДК 93

И.Г. Коурова

Курганский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАВОДА КУРГАНСЕЛМАШ ПО РАЗВИТИЮ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы развития старейшего промышленного предприятия Курганской области. Основное внимание уделено анализу производственной деятельности завода в годы Великой Отечественной войны. Даны количественные и качественные показатели военного производства предприятия. Проведен анализ организации военного производства и кадрового обеспечения предприятия.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, эвакуация, военное производство, Курган.

I.G. Kourova
Kurgan state university

ON CERTAIN ASPECTS OF THE KURGANSELMASH PLANT FOR MILITARY PRODUCTION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article considers the main stages of the oldest industrial enterprises of the Kurgan region. The main attention is paid to the analysis of production activities of the plant during the Great Patriotic War. The quantitative and qualitative indicators of military production enterprises.

The analysis of the organization of military production and staffing company.

Keywords. The Great Patriotic War, evacuation, military production, Kurgan.

Все дальше от нас уходит грозная, героическая эпопея Великой Отечественной войны, самой ожесточенной из всех войн, когда-либо пережитых человечеством, нарушившей мирную жизнь и труд советских людей, вызвавшей глгучую ненависть к фашистским агрессорам и готовность сделать все возможное для полного их разгрома.

Приближающееся 70-летие Победы вызвало новый всплеск интереса к различным аспектам войны, в том числе к таким важным вопросам, как перестройка народного хозяйства СССР на военный лад, перебазирование производительных сил из угрожаемых районов на восток, вклад различных регионов страны и отдельных предприятий в победу над врагом.

Кургансельмаш – старейшее металлообрабатывающее предприятие Южного Зауралья. Жителям города хорошо известно назначение продукции, выпускаемой заводом – инвентарь и оборудование для сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности. Но скромное сегодня предприятие с немногочисленным коллективом рабочих, небольшими размерами производственных площадей и объемов производства имеет большую историю, богатую событиями, людьми, их делами, насыщенную героикой боевых лет двух мировых войн, неустанным творческим трудом в послевоенные годы.

Истоки завода берут начало в далеком 1900-м году, когда близ станции Логовушка открывается «чугунмеднолитейный и механический завод инженера С. Балакшина».

В 1903 г. предприятие было переведено в Курган, корпуса для него построили на территории, в настоящее время занимаемой комплексом зданий областной больницы. Здесь стали производить турбины для водяных мельниц и оборудование для маслодельных предприятий. С началом Первой мировой войны завод переключился на производство боеприпасов для русской армии – мин и гранат [1].

В феврале 1918 г. по решению Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов завод Балакшина был национализирован. В 1925 г. предприятие по решению Курганского руководства объединяется с жестянолу-дильным заводом, расположенным на восточной окраине города, и получает название Курганский машиностроительный завод. Постепенно все его производство переносится на новую территорию. Здесь, на этой территории, ограниченной с одной стороны полотном железной дороги, а с другой – рекой Тобол, в 1925-1928 гг. поднялись новые цеха: механический, литейный, кузнечный. Производственные площади завода выросли более чем в 3 раза, обновился и пополнился станочный парк.

В годы первой пятилетки изменилась номенклатура изделий: выпуск турбин был прекращен, началось изготовление паровых пастеризаторов, сливкосозревательных ванн, маслоизготовителей, поршней для тракторов... Всего предприятие освоило и наладило выпуск 11 видов продукции, необходимой для пищевой промышленности и сельского хозяйства, которая до этого закупалась за границей [2].

Благотворно на деятельности завода отразилось стахановское движение. Оно пробудило инициативу и невиданную активность рабочих. Лучшие из них стали

регулярно выполнять нормы выработки на 250-350%. Производственный план 1935 г. был перевыполнен в 1,5 раза, производительность труда выросла на 29% [3].

За предвоенное десятилетие число работающих на предприятии почти удвоилось и достигло 817 человек. Росла квалификация рабочих, множились ряды стахановцев и ударников, 11 лучших из них вошли в резервную группу на выдвижение в руководство общественными организациями и различными структурными подразделениями завода. Из года в год выполнялись и перевыполнялись государственные планы, снижалась себестоимость продукции, повышалась производительность труда. Подъем творческой активности находил выражение не только в производстве, но и в общественной жизни. Заводская ячейка МОПР насчитывала в своем составе 300 человек. 172 молодых рабочих являлись членами Остaviaхима, с энтузиазмом занимались в военно-спортивных кружках и секциях, сдавали нормы на значки ГТО, ГСО, ПВХО, Ворошиловский стрелок и др. Работали кружки художественной самодеятельности.

Машиностроительный завод с середины 1930-х гг. прочно удерживал позиции одного из лучших предприятий Кургана. Рабочие гордились своим заводом «сердцем города» [4].

Нападение фашистской Германии прервало мирное течение жизни, потребовало быстрой и решительной перестройки заводов, фабрик, всего народного хозяйства страны применительно к нуждам войны.

23 июня Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о вводе в действие принятого в начале июня 1941 г. мобилизационного плана по производству боеприпасов [5]. Задача производства боеприпасов, потребных фронту ежедневно в огромном количестве, осложнялась тем, что предприятия боеприпасной промышленности размещались в западных районах страны, и уже в первые недели войны было потеряно 303 предприятия. Руководство страны принимало меры, чтобы в кратчайшие сроки переключить на производство снарядов и мин предприятия других отраслей промышленности, которые должны были целиком или частично свернуть гражданское производство и перестроиться на выпуск военных заказов. Такая перестройка, требовавшая новых темпов и самоотверженности в труде, предстояла и Курганскому машзаводу. В мирное время для освоения производства новой продукции требовались месяцы. В условиях войны порой приходилось укладываться в несколько дней. Уже в начале июля секретарь партбюро завода С. Бабенышев сообщал горкому партии о начале выпуска оборонной продукции и о выполнении плана третьей декады июня на 146,2% [6].

Перестройка промышленности на военный лад в восточных районах страны включала в себя прием и пуск перебазированных сюда предприятий из угрожаемых районов и прифронтовой полосы. От успешного осуществления эвакуации зависели ход и исход войны. 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации, который разрабатывал порядок и очередность перемещения людей и материальных ценностей, планировал сроки формирования и отправки эшелонов в пункты выгрузки в восточных районах. Перебазирование промышленности проходило в строго централизованном порядке, по определенному плану не только для предотвращения захвата предприятий врагом, но и в целях быстрого возобновления их работы в восточных районах.

Во второй половине 1941 г. на Урал прибыло 667

заводов, а осенью 1942 г. уже размещалось оборудование свыше 700 эвакуированных предприятий, в том числе 200 – в Челябинской области [7]. Часть из них была направлена в восточные районы, в 1943 г. вошедшие в Курганскую область. С конца июля на площадку Курганмашзавода стали прибывать эшелоны с грузами и сопровождавшими их инженерно-техническими работниками Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения, крупного предприятия с высококвалифицированным производством, построенным в годы первой пятилетки. Его успешная работа в 1930-е гг. позволила Советскому Союзу полностью отказаться от импорта десятков наименований машин для зернового хозяйства, кормопроизводства, льноводства. В 1940 г. завод производил 26 видов продукции, 18 из которых шли на экспорт [8].

С первых дней войны гомсельмашевцы приступили к выпуску минометов и боеприпасов. Никто не покидал рабочих мест даже тогда, когда немецкие самолеты совершали очередной налет на город. Когда был получен приказ об эвакуации предприятия, дирекция и партийная организация мобилизовали весь трудовой коллектив, членов семей рабочих на демонтаж оборудования, на погрузку в эшелоны станков, незавершенной продукции, расходных материалов, инструмента, оснастки ... Трое суток почти без отдыха и сна продолжалась тяжелая работа, разрушавшая то, что создавалось упорным трудом «в буднях великих строек» индустриализации.

Более тысячи вагонов загрузили сельмашевцы заводским имуществом, ничего не хотели оставлять врагу. Позже уже в Кургане, выступая на собрании городского хозяйственного архива, парторг недавно созданного Уралсельмаша гомельчанин Н.Н. Соболенко скажет с гордостью: «Гитлеру мы оставили одни развалины» [9]. Части квалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, служащих, дирекции предприятия было предписано следовать с эшелонами, на них возлагалась ответственность за сохранность перемещаемого завода, быстрая доставка его к месту назначения и развертывание производства на новом месте в темпах военного времени.

Он должен был развернуть производство на базе Курганского машиностроительного завода. Объединенное предприятие получило название завод «Уралсельмаш», а после подчинения его созданному в ноябре 1944 г. наркомату минометного вооружения приобрело номер «707». Директором предприятия наркомат тогда еще общего машиностроения назначает А.К. Генкина, опытного хозяйственника, возглавлявшего с 1932 г. Госсельмаш (ГСМ), П.А. Марков стал его заместителем [10].

Между тем в Курган продолжали прибывать эшелоны с имуществом Гомельского завода. Возникли сложности с размещением привезенного оборудования: машиностроительный завод не располагал резервными площадями. Станки приходилось размещать под открытым небом на фундаменте, изготовленном по «дедовскому способу» из утрамбованной земли и металлической стружки, а потом уже возводить из досок и бревен стены и крышу. Таким образом сооружались «легкотипные» цеха военного времени. Они требовали обязательного утепления к зиме, что сделать не всегда удавалось. Часть новых цехов оборудовали в приспособленных помещениях. Так, четвертый механический цех разместили в заводском гараже, а инструментальный – в одном из складов спиртзавода (с 1950 г. – дрожзавод). Требовалась серьезная перестройка литейного цеха машзавода. В маломощной «литейке», построен-

ной во второй половине 1920-х годов, имевшей устаревшее оборудование, рассчитанное на ручную формовку малых партий изделий, предстояло установить вагранку, оборудовать землеприготовительный участок, смонтировать вывезенный с Гомсельмаша литейный конвейер... Подобную реконструкцию в мирное время специалисты по монтажу оборудования производили за четыре месяца. Но шла война, диктовавшая военные темпы пуска заводов. И бригада из четырех лучших слесарей Уралсельмаша выполнила монтаж оборудования литейного цеха за 10 суток [11].

Восстановление и организация производства крупного предприятия, переоборудованного на площади значительно меньшего завода, дело чрезвычайно трудное. Приходилось вести работы не только по строительству новых цехов, но и по сооружению различных пристроев-галерей, навесов, «отепленных» и «неотепленных» тамбуров и других помещений к уже имевшимся цехам. Все они были необходимы для хранения расходных материалов, готовой продукции, инструмента, размещения подсобных производств. Так, к литейному цеху было пристроено помещение землеприготовительного участка.

Коллектив Уралсельмаша, преодолевая трудности, тяготы, лишения, напрягая все силы, сумел в кратчайший срок, в течение четырех недель, первым из курганских предприятий наладить выпуск боевой продукции. Дирекция и партбюро УСМ 26 августа доложили горкому ВКП(б) об отгрузке первой партии боеприпасов для фронта [12]. В сентябре завод приступил к производству минометов.

За успешное перебазирование завода, освоение и выпуск боеприпасов и вооружения большая группа рабочих и инженерно-технических работников Уралсельмаша в январе 1942 г. была награждена правительственными наградами. Среди награжденных были директор завода А.К. Генкин, секретарь партбюро Н.К. Соболенко, старший мастер В.Р. Нарбутович, заведующий инструментальным хозяйством П.М. Майсак, слесарь С.В. Якушенко, П.Л. Лосев и др. [13].

Бесперебойная работа предприятий, выполнение ими государственных заданий по производству боевой продукции зависели, прежде всего, от решения проблемы кадров. На фронт уходили квалифицированные рабочие, инженеры, техники. В связи с массовым призывом в Красную Армию и прибытием эвакуированных предприятий потребность в рабочих курганских предприятий резко увеличилась. В конце 1941 г. только на Уралсельмаше имелось почти две тысячи вакансий.

Трудившихся там в этот период около 1,5 тыс. заводчан было недостаточно для заполнения рабочих мест, часть станков простаивала. Заводу пришлось в срочном порядке задействовать такой резерв рабочих кадров для военной экономики, как заключенные исправительно-трудовой колонии, имелось в тот период такое учреждение в Кургане. Специально для колонистов рядом с заводом сельмашевцами были построены общежитие и столовая. В начале 1942 г. 350 заключенных приступили к работе на предприятии. Трудились они без энтузиазма, производительность была низкой, но отдельные «узкие» места на производстве закрывали. Дирекция Уралсельмаша обращалась к городским властям с просьбами и требованиями направить на завод больше заключенных. В 1944 г. их насчитывалось уже 760 человек, или 25% состава рабочих. В феврале 1942 г. после публикации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского

населения для работы на производстве и строительстве» активизировалась работа местных властей по привлечению населения Кургана к работе на оборонных заводах, в первую очередь на Уралсельмаше, как самом крупном предприятии, выпускавшем продукцию для фронта.

К середине 1942 г. рабочий коллектив завода стал активно пополняться пришедшими по трудовой мобилизации подростками и женщинами, как правило, бывшими домохозяйками. Это были люди, незнакомые с промышленным производством, многие и станков не видели прежде и подойти к ним боялись.

Обучение новичков длилось недолго: покажут, где, как включать, как вставлять заготовку, снимать ее со станка. Обычно на второй день начинали работать самостоятельно. У кого-то получалось, он вскоре начинал выполнять норму, а у другого ломался инструмент, заготовка в станке не держалась... [14].

В конце 1941 г. дирекцию завода, партийную организацию встревожило положение с выполнением, а точнее невыполнением норм выработки частью рабочих. Количество не выполняющих нормы быстро росло: в октябре 183 человека, в ноябре уже 350 не справились с заданием. У некоторых заводчан сложилось твердое убеждение, что план вообще невозможно выполнить [15]. Особенно неблагоприятное положение сложилось в механическом цехе. Но вскоре его руководство, партийная и комсомольская организация совместными усилиями нашли блестящее решение. Для молодых рабочих по каждой производственной операции были разработаны графики-расписания: сколько деталей должно быть обработано или изготовлено за час, два ... , к концу рабочего дня. Каждый рабочий должен был иметь такое расписание у себя на станке. Сменные нормы стали выполняться и перевыполняться, чему способствовала другая инициатива заводских активистов: введение прогрессивно-премиальной оплаты труда и учреждение переходящих красных флажков на станках победителей ежедневного индивидуального соревнования. «Флажки, – писал секретарь парторганизации цеха В. Малинецкий, – особенно привлекательны для молодежи. 10 января первый красный флажок был водружен на станке токаря Богдановой: до конца рабочего дня пять часов, а она уже выполнила сменную норму. Теперь в цехе за 2-3 часа до окончания работы уже до 30 станков украшают красные флажки. Отставание цеха, выполненного декабрьский план только на 85% преодолено» [16].

Однако одновременно с введением контрольно-поощрительных мероприятий требовалось планомерное обучение вновь принятых на производство. На Уралсельмаше была развернута целая учебная сеть: школы стахановских методов труда, курсы технического минимума, курсы повышения квалификации, различные технические кружки. Стахановские школы, к примеру, давали возможность начинающему рабочему приобрести определенную квалификацию, умения, навыки по организации рабочего места, подготовке необходимого инструмента. В каждой смене для обучения новичков выделяли опытных специалистов, к ним прикрепляли по 4-5 групп из 5-6 человек каждая, с которыми ветераны занимались непосредственно у станка по 3 часа в день.

В 1942 г. действовало 135 стахановских школ, обучение в них прошло 845 человек [17].

Подготовке кадров немало сил и умения отдали лучшие заводские мастера: М. Переплетчикова, Т.П. Шулякова, П.Л. Лосев, И.И. Семенов, М.Т. Когут и др.

В августе 1942 г. бюро Курганского горкома партии, обсуждая состояние подготовки квалифицированных кадров рабочих на промышленных предприятиях Кургана, отметило, что лучше всех организовано обучение кадров на заводе Уралсельмаш [18]. В подготовке квалифицированных рабочих Уралсельмаш удерживал первенство в городе все военные годы: в 1942 г. было подготовлено 1476 рабочих различных профессий, в 1943 г. – 1509, в 1944 г. – 1893 [19].

Конечно, не все освоившие заводскую специальность оставались на Уралсельмаше до конца войны и после нее: большой была текучесть кадров. В 1943 г., к примеру, было уволено 1005 человек, в 1944 г. – 766 [20]. Причинами чаще всего являлись призыв в армию, перевод на другое предприятие, направление в освобожденные от оккупантов районы для восстановления там промышленности и т.п. Распространены были и случаи самовольного ухода с предприятия, несмотря на то, что в законодательстве военного времени самовольный уход с оборонного завода расценивался как дезертирство. Среди дезертиров с завода 707 преобладала работавшая на заводе по трудовой мобилизации молодежь, фактически подростки, из сельских районов других областей.

Руководство Уралсельмаша не стремилось предавать такие дела в суд, считая, что не наказывать надо за самовольный уход, а предупреждать его. На заводе проводились собрания молодежи, перед рабочими выступал председатель и члены городского военного трибунала. Меры воспитательного характера преследовали цель сформировать негативное отношение к нарушителям дисциплины, оставляющим рабочее место в период тяжелых военных испытаний. Такие меры приносили определенные положительные результаты. Случаев дезертирства становилось меньше: если в 1943 г. самовольно оставили производство 369 рабочих, то в 1944 г. – 301, а трое из «беглецов» даже вернулись на работу [21]. Однако до конца искоренить самовольные уходы с Уралсельмаша не удалось. Они не прекращались на протяжении и всей войны, усугубляя проблему дефицита кадров, не давая возможности наладить производственный ритм, ставили под угрозу выполнение плановых заданий по выпуску военной продукции.

Увеличению выпуска боевой продукции способствовало начавшееся с первых дней войны социалистическое соревнование за быстрое и высококачественное выполнение заказов фронта. На предприятиях росло движение двухсотников, трехсотников, то есть тех, кто добивался перевыполнения норм в два, три и более раз. На Уралсельмаше высокой выработки достигли многие производственники, трудившиеся, не считаясь со временем, не выходявшие с завода круглые сутки. Т.П. Шулякова, работавшая до войны табельщицей на Гомсельмаше, освоила профессию штамповщицы и уже в сентябре – октябре 1941 г. вырабатывала до 2,5 норм за смену. Бывшая курганская домохозяйка Шурабаева вырабатывала также 2,5 нормы, соревновавшаяся с ней Данилюк и Кузьмина выполняли задание на 200% [22]. В ноябре 1941 г. 42% рабочих Уралсельмаша являлись двухсотниками, стахановцами, ударниками [23]. Коллектив Уралсельмаша во Всесоюзном социалистическом соревновании заводов минометного вооружения неоднократно поощрялся премиями за перевыполнение производственного задания отдельных месяцев: в 1943 г. – четырежды, в 1944 г. – шесть раз [24]. Завод регулярно награждался переходящим Красным знаменем Курганского горкома партии и Горсовета, которое подолгу задерживалось на заводе.

Переходящее Красное знамя ЦК ВКП(б), ГКО и наркомата минвооружения Уралсельмашу вручалось 5 раз [25].

В условиях Всесоюзного социалистического соревнования активно развивалось движение комсомольско-молодежных бригад, которым принадлежало основное место во вовлечении молодежи в борьбу за повышение производительности труда и увеличение производства военной продукции. В таких бригадах молодые рабочие приобретали опыт и производственно-технические навыки. Лозунгом у них были слова: «В труде, как в бою». Комсомольско-молодежным бригадам, которые постоянно выполняли план на 150-200%, добивались высокой производственной квалификации всех членов бригады, служили примером на работе и в быту, присваивалось звание фронтовых комсомольско-молодежных бригад. В 1943 г. на заводе 707 было создано 32 комсомольско-молодежные бригады, в 1944 г. – их насчитывалось 103, к маю 1945 г. – 113, фронтовыми из них в 1944-1945 гг. являлось 26. Лучшей фронтовой бригадой являлась бригада Софьи Половиной, члены которой – три девушки – обслуживали 12 рядом стоящих станков, по четыре каждая [26].

В марте 1945 г. в Кургане состоялась городская партийная конференция, на которой подводились итоги развития города, его промышленности, социальной сферы в военные годы. Подчеркивалось, что война «изменила лицо и размеры промышленности города»: количество промышленных предприятий удвоилось, в 1945 г. их насчитывалось тридцать, а количество рабочих возросло в четыре раза. Город располагал в то время главным образом металлообрабатывающей промышленностью, выпускающей боеприпасы, снаряжение, обмундирование для фронта, станки и сельскохозяйственные машины для народного хозяйства страны. Удельный вес оборонной продукции в общем товарном выпуске возрос с 32,9% в 1941 г. до 85,1 % в 1944 г.

Много хороших слов заслуженно было сказано о заводе 707, Уралсельмаше, который вырос за годы в самое крупное предприятие города и области, выпустил военной продукции – минометов и различных мин – свыше чем на 500 млн руб., в 1944 г. произвел изделий для фронта в 10,7 раза больше в сравнении с 1941 г.

По заданию ГКО завод освоил производство машин для народного хозяйства: в 1943 г. сортировки «Клейтон», в 1944 г. молотилки БР-23 и поперечно-стругального станка «Шепинг», не снижая выпуска основной военной продукции [27].

В годы войны происходило расширение производственных площадей предприятия, по решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 октября 1943 г. «О сроках разворота строительства завода сельхозмашиностроения № 707» началось строительство новых заводских цехов Уралсельмаша на западной окраине Кургана [28].

Уже в послевоенные годы часть производства завода 707 переносится на новую площадку. А в 1950 г. Уралсельмаш разделяется на 2 самостоятельных предприятия. За заводом на новой площадке сохраняется прежнее название «Уралсельмаш», а заводу на старой территории было присвоено наименование «Кургансельмаш», которому пришлось вновь пережить нелегкие времена дефицита оборудования, инструмента, квалифицированных кадров (все лучшее передано новому заводу), перестройки, обновления. Старый завод выдержал и это испытание, преодолел трудности, набрался сил, пережил нелегкие 1990-е гг. и продол-

жает производить нужную народному хозяйству продукцию. Не забывая о своем героическом прошлом, с надеждой на будущее смотрит вперед.

Список литературы

- 1 Васильева А. М. *Забывтый Курган*. – Курган : Изд-во «Зауралье», 1997. – С.167-174.
- 2 *Очерки истории Курганской области*. – Челябинск : Южно-Урал. кн. изд., 1968. – 480 с.
- 3 Бендик Л. П. *Нервущаяся нить*. – Челябинск : Юж.-Урал.книж. изд., 1986. – С. 21.
- 4 Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО), ф.10.ок.16, д.82, л.23-33.
- 5 *Великая Отечественная война 1941-1945 : энциклопедия*. – М. : Сов.энциклопедия, 1985. – С. 105.
- 6 *Очерки истории Курганской областной организации КПСС*. – Челябинск : Юж.-Урал.кн.изд., 1977. – С. 191.
- 7 *Урал ковал победу: сборник-справочник*. – Челябинск : Юж.-Урал.книж.изд., 1993. – С.5.
- 8 URKL: <http://ru.wikipedia> <http://www.gomselmash/istoria.zavoda>.
- 9 ГАОПДКО, ф.10, оп.4, д.105а, л.636.
- 10 Там же, ф.10, оп.4, д.105а, л.409; ф.3876, оп.1, д.18, л.26.08.41.
- 11 Там же, ф.10, оп.4, д.105а, л.418-419.
- 12 Там же, ф.3876, оп.1, д.18, л.29.
- 13 Там же, ф.10, оп.5, д.74, л.14 об.; *Красный Курган*. – 1942. – 27 января.
- 15 Бендик Л. П. *В труде и в бою*. – Курган, 1985. – С. 12.
- 15 ГАОПДКО, ф.3876, оп.1, д.17, л.29-31.
- 16 Там же, ф.10, оп.5, д.2, л.2.; *Красный Курган*. 1942. – 27 января.
- 17 *Красный Курган*. – 1942. – 17 января.
- 18 ГАОПДКО, ф.10, оп.16, д.245, л.17.
- 19 ГАКО, ф.р.434, оп.2, д.1, л.7; ГАОПДКО, ф.3876, оп.1, д.28, л.8., ГАКО, ф.р.434, оп.2, д.6, л.4 об.
- 20 Там же.
- 21 ГАОПДКО, ф.3876, оп.1, д.28, л.8.
- 22 *Красный Курган*. – 1941. – 29 октября.
- 23 ГАОПДКО, ф.10, оп.4, д.105, л.636.
- 24 Там же, ф.3876, оп.1, д.29, л.8. ГАКО, ф.434, оп.2, д.6, л.5.
- 25 *Урал ковал победу*. С.54.
- 26 ГАКО, ф.р.434, оп.2, д.6, л.4 об. *Красный Курган*. –1945. – 8 мая.
- 27 ГАОПДКО, ф.10, оп.5, д.74, л.13 об-15.
- 28 Там же, ф.166, оп.2, д.49, л.18.

УДК 930

Я.А. Кулигина
Курганский государственный университет

ФАМИЛИИ КАК ПРЕДМЕТ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Занимаясь антропонимическими исследованиями, стоит оценивать человеческое именование полностью. Именно поэтому в данной статье мы занимаемся освещением фамилий, которые помогают проследить множество аспектов жизни человека. Просматривая местный источниковедческий материал, мы исследуем основу происхождения фамилий и классифицируем их. Рассматриваем общие закономерности и особенности образования той или иной фамилии.

Ключевые слова: антропонимика, фамилии, фамильный суффикс, именование, характеристика.

Ya.A. Kuligina
Kurgan State University

SURNAME AS THE SUBJECT OF ANTHROPONIMICAL RESEARCH

Annotation. When engaging in anthroponimical research it is worthwhile to evaluate the full name of the subject. Therefore, this article studies surnames, which help monitor many aspects of human life. The work explores the basis of the origin of surnames and offers a classification of surnames, using the local source material. The paper considers the general laws and peculiarities of the name creation.

Keywords: anthroponymics, surname, surname suffix, naming reports, characteristic.

Говоря об антропонимике в целом, важно понимать и рассматривать разные аспекты ее применения. Мы не раз уже освещали вопрос об именах, но при этом только косвенно упоминали о фамилиях, которые при правильном подходе могут рассказать много интересного.

Фамилия – это наследственное семейное наименование человека, прибавляемое к личному имени, переходящее обычно от отца к детям [1]. В нашем исследовании важнее всего тот факт, что фамилии – именно наследственные именованья человека, то есть мы можем проследить в динамике судьбу рода. Это принципиальная особенность, которая также помогает обратить внимание на историю больших социокультурных

процессов через призму микроистории и вспомогательных исторических дисциплин. Рассмотрим некоторые теоретические аспекты появления фамилий на основе работ А.В. Суперанской.

Типовые структуры официальных паспортных фамилий складываются в XV в., когда произошло возвышение Московского княжества, а московские канцелярии определяли, кого и как «писать», хотя эта официальная запись часто не совпадала с реально звучащим именованьем человека или семьи в живой речи. Так произошло расщепление именованья русских людей на официальное и неофициальное (уличное, деревенское). Московские канцелярии по своему усмотрению прибавляли к семейным прозваниям одних людей суффиксы -ов, -ин (Кот – Котов, Трава – Травин; выбор между -ов и -ин определяется типом склонения существительного) и усекали древний общеславянский патронимический суффикс -ич/-ович в семейных прозваниях других (Федорович – Федоров). Так происходила стандартизация документальных записей. Московские образцы записи рассылались по всей стране, что способствовало унификации написания в документах.

Наряду с официальной системой в России до сих пор существует живая система неофициального именованья, унаследованная от далекого прошлого, свободная от искусственного вмешательства. В древности, если глава семьи звался Бык, это родовое прозвание передавалось старшему сыну в неизменном виде. Средние сыновья звались Бычко или Бычок, а самый младший сын или внук – Бычонок. Жена звалась Бычиха, дочь – Бычка. В семье возможны были также имена Быня, Быконя, Быча, Быченя, несущие оттенок ласкового отношения родителей к детям. С принятием христианства церковные имена оказались втянутыми в ту же систему. Так, от православного имени Степан (глава семьи) имя жены образовывалось с суффиксом -иха: Степаниха. Мужа можно было звать сокращенным именем Стёпа, тогда жена звалась Стёпиха. Детей звали Степанко, Степанок, Степанец, Степанчик, а также Стёпко, Стёпик, Стец, Стецко, а внука – Степанчонок. Эта система была в значительной степени разрушена стандартизацией. Тем не менее многие из перечисленных форм можно найти в составе современных паспортных фамилий, а «живые» образования сохраняются в современных прозвищах [2]. Таким образом, исходя из положений Суперанской, мы прослеживаем усложнение и переход прозвищ в фамилии, а также использование различных окончаний, в зависимости от территорий.

Принципиально важным для нас становится вопрос источников, которые мы берем за основу. В данном исследовании мы используем исповедные росписи Курганского уезда, Богородице-рождественской церкви [3] и Петропавловской церкви села Черемухово Курганского уезда [4]. Выбор вида источников не случаен, так как это документы церковного учета, в которых фиксировалось полное именование человека, его социальный статус и положение. Естественно источники имеют недостатки, которые мы будем учитывать как некую статистическую погрешность, но в целом они полностью подходят нам по наличию предоставляемой информации.

Перейдем к основной части наших научных изысканий. Для этого мы провели выборку источников, подходящих нам по хронологическим рамкам, то есть XIX век. Из них мы взяли 100 фамилий, которые разбили на группы.

Первая группа. В данную группу мы поместили фа-

милии, происходящие от имен, так называемые отыменные. Они составляют 49% от общего числа. Поэтому эта группа стала самой массовой. Рассматривая детальнее каждую фамилию, мы проводим параллель с именами, от которых они образованы. Все они есть в святцах и являются достаточно распространенными. Поэтому мы четко прослеживаем связь «имя – фамилия». Важно отметить: несмотря на то, что перепись проводилась в разных деревнях и в разное время (между ними прошло около 25 лет), мы наблюдаем большой процент повторения фамилий. Так, фамилия Иванов повторяется 5 раз, что совпадает с соотношением повторений имени Иван в любых переписях. Также по два раза встречаются фамилии: Семенов, Ларионов, Андреев, Алексеев, Тихонов, Васильев, Сидоров, Данилов. Из данного ряда выходит за рамки именной статистики фамилия Ларионов, так как имя Ларион в рассмотренных ранее нами переписях встречается редко, поэтому мы не можем объяснить образование этой фамилии из-за частых повторений или особой моды на это имя. В этом случае стоит подробно исследовать носителей фамилии и пытаться найти первоисточник и первопричину перехода имени в фамилию. Но здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой. Фамилия Ларионов в обоих случаях принадлежит представителям крестьянского сословия, поэтому мы, скорее всего, не сможем найти письменные источники, которые подтвердят или опровергнут наши догадки. В этой группе есть еще фамилии, которые, на наш взгляд, кардинально выпадают из общего контекста: Родёонов, Бородёна и Никитёна. Вообще, такое написание фамилий, через «ё», встречается крайне редко. Можно предположить несколько вариантов объяснения этой особенности. Во-первых, так как фамилии (как, впрочем, и имена) записывались со слов, можно предположить, что их носители были обладателями говора, который и внес такие коррективы. Во-вторых, можно предположить, что переписчик писал через «и», но при этом, что совершенно не характерно, ставил две точки сверху, которые мы приняли за «ё». В целом подобный вопрос остается открытым для дискуссии. Мы приводим лишь собственные позиции и объяснения.

Переходим ко второй группе, которую мы выделили из фамилий, образованных от каких-либо предметов. Таких фамилий в нашем списке оказалось 7%. Причем, наименование предметов, от которых произошли фамилии, есть как устаревшие, например Чеботков (вероятнее всего образовано от слова чеботы, то есть сапоги), так и вполне современные, например Трубин и Бородин. В целом данная группа не выходит за рамки наблюдений, поэтому мы можем переходить к следующей группе.

Третья группа. Здесь мы объединили фамилии, образованные от каких-либо явлений, социальных или природных. В эту группу попало 7% фамилий, среди которых Шумков (образовано, скорее всего, либо от слова шумный, либо от слова шум, поэтому мы выделяем отдельную категорию), Стуков и так далее. Естественно, мы не можем назвать эту группировку абсолютной и единственно верной, так как в ней, как и во многих остальных, принимается основание, которое в большей мере подходит исследователю. Именно поэтому в этой же группе оказались такие фамилии, как Убытков (убыток мы воспринимаем как социальное явление в данном случае), Воденникова (причем эта фамилия встречается дважды).

Четвертая группа посвящена животному и растительному миру. Таких фамилий 11% от общего числа.

В данной группе тоже присутствуют специфические названия, поэтому важно четко понимать основу фамилии, чтобы делать выводы. Вот, например, фамилия Калугин могла произойти от рыбы калуги или от города Калуга. Надо учитывать пути внутренней миграции населения, чтобы понять, что стало первопричиной образования фамилии. В данном случае мы столкнулись с очередной загадкой: носитель фамилии перебрался на территорию Курганского уезда из Калуги либо с берегов реки Амура, так как только там ареал обитания данной рыбы. Подобная же проблема нас преследует и с фамилией Комогорских, так как именно в XIX веке выведена новая порода гусей, которая называется комогоры.

Оставшиеся 22% очень сложно поддаются группировке. Конечно, что-то мы можем выделить как фамилии, образовавшиеся от рода занятий, некоторые по личным характеристикам, например Торопов, еще возможно выделить группу фамилий, произошедших от топонимов, но здесь важно определить, что было первичным – название того или иного пункта или фамилия.

Конечно же, больший упор мы делаем на фамилии, образовавшиеся от имен. По ним, так же как и по именам, можно определить популярность именного сочетания в тот или иной период, а затем и проследить судьбу носителя фамилии.

Есть еще один аспект в исследовании фамилии – это их суффиксы. По некоторым из них можно проследить расселение носителей фамилии. В нашем исследовании чаще всего встречались такие фамильные суффиксы, как -ов, -ин, это типичные русские суффиксы, добавляемые к прозвищам именам или топонимам.

Важно отметить, что фамилии в подавляющем большинстве принадлежат мужчинам – главам семьи, либо вдовам, которые оставляли фамилию мужа, а после последующего замужества меняли на новую. Поэтому при исследовании больше информации о перемещениях или других сторонах жизни мы получим именно от мужских именных сочетаний.

Обращая внимания на такие проблемы, как изучение фамилий, с первого взгляда кажущиеся не слишком значительными, мы поднимаем огромный пласт информации, требующий грамотного и тщательного исследования, так как только из мелочей строится полная картина происходящего, которую и стремится познать историк.

Список литературы

1 Большой толковый словарь. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%F4%E0%EC%E8%EB%E8%FF&all=x> (дата обращения: 01.10.2014).

2 Никонов В. А., Суперанская А. В. Антропонимика. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ANTROPONIMIKA.html (дата обращения: 01.10.2014).

3 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф.35. Оп.1. Д. 28.

4 ГАКО. Ф.78. Оп.1. Д.15.

М.А. Перова

Курганский государственный университет

ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ 1920-Х ГГ. В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена детской повседневности 1920-х гг. и источниковедческим проблемам, возникающим при ее изучении. Делопроизводственная документация школ и детских домов рассматривается как один из основных видов источников по детской повседневности. В связи с этим изучаются проблемы происхождения источников, определения их достоверности, процесс интерпретации. Предлагаются методы решения проблем.

Ключевые слова: детская повседневность, советское детство, источниковедение, школы, детские дома.

М.А. Perova

Kurgan State University

EVERYDAY LIFE OF CHILDREN IN 1920S AS MENTIONED IN RECORD KEEPING DOCUMENTATION: PROBLEMS OF SOURCE STUDY

Abstract. The article considers the everyday life of children in 1920s and the problems of source study. Record keeping documentation of schools and orphanages is considered as one of the main sources of information about everyday life of children. The paper explores the following problems: the origin of sources, the assessment of their reliability and the process of their interpretation. The methods of problem solving are offered.

Keywords: everyday life of children, soviet childhood, source study, schools, orphanages.

История повседневности и история детства – довольно молодые направления исторического знания. Поэтому прежде, чем обратиться к источниковой базе по заявленной теме, необходимо уточнить само понятие «детская повседневность».

В отечественной историографии до сих пор нет четкого определения истории повседневности, равно как и термина «повседневность». Ведутся споры, считать ли повседневностью праздник или она включает в себя только рутину [17]. Также нет единого мнения о соотношении истории повседневности и «большой» истории, о разнице понятий «быт», «повседневность» и «частная жизнь» [13]. Однако анализ работ виднейших историков школы Анналов, микроистории и немецкой Alltagsgeschichte (от Alltag – «повседневная жизнь» и Geschichte – «история») [12] приводит к выводу, что объектом исследования истории повседневности является субъективный человеческий опыт в его взаимосвязи с макроисторией, включающий в себя как рутину, так и выдающиеся события личной и общественной жизни. Обращение к макропроцессам – одно из главных отличий истории повседневности от истории быта и истории частной жизни.

Если история повседневности рассматривает рядового человека как субъекта истории, возникает вопрос о целесообразности выделения детской повседневности. Существовала ли возможность субъективного влияния ребенка на окружающий мир, обращал ли ребенок внимание на события во взрослом мире, был ли он способен к некоторого рода политической реакции? Велика ли доля воздействия взрослых на детское восприятие действительности и оценочные суждения? Учитывая отличие особенностей детского восприятия, рода занятий, окружения и социальных функций от характеристик взрослого человека, нельзя не заметить, что повседневная жизнь детей не могла быть тождественна взрослой рутине. То есть, отличаясь от взрослых и так или иначе осознанно воздействуя на реальность, ребенок выступает как ее субъект. Более того, сами взрослые – рядовые, не имеющие властных полномочий и не обладающие высокой степенью образованности – воспринимались культурной и политической элитой как дети. Это отметила А.А. Сальникова касательно советского периода. По ее замечанию, «на языковом “пуерилизме” была основана большевистская “преобразовательная” лингвистическая политика первых лет советской власти, облакавшая властный дискурс в простые и доступные языковые формы, понятные и близкие детям, поскольку обретавшие “советскость” массы “простого трудового народа” были, по большому счету, теми же самыми детьми» [19]. Если мы считаем целесообразным изучение повседневной жизни «массы трудового народа» и рассматриваем его в качестве субъекта истории, то аналогичным образом можно отнестись и к возможности выделения детской повседневности. Так или иначе, это понятие уже стало фактом в исторической науке [18], несмотря на неумолкающие споры вокруг него. Среди прочих поднимается, например, проблема временности категории детства, ее детерминированность социальной и гендерной категориями, зависимость от общего контекста повседневности и отношения к детству взрослых.

Обращение к детской повседневности советского периода, в частности 1920-х гг., интересно прежде всего тем, что образ ребенка, создаваемый советской прессой, кинематографом, литературой, – это образ ребенка активного, участвующего в строительстве нового мира наравне с взрослыми. По отношению к нему теория Арьеса об отсутствии детства в Средневековье [1] кажется вполне уместной – дети предстают как маленькие взрослые. Изучение детства 1920-х годов предполагает выяснение разницы между созданным политической пропагандой образом идеального ребенка и

идеального детства и настоящим ребенком и детством того времени.

Как отмечала американская исследовательница советского детства Лорейн де ла Фе, выделить настоящую повседневность кризисного периода, каким было первое десятилетие Советской власти, очень трудно, так как повседневные практики заслоняет создаваемая пропагандой иллюзия успеха и стабильности в вопросах образования, гигиены, питания. Особенно это касается детской повседневности: «The early revolutionary period was a stage of constant crisis in Soviet history, it is difficult to separate the everyday from crisis, which allows us to view how the Bolsheviks, through official discourse and in propaganda, and intervention in the population's everyday life, created a semblance of stability in the routine of learning, hygienic habits and eating, especially for children during a volatile period»¹ [20]. Хотя «настоящий историк похож на сказочного людоеда» [2], добыча не всегда идет к нему в руки. Детские источники личного происхождения столь отдаленного периода найти довольно сложно. Однако в фондах Государственного архива Курганской области содержатся большое количество документов, оставленных школами, детскими домами, районными исполнительными комитетами, окружной комиссией по улучшению жизни детей, окружным отделом народного образования, так или иначе касающиеся детей и их повседневной жизни, в первую очередь в бытовом и идеологическом аспекте. Среди них встречаются и документы – заявления, протоколы собраний, написанные детской рукой, но, как правило, с соблюдением каноничности взрослого письма. Большое количество таких документов обязывает изучить их в контексте детской повседневности. При этом приходится решить ряд источниковедческих проблем.

При работе с делопроизводственной документацией 1920-х гг. очень серьезно встает вопрос о достоверности содержащихся в них фактов. Это одна из особенностей времени. В эти годы происходило становление системы делопроизводства, и четких каноничности составления документов не было, что вело к большой вольности в стиле и содержании. Создавалась новая система образования, Единая трудовая школа. Каждый учитель, считая себя участником этого созидательного процесса, позволял себе творческие вольности не только в ведении документации, но и в отношении к работе. Творческий энтузиазм, может быть, и хорош, но его избыточность в сочетании с человеческим фактором приводила к анархии в школьной жизни. Например, уникальны в этом отношении «производственные» планы школ. Один из составителей такого плана прямо признается: «Автор далек от мысли, что это есть настоящий план...» [4]. И продолжает: «Работу каждого дня я представляю себе так:...» [4]. То есть человек снимает с себя ответственность за правильность этого плана, а тем более, за его выполнение: он только представляет себе работу, а как она будет выполнена, это уже другой вопрос. Поэтому документы подобного рода не следует воспринимать буквально. Однако из них можно извлечь информацию об отношении учителей к профессии, к детям, к новому государству.

¹ «Ранний период Советской истории был кризисным, а понять, какой была повседневная жизнь во время кризиса, очень трудно, так как перед нами открывается только то, как большевики путем политического дискурса, пропаганды, вмешательства в повседневную жизнь населения на протяжении всего этого изменчивого периода создают подобие стабильности в образовании, гигиенических практиках, питании, особенно для детей». (Перевод автора)

Помимо таких планов, которые, вероятно, в большинстве своем носили декларативный характер, в стенах детских учреждений писались отчеты о проделанной работе, о состоянии заведения, составлялись просьбы о финансовой помощи. Большая часть таких документов составлялась вновь прибывшими на работу преподавателями, воспитателями, заведующими и часто сопровождалась просьбой о переводе в другое место ввиду ужасных условий или, наоборот, планами улучшения учебного заведения. При изучении подобных источников необходимо учитывать разницу восприятия автора и исследователя, обусловленную временем и местом, и осторожно относиться к высказываемым в них оценочным суждениям. При этом сведения таких писем-отчетов, отправленных из одного детского учреждения, могут расходиться. Вместе с тем такие документы дают подробное описание детской жизни: работ на огороде и в мастерских, прогулок в лес, бытовых условий.

Более достоверными среди имеющихся делопроизводственных документов представляются акты обследования детских учреждений, поскольку они составлялись выездными комиссиями в опорных и массовых школах различных районов округа и в самом городе, то есть при участии посторонних, а, следовательно, лично не заинтересованных лиц. Комиссии, как правило, состояли из инспектора Округного отдела народного образования (Окродо), представителей местного Районного исполнительного комитета (РИКа) и Сельского совета, избача и заведующего школой, иногда к ним присоединялся инспектор из Уральского областного отдела народного образования. По составленным в каждой отдельной школе актам писался районный отчет в Окродо с добавлением сведений о библиотеках и избах-читальнях, а из этих отчетов составлялась общая картина уровня работы образовательной системы в округе с периодичностью в полгода.

Акты обследования школ и детских домов были документами более высокого «ранга» по сравнению с отчетами детских учреждений и, в отличие от них, составлялись практически по одной схеме с некоторыми вариациями, поэтому могут быть использованы как массовый источник. В начале акта после перечисления лиц, состоящих в контрольной комиссии, давались, как правило, общие сведения об учреждении. Это могла быть краткая историческая справка, описание здания и его происхождение, определение места, занимаемого школой или детским домом в жизни района или конкретного населенного пункта. Затем описывалась «материально-хозяйственная часть». Для школы это состояние помещения, классов, школьной мебели и учебных принадлежностей, уровень финансирования. Для детского дома помимо этого состояние спален, наличие кроватей, постельных принадлежностей, одежды, белья, обуви, уровень питания, хозяйственное обеспечение, в отдельном пункте описывались санитарные условия. В пункте «Педагогическая работа» давалась характеристика учебного процесса с точки зрения следования программе ГУСа (Государственного ученого совета 1923-1925 гг.), список школьных работников и воспитателей с указанием их образования и классовой принадлежности. Далее описывались общественно-полезные мероприятия школы или детского дома, если таковые имели место, определялся уровень включенности детей в пионерскую и комсомольскую организации. В «Заключении» выносилась общая оценка работы детского учреждения и рекомендации по ее улучшению.

Несмотря на кажущуюся упорядоченность при ра-

боте с документами подобного рода следует обращать внимание на то, что многие факты, включенные в акт, могут быть записаны с чьих-то слов и не соответствовать действительности по причине того, что детские учреждения не всегда могли предоставить необходимую отчетность. Например, в Чернавском районе в 1925 году «учет первичной регистрации в опорной школе ведется, а в массовой нет, если бы задумали эту работу провести, так было бы не на чем» [8]. На основании чего в таком случае можно судить об успеваемости детей в массовых школах, посещаемости, проводимых занятиях? Также следует учитывать, что многие важные для нас вещи помечались человеком того времени как незначительные. Например, в акте обследования Илецко-Иковской детской трудовой коммуны за март 1929 года записано: дом, где проживают воспитанники «в санитарном и гигиеническом отношении удовлетворительный, но в настоящее время найден в неряшливом грязном виде, на стенах и кроватях много клопов» [11]. Насколько удручающим должно быть общее положение, чтобы признать клопов удовлетворяющими нормам? Клопы здесь кажутся привычным элементом жизни, которому не придают особого значения. Такие замечания отражают колорит эпохи и являются наиболее важными для реконструкции не только бытовых реалий повседневности, но и ментальных установок, отношения к этим реалиям, ожиданий людей.

Такой тип источников, как правительственные постановления, уставы, резолюции, письма из высших инстанций, занимавшихся детским вопросом, несмотря на свое сугубо официальное происхождение, дает наименее достоверную информацию о детской повседневности в сравнении с вышеперечисленными источниками. Например, нельзя, опираясь на «Устав о единой трудовой школе» утверждать, что «в первую (младшую) группу школы первой ступени принимаются без испытаний все дети 8-летнего возраста» [4]. В Курганском округе, по данным на сентябрь 1924 года, охват образованием детей школьного возраста составлял около 40% в сельской местности и около 60% в городе [15]. По данным Чашинского района того же времени, «в настоящем году детей школьного возраста обучается лишь 36%, а остальные 64% находятся за воротами школы. Большинство из них имело желание быть в школе, но, ввиду набора комплекта, им было отказано» [6]. Получалось, что подобные строки в официальных документах только декларировали желаемое, обеспечить выполнение которого могли едва ли наполовину. Помимо объективных причин, таких как нехватка денежных средств, указания сверху сталкивались с субъективным фактором. Например, очень часто местные власти и население недооценивали значение образовательного учреждения. Переселение школы из полученного ей здания в худшие, а порой и неприемлемые для учебы условия, были вполне обычным делом, хотя и запрещались законодательством. Вообще, расхождений между документацией, носившей законодательный характер, и реальностью, отражавшейся в делопроизводственных документах, огромное количество. Это касается постановки образовательного процесса, жизни школ и детских домов, отношения к детям. Пожалуй, одним из нагляднейших примеров может служить описание жизни Кривинского детского дома, составленное в сентябре 1929 года. В доме находится 35 детей, при этом по спискам их должно быть 60, но «часть детей отдана крестьянам по договорам на работы а также на воспитание» [11], при этом «имеются случаи, что крестьянин использует ребенка в течение

2-3 лет, а затем привозит и сдает в детский дом» [11]. Никакого учета «сдаваемых в аренду» детей не ведется. Возвращенные дети неграмотны и не подчиняются дисциплине, да и подчиняться особенно некому: в детском доме всего две воспитательницы, притом одна из них дочь священника, а вторая с малолетним ребенком. Такое отношение к подбору персонала детского дома и к его воспитанникам с трудом сочетается с декларируемым в официальных документах и печати отношением к беспризорным детям как к «детям революции» [14].

Таким образом, делопроизводственная документация позволяет составить идеальный образ ребенка и детства изучаемого периода, каким его видело государство, что особенно интересно в отношении к государству тоталитарного типа, навязывающего наиболее конкретные образы. Разница между декларируемым образом детства и настоящими детскими практиками, их соотношение друг с другом и будет предметом изучения *Alltagsgeschichte*.

Однако остается главный вопрос: какое место в этом различии принадлежит детям, а какое взрослым. Несоответствие действительного желаемому является плодом неповиновения взрослых или неспособности и нежелания конкретных детей соответствовать идеалу? Несмотря на весь революционный пафос, взрослые не воспринимали детей как равных себе, в текстах дети предстают как объект воспитания, обучения, исследования, но не как самостоятельные субъекты. На них возлагают надежды, к ним предъявляют требования, но на самом деле это требования не к детям, а к их педагогам, родителям, обществу, которые должны формировать нового, «советского человека». Однако и в этом отношении не все было однозначно. Например, постоянно велись споры о детском самоуправлении и самообслуживании, должно ли оно организовываться сверху педагогами или нужно ждать, пока дети не придут к нему сами. Характерен доклад педагога Денисовой в 1924 году о самоуправлении в новой школе, которое не насаждается учителем, а «самоорганизуется», «самодисциплинируется»: «Дети вечно руководимые, проходят мимо своего счастья, ... нельзя строить жизнь детей без их участия» [5]. Поднимался вопрос субординации: должен ли учитель стоять над учеником, главенствовать над ним или только координировать его действия как старший товарищ? Сохранение учителем доминирующей позиции нередко расценивалось как приверженность старым, имперским принципам преподавания и воспринималось негативно. Тем не менее взрослые тексты отражают внешнее, идеологически окрашенное поведение детей, не задаваясь вопросом, что чувствуют пионеры, октябрята, беспризорники, школьники, как воспринимают революционные и активно изживаемые властью традиционные праздники и другие проявления реальности. Осознают ли они себя как «маленькие граждане большой страны» [16] или это иллюзия взрослых, серьезно воспринимавших детскую игру или выдававших желаемое за действительное?

Среди делопроизводственных документов детских учреждений в ГАКО встречается небольшое количество документов, написанных детской рукой, основную массу которых представляют протоколы собраний воспитанников детских домов. Как писала А.А. Сальникова, «детское письмо» как феномен представляет собой приобщение, «стремление» ко взрослому письменному канону и одновременно тяготение к детскому речевому стандарту» [19]. Эти детские протоколы на самом деле напоминают взрослые документы подобного рода. Указывается номер протокола и дата, пред-

седатель и секретарь собрания, представляется повестка дня. Лист делится на две колонки: «Слушали» и «Постановили», в которых по порядку перечисляются обсуждаемые собранием проблемы и принятые по их поводу решения. Некоторые из них по-детски трогательно свидетельствуют о принятии детьми советской действительности и стремлении быть причастными к ней: «Переименовавши... в детский дом №7, решили просить исполком прибавить еще имени товарища Ленина» [3]. Протокол скреплялся подписями председателя и секретаря, а иногда также заведующего детским домом и представителя отдела народного образования.

Но, поскольку эти детские тексты стремились к полному воспроизведению взрослого канона не только по форме, но и в поднимаемых проблемах, в стиле письма, и, кроме того, часто заверялись взрослыми, а также являлись плодом коллективного творчества, извлечь индивидуальные представления детей из них довольно трудно. В целом они создают впечатление о советском детстве как о некоем спартанском рае, где суровые реалии жизни вдохновляли на труд и самосовершенствование, где царил дружба, ответственность, нелюбовь к лени и прочим буржуазным пережиткам. При этом идиллическую картину время от времени нарушают заметки о нарушителях общего порядка, как правило, из старших мальчиков. Такие нарушители, согласно протоколам, единогласно осуждались: «Узнав мотивы непосетивших собрание, что их не интересует общественная жизнь, вынесли общим собранием порицание и постановили присутствовать обязательно» [3].

Таким образом, протоколы детских собраний дают информацию о многих сторонах быта детского учреждения, в особенности тех, что находились в ведении органов детского самоуправления, и некоторые, хотя и слишком оптимистические (что вызывает подозрение в лукавстве авторов), сведения об идеологической стороне детской жизни. Сам факт наличия таких протоколов – уже источник сведений для исследователя. Он говорит о большой самостоятельности воспитанников детских домов и их высокой инициативе. Присутствие на собрании заведующего детским учреждением показывает поощрительное отношение взрослых к подобным занятиям детей. Кроме того, эти протоколы – показатель материальной обеспеченности учреждения. Многим детям не на чем было писать во время уроков, а здесь хватало бумаги на протоколы собраний, стенгазеты и журналы.

Заявления воспитанников детских домов об уходе из учреждения – еще один вид «детских текстов», обнаруженных в ГАКО. Все они сопровождаются просьбами-требованиями материального характера: «Прошу выдать мне денег из кассы для покупки ботинок, так как в скором времени я поеду к матери, а ехать в сандалиях будет холодно» [9], «в виду того, что я уйду из детдома, то прошу снабдить меня пальто и койкой» [9], «прошу выдать что мне принадлежит. Одеяло, матрац, пальто, сапоги, белье верхнее и нижнее, простынь, полотно, 2 наволоки верхнюю и нижнюю, если можно то старую койку» [9]. Такие документы дают сведения бытового характера: о системе обеспечения воспитанников детских домов, о материальном уровне детских учреждений, которые, несмотря на все жалобы на недостаток белья, одежды и кроватей, все-таки должны были обеспечить выпускника всем вышеперечисленным. Вероятно, это входило в обязанности учреждения, так как подобных заявлений довольно много, писались они в разное время и в разных детских домах, однако вопрос о том, удовлетворялись ли такие просьбы-требования,

остаётся открытым. Тон, в котором написаны письма, дает возможность, в некотором роде, оценить восприятие воспитанником детского дома своего учреждения. Требовательность, отсутствие вежливо-просительных формул говорит о самостоятельности автора, его независимой позиции по отношению к учреждению, где он прожил какое-то время, вероятно принимая участие в общественной и хозяйственной жизни, о знании им своих прав, обязанностей по отношению к нему детского учреждения и, шире, государства. Авторы заявлений не отличаются стремлением к благотворительности: требуют наволочки, одеяла, кровати, не думая оставить их будущим беспризорникам, которые придут на их место. Не говорит ли это о поверхностности идей коллективизма, об одном только образе нового советского человека, создаваемого в стенах детских учреждений страны? На выходе из детского дома «детей революции» тут же обуревают индивидуалистические мещанские настроения. Хотя некоторые скромно ограничиваются ботинками. Интерпретация – один из самых важных и сложных этапов источниковедческого анализа, и правильно истолковать извлекаемую из документов информацию очень трудно.

С большим трудом поддаются интерпретации оценочные суждения авторов источников, особенно в отсутствии сопутствующих описаний, например: «Снабжение материалами: неудовлетворительно, водой: удовлетворительно, дровами: не вполне удовлетворительно» [7]. Или вот такая характеристика питания в Куртамышском детском доме: «Меню однообразное но доброкачественное» [10]. Что означает «доброкачественное»? Приготовленное из свежих ингредиентов? А недоброкачественное? Вообще оценить уровень питания очень сложно. Есть общие нормы питания, с которыми можно сравнить данные. Почти каждый детский дом приводит свое меню, но далеко не все из них указывают вес продуктов, который можно было бы сравнить с нормами. А если даже такие данные и приводятся, как отследить разницу между тем, что зафиксировано на бумаге и реальным питанием детей? Как вообще люди того трудного времени относились к питанию? Какой стол считался разнообразным, а какой скудным? Без ответа на эти вопросы очень трудно правильно истолковать текст источника.

Итак, имеющуюся документацию детских учреждений Курганского округа, используемую для изучения детской повседневности, можно разделить на три группы, согласно тому, чей взгляд на детство они отражают. Каждая из этих групп, соответственно, требует особых методов изучения.

К первой группе мы отнесли делопроизводственную документацию детских учреждений, среди которой, в свою очередь, выделяется еще две подгруппы. Во-первых, это документация школ и детских домов, которая ведется непосредственно их сотрудниками, контактирующими с детьми в силу своих профессиональных обязанностей. К ним относятся производственные планы, списки учащихся и учителей, отчеты. В них должна наиболее полно отражаться детская жизнь, в силу близости авторов к детям, однако такие документы могут отражать реальность предвзято, в них намеренно могут искажаться факты, чтобы скрыть негативные моменты. Во-вторых, это акты обследований школ и детских домов, проводимые сторонними лицами, не заинтересованными в выгораживании инспектируемого детского учреждения, а напротив, нацеленными на выявление недостатков для их дальнейшего устранения. Несмотря на то, что составляются такие акты по указанию выше-

стоящих инстанций, это делается непосредственно в детском учреждении или после его осмотра, в силу чего эти документы также выделяются близостью к непосредственному объекту нашего изучения. Можно считать эту подгруппу источников более достоверной, но нельзя забывать, что проверяющая комиссия зависима от документов первой подгруппы, так как во многом ее представление об учреждении складывается на основании их, а также от цепкости беглого взгляда на внешние особенности быта детей. Делопроизводственную документацию детских учреждений стоит рассматривать как массовый источник, строить выводы на основании нескольких из них бесосновательно. Сравнительный метод представляется в данном случае одним из важнейших, наряду с методами герменевтики и источниковедческого анализа.

Вторую группу составляют документы, отражающие взгляд на детство со стороны представителей власти. В нее входят постановления, резолюции, уставы, письма из центра в местные органы, контролирурующие детский вопрос. Для этих документов характерна отстраненность, идеализация советского детства и органов советской власти, способных это детство обеспечить деньгами и организовать согласно принципам коммунизма. Данный тип источников требует очень критического подхода, его нельзя использовать без сопоставления с источниками первой группы.

В третью группу мы выделили «детские документы», среди которых протоколы детских собраний, сближающиеся по характеристике с первой группой источников, но отличающиеся возрастной группой авторов, и заявления с просьбой выдачи вещей от детей, желающих покинуть детский дом. Они дают взгляд на детство изнутри, но очень скупы на информацию и стремятся к канонам взрослого письма. Эти источники требуют применения методов источниковедческого анализа и синтеза, герменевтики, сравнения с имеющимися источниками этой и других групп, методов, выработанных специалистами по чтению «детских текстов» и психологии детства.

Обращаясь к вышеперечисленным источникам по детской повседневности, необходимо использовать методы сравнения, герменевтики, источниковедческого анализа и синтеза. Вместе с тем исследователь должен решить ряд источниковедческих проблем, в особенности связанных с определением происхождения источника, оценкой его достоверности и процессом интерпретации. Но, несмотря на то, что делопроизводственная документация детских учреждений дает исследователю большое количество информации, она не освещает жизнь детей вне школ и детских домов и оставляет многие проблемы неосвещенными. Изучение детской повседневности Кургана и Курганского округа 1920-х годов требует расширения источниковой базы – привлечения материалов периодики, литературы, фотодокументов, музейных коллекций, устных источников.

Список литературы

- 1 Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. – Ек., 1999
- 2 Блок М. Апология истории или Ремесло историка. – М., 1986. – 18 с.
- 3 ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 4. л. 5, 61.
- 4 ГАКО Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 5. л. 24, 163.
- 5 ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 29. л. 16.
- 6 ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 31. л. 8.
- 7 ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 69. л. 160.
- 8 ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. л. 69.

9 ГАКО. Ф. Р–48. Оп. 1. Д. 165. л. 13, 16, 17.

10 ГАКО. Ф. Р–48. Оп. 1. Д. 198. л. 79.

11 ГАКО. Ф. Р–48. Оп. 1. Д. 199. л. 60, 112.

12 Журавлев С. В. *История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки* // А. Людтке. *История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти.* – М., 2010. – С. 3.

13 Ильсова А. В. «История повседневности» в современной российской историографии. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/Vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/Istoriografiya/Istoriya-povsednevnosti-v-sovremennoie-rossiieskoie-istoriografii.html> (время доступа 04.10.14).

14 Красный Курган. – 1924. – №61.

15 Красный Курган. – 1924. – №107.

16 Келли К. *Маленькие граждане большой страны»: интернационализм дети и советская пропаганда* // Новое литературное обозрение. – 2003. – №60. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html>. (время доступа 04.10.14).

17 Лелеко В. Д. *Пространство повседневности в европейской культуре.* – СПб., 2002.

18 Нуркина К. К. Категории «детство», «советское детство» и «повседневность» в историческом исследовании // Емельяновские чтения. Вып. 7. – Курган, 2014. – 82-84 с.

19 Сальникова А. А. «Детское письмо» как понятие и как явление культуры // *Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки.* – 2011. – №5. – С. 271-288. URL: http://kpfu.ru/publication?p_id=29107. (время доступа 04.10.14).

20 Lorraine de la Fe. *Empire's children: soviet childhood in the age of revolution.* Florida International University. – Miami, Florida, 2013. – 12 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.

Е.В. Алфеева
Курганский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния профессиональной деятельности на личностные особенности военнослужащих. В экспериментальном исследовании были выявлены специфические особенности развития личности военнослужащих и специфические взаимосвязи между личностными качествами, характерными для военнослужащих и гражданских мужчин среднего возраста.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, личностные особенности, стрессоустойчивость и социальная адаптация, готовность к риску, формы поведения, адаптационный потенциал военнослужащих, экстремальные условия, уровень невротизации, агрессивное поведение, акцентуированные черты, волевые качества личности.

E. V. Alfeeva
Kurgan State University

THE SPECIFICS OF THE PERSONAL DEVELOPMENT OF MILITARY PERSONNEL

Abstract. The article investigates the problem of influence of the professional activity on personal features of the military personnel. The pilot study identified certain specific features of the identity development in the military personnel and specific interrelations between personal qualities, characteristic for the military personnel and civil men of middle age.

Keywords: professional activity, personality traits, resistance to stress and social adaptation, readiness for risk, behavior patterns, adaptation potential of the military personnel, extreme conditions, neurotization level, aggressive behavior, accentuated traits, conative qualities of the personality.

Большая роль в жизни человека принадлежит профессиональной деятельности. Она участвует в социальном формировании человека, в его образе жизни и поведении. Становление профессионала обычно опирается на общее психическое развитие, осуществляется на его фоне и позднее его. Чем дальше продвигается человек по жизненному пути, тем более значительное место в структуре личности начинают занимать конфигурации свойств или черт, сформировавшихся как реакции индивида на свои собственные качества или формы поведения.

Процесс подстройки личности к особенностям военно-профессиональной деятельности затрагивает все аспекты функционирования человека. Не секрет, что успех профессиональной деятельности во многом зависит от особенностей личности военнослужащего. Весьма существенный вклад в изучение данной проблемы внесли советские психологи Б.М. Теплов, Б.Г. Ананьев, С.Г. Геллерштейн, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Н. Узнадзе и др.

Методологической основой нашего эмпирического исследования стали подходы А.Г. Маклакова, который определил понятие личностного адаптационного потенциала военнослужащих, и А.С. Кочеряна, рассматривающего поведение в эмоционально трудных ситуациях.

Целью исследования стало изучение специфического личностного развития военнослужащих. В качестве рабочей гипотезы мы предположили, что можно выявить специфические особенности развития личности военнослужащих и специфические взаимосвязи между личностными качествами, характерные для военнослужащих и гражданских.

Для решения поставленных задач и проверки гипотезы был использован комплекс методов, включающий теоретический анализ общей и специальной психологической и военной литературы по проблеме исследования; констатирующий эксперимент, количественный и качественный анализ полученных результатов. Использовался следующий психологический инструментарий: опросник диагностики стрессоустойчивости и социальной адаптации Т. Холмса и Р. Райха, методика диагностики степени готовности к риску Г. Шуберта, методика диагностики уровня невротизации Л.И. Вассермана, методика акцентуации характера и темперамента Г. Шмишека и К. Леонгарда, методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басс и А. Дарки, опросник «Диагностика эмоционально-волевой сферы личности» М.В. Чумакова.

Наше исследование проводилось в 2012-2014 годах в Кургане, Москве и Дербенте. Были обследованы 2 группы испытуемых. Средний возраст испытуемых по каждой выборке составил 28-30 лет. Одна из групп являлась основной в экспериментальном исследовании – военнослужащие-контрактники и группа гражданских мужчин, работающих на предприятиях и имеющих «мирные профессии», не связанные с повседневным риском и опасностями. Военная служба является видом человеческой деятельности, обладающим не только высокой социальной значимостью, но и выходящим за пределы обыденного, связанным с особыми условиями [1, 2].

Для подтверждения или опровержения первой части рабочей гипотезы о том, что существуют специфические особенности развития личности военнослужащих, мы сравнили результаты тестов между выбор-

ками «военнослужащие» и «гражданские» и посчитали достоверность различий между выборками с помощью непараметрического U-критерия Манна – Уитни.

Так как средний возраст мужчин по выборке около 30 лет, все они работают довольно длительное время. За это время профессия уже оказывает свое влияние на личностные, в том числе и характерологические особенности мужчин.

Мы выяснили, что в целом более ярко акцентированные черты выражены у гражданских мужчин. У военнослужащих более выражены такие черты, как застревание и педантичность. Обе эти черты связаны со стабильностью в чувствах и поведении, а это является, с нашей точки зрения, следствием их профессиональной деятельности, когда нельзя принимать необдуманные и скоропалительные решения, ведь от этого может зависеть жизнь людей.

Статистически достоверные различия проявились в снижении у военных таких черт, как гипертимичность, дистимичность, демонстративность и экзальтированность. Все эти черты характера связаны либо с недостатком ответственности, либо с зависимостью поведения от эмоций, что недопустимо в военной профессиональной деятельности.

Мы уже обсуждали выше, что военная служба относится к видам деятельности, которые всегда связаны с экстремальными условиями и элементами риска для жизни. Этот факт приводит к изменению поведения человека, в том числе и к специфике проявления агрессивного поведения. Если рассматривать особенности проявления агрессивности, то применение физической силы у военнослужащих значительно выше, чем у мужчин «мирных профессий», которые, видимо, боятся вступать в «реальное силовое» выяснение отношений. Для гражданских в большей мере свойственно проявление вербальной и косвенной агрессии, т.е. нанесение удара в спину либо выплеск ее на предметы, а не на людей, а также раздражительность. Военнослужащие предпочитают выплескивать свой гнев непосредственно на объект раздражения, но при этом им более свойственно чувство вины. Мы обнаружили статистически достоверные различия по шкалам: вербальная агрессия и чувство вины (5% уровень значимости), физическая агрессия (1% уровень значимости).

По методике диагностики уровня невротизации и стрессоустойчивости и социальной адаптации значимых различий между выборками выявлено не было, но в целом уровень невротизации у военнослужащих мужчин ниже, чем у гражданских. Возможно, это связано с привычностью преодоления стрессовых ситуаций и стойкостью и закаленностью людей, несущих воинскую службу. А вот по степени готовности к риску проявились значимые различия на 5% уровне достоверности. Причем военнослужащие менее склонны к риску, чем гражданские мужчины. Очевидно, когда риск выступает как повседневная деятельность человека, его меньше привлекает необоснованный риск в жизни вообще.

Мы выяснили также, что волевые качества личности лучше развиты у военнослужащих. У мужчин «мирных профессий» лучше развиты только самостоятельность (1% уровень значимости) и внимательность (тенденция). Остальные качества лучше выражены у военнослужащих, причем, по инициативности, ответственности, выдержке и энергичности различия статистически достоверны. Все эти качества активно формируют еще в процессе обучения в военном вузе, а дальше они усиливаются в процессе профессиональной деятельности [3]. Все эти качества напрямую

связаны с выполнением военных задач, а вот излишняя самостоятельность может привести к нарушению субординации.

Итак, мы выявили статистически достоверные различия между мужчинами военнослужащими и мужчинами «мирных профессий», то есть первая часть нашей рабочей гипотезы полностью подтверждается.

Далее мы провели корреляционный анализ по выборкам, чтобы посмотреть, есть ли различия во взаимосвязях личностных особенностях у военнослужащих и у гражданских мужчин, и подтвердить или опровергнуть вторую часть нашей рабочей гипотезы. Кроме того, мы посмотрели взаимосвязи по всей выборке, чтобы выявить «мужскую» составляющую личности. При проведении корреляционного анализа были выявлены средние и сильные взаимосвязи между показателями. Мы провели анализ и выявили различия между мужчинами военнослужащими и мужчинами мирных профессий.

Мы выяснили, что в целом по выборке и для мужчин «мирных профессий» ведущими оказываются акцентированные характерологические черты. И готовность к риску и формы проявления агрессии у них взаимосвязаны с дистимичной, демонстративной, экзальтированной и возбудимой акцентуациями характера. А у военнослужащих основообразующими являются волевые качества личности (ответственность, инициативность и выдержка), именно с ними взаимосвязаны готовность к риску, формы агрессии, уровень невротизации и формы агрессивного поведения.

Таким образом, наша гипотеза полностью подтвердилась. Данные исследования и выводы могут быть использованы для профилактики профессиональных деформаций; исследование может иметь значение в реализации индивидуального подхода в коррекционной работе; для повышения общей психологической культуры военнослужащих и развития навыков эффективного преодоления кризисных ситуаций.

Список литературы

- 1 Маклаков А. Г. *Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях* // Психологический журнал. – 2001. – Т.22, №1. – С. 16-24
- 2 Психология и педагогика. *Военная психология : учебник для вузов / под ред. А. Г. Маклакова. – СПб. : Питер, 2007. – 464 с.*
- 3 Психология экстремальных ситуаций : хрестоматия / сост. А. Е. Тарас, К. В. Сельченко. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. – 480 с.

С.В. Духновский

Курганский государственный университет

«ПАТОЛОГИЯ» МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются феномены патологии межличностных отношений. Показано, что феноменами дисгармоничных межличностных отношений как проявлений «патологии» отношений выступают безответная любовь, эмоциональная созависимость и интеракционная зависимость личности: любовная, сексуальная, а также зависимость от типа отношений с другими людьми.

Ключевые слова: межличностные отношения, гармония и дисгармония, патология, любовь, зависимость, интракционная зависимость.

S.V. Duhnovsky
Kurgan State University

«PATHOLOGY» OF INTERPERSONAL RELATIONS AS AN ELEMENT OF THE SOCIOCULTURAL LIFE OF THE PERSON

Abstract. The article examines the phenomenon of interpersonal pathology. The research identified various phenomena of disharmonious interpersonal relationship, as manifestations of pathology in relations. They are unrequited love, emotional codependency and interactional personality dependence of the following types: love, sex, and the dependence on the type of relationship with other people.

Keywords: interpersonal relations, harmony and disharmony, pathology, love, dependence, interactional dependence.

Отношения между людьми являются важной составляющей человеческого существования. Характер отношений с другими людьми во многом определяет переживание благополучия, комфорта и удовлетворенность жизнью в целом. Тем не менее отношения между людьми могут носить как гармоничный, так и дисгармоничный характер.

В представленной статье речь пойдет о дисгармонии межличностных отношений, которая в крайних своих вариантах выступает как их «патология». Определимся с понятиями: какие отношения будем считать гармоничными, а какие нет.

Гармония межличностных отношений представляет собой взаимную удовлетворенность отношениями, постоянный диалог, открытость, контакт, настрой друг на друга, заботу о благополучии партнера, отказ от всякого манипулятивного контроля и стремления к превосходству над ним, включение в самоценный контакт. Дисгармония межличностных отношений (их «патология») представляет собой отсутствие доверия, понимания, эмоциональной близости между взаимодействующими субъектами, напряжение и дискомфорт, возникающие в совместной деятельности, напряженность, отчужденность, конфликтность и агрессивность в отношениях, переживание одиночества субъектами отношений [3].

Патология – «болезненное отклонение от нормы» [9, 453]. Однако с учетом того, что норм в отношениях не существует, мы будем употреблять его как образное описание форм отношений, которые могут приводить (и отражать) к невротизации психосоматизации взаимодействующих субъектов.

Считаем, что феноменами дисгармонии как проявления «патологии» отношений выступают:

- безответность в любовных отношениях;
- эмоциональная созависимость в межличностных отношениях;
- интеракционная зависимость субъектов отношений.

Свое подлинное человеческое существование человек обретает в любви. Любовь есть утверждение существования человека; это пристрастное «открытие» другого человека и самого себя. Однако, как указывает Н.А. Бердяев, греховная диалектика человеческих чувств всегда так ужасна, что она способна все чувства, обладающие высшей ценностью, превратить в ложь и зло. Даже самая идея любви может стать ложью и злом и порождать великие несчастья [1].

Несмотря на то, что любовь является неотъемлемой частью человеческих отношений, она не всегда бывает взаимной. На основании проведенных исследований А.М. Руденко описывает следующие **причины безответности в любовных отношениях:**

- 1 Несовместимость между людьми.
- 2 Нарушение принципа «ровни». «Часто любовь – это не что иное, как взаимовыгодный обмен между двумя людьми, при котором участники сделки получают максимум из того, на что они могут рассчитывать, принимая во внимание их ценность на рынке личностей», – полагает Эрих Фромм [10].

3 Игнорирование закона вознаграждаемых отношений. «Нас привлекают те, кто чем-то нас вознаграждает или кто ассоциируется у нас с каким-либо вознаграждением. Если взаимоотношения щедро вознаграждают нас и с лихвой покрывают все наши издержки, такие взаимоотношения будут нам нравиться, и мы будем желать их продолжения» [10, 256].

- 4 Отсутствие любви к себе.
- 5 Одностороннее удовлетворение потребностей.
- 6 Противоречия с детскими сценариями.
- 7 Одержимость.
- 8 Незнание или нарушение законов межличностных отношений, среди которых Т.А. Флоренская описывает следующие [13, 221-222]:

- наше отношение к людям, внешнее и внутреннее,

определяет и их отношение к нам (закон взаимности);

- отношение к людям также зависит и от того, способствуют ли они или, напротив, препятствуют удовлетворению ваших потребностей и интересов;

- наше отношение к окружающим определяется и тем, как они относятся к значимым для нас людям, к тем, кого мы сами любим или ненавидим (закон эмоционального соответствия отношений);

- наше отношение к конкретному человеку зависит от психологического состояния в данный момент времени, в частности от настроения (закон соответствия внутреннего настроения и внешнего отношения человека);

- отношение к человеку может определяться и тем, каков его образ, сложившийся в нашем представлении: положительный или отрицательный (закон соответствия образа и отношения к человеку);

- многое в вашем отношении к человеку может зависеть от того, похож или не похож он на вас, и, кроме того, от того, как вы относитесь к себе (закон соответствия отношения человека к себе и к другим людям);

- наше отношение к некоторому человеку может определяться тем, похож он или не похож на тех людей, к которым у нас уже сложилось определенное отношение (закон соответствия отношения опыту).

9. Незнание или нарушение «законов» любви, среди которых Т.И. Иванюк описывает следующие:

- Страстная любовь исчезает, когда отношения между людьми становятся предсказуемыми, чувства переходят в рядную обыденности. Любовь, особенно пылкая и страстная, не терпит монотонности, однообразных застывших отношений, которые ведут к скуке. Любовь не терпит однообразия.

- Любовь усиливается при наличии препятствий и уменьшается при отсутствии последних, когда все идет слишком гладко.

- Любовь существует, пока существует зависимость от партнера, то есть боязнь его потерять. Когда у человека появляется твердая уверенность в любви партнера к себе, он успокаивается. При этом его собственная любовь к партнеру ослабевает.

- Типичное желание полностью покорить партнера в случае его удовлетворения приводит к охлаждению чувств.

- Некоторая холодность одного из партнеров до определенной степени усиливает любовь другого. У него появляется желание добиться любви во что бы то ни стало. Но при этом должна оставаться надежда на взаимность, без малейшей надежды на ответное чувство любовь, как правило, угасает.

- Соперничество усиливает любовь [5, 52-53].

10 Отсутствие популярности у лиц противоположного пола.

Как отмечает А.М. Руденко, «вывод, который напрашивается из всего вышперечисленного, можно метафорически выразить следующим образом: после установления диагноза болезни, необходимо приступить к ее лечению. И в этом смысле установка страдающего от несчастной любви на саморазвитие, самосовершенствование, изменение себя в лучшую сторону, является лучшим лекарством» [10, 260-261].

Далее обратимся к такому феномену «патологии» отношений, как эмоциональная созависимость, которая имеет место в межличностных отношениях, и в нашем контексте она выступает как своего рода «патология» отношений. Традиционно созависимость понимается как зависимость супруга, детей или родителей от члена семьи, пристрастившегося к наркотикам или алкоголю (которого называют *зависимым*). Однако, как указывает

Е.В. Емельянова, это только частный случай созависимых отношений [4]. В широком смысле слова, созависимость – это одна из форм интеракционной зависимости одного человека от значимого для него другого человека, проявляющейся в эмоциональной форме. Полагаем, что любые значимые отношения рожают определенную долю эмоциональной созависимости. Е.В. Емельянова считает, что это обусловлено следующими моментами. Во-первых, впуская в свою жизнь близких людей, мы обязательно реагируем на их эмоциональное состояние, а во-вторых, мы приспосабливаемся к их образу жизни, вкусам, привычкам, потребностям [4].

Считаем, что в гармоничных отношениях каждый из субъектов имеет пространство для удовлетворения своих собственных потребностей, возможности для достижения собственных целей и личностного роста.

В созависимых отношениях личного пространства у субъекта практически не остается, его жизнь поглощена жизнью партнера, тем самым он теряет свою автономию, он начинает «растворяться» в своем партнере.

Е.В. Емельянова считает, что одной из причин созависимости является «вторжение» в психологическую территорию одним из партнеров. При взаимодействии людей друг с другом их психологические территории (или границы территорий) приходят в соприкосновение: они могут пересекаться, подвергаться оккупации, уважаться или насильственно ограничиваться [4]. Как указывает С.К. Нартова-Бочавер, психологическое пространство личности – «субъективно значимый феномен бытия, т.е. существенный, выделяемый из всего богатства проявлений мира и определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Психологическое пространство включает комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек отождествляет себя (территория, предметы, привязанности, установки). Они становятся значимыми для субъекта, когда приобретают личностный смысл, и поэтому границы психологического пространства охраняются физическими и психологическими средствами» [8, 30].

Свойствами психологического пространства, согласно С.К. Нартовой-Бочавер, являются:

1 Человек ощущает пространство как свое, присвоенное или созданное им самим и поэтому представляющее ценность.

2 Человек имеет возможность контролировать и защищать все, находящееся и возникающее внутри пространства, таким образом реализуя свое чувство авторства (то, что не поддается контролю, отторгается, становится объектом вне личного пространства субъекта). Человек дистанцируется, отдаляется и в крайних формах отчуждается от окружающего природного, социального мира.

3 Психологическое пространство существует естественно и не рефлексируется без возникновения проблемных ситуаций, оно «прозрачно» и потому с трудом поддается описанию.

4 Важнейшей характеристикой пространства является сохранность его границ [8].

Созависимость предполагает нарушение границ личного пространства и «оккупацию» психологической территории партнера.

Нарушение границ психологической территории предполагает насильственное воздействие одного человека на другого. Целью такого воздействия – изменение у партнера системы представлений о себе, своих возможностях, ресурсах и своем месте в мире,

изменить правила и принципы, навязать чуждые цели и способы их достижения, а также самовольное использование и присвоение физической территории другого человека или его предметов физического мира. *Оккупация психологической территории предполагает* то же воздействие, что и при нарушении границ, но осуществляемое во всех сферах жизни человека и с гораздо большей степенью интенсивности [4].

Таким образом, «патология» отношений как проявление созависимости личности предполагает и вторжение, и оккупацию психологического пространства одного из субъектов. Далее рассмотрим **формы созависимых отношений**. Е.В. Емельянова выделяет следующие:

1 *Любовь через отказ от собственного суверенитета и растворение своей психологической территории в территории партнера.*

2 *Любовь через поглощение психологической территории партнера, через лишение его суверенитета.*

3 *Любовь через абсолютное владение и разрушение психологической территории объекта любви.*

4 *Любовь через отражение в партнере* [4].

Как отмечает Е.В. Емельянова, во всех рассмотренных способах взаимодействия любовь является способом компенсировать собственную недостаточность, а партнер – объектом, который призван дополнить эту недостаточность до целостного «Я». Задача невыполнимая, поскольку ощущение целостности может быть устойчивым только в результате развития внутриличностных ресурсов. В противном случае потребности в подтверждении своей целостности и значимости со стороны других людей становится ненасыщаемой.

Несмотря на отмеченное выше, перед нами встал вопрос: всегда ли созависимость как отражение «патологии» любви является отражением дисгармоничности отношений? Существуют ли пары, которые «живут» созависимыми отношениями и не нуждаются (по их субъективному мнению) в профессиональной психологической помощи по гармонизации отношений? Осознают ли взаимодействующие субъекты свою созависимость? Полагаем, что такие пары существуют. На наш взгляд, ответом на вопросы будет являться выявление степени (уровня, глубины) этого феномена. Считаем также, что повышение уровня (глубины) созависимости может переходить в интеракционную зависимость.

Рассмотрим феномены зависимого поведения как проявления «патологии» межличностных отношений, которые, на наш взгляд, непосредственно связаны с отношениями личности. Как указывает А.В. Смирнов, «в зависимости от особенностей методологии, лежащей в основе исследований аддиктивного поведения, в его определение авторами вносятся некоторая специфика, однако сущность феномена аддиктивного поведения при этом не изменяется» [12, 13]. Приведем несколько наиболее часто встречающихся определений понятия **«зависимое (аддиктивное) поведение»**.

Аддиктивное поведение – это «стремление к уходу от реальности, посредством изменения своего психического состояния... Уход от реальности путем изменения психического состояния может происходить при использовании разных способов... Проблема аддикции начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности» [6, 291-292].

Аддиктивное поведение – это «стремление ухода от тягостной реальности путем искусственного изменения своего состояния за счет поддержания определен-

ных видов деятельности и уровня интенсивности эмоций путем приема некоторых веществ» [11, 29].

Аддиктивное поведение – это «один из типов девиантного (отклоняющегося) поведения с формированием стремления человека к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций» [7, 34].

Применительно к «психологии» отношений личности, в частности к психологии межличностных отношений, будем использовать понятие **интеракционная зависимость**, которая будет проявляться в зависимости от людей и отношений, любовной и сексуальной зависимости. Остановимся на них подробнее.

Зависимость от людей и отношений характеризуется болезненно навязчивой привычкой человека к определенному типу отношений и к отношениям с определенными людьми или группой лиц и наличием ведомости и зависимости от значимых лиц [12]. Как указывает А.В. Смирнов, аддикция отношений может проявляться в следующих поведенческих и личностных особенностях аддикта:

1 Сильная эмоциональная зависимость от группы или значимого лица.

2 Неспособность быть одному, стремление быть в группе или стремление постоянно убеждаться в надежности, сохранности отношений со значимым лицом.

3 Ориентация в поведении на мнение группы или значимого лица.

4 Стремление в важных жизненных ситуациях, ситуациях принятия ответственных решений искать помощи, поддержки и опеки со стороны значимых лиц. Также характерно стремление вообще избегать ситуаций принятия ответственных решений.

5 Потребность в поддержке и одобрении со стороны группы или значимого лица.

6 Отсутствие инициативы и смелости в выборе собственной манеры и стиля поведения в новых, непривычных ситуациях.

7 Стремление развивать только позитивные и бесконфликтные отношения с окружающими, стремление «всем нравиться».

8 Отмечается неспособность противостоять чужому давлению, желание уходить от конфликтных ситуаций межличностного взаимодействия [12].

Любовная зависимость (проявляется любовью к недоступному объекту (знаменитому артисту, с которым нет реальных контактов, чужой супруг или супруга), либо к человеку, который отказал во взаимной любви, или с которым официально прекращены брачные отношения» [12, 23]. «Поведение таких лиц часто ведет к нарушению социальных связей, а иногда может становиться социально опасным, когда порождает сверхценную ревность и в связи с этим агрессивное поведение к объекту неразделенной любви или к сопернику» [2, 63].

В отношениях такие субъекты ожидают безусловного положительного отношения к себе со стороны объекта любви, не реагируя на критические суждения о происходящих событиях, связанных с его отношением с объектом «любви»; они перестают заботиться о себе и думать о своих потребностях, не зависящих от отношений с объектом своей привязанности. Как отмечает Ц.П. Короленко, «с одной стороны, аддикт сознательно стремится к интимности и близости с объектом зависимости, но одновременно избегает их, так как боится “раскрыться в неприглядном свете” в глазах объекта

любви. Наличие такого конфликта на сознательном уровне сопровождается страхом одиночества и покинутости, на бессознательном уровне – страхом отношений» [6, 304].

Сексуальная зависимость представляет собой неспособность контролировать сексуальные чувства, управлять ими или откладывать их, а часто и выбирать место, время и обстоятельства удовлетворения сексуальных потребностей. Зависимость сопровождается повторяющимся, навязчивым поиском атмосферы, обстоятельств, возможностей или деятельности, способствующих половому возбуждению и удовлетворению, несмотря на явно негативные социальные, психологические и физические последствия [12].

Как отмечает Ц.П. Короленко, сексуальный аддикт ведет двойную жизнь, он перестает интересоваться другими вещами, не заботится о своем здоровье, ему становится трудно преодолевать житейские трудности. «Неуспех» сексуального характера очень травматичен для таких субъектов и может вызвать аутодеструктивные и агрессивные действия, которые могут сочетаться со злоупотреблением алкоголя и других психоактивных веществ [6].

На основании проведенного теоретического исследования правомерно сделать следующее заключение. Зависимость или тенденция к зависимости будет свидетельствовать о «патологии» межличностных отношений, если она имеет место у обоих взаимодействующих субъектов. В тех же случаях, когда она выражена только у одного партнера, он будет стремиться сократить дистанцию с объектом своей привязанности, тогда как второй партнер в силу этого, будет удаляться от него, что также будет говорить о дисгармонии («патологии») отношений. Полагаем, что здоровые, гармоничные, зрелые межличностные отношения должны строиться не на потере себя, а на резонансе друг с другом. Гармоничные отношения – это обоюдное «соделывание» друг друга.

Список литературы

- 1 Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ; Харьков : Фолио, 2003. – 701 с.
- 2 Ворошилин С. И. Психогенетический и этологический подходы к классификации не химических (поведенческих) зависимостей // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире : сборник науч. работ / отв. ред. С. А. Минюрова. – № 2. – 2009. – С. 59.
- 3 Духновский С. В., Овчарова Р. В. Гармония и дисгармония межличностных отношений субъектов образовательного процесса : монография. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – 296 с.
- 4 Емельянова Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. – СПб. : Речь, 2004. – 368 с.
- 5 Иванюк Т. И. Феномен любви. – М. : TOP, 2003.
- 6 Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 1991. – №1 – С.8-15
- 7 Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. – М. : МЕДпресс, 2001. – 432 с.
- 8 Нартова-Бочавер С. К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. – 2003. – №6. – С.27-36.
- 9 Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Сов. энциклопедия, 1972. – 846 с.
- 10 Руденко А. М. Основные психологические причины безответности в любовных отношениях // Актуальные вопросы теории и практики психологии отношений : материалы всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 17 июня 2011 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; науч. ред. С. А. Минюрова, С. В. Духновский. – Екатеринбург, 2011. – С.255-261.

11 Семке В. Я. Аддиктивная личность в зеркале персонологии // Наркология. – 2002. – № 1. – С. 27-34.

12 Смирнов А. В. Опросник диагностики аддикций «ОДА-2010» : методическое пособие. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – 208 с.

13 Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии: наука о душе. – М. : Изд-во ВЛАДОС, 2001.

УДК 316.472.4

Е.Г. Ефимов

Волгоградский государственный технический университет

Е.В. Селиванова

Курганский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУППОВЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема аддиктивного поведения в интернет-сетях. Авторы приходят к выводу, что в социальных сетях аддиктивные процессы имеют свою специфику. Основное внимание в работе автор акцентирует на анализе результатов фокус-групповых интервью. На основе их изучения установлено различие между активным и пассивным использованием социальных сетей. Обосновываются причины низкого аддиктивного потенциала социальных сетей и их иного характера.

Ключевые слова: аддикция, фокус-группа, социальные сети, девиация, ВКонтакте.

E.G. Efimov

Volgograd State Technical University

E.V. Selivanova

Kurgan State University

THE FEATURES OF THE ADDICTIVE BEHAVIOUR IN SOCIAL NETWORKS (BASED ON FOCUS GROUP INTERVIEWS)

Abstract. The article considers the problem of the addictive behavior in the Internet networks. The research shows that addictive processes have certain specificity when connected to social networks activity. The main attention is brought to the analysis of the results of the focus group interviews. The study identified the distinction between the active and passive use of social networks. The

work proves the reasons for low addictive potential of social networks and their different character.

Keywords: addictive, focus group, social networks, deviation, VKontakte.

Одной из актуальных проблем, активно изучаемых в последнее время в связи с развитием интернета, становится проблема интернет-аддикции. Актуальность этой темы объясняется как количественными, так и качественными аспектами. Во-первых, речь идет о росте пользователей интернета в целом, и молодежи в частности. Являясь наиболее активными пользователями новых технологий, юноши и девушки одновременно образуют наиболее опасную группу с точки зрения развития аддиктивных процессов. Во-вторых, аддикция к интернету способствует трансформации многих областей человеческого мышления и, соответственно, поведения. Круг исследований сфер влияния аддиктивного поведения сегодня достаточно широк: от эмоционального состояния до успеваемости в учебном процессе.

Несмотря на большее количество исследований, появляющихся по этой теме, на наш взгляд, преобладает негативное отношение к интернет-аддикции как форме девиантного поведения. Указывается, что подверженные зависимости входят в «измененное состояние сознания» [1], или, как говорил М. Маклюэн, «состояние оцепенения» [3, 71]. С психологической точки зрения, для описания зависимых используются такие понятия, как «шизоидный тип» [2]. Отмечается, что интернет-зависимость отличается тем, что формируется в короткий срок. За счет виртуальной реальности человек осуществляет те цели, которых не смог добиться в реальной жизни [6]. При этом исследователи указывают на тот факт, что риски интернет-аддикции заключаются в дезадаптации на социальном уровне и в падении эмоционального интеллекта на психологическом уровне [4].

На наш взгляд, одним из недостатков исследований аддикции является то, что она в большинстве исследований рассматривается как общее понятие без учета различий ресурсов интернета. На сегодняшний день существует множество форм интернет-ресурсов (от он-лайн игр до электронной почты), каждый из которых обладает собственными характеристиками, что не может не влиять на особенности повседневных практик и аддиктивного поведения. В своем исследовании Н.С. Первушина и И.А. Чудовой предлагают разделять понятия «аддикция» и «аддиктивность». Под последней понимается свойство воспринимать мир интернета как реальность. При этом исследователи предлагают разделять использование интернета как инструмента повседневности и как способа конструирования новой реальности. В ходе исследования формирования картины мира среди лиц с интернет-аддикцией было установлено, что нет эмпирически однозначной дихотомии между пользователями и непользователями интернета [5].

Одним из наиболее динамично развивающихся секторов интернета на сегодняшний день являются социальные сети. За короткий срок сети стали неотъемлемой частью повседневных практик миллионов людей по всему миру. Лидирующая по количеству пользователей сеть Facebook приобрела миллиард пользователей к 2012 г. В России лидирующая сеть «VKontakte» имеет 260 миллионов зарегистрированных пользователей. Исследователи отмечают, что сети подобного типа, в отличие от других ресурсов интернета, обладают более высокой социальной составляющей. Поскольку пользователи в сети устанавливают контакты и обмениваются информацией, им необходимы особые социаль-

ные маркеры, которые позволяют установить личность пользователя. Этими маркерами могут быть количество друзей, фотография профиля, данные о себе и т.д. В сетях гораздо больше, чем в других ресурсах, пользователи размещают большое количество достоверной информации о себе.

Принципиальным отличием сетей становится, таким образом, отсутствие их понимания пользователями как некоей «виртуальной» реальности. Американский антрополог Ш. Теркл вторую часть своей книги «Одиночество вместе» (Alone Together) посвящает исследованию синтеза социальных сетей с повседневными практиками человека. Прежде всего, социальные сети дают возможность балансировать на грани реальности и фантазии: человек отражает там свою жизнь, но при этом частично моделирует свою идентичность. Это оказывается гораздо привлекательнее виртуальных миров (к примеру, игровых), где происходит полная замена своей личности вымышленным образом. Кроме того, современные гаджеты позволяют человеку быть всегда «включенным», всегда присутствовать в своем мире. Мобильный телефон или смартфон позволяет освободиться от ограничений, налагаемых телевизором, стационарным компьютером или телефоном, позволяя не быть привязанным к месту и времени для получения необходимой информации.

Незаметно социальные практики, связанные с пребыванием в сети, стали вытеснять привычные модели поведения. Верующая женщина, для которой утренняя и вечерняя молитвы стали прелюдией к проверке почтового ящика; американские студенты во время ознакомительной поездки в Испанию, не покидавшие свои социальные сети и в итоге не запомнившие ничего о поездке; проверка почты и общение в сети в любой свободный момент, в том числе за обеденным столом и на лекционных занятиях; человек, совершивший неприличный поступок и извиняющийся за это изменением статуса в социальной сети; девушка, оповещающая свою сестру о смерти матери через СМС, – эти и многие другие примеры приводит в своей книге Ш. Теркл. Сейчас сети и гаджеты уже представляют единое целое с человеком, иногда делая невозможным четкое понимание того, что для него является реальным в данный момент. «Когда кто-то держит в руках телефон, – пишет Ш. Теркл, – иногда трудно понять, обращает ли он на вас внимание. Родитель, коллега или ребенок, мельком взглянув на экран, "теряются" в другом месте, часто сами не понимая, что они "не здесь"» [7, 206-224].

С целью исследования мнения пользователей социальных сетей нами были проведены фокус-групповые интервью среди студентов Волгоградского государственного технического университета, а в качестве контрольной группы выступили студенты Курганского государственного университета. Вопрос об аддикции прямо не был сформулирован (латентное кодирование). Технические параметры проведенных интервью приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Фокус-группы по проекту «Социальные сети»

Дата	Курс	Кол-во	м/ж
ВолгГТУ			
3.10.2013	2	10	4/6
7.10.2013	4	10	3/7
10.10.2013	2	9	3/6
17.10.2013	1	10	5/5
17.10.2013	5	9	2/7

Продолжение таблицы 1

23.10.2013	5	8	3/5
КГУ			
09.12.2013	2, 4	8	6/2

Студенты в целом не разделяли представления об аддикции как форме девиантного поведения, которое высказывается в ряде исследований. Также они подчеркивают, что зависимость в отношении сетей не является ярко выраженной:

«Мне кажется, сейчас уже нет такой проблемы, как зависимость от интернета, это вот было года... лет 5 назад...» (Евгения, КГУ)

«Есть мнение, что социальные сети вытесняют естественное общение, но это не так и все зависит от человека. Если он настроен общаться с людьми, а не проводить время у компьютера, он так и сделает. Если он настроен общаться с людьми, ему ничто не помешает это сделать. Это самое оптимальное и удобное средство для времяпрепровождения». (Олег, ВолГТУ, 2 курс)

Не относя себя к зависимым, студенты отмечают посещение сетей как повседневную практику:

«У меня есть такая привычка: сразу после пробуждения обновлять свою страничку "ВКонтакте". Вдруг кто-то написал...интересно же...иногда просто бывает ждешь очень и внезапно уснул, поэтому сразу после пробуждения, нужно обновить». (Анатолий, КГУ).

Однако частота пребывания в социальных сетях не означает их активного использования. Часто они работают в фоновом режиме, как мессенджер или проигрыватель музыки.

«Я он-лайн, но не 24 часа я сижу. Ты просто высвечиваешься он-лайн и все друзья и знакомые видят. Ты в любой момент можешь зайти в социальные сети. Ты, когда в социальных сетях, регистрируешься, тебе приходит объявление, в случае, если тебе пишут, а ты отвечаешь». (Петр, ВолГТУ, 2 курс)

«"ВКонтакте" я сижу 1-2 часа в будний день, обычно когда мне надо написать кому-то очень плотно или с кем-то связаться. Так же могу включить музыку и уйти по комнате куда-то делать». (Соня, ВолГТУ, 1 курс)

«Ну вот у меня никогда такой привычки не было, чтобы постоянно вот там находиться, но вот все равно время от времени приходится заходить, потому что мало ли что важное действительно написали, разное может быть и мне никто не будет персонально там знаете ли звонить по какому-либо поводу, если это вот не очень такой прям горящий случай, но просто можно что-то пропустить допустим, но это не значит, что я постоянно там сижу...» (Марина, КГУ)

Также следует отметить, что социальные сети используются как аналог коммуникатора, поскольку не требуют никакой специальной оплаты, в отличие от использования мобильной связи. Это более экономически выгодно и позволяет значительно сокращать расходы студентов.

«Чаще всего захожу на сайте "ВКОНТАКТЕ". Днем, если есть WiFi, захожу с телефона, а вечером, чтобы проверить новостную ленту. Прочитать, музыку послушать. В выходные чаще, но также в фоновом режиме, пока делаю какой-либо реферат». (Гульнара, ВолГТУ, 4 курс)

«У меня тоже практически всегда открыт ВК, и он работает в фоновом режиме. Я там слушаю музыку, когда занимаюсь своими делами. Так же, когда приходит сообщение, я услышу и зайду, отвечу. Так же могу зайти, посмотреть новости». (Тата, 2 курс, ВолГТУ)

Студенты отмечают, что социальные сети облада-

ют системой настроек, благодаря которым можно ограничивать себя от нежелательной информации. Таким образом, говорить об аддикции и деградации как связанных понятиях не представляется корректным:

«Мне кажется нет, если грамотно ими пользоваться, то есть вот например, все равно же вот в соцсетях можно формировать какую-то определенную линию информации, т.е. подписываешься на определенные сообщества, которые тебе там нужны, элементарно там оградил себя...ну скажу простым языком от "быдло-пабликов" вот и живи себе нормально, не деградируй. По мне это так. Отсекать ненужную информацию». (Евгения, КГУ)

«Да, мы ограничиваемся от разной там рекламы, от разных приложений, просто выбираем в сети то, что нам нужно...то есть по делу музыка, видео, подделки всякие...кто-то на ремонт подписывается» (Екатерина, КГУ).

«"ВКонтакте" можно поставить приватность и какие-то сообщения тебе не будут присылаться. В «Одноклассниках» такого нет. А в "ВКонтакте" можно так настроить, что тебе они не будут приходить. Можешь ограничить, занести в черный список». (Настя, 1 курс, ВолГТУ)

Также респонденты отмечают, что в случае невозможности посещения социальных сетей это не вызывало у них какого-либо дискомфорта.

«Я могла бы отказаться от "ВКОНТАКТЕ", потому что у меня не было интернета и провела неделю без "ВКОНТАКТЕ" и чувствовала себя прекрасно». (Юля, ВолГТУ, 4 курс)

«В обычной жизни это нужная вещь в плане общения, но если его вдруг не станет, ничего кошмарного не случится и я могу обойтись без нее». (Соня, 1 курс, ВолГТУ)

«Этим летом очень редко сидела "ВКонтакте" и было очень хорошо». (Оля, 1 курс, ВолГТУ)

«Когда я ездила на неделю в другой город, у меня не было ничего. Вообще супер». (Ольга, КГУ)

«Вообще не проблема для меня...есть много других способов развлечься, на коньках там покататься например, а по работе телефон тогда уж...». (Анатолий, КГУ)

На наш взгляд, социальные сети обладают низким аддиктивным потенциалом из-за недоверия, которое они вызывают. Респонденты отмечали, что настороженно относятся к размещению информации в сетях и пребыванию в них, поскольку сети не могут гарантировать конфиденциальность и приватность в полной мере:

«Когда я устроилась на работу, мне сразу сказали, что соцсети просматриваются, т.е. все, что я напишу в соцсетях, там будет кому-нибудь видно короче... службам безопасности и все такое, но не знаю, мне, например, пофиг, т.е. я как общалась в соцсетях, так и общаюсь, я могу там пошлые картинки какие-то отправлять...». (Евгения, КГУ)

«Когда мы регистрировались, мы все прекрасно всё понимали. Т.е. если так боишься, что твою переписку будут читать, то используй другие методы общения. Письма с голубыми отправляйте там, не знаю, с Почтой России». (Евгения, КГУ)

«Бывает нужно защититься не от ФБР и прочих служб безопасности, а от своих родственников и других случайных пользователей твоего компа». (Анатолий, КГУ).

В качестве вывода мы можем выделить несколько особенностей как повседневных практик в социальных сетях, так и аддиктивного поведения в них. Во-первых, социальные сети отличаются от других ресурсов интернета большей долей «социального», т.е. достоверной

информации как социальных маркеров, обеспечивающих взаимодействие. Поэтому для пользователей социальных сетей понятие «виртуального» и «реального» не так четко дифференцировано, как для пользователей других ресурсов. Во-вторых, как показали результаты фокус-групповых интервью, аддиктивное поведение в сети имеет ряд особенностей. Появление в социальной сети является повседневной практикой респондентов, но лишение доступа к ней не вызывает у них панических настроений. Кроме того, с технической точки зрения время, проведенное в сети, не означает ее активного использования. Сеть может использоваться как аналог плеера или электронной почты. Также низкий уровень аддиктивности к сетям, о котором упоминали респонденты, связан в том числе с низкой степенью доверия к этим ресурсам с точки зрения приватности и конфиденциальности.

Список литературы

- 1 Воробьева Т. В. Интернет-аддикция как фактор влияния на психическое состояние студентов // *Наука XXI века: вопросы, гипотезы, ответы.* – 2014. – Т.2, № 2. – С. 89-92.
- 2 Дрепа М. И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии // *Знание. Понимание. Умение.* – 2009. – № 2. – С. 189-193.
- 3 Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2003. – 464 с.
- 4 Оськина Н. Г. Профилактика интернет-аддикции у детей младшего школьного возраста // *Начальная школа плюс. До и После.* – 2012. – № 12. – С. 12-19.
- 5 Первушин Н. С., Чудова И. А. Интернет-аддиктивность как специфика картины мира // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки.* – 2014. – Т.14, № 1. – С. 202-213.
- 6 Сороцкий М. С. Виртуальное общение: социальные сети – одиночество или исповедальность? // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.* – 2012. – Т. 21, № 14. – С. 227-232.
- 7 Turkle, S. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other* / Sherry Turkle. – N.Y.: Basic Books; First Edition / First Printing edition, 2011. – 384 p.

УДК 159.99

З.А. Киреева
Курганский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

Аннотация. Статья посвящена психологии цветового восприятия. Указана зависимость цветовых предпочтений от личностных особенностей человека. В работе проведена дифференциальная диагностика личностных черт людей, предпочитающих светлые, темные и яркие цвета. Дана характеристика для каждой подгруппы испытуемых, что позволяет воспользоваться данными статьи в психодиагностических целях.

Ключевые слова: психология цвета, цветовосприятие, личностные характеристики.

Z.A. Kireyeva
Kurgan State University

THE STUDY OF HUMAN COLOR PREFERENCES AND THEIR RELATION TO PERSONALITY FEATURES

Abstract. The article investigates the psychology of color perception. The paper indicates the dependence of color preferences on the personality characteristics of the person. The work included the differential diagnostics of personality traits of people preferring light, dark and bright colors. The characteristics were identified for each group of subjects that allows using of the findings in psychodiagnostic purposes.

Keywords: psychology of color, color perception, personality characteristics.

Проблема цветового символизма является одной из центральных при изучении взаимосвязей между цветом и психикой. Давно подмечено, что определенные эмоции ассоциируются с тем или иным цветом («позеленеть от зависти», «почернеть от горя» и т.п.), это легло в основу многих ритуалов и культурных традиций (золотые одеяния Папы Римского как символ величия, черные рясы монахов как символ отречения и аскетизма и пр.).

Со времен И. Ньютона цвет почти утратил свои магические, ритуальные функции. Когда-то цвета считались чуть ли не божествами, но объективная наука доказала, что цвет – лишь субъективное ощущение, возникающее при воздействии на зрительный анализатор электромагнитной волны определенной длины. Оно объективно зависит от характеристик преломления, отражения и поглощения световых волн тех сред и поверхностей предметов, которые находятся между источником излучения и глазом человека, а также в поле его зрения. Субъективно человек может цвета не ощущать (цветовая слепота) либо воспринимать их искаженно (дальтонизм). Объективные аспекты цветового зрения изучаются физической оптикой, субъективные – физиологической и психологией цветового восприятия [1].

Проблема семантики цвета еще очень далека от своего разрешения. Когда говорят, что цвет обладает собственным значением, подразумевают, что не все в конкретном оттенке цвета доступно ощущению. В нем есть нечто, что адресовано не только глазу, но человеку как целому и может быть закономерно «интерпретировано» на физиологическом, эмоциональном, интеллектуальном и других уровнях. Эмоциональное или психологическое воздействие цвета не так легко проанализировать, как физиологические процессы, возникающие в результате цветовосприятия, а между тем большинство из нас отдает предпочтение определенным цветам и считает, что цвет влияет на настроение. Многие находят затруднительным жить и работать

в помещениях, цветовое оформление которых кажется им неудачным [2].

Наука, пытающаяся выявить закономерности цветового восприятия, называется психологией цвета. Ее предметом являются взаимосвязи цвета и психики. В сферу ее интересов входят влияние цвета на психическую деятельность человека, объективация посредством цвета психических процессов и состояний, цветовая психодиагностика и т.д.

Современные исследования в области эмоционального восприятия цвета предоставляют возможность регулировать настроение человека, используя его реакцию на отдельные цвета и их сочетания. Воздействие отдельных цветов и их оттенков было протестировано психологами и физиологами, после чего они стали использоваться более целенаправленно: в сфере моды, на телевидении, журналах и фотографиях, в рекламе.

Изучением влияния цвета на эмоциональное состояние человека занимались как зарубежные, так и отечественные ученые: М. Люшер, физиолог С.В. Кравков, Е.Р. Рабкин. Они доказали, что объективное восприятие цвета каждым человеком субъективно оценивается как положительное, нейтральное или отрицательное. В зависимости от того, в каком эмоциональном состоянии находится человек, он принимает, игнорирует или отвергает определенное чувственное восприятие. Цвет, который кажется ему прекрасным, – это чувственное восприятие, которое он принимает, причем данный цвет соответствует его эмоциональному состоянию.

«На вкус и цвет товарищей нет» – гласит народная пословица. Одному более красивым кажется голубой цвет, другому – зеленый. Действительно, отношение к цвету отдельного индивидуума субъективно, но в основе своей оно покоится на объективных закономерностях.

Психологами установлено, что цвет влияет на наше сознание, настроение, физическую и умственную деятельность, он также идентифицирует социальный статус человека и его гендерную принадлежность. Несмотря на то, что человеческий глаз может различать от 20000 до 200000 оттенков цветов, среди них есть те, которые нравятся нам в большей или меньшей степени.

Зависеть это может от разных факторов: возраста, пола, эмоционального состояния или устойчивых характеристик личности.

Так, цветовые предпочтения детей в гораздо меньшей степени индивидуальны, чем у взрослых, поэтому выявление какой-то одной общей тенденции для последних весьма проблематично. Однако подобные попытки неоднократно предпринимались. Цветопредпочтение детей меняется с возрастом. Так, к 3-5 годам малыша больше привлекает красный цвет, к 8 годам его излюбленными становится желтый, а позднее ему начинают нравиться более холодные цвета, такие как синий и зеленый. На цветовое восприятие детей значительное влияние оказывают родители, ведь по традиции девочку одевают в розовое, желтое, а мальчика – в синее и голубое. Позднее, когда малыш подрастает и начинает проявлять свое цветопредпочтение, этот процесс также постоянно находится под строгим контролем общества. И если ребенок делает «неправильный выбор» по общественным представлениям, он рискует услышать в свой адрес такие реплики, как «ты что как мальчишка/или девчонка?», и это является самым сильным и эффективным инструментом воздействия на «правильный» цветовой выбор ребенка.

Г. Фрилинг и К. Ауэр указывают на то, что с возрастом рейтинг предпочтения более темных, спокойных тонов: коричневого, оливкового, серого, черного.

У взрослого человека предпочитаемые цвета и цветосочетания будут своими, индивидуальными. Каждый отдает предпочтение какому-то одному цвету, по крайней мере, не больше чем двум-трем (в зависимости от того, где эти цвета используются: в одежде, обстановке, цвете автомобиля, в букете и т.д.). Приятное или неприятное чувство, которое вызывает тот или иной цвет, может меняться с течением времени. Но в любом случае цвет, которому вы отдаете предпочтение, многое может рассказать о вашем характере и эмоциональном складе. Эта идея лежит в основе цветодиагностики, и именно на ней базируется знаменитая методика М. Люшера.

Под нашим руководством было проведено исследование по изучению зависимости цветовых предпочтений и личностных особенностей. 33 испытуемых были подвергнуты анкетированию, с помощью которого выявлялись устойчивые цветовые предпочтения, также им были предложены методики Айзенка на выявление экстраверсии-интраверсии, тест СЖО (А. Леонтьев), геометрический тест Селингер. После анкетирования все испытуемые были поделены на 3 группы: предпочитающие яркие цвета (красный, желтый, оранжевый, салатовый и пр.), светлые (белый, бежевый, пастельные оттенки всех цветов и т.п.) и темные (черный, серый, коричневый, фиолетовый).

Оказалось, что мужчины не склонны к ярким насыщенным цветам, но при этом больше, чем женщины, отдают предпочтение светлым оттенкам. Следует отметить, что большое количество опрошенных в возрасте за 30 лет в основном предпочитают темные цвета.

Люди, предпочитающие светлые цвета, показали одинаковые баллы по экстраверсии и интраверсии. При этом интравертами чаще оказывались мужчины, а экстравертами женщины. Интересно, что разные потребности в общении проявляются в предпочтении одинакового цвета. Также в данной группе были получены низкие баллы по коммуникативным и организаторским качествам. Испытуемые этой группы – люди чуткие, мягкие, ориентированы на людей, стараются поддерживать с ними хорошие отношения, обладают развитой эмпатией, но плохо умеют доносить свои соображения до окружающих и могут проявлять излишнюю застенчивость, отсутствие «напористости». Результаты теста смысложизненных ориентаций показывают, что данные люди довольны своей жизненной позицией, считают жизнь наполненной и продуктивной и чувствуют возможность управлять собственными решениями.

Группа опрошенных, предпочитающих яркие насыщенные цвета, – выраженные экстраверты, деятельные, активные, общительные люди, легко вступающие и поддерживающие межличностные контакты. Хорошо разбираются в людях, прогнозируют их реакции и поведение, отзывчивы, импульсивны, жизнерадостны, уверены в себе, стремятся к лидерству. Не любят уединения, испытывают тягу к новым впечатлениям, риску. Их характеризует хорошая приспособляемость к среде, открытость в чувствах. Обладают очень высоким уровнем проявления коммуникативных и организаторских склонностей. Они испытывают, потребность в коммуникативной и организаторской деятельности и активно стремятся к ней, быстро ориентируются в трудных ситуациях, непринужденно ведут себя в новом коллективе. Это инициативные люди, которые предпочитают в важном деле или в создавшейся сложной ситуации принимать самостоятельные решения, отстаивают свое мнение и добиваются, чтобы оно было принято другими. Данные испытуемые имеют представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора,

чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Важной особенностью этой группы в нашем случае является то, что предпочитают яркие насыщенные цвета только женщины. При этом все женщины в молодом возрасте: от 18 до 30 лет.

В группе людей, предпочитающих темные цвета, установлено, что подавляющее большинство — это выраженные интроверты, часто погружены в себя, испытывают трудности, устанавливая контакты с людьми и адаптируясь к реальности. Для этой группы испытуемых характерен низкий уровень проявления коммуникативных и организаторских склонностей, при этом они обладают развитой эмпатией, нацелены скорее слушать собеседника, нежели говорить самостоятельно. Воспринимают процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. При этом, однако, ей могут придавать полноценный смысл скорее воспоминания о прошлом, нежели нацеленность на будущее.

Таким образом, выявлено, что цветовые предпочтения соотносятся с определенными личностными характеристиками человека. Данная закономерность может использоваться в психодиагностике, при самопрезентации, может оказать помощь в понимании молодежных субкультур и их атрибутов и пр. Представляется, что проблематика психологии цвета имеет широкие перспективы изучения.

Список литературы

- 1 Базыма Б. А. Психология цвета: теория и практика. — СПб.: Речь, 2005. — 352 с.
- 2 Дашков И. М., Устинович Е. А. Экспериментальные исследования валидности шкалы субъективного предпочтения цвета (тест Люшера) // Проблемы моделирования. Диагностика психических состояний в норме и патологии. — Л., 1980. — С. 115-126.

УДК 159.922.1

Л.В. Мальцева
Курганский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ДЕВУШЕК С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ФЕМИНИННОСТИ

Аннотация. Представлены результаты исследования поведения девушек различных гендерных типов в ситуации конфликта и взаимоотношениях с окру-

жающими. Выявлено соотношение между гендерными типами, взаимоотношениями и стратегиями поведения в конфликте в рамках одного биологического пола.

Ключевые слова: стратегии поведения в конфликте, психологический пол, гендер, гендерное поведение.

L. V. Maltseva
Kurgan State University

THE STUDY OF BEHAVIOR OF YOUNG WOMEN WITH VARIOUS FEMINITY LEVEL

Abstract. The article presents the research of the behavior of girls of different gender types in conflict situations and relationship with the others. The study revealed the relation of genders, relationship and conflict behavior strategies within one biological sex.

Keywords: conflict strategy, psychological sex, gender, gender behavior.

Введение

Каждый человек обладает множеством психологических черт характера, некоторые из которых являются как бы «бесполовыми», универсальными, а другие традиционно связываются с типично мужским или женским поведением. Некоторые типично женские черты имеют свои эволюционно-генетические и физиологические основания, другие же формируются в процессе воспитания и социализации. Считается, что в межличностных отношениях и конфликтах женщина должна проявлять подчинение, идти на компромисс, приспосабливаться и уступать, быть дружелюбной и альтруистичной.

Современные социальные тенденции говорят об опасности феминизации мужчин и об угрозе маскулинизации женщин. Причинами этого явления ученые называют общую трудовую деятельность, совместное обучение и воспитание, вследствие чего происходит ослабление половых различий в поведении, переход во взаимоотношения между мужчинами и женщинами от иерархического соподчинения к равноправию, изменение культурных стереотипов маскулиности-фемининности. В. Каган в книге «Воспитателю о сексологии» отмечает, что требования к фемининности девочек прогрессирующе уменьшаются, в диапазон их полоролевых ориентаций все больше и больше включаются маскулинизированные стереотипы поведения взрослых женщин [1].

Другие исследования также показывают, что существуют некоторые изменения в социальном поведении женщин. Девушки демонстрируют большую социальную мобильность, чем мужчины, и в период социальных трансформаций демонстрируют новые формы гендерного поведения, вторгаясь, например, в сферу деятельности, которая воспроизводится на уровне стереотипов как традиционно «мужская» [2].

Согласно стереотипу женственности, который остается популярным у мужчин до сих пор, женщина должна быть нежной, красивой, мягкой, ласковой и в то же время пассивной и зависимой. Но, по представлениям самих современных женщин, им надо быть умными, энергичными, предприимчивыми, т.е. обладать мужскими качествами [3].

В связи с этим была определена цель исследования: выявить, каковы особенности поведения девушек с разным уровнем фемининности во взаимоотношениях в целом и в конфликтах в частности.

В исследовании принимали участие 116 девушек 18-20 лет.

1 Основные методы исследования

Теоретические: анализ психологической и социологической литературы по гендерной проблематике.

Эмпирические: в исследовании были использованы следующие методики:

- Тест описания поведения К. Томаса (адаптированный Н.В. Гришиной);

- Методика С. Бем для оценки маскулинности – фемининности;

- Методика Т. Лири «Диагностика межличностных отношений».

Методы математической статистики: вычисление средних значений; корреляционный анализ.

2 Теоретико-методологическая основа исследования:

Теоретико-экспериментальное психологическое учение Б.Г. Ананьева о человеке – связь половых характеристик как индивидуальных свойств человека с особенностями его социального поведения.

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского – роль социокультурной ситуации в развитии личности.

Теория классификации гендеров С. Бем.

Типология поведения в конфликте К. Томаса.

Проблематика гендерных исследований в психологии активно разрабатывалась в работах Б. Ананьева, Ш. Берн, И. Кона, Е.А. Здравомысловой, А.А. Чекалиной, К. Хорни и др.

3 Теоретические основы психологии гендерного поведения

Разделение людей на мужчин и женщин является центральной установкой восприятия нами различий, имеющих в психике и поведении человека. Однако помимо конституциональной стороны эти различия имеют социокультурный контекст: они отражают то, что в данное время и в данном обществе считается свойственным мужчине, а что – женщине.

Проблемой изучения сходства и различия мужского и женского занимается гендерная психология, имеющая свою историю и динамику развития от названия «психология пола» (первые два десятилетия XX века) к «психологии половых различий» (1930-60-е годы) и «психологии различий, связанных с полом» (70-е годы XX века). Позже, чтобы разграничить биологические и социально обусловленные различия между представителями разного пола, в науку был введен термин «гендер», который чаще всего трактуется как социальный пол (Бендас, 2009) или социально детерминированные роли мужчин и женщин (Кон, 1989). Такое разграничение связано с тем, что «биологическое развитие само по себе еще не делает человека мужчиной или женщиной в социально-психологическом и личностном смысле. Для этого биологические характеристики должны быть дополнены психологическим полом, который включает в себя сексуальную идентичность, т.е. чувство и сознание своей половой принадлежности и связанные с ней социокультурные ориентации, т.е. интернализированную систему половых ролей, в свете которой индивид различает критерии "мужественности" и "женственности", оценивает себя по этим критериям» [4].

Таким образом, мы имеем два понятия, которые тесно соприкасаются друг с другом. Термин «гендер» указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и сексуальностью, но возникают во взаимодействии с другими людьми. То есть гендер указывает на

то, как мы представляем свой биологический пол в социальном пространстве.

Психологический пол представляет собой совокупность знаний, представлений личности о себе, о своем сходстве или различиях с представителями своего пола в отличие от противоположного, отождествление себя с представителями своего пола, эмоционально-ценностное отношение к своему полу, способы поведения людей в зависимости от их позиций в полоролевой дифференциации. Такое понимание психологического пола приближается к социально-психологическому и социологическому понятию «гендер» и с некоторой долей условности их можно назвать синонимами [5].

В 1974 г. Сандра Бем предложила концепцию о существовании трех типов людей с различной гендерной идентичностью: с преобладанием фемининных характеристик, с преобладанием маскулинных характеристик и «андрогинных», т.е. тех, у кого наблюдается баланс маскулинных и фемининных характеристик. По ее мнению, люди первых двух типов являются негибкими, ограниченными, демонстрирующими в своем поведении бытующие в обществе гендерные стереотипы. Так, например, представители-мужчины маскулинного типа нечувствительны, энергичны, честолюбивы и свободолюбивы. Маскулинные женщины обладают сильной волей, склонны соперничать с мужчинами и претендовать на их место в профессии, социуме. [3; 5]. Исследования представителей андрогинного типа показывают, что для них характерно адаптивное и гибкое поведение, прослеживается преобладание и рост прогрессивно-созидательно-творческого варианта мотивационного профиля, опора на собственную активность в жизни, что обеспечивает развитие личности с тенденцией к созиданию, творчеству [3; 6]. Исследования С. Бем позволили провести классификацию гендеров, в основе которой лежит демонстрация маскулинности и фемининности мужчинами и женщинами. Соответственно этой классификации можно выделить восемь гендерных типов, по четыре для мужчин и женщин [5].

Соответственно теме нашего исследования, мы остановимся лишь на типах, соответствующих женщинам.

Маскулинный тип (высокая маскулинность – низкая фемининность). Маскулинные женщины обладают сильной волей, склонны соперничать с мужчинами и претендовать на их место в профессии, социуме, сексе и т.д.

Фемининный тип (высокая фемининность – низкая маскулинность). Фемининные женщины отличаются покорностью, верностью, заботливостью, нежностью.

Высокий уровень андрогинии (высокая маскулинность – высокая фемининность). Андрогинные женщины способны осуществлять вполне мужские задачи, используя женские средства (гибкость, коммуникабельность).

Низкий уровень андрогинии (низкая маскулинность – низкая фемининность). Такие недифференцированные женщины характеризуются скорее недостатком либидо и страдают от нехватки жизненных сил.

4 Анализ исследований поведения женщин во взаимоотношениях и конфликтах

Анализ научных источников показал, что:

- женщины хуже справляются с эмоциональными проблемами и возникающими трудностями, сильнее переживают семейные и личные конфликты (Р.А. Березовская, 2001; И.В. Грошев, 1996);

- женщины в конфликтных ситуациях, возникающих в семейном и домашнем кругу, проявляют больше

терпимости и стремления к компромиссному примирению интересов, скорее готовы заплакать (И.В. Грошев, 1996);

- женщины маскулинного типа более склонны оказываться в состоянии гнева и отыгрывать его на окружающих (Коррег, Епперсон, 1991);

- у женщин между тремя видами стратегии поведения при психологической защите (избегание, агрессия и миролюбие) разрыв минимален (М.А. Круглова, 1999);

- при преодолении конфликтов у женщин больше выражены приспособление и сотрудничество. Стратегия избегания у мужчин и женщин выражена одинаково (Ю.М. Чуйкова, 2001);

- для женщин характерна тенденция к большей частоте конфликтов в связи с их личными потребностями. В социально-фрустрирующей ситуации женщинам более присуща интрапунитивная направленность реакции, связанная с самообвинением (А.И. Винокуров, 1996).

В целом, в современных исследованиях отмечается одна закономерность: как только возникает противоречие между занятой социальной позицией и биологическим полом, изменяется не позиция, а индивидуальная половая самоидентификация, то есть биологический пол становится несущественным при определении роли индивида в обществе [9].

На основе этого можно выдвинуть предположение о том, что в современном социуме отсутствует четкое разграничение «мужского» и «женского» пространства, которое ранее было закреплено за тем или иным гендером. Требования ориентации на достижения, карьеру, повышение своего статуса в общественной и семейной жизни, агрессивность в плане позитивной самореализации приписываются успешной личности вообще, независимо от пола.

Исследование гендерных типов у девушек

В нашем исследовании мы анализируем поведение девушек как категоризацию себя на оси «маскулинность – фемининность».

По средним показателям теста С. Бэм можно отметить незначительное преобладание фемининных качеств (11,78 баллов) над маскулинными (9,26 баллов). При этом по результатам опроса андрогинны (А) – 75% девушек, из них абсолютно андрогинны 7%. Фемининные (Ф) девушки составляют 22%, а маскулинные (М) девушки – всего 3% (рисунок 1).

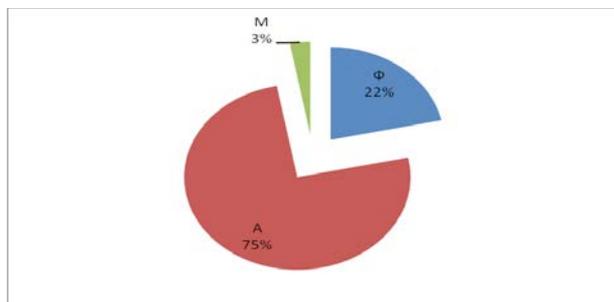

Рисунок 1 – Распределение значений по гендерным типам (%)

Таким образом, в данной выборке преобладают девушки с андрогинным типом (3/4 от всей выборки). Во-первых, здесь мы видим противоречие между биологическим полом и гендерными стереотипами, связанными с «женским» поведением. Во-вторых, эти данные свидетельствуют об изменениях в современном обще-

стве традиционных половых различий в поведении. В-третьих, это подтверждает данные об изменении гендерных стереотипов у девушек на оси «фемининность – маскулинность» в сторону маскулинности. У андрогинных девушек в личности равноправно представлены черты как маскулинного, так и фемининного типов, что показывает их адаптивные способности. Взаимодополняемость мягкости, уступчивость и уверенности в себе отрицает ярко выраженное доминантное поведение в общении.

Девушек, проявляющих ярко выраженные фемининные качества (22%), можно охарактеризовать как покорных, верных, заботливых, уступчивых, чувствительных, способных к сочувствию и сопереживанию. У этих девушек мы наблюдаем соответствие биологического пола и гендерного фемининного поведения.

И лишь 3% девушек показали результаты маскулинности, т.е. такие качества, как независимость, напористость, доминантность, агрессивность, склонность к риску, самостоятельность.

Исследование связи гендерного типа девушек и стратегии поведения в конфликте

Далее проанализируем результаты по тесту описания поведения К. Томаса. Результаты показывают, что стиль поведения в конфликте «компромисс» чаще всего используется в данной выборке испытуемых. Это говорит о желании девушек в ситуации конфликта отказать от части своих требований, о готовности признать некоторые претензии другой стороны, простить и завершить конфликт частичными уступками. Примерно одинаковые баллы получили по типам «сотрудничество» и «избегание». Следовательно, в зависимости от ситуации, девушки пытаются конструктивно обсудить спорные вопросы и взаимовыгодно решить конфликт либо вообще уйти от решения проблемы. Самые низкие баллы получили по типам «доминирование» и «приспособление». Следовательно, меньшее количество испытуемых авторитарно навязывают оппоненту свою точку зрения, а также добровольно отказываются от борьбы, не видя шансов по другому решить конфликт (рисунок 2).

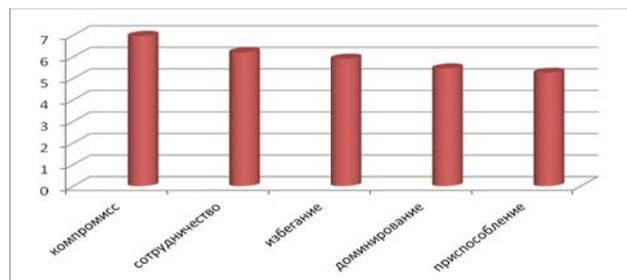

Рисунок 2 – Распределение значений по типам поведения девушек в конфликте (средние значения)

Следовательно, в ситуации конфликта девушки чаще всего идут на компромисс, но реже всего уступают. Эти результаты говорят о некотором противоречии биологического пола и гендерных стереотипов фемининности.

Интересным является факт, что в группе девушек, выбравших несколько стратегий поведения (13% от всей выборки), 85% относятся к андрогинному типу. При этом самое частое сочетание стратегий – «сотрудничество + компромисс» (46%). Это подтверждается теоретическими выкладками об особенностях андрогинного поведения, при котором на паритетных началах пред-

ставлены существенные черты как маскулинного, так и фемининного типов. Интеграция стратегий «сотрудничество + компромисс» позволяет легче адаптироваться в конфликте при отсутствии резко выраженных доминантно-агрессивных тенденций в общении. Таким образом, результаты качественного анализа показали, что андрогинные девушки используют больше вариантов поведения в конфликтных ситуациях.

Для нахождения взаимосвязей между параметрами поведения девушек в конфликте и гендерными показателями мы использовали формулу коэффициента корреляции r -Пирсона, за уровень значимости для всех корреляций взяты $p < 0,05$.

Наблюдается значимая положительная корреляционная связь между параметрами: доминирование и маскулинность ($r=0,428$), избегание и андрогинность ($r=0,361$), приспособление и андрогинность ($r=0,298$), компромисс и андрогинность ($r=0,226$), сотрудничество и андрогинность ($r=0,226$).

Значимая отрицательная связь наблюдается между доминированием и андрогинностью ($r=-0,538$), избеганием и маскулинностью ($r=-0,341$), феминностью и доминированием ($r=-0,253$).

Эти результаты говорят о том, что чем более маскулинна девушка, тем чаще она доминирует, навязывает оппоненту предпочтительное для себя решение и не пытается избежать конфликта.

Чем больше выражена феминность, тем больше девушки приспособляются и не пытаются доминировать. Они вынужденно или добровольно отказываются от борьбы из-за желания сохранения хороших отношений с оппонентом, сильной зависимости от него, угрозы серьезных негативных последствий или незначительности проблемы.

У девушек андрогинного типа (75% от всей выборки) имеется большой репертуар поведения: сотрудничество, компромисс, приспособление и избегание. Такие девушки настроены на конструктивное обсуждение проблемы, готовы завершить конфликт частичными уступками, простить, уйти из конфликта при минимуме затрат, выиграть время, сохранить хорошие отношения с оппонентом. Единственный способ поведения, который они не используют в поведении, – это доминирование.

Исследование связи гендерного типа девушек и особенностей межличностных отношений

Далее обратимся к анализу результатов по методике диагностики межличностных отношений Т. Лири. Анализ средних значений показал, что в отношениях с окружающими девушки чаще всего проявляют авторитарность, т.е. требуют к себе уважения, любят давать советы, упорны, уверенны и настойчивы. Редко ведут себя подчиненно и зависимо, эмоционально сдержанно и скромно. Если суммировать параметры доминирования (авторитарность, эгоистичность, агрессивность и подозрительность), то они преобладают над параметрами подчинения (подчинение, зависимость, дружелюбие, альтруизм) (рисунок 3). Если анализировать эти результаты в контексте маскулинности – феминности, то у 59% девушек преобладают маскулинные особенности во взаимоотношениях, у 34% – феминные, 7% девушек имеют одинаковые баллы по обоим шкалам.

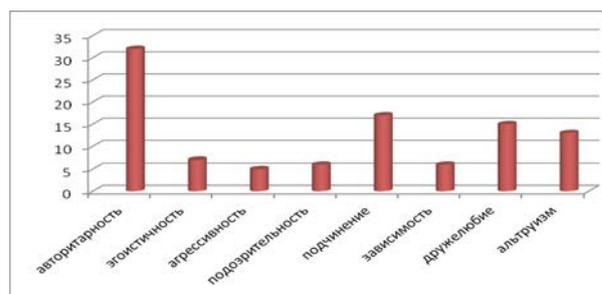

Рисунок 3 – Распределение значений по методике Т. Лири (%)

Эти данные говорят о том, что более трети девушек склонны в отношениях к авторитарности, упорству и настойчивости. Шестая часть девушек в отношениях склонны к подчинению, готовы послушно и честно выполнять свои обязанности, уступать и сдерживать свои эмоции. Также примерно шестая часть испытуемых в отношениях проявляют дружелюбие, следуют условностям и правилам «хорошего тона», стремятся помогать, хотя чувствовать себя в центре внимания, склонны к сотрудничеству. Наименьший процент от всей выборки составляют девушки с агрессивным типом отношения к окружающим. Они резкие в оценке других, непримиримы, насмешливы, склонны во всем обвинять других людей.

Андрогинные девушки разделились здесь на три группы:

- третья часть девушек может одинаково часто проявлять и те, и другие качества, например агрессивность и дружелюбие, авторитарность и подчинение;
- другая треть чаще проявляет лишь доминантные качества, например авторитарность и эгоизм;
- последняя треть чаще используют в отношениях только дружелюбие, например зависимость и подчинение.

Таким образом, по результатам качественного анализа мы можем предположить, что андрогинные девушки имеют больше вариантов поведения в отношениях с окружающими, в том числе в конфликтных ситуациях. Феминные девушки чаще проявляют в отношениях дружелюбие, альтруизм, зависимость и подчинение, а в конфликтных ситуациях находят компромисс или договариваются о сотрудничестве. Проверим это предположение с помощью корреляционного анализа ($p < 0,05$).

Наблюдается сильная положительная значимая связь между маскулинностью и параметрами доминирования: авторитарность ($r=0,759$), эгоистичность ($r=0,574$), агрессивность ($r=0,467$). Феминность связана с альтруизмом ($r=0,633$), дружелюбием ($r=0,567$), зависимостью ($r=0,541$), подчинением ($r=0,462$). Значимая положительная связь также обнаруживается между коэффициентом IS (андрогиния) и параметрами подчинения ($r=0,517$), зависимости ($r=0,408$), дружелюбия ($r=0,328$), альтруизма ($r=0,300$).

Маскулинные девушки доминируют в отношениях с помощью авторитарности, эгоистичности и агрессивности. А феминные девушки проявляют в отношениях альтруизм, зависимость и подчинение.

Значимая отрицательная связь существует между маскулинностью и подчинением ($r = -0,416$). Также отрицательная зависимость наблюдается между андрогинностью и эгоистичностью ($r=-0,491$), авторитарностью ($r = -0,434$), агрессивностью ($r = -0,378$).

Это значит, что маскулинные девушки в отношениях не проявляют подчинение. Чем больше девушка фемининна, тем меньше она проявляет эгоистичность, авторитарность и агрессивность.

Заключение

Нами обнаружено, что в соответствии с реалиями современного общества в сознании человека происходит смешение маскулинных и фемининных стереотипов. С одной стороны, девочек воспитывают в традиционном патриархальном духе, с другой – женщина вынуждена быть самостоятельной во всех сферах жизни. В итоге у девушек формируются неустойчивые гендерные характеристики.

Выводы, которые мы сделали на основании полученных результатов:

– Три четверти опрошенных девушек относятся к андрогинному типу (средний уровень фемининности) Именно они показывают больше вариаций поведения в отношениях с окружающими, в том числе в конфликтных ситуациях. Такая интеграция маскулинных и фемининных качеств (мягкость, уступчивость в социальных контактах и отсутствие резко выраженных доминантно-агрессивных тенденций в общении при наличии целеустремленности и внутренней уверенности) повышает адаптивные возможности.

– Фемининные девушки (высокий уровень фемининности) чаще проявляют в отношениях дружелюбие, альтруизм, зависимость и подчинение, а в конфликтных ситуациях находят компромисс или договариваются о сотрудничестве. Чем больше девушка фемининна, тем меньше она проявляет эгоистичность, авторитарность и агрессивность в отношениях с окружающими. Чем выше фемининность, тем девушка более склонна к приспособлению, компромиссу и сотрудничеству в конфликте, не склонна к доминированию.

– Маскулинные девушки (низкий уровень фемининности) доминируют в отношениях с помощью авторитарности, эгоистичности и агрессивности и не проявляют подчинение, а в конфликте проявляют доминирование.

Поскольку гендерное поведение обусловлено различными факторами (биологическими, психологическими и социальными), то не удивительно, что биологический пол и гендер не всегда сочетаются друг с другом.

Список литературы:

- 1 Каган В. Е. *Воспитателю о сексологии*. – М. : Педагогика, 1991. – 256 с.
- 2 Гончарова Н. В. «Игры» для мальчиков (гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // *Социс*. – 2003. – №1. – С.83-91.
- 3 Бендас Т. В. *Гендерная психология : учебное пособие*. – СПб. : Питер, 2006. – 431. : ил.
- 4 Кон И. С. *Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке. (Материалы к симпозиуму)*. – М., 1975. – С.763-776.
- 5 Чекалина А.А. *Гендерная психология : учебное пособие*. – М. : Ось – 89, 2006. – 256 с.
- 6 Берн Ш. *Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения*. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2008. – 318 с.
- 7 Ильин Е. П. *Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины*. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с. : ил.
- 8 Здравомыслов А. Г. *Социология конфликта*. – М. : Аспект Пресс. 1996.
- 9 Ушакин С. *Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии*. – 1999. – №5. – С.71-85.

О.Н. Андрюшина, Н.Н. Бочегова
Курганский государственный университет

ХРОНОТОПИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА CITY В СТИМПАНК- РОМАНЕ Ч.Т. МЬЕВИЛЛЯ «ВОКЗАЛ ПОТЕРЯННЫХ СНОВ»

Аннотация. Статья посвящена хромотопическим аспектам концепта city (город) в романе Ч.Т. Мьевилля «Вокзал потерянных снов». В статье на конкретных примерах показывается, что ядерный концепт романа может иметь непосредственное отношение к хромотопу художественного произведения, в данном случае – к хромотопу города. В данной работе авторы исследуют роман, относящийся к обширному и разнообразному жанру научной фантастики. Кроме того, поднимается вопрос о расстановке акцентов на художественное пространство, время и их взаимодействие.

Ключевые слова: хромотоп, топохронос, стимпанк, концепт, концептосфера, город.

O.N. Andryushina and N.N. Bochegova
Kurgan State University

CHRONOTOPE ASPECTS OF THE CITY CONCEPT IN A STEAMPUNK NOVEL BY C.T. MIEVILLE «PERDIDO STREET STATION»

Abstract. The article is dedicated to the chronotope aspects of the concept city in the steampunk novel by C.T. Mieville «Perdido Street Station». The article presents the examples of how the nuclear concept may directly refer to the chronotope of a literary work (the chronotope of the city, in this case). In this article the authors analyze the novel which belongs to a vast and versatile genre of science fiction. Moreover, in the given article they bring up a question about putting emphasis on the artistic space, time and their interaction.

Keywords: chronotope, topochnonos, steampunk, concept, concept sphere, city.

Вопросы корреляции особенностей организации художественного времени-пространства и жанровой специфики произведения приобретают особую актуальность в связи с появлением большого количества новых направлений в современной научной фантастике. Одним из них является зародившийся на рубеже XX-XXI вв. поджанр *стимпанк*.

Стимпанк (steam – пар) – направление в искусстве, описывающее человечество, развитие которого находится на стадии изобретения парового двигателя. Как правило, это стилизация под викторианскую Англию. В такой старинный антураж анахронически вписаны первые автомобили, дирижабли, телефоны, часовые механизмы, локомотивы, роботы. Также возможно использование магии. Термин стимпанк был предложен в 1987 году писателем Кевином Джетером, который пытался найти общее наименование для собственных романов. Его работы не вписывались в общую концепцию фэнтези. И тогда К. Джетер предложил привязать название жанра к главенствующей технологии, а именно – к пару, по аналогии со старшим братом поджанра – киберпанком. Для произведений в стиле стимпанк характерен низкий уровень жизни героев, которые зачастую ведут в той или иной степени порочный образ жизни. Здесь размываются границы исторического периода, в котором жил и творил автор, то есть неясно, когда было написано произведение. Это один из способов актуализации в современной литературе: отказ от времени ради развёртывания пространства.

Говоря о единстве и взаимодействии художественного пространства и времени произведения, нельзя не вести речь о таком фундаментальном понятии, как хромотоп художественного произведения. Первым о хромотопе в лингвистике и литературоведении заговорил М.М. Бахтин, который называл время четвёртым измерением пространства. В литературно-художественном хромотопе происходит слияние примет времени и пространства. Время становится художественно-зримым, а пространство втягивается в развитие сюжета и движение времени. Этим пересечением и взаимодействием и характеризуется хромотоп художественного произведения. М.М. Бахтин также подчёркивал, что различие литературных жанров напрямую зависит от хромотопа, выделяя, однако, что ведущую роль играет время [2].

Современный учёный М.В. Никитин выдвигает мысль о том, что изменение вечно, в то время как покой конечен. В мире, где царит вечный покой, время не исчезает, но становится пустым, лишается измерения: если нет изменений, то и нечего измерять. И здесь возникает парадокс: пустое пространство, где царит вечный покой, и время, которое застыло на месте, возможны, но их не существует. Учёный говорит, что если время и пространство не являются объектом изучения и теоретизирования, то они представляются в виде некоего целого – вечного и бесконечного, которому безразлично, кто и каким образом действует в его пределах. Интерес для исследователя представляет заполненное пространство и время – единый топохронос, внутри которого всё изменяется и взаимодействует [3].

Голландский исследователь Пауль Сметруст в своём труде «The Postmodern Chronotope. Reading Space and Time in Contemporary Fiction» («Хромотоп постмодерна. Время и пространство в произведениях современной художественной литературы») описывает хромотоп в произведениях эпохи постмодернизма.

П. Сметруст говорит о смещении ориентированности в сторону пространства и географического положения. Повальная потеря историчности во многих аспектах постмодернизма связана с дезориентированностью в пространстве, которое содержит следы исторических событий, сформировавших данное пространство. Таким образом, хронотоп в романе и вообще хронотоп в искусстве следует отделять от простых материальных отображений постмодернизма, которые так легко вписываются в культурный хронотоп. Пространственно-временная эстетика в наше время несёт на себе следы влияния постструктурализма. В таком типе хронотопа пространство не находится в подчинении у времени, но имеет собственную поэтику, которая больше проявляется в топонимичности и географичности, чем в историчности [4].

Таким образом, мы видим, что воззрения на пространственно-временную организацию текста менялись с течением времени. М.М. Бахтин отмечает привязанность ко времени, Н.М. Никитин – к наполненности и взаимосвязи пространства, вещей и событий, а П. Сметруст ставит на первый план само пространство.

Что же касается космогонического смысла концепта «city» (город), то стоит привести слова Ю.М. Лотмана, который делит города на два типа: концентрический и эксцентрический: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе. Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это "вечный город". Эксцентрический город, созданный вопреки Природе, расположен "на краю" культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза «земля/небо», а оппозиция "естественное/искусственное". Это дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии» [5, 32-44].

По многим причинам Нью-Кробюзон (New Crobuzon), город, в котором разворачиваются события романа Ч.Т. Мьевилля «Вокзал потерянных снов» (Perdido Street Station), можно отнести ко второму типу городов – он расположен в устье реки недалеко от леса. Актуализация оппозиции «естественное – искусственное» прослеживается и в архитектуре (милицейские башни, пронзающие сердце города, тело земли) [1, 21], и в экологии – в районе под названием Барсучья Топь (Brock Marsh), где находятся многочисленные лаборатории, жидкости, что остаются после экспериментов, сбрасываются в реку, а также просто выливаются на улицу. Попав в эти жидкости, человек может заговорить на древних языках, а то и просто стать невидимкой.

Эсхатологическая катастрофа не заставляет себя ждать: на город нападают мотыльки – пожиратели снов. Монстры поселились в здании Вокзала на Затерянной улице (Perdido Street Station), но могут достаточно ловко ходить по земле, летать, а также перемещаться в другие измерения.

Пространство Нью-Кробюзона чётко делится на три уровня. Первый «земной» уровень – это собственно улицы, дома и прочие составляющие промышленного центра, эта часть пространства видна и доступна каждому. Второй уровень, подземный, – это теневая часть

города, в которой совершаются преступные сделки, а также готовится своего рода пролетарская революция. Это подвалы, городские боины, где под видом грубых мясников работают подпольные революционеры, и река, в которой живут водяные. И третий уровень – это небо, которое также никогда не пустует. В нём снуют птицы и дикие животные, парят дирижабли, а по рельсам, расположенным высоко над городом, мчатся милицейские машины. Кроме того, многие дома и милицейские башни по высоте могли бы соревноваться с небоскрёбами. Но, кроме этой вертикали – небо-земля-подземелье – существует и некий параллельный мир: другие измерения, в которых также обитают разные сущности: демоны, которых мэр с помощью машин и магии вызывает на борьбу с крылатыми монстрами, и Ткач (The Weaver), огромный паук, плетущий паутину мироздания, который приходит в земной мир, когда хочет. Так или иначе, все эти уровни пространства связаны одной точкой, в которой сходятся и железнодорожные пути, и человеческие судьбы, и самые тёмные дела городской жизни — от нелегальных сделок до выбора мотыльками своего жилища. Этой точкой является вокзал на Затерянной улице (Perdido Street Station). Вот что говорит о нём главный герой произведения, учёный, чьи исследования не вписываются ни в одну из принятых в Нью-Кробюзоне научную сферу:

“I think of myself as the main station for all the schools of thought. Like Perdido Street Station ... Unavoidable, ain't it? ... massive great thing.” Isaac patted his belly, maintaining the analogy. “... Everything has to pass through it. That's like me. That's my job. That's the kind of scientist I am...”

– Я считаю себя главной станцией среди всех мыслительских школ. Как Вокзал на Затерянной улице... Мимо не проедешь, ага? ... Массивная штука, – Айзек похлопал себя по животу, подчёркивая аналогию. – Всё должно пройти через этот вокзал... (перевод – О.А.) [1, 32].

В романе неоднократно говорится, что Нью-Кробюзон – старый и неухоженный город. Стены и ворота облезлые, побитые кислотными дождями. Будучи промышленным и научным центром, Нью-Кробюзон, однако, не помнит своей истории. Самое удалённое от момента действия воспоминание относится к событиям 40-летней давности. Удивительно для такого развитого города, притом что многие расы живут и более 100 лет. Далёкое прошлое мало кого интересует.

Время в романе движется очень медленно: в первой части описывается четыре дня, в течение которых читатель успевает познакомиться с ключевыми персонажами. Именно их глазами он обозревает обширную часть города: ярмарку, рынок, воровской квартал, квартал учёных, район обитания разумных скарабеев, а также бары и лаборатории. В Нью-Кробюзоне свой календарь (известны весенние месяцы Chet и Melluary) и свои названия дней недели: Fishday (пьяльница), Skullday (суккота), Shunday (вошкресение), Dustday (пыледельник). По мнению некоторых героев, время – вещь относительная и непостоянная, ведь месяц назад был популярен конкретный бетон (concrete music – по аналогии с тяжёлым металлом), а ещё год назад все увлекались художественным храпом (snort art).

Начало событий описывается очень подробно и занимает три четверти объёма романа, после чего читателю сообщается, что мотыльки мучают жителей уже около полугода, а способ борьбы с ними так и не найден. Не обошло бедствие и главных героев произведения: скульптора, возлюбленную главного героя, которая по-

падает в лапы мотыльков, теряет разум и уже неспособна творить и восхищаться окружающей её жизнью. Учёный убит горем и оставляет все свои изыскания. Другой герой, человек-орёл, в наказание за тяжкое преступление лишённый крыльев, но ненавидящий жизнь без полёта, теряет помощника и вынужденно отказывается от своей мечты и, обрывая перья, остаётся жить в городе. Город-монстр становится домом, а нелетающая птица – человеком. Эта метаморфоза отражена в сильной позиции текста.

I turn away from him and step into the vastness of New Crobuzon, this towering edifice of architecture and history, this complexity of money and slum, this profane steam-powered god. I turn and walk into the city my home, not bird or garuda, not miserable crossbreed.

I turn and walk into my home, the city, a man [1, 497].

Я отворачиваюсь от него и делаю шаг в необъятность Нью-Кробюзона, в этот оплот архитектуры и истории; в это хитросплетение денег и трущоб, к этому несвятому богу на паровой тяге. Я поворачиваюсь и иду в город, мой дом, не как птица или гаруда, не как презренный полукровка.

Я поворачиваюсь и иду домой, в город. Я человек (перевод – О.А.).

Таким образом, в связи с урбанистической спецификой поджанра *стимпанк* в хронотопе романа «Вокзал потерянных снов» акцентируется именно *топос*, так как он составляет ядро концептосферы всего романа. Ядерный концепт *city* является одним из фундаментальных и самых древних в английской лингвокультуре и несёт на себе следы разных интерпретаций. Практически все словарные значения относятся к определённому типу поселения, его администрации и жителям.

Художественная интерпретация концепта в романе наделяет город, кроме вышеуказанных особенностей, чертами живого существа – древнего, даже изначально. И это существо настолько огромно и разнообразно, что само по себе является миром. В этом мире и развивается действие произведения.

Концепт *city* в романе приобретает новые интерпретации, связанные с авторским видением писателя-урбаниста. Город является одним из фундаментальных составляющих хронотопа данного произведения: движение сюжета, ход времени и ключевые моменты неразрывно связаны с местом действия, которым и является Нью-Кробюзон.

Список литературы

- 1 Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
- 2 Никитин М. В. *Основания когнитивной семантики*. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
- 3 Лотман Ю. М. *Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам*. – Тарту : Изд-во Тартуского уни-та, 1984 – Т. 18. – С. 32–44.
- 4 Mieville China. *Perdido Street Station*. – New York : Del Rey, 2003
- 5 Smethurst P. *Postmodern Chronotope. Reading Space and Time in Contemporary Fiction*. – Amsterdam : Atlanta, GA, 2000. – 335 p.

УДК 811. 161. 1' 37

Е.С. Гагарина

Шадринский государственный педагогический институт

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МЕМУАРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Аннотация. Целью данного исследования является выявление особенностей структуры компаративных фразеологических единиц в мемуарных произведениях середины XX века, определение их компонентного состава.

Ключевые слова: структурный тип, компаративные фразеологические единицы, модель.

E.S. Gagarina

Shadrinsk State pedagogical Institute

STRUCTURAL MODELS OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN MEMOIRS

Abstract. The aim of this study is to present the structural characteristics of comparative phraseological units in memoirs of the middle of 20th century and to define specific features of its component structure.

Keywords: structural type, comparative phraseological units, models.

В ряде исследований, посвященных изучению компаративных фразеологических единиц, фразеологизмы рассматриваются в разных сферах художественной коммуникации. Вопрос о функционировании компаративных фразеологизмов в мемуарной литературе до настоящего времени остается спорным.

Обязательным для всех компаративов является наличие союза **как** и его вариантов (**точно, словно, как будто** и др.), которые, формируя фразеологическую единицу, преобразуют служебную семантику в те или иные компоненты значения компаративной единицы, участвуют наряду с другими компонентами в образовании индивидуального фразеологического значения [1].

В данной статье рассматриваются компаративные фразеологические единицы только с союзом **как**, так как фразеологизмы с союзами **точно, словно, как будто** в исследуемых нами мемуарных произведениях не были выявлены.

Мы выделяем следующие модели компаративных фразеологических единиц (КФЕ) с союзом **как**: двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные и многокомпонентные структурные единицы.

Двухкомпонентная модель КФЕ представлена структурным типом: **как + существительное**, которая реализуется следующими подтипами:

а) **как + существительное (ном.)**. Например: фразеологизм *как воздух* – предельно, очень (нужен, необходим кто-л. или нужно, необходимо что-л.) [4]. *Сейчас оно, как воздух на учебе – по килограммам*. В.Н. Гельфанд. Дневники. *Как вол* – без усталости, много и усердно (работать, трудиться) [3]. *Сегодня почти ничего не делал (обычно – работаю, как вол)*. Г. Эфрон. Дневники. *Как (словно, точно) камень* – 1) твердый, жесткий (о предмете, веществе, массе); 2) тяжелый (о предмете, массе чего-л.); 3) неподвижный (о человеке, животном); 4) молчать, быть молчаливым, не издавать ни звука; 5) лететь, падать, опускаться – быстро, стремительно; 6) идти на дно, тонуть – сразу, стремительно; 7) лежать на душе, сердце; давить, наваливаться (о чувстве, мысли, заботе, горе, переживаниях человека) [2]. *Даже хлеба нельзя было подвезти, и пришлось питаться черными, твердыми, как камень, а порой и заплесневевшими от ужасающей сырости сухарями*. А.А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. *Он умеет быть сосредоточенным как камень, и тогда ни за что его не собьешь с той мысли, на которой он остановился*. В.Н. Гельфанд. Дневники. Фразеологизм *как (словно, точно) лед* – 1) холодный (о человеке, теле); 2) перен. холодный (бесчувственный, отчужденно-безразличный) [2]. *Вспомнил Чехова: «Садясь писать – будь холоден, как лед»*. В.В. Вишневский. Дневники военных лет. *Как лунь* – совершенно, совсем (седой, белый) [5]. *Сед, как лунь, седая борода и усы*. Г. Эфрон. Дневники. *Незадолго до этого встретил Сергея Глаголя; тот белый как лунь, тоже жаловался на грудь; оба доктора умерли одновременно почти*. А. Белый. Между двух революций. Во фразеологизме *как мухи* существительное представлено во мн.ч. – в огромном количестве [5]. *Условия там были ужасающие – народ мер, как мухи*. Л.К. Бронтман. Дневники и письма. *Немцы падают на поляне, как мухи*. А. Поляков. Из дневника военного корреспондента. *Как сапожник* – очень сильно (напиться, быть пьяным) [5]. *Телефонная трубка ругалась, как сапожник. Она почти жестикулировала*. В. Кин. Записные книжки. *Как собака* – очень сильно, до крайности (устал, голоден, замерз и т.п.) [5]. *Если у тебя в руках винтовка, ты чувствуешь, как тепло твоего тела уходит в магазинную коробку и в ствол, улетучивается, а ты трясешься, как собака*. Н. Асанов. На закате. *Как изваяние (статуя)* – застыв на месте, не двигаться (от изумления, страха и т.п.), неподвижно, безучастно, бессмысленно (стоять, остановиться и т.п.) [3]. *Молотов побелел, как бумага, но, не сказав ни слова, сидел как статуя*. А. Микоян. Так было. Фразеологизм *как стеклышко* (стекляшка – 1) очень чистый, сверкающий чистотой; 2) безупречный в моральном отношении; 3) совершенно трезвый [5]. *Выехали в 16:10. Дорога была скользкая, как стекло. Тепло*. Л.К. Бронтман. Дневники и письма. *Майор Г. был абсолютно спокоен, неподвижен и трезв как стеклышко*. Н.Н. Никулин. Воспоминания о войне. Фразеологизм *как часы* – точно, бесперебойно (работать, действовать и т.п.) [5]. *...при условии, что военкомат не будет мне препятствовать, то я еду 8-го «как часы», не дожидаясь interminables денег из Москвы*. Г. Эфрон. Дневники. Фразеологизм *как черепаха* – очень медлен-

но (идти, плестись, тащиться и т.п.) [5]. *Все это проклятое путешествие надоело до чертиков: без хлеба, без воды, без угля, а поезд тащится, как черепаха*. Г. Эфрон. Дневники;

б) **как + существительное (ген.)**. Например: фразеологизм *как дома* – совершенно свободно, непринужденно, вполне естественно (чувствовать себя где-л., ориентироваться в чем-л.) [3]. *Партизаны чувствуют себя здесь вполне как дома и почти ежедневно взрывают железнодорожные пути*. Л.К. Бронтман. Дневники и письма. *Как огня* – очень сильно, панически (бояться кого-л., чего-л.) [3]. *Службы в центральных управлениях я опасался, как огня: я уже достаточно с ними познакомился по переписке из-за границы*. А.А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. *Агенты криминальной полиции как огня боялись агентов гестапо*. Д.Н. Медведев. Сильные духом.

Двухкомпонентная модель КФЕ представлена также структурным типом: **как + атрибутивный компонент**, который выражен именем прилагательным. Например: *как миленький* – 1) беспрекословно, не смея возразить (делает, сделает что-л.); 2) без препятствий, без затруднений, свободно (делается, совершается что-л.) [5]. *Мне бы ее на минутку всего, компасный курс заметить. А там бы допилит как миленький. Что я зря что ли здесь все время летал?* Л.К. Бронтман. Дневники и письма. Фразеологизм *как (словно, точно) одержимый* – напряженно, неумолимо (работать, делать что-л.); настойчиво, неотступно (преследовать какую-л. цель) [2]. *А он, как одержимый, носился по всему земному шару, с материка на материк, с континента на континент, пересекал моря и океаны...* Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Фразеологизм *как (словно, точно) помешанный* – 1) находиться в состоянии сильного переживания, нервного потрясения; 2) вести себя – бурно, невообразимо; делать что-л. с чрезмерным или неразумным усердием, интенсивностью [2]. *Недели две он ходил, как помешанный, потом понемногу обжился, обтерпелся, обтрепался, потерял весь свой лоск и стал таким же, как и все мы*. Р.В. Иванов-Разумник. Тюремь и ссылки.

Также атрибутивный компонент может быть выражен причастием, которое подверглось адъективации и утратило свои глагольные признаки. Например *как убитый* – очень крепко, беспробудно [5]. *После долгой дороги я решил заночевать в помещении штаба корпуса и, заснув как убитый, проснулся только утром в 9 часов*. К. Симонов. Генерал Свобода. Фразеологизм *как угорелый* – очень быстро, спешно, беспорядочно, суматошно (бегать, метаться, носиться и т.п.) [5]. *Сегодня день протек так: с утра тревога, как угорелый бегу в лавку, дабы взять хлеб пока не закрыли*. А.Н. Болдырев. Осадная запись.

Двухкомпонентная модель – это, пожалуй, самый распространенный структурный тип КФЕ русского языка. Нами зафиксировано 64 употребления таких фразеологизмов в мемуарных произведениях.

Трехкомпонентные фразеологические единицы, по данным нашей картотеки, составляют второй по распространенности структурный тип КФЕ. Нами зафиксировано 62 случая употребления таких фразеологизмов. Трехкомпонентная структура представлена моделью: **как + атрибутивный компонент + существительное**. Данная модель реализуется следующими подтипами:

а) **как + атрибутивный компонент + существительное (ном.)**. Например: *как горькая редька* – невыносимо, очень сильно (надоесть, осточертеть и т.п.) [5], в данном фразеологизме атрибутивный компонент

представлен прилагательным *горькая*. *Я не вижу выхода, потому что у меня нет общения ни с кем. Надоело все это, как горькая редька*. Г. Эфрон. Дневники. Фразеологизм *как карточный домик* – о предложениях, расчетах и т.п., не имеющих под собой прочного основания и недолговечных [4]. *Пошатнулась армия, и развалилась, как карточный домик, по выражению тех же наивных политиков, Российская империя*. А.А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Фразеологизм *как сивый мерин* – бессовестно, беззастенчиво, беспредельно (врет) [5]. *Но есть поговорка: «Врет, как сивый мерин»*. Г. Козинцев. Время трагедий. Фразеологизм *как церковная крыса* – очень, до крайней степени (беден) [5]. *Она бедна, как церковная крыса, не имеет даже огорода, из живности – коза*. Л.К. Бронтман. Дневники и письма;

б) **как + атрибутивный компонент + существительное (ген.)**. Например: *как своих ушей* – совсем никогда не получить кого-л. или чего-л., не завладеть кем-л. или чем-л. [5], где атрибутивный компонент выражен притяжательным местоимением *своих*. *Как было бы здорово жить отдельно: но нечего и надеяться, этого мне и не видать как своих ушей*. Г. Эфрон. Дневники.

Как вариант данной модели выступает следующий структурный тип: **как + существительное (ном.) + атрибутивный компонент**. Например: *как сажа бела* – (дела) плохо, никому не годятся [5]. *Нянька «калуцкая» – Татьяна Ритивкина говорила обо мне: «Это перец будте», «Наши дела как сажа бела» и «Отворотае не насмотришься»*. А.А. Ахматова. Автобиографическая проза. Данный структурный тип КФЕ имеет свой подтип: **как + существительное (ген.) + атрибутивный компонент**. Например: фразеологизм *как манны небесной* – с большим нетерпением, сильным желанием, очень сильно (ждать, ожидать, жаждать и т.п.) [5]. *Пасмурно и значительно теплее. Оттепели жду как манны небесной*. В конце Фонтанки – Загородного далеко где-то огромное зарево. А.Н. Болдырев. Осадная запись.

Трехкомпонентная модель КФЕ представлена также структурным типом: **как + предлог + существительное**, которая располагает следующими вариантами:

а) **как + предлог + существительное (ном.)**. Например: *как на грех* – как нарочно, как назло; к несчастью [5]. *А ночь, как на грех, чистая, луна палит во все лопатки, на воде каждую щепку видно. Нас сразу засекали*. Б. Полевой. Волгари. *Все страшно хотят поскорее выехать из опасной зоны – а тут, как на грех, застряли*. Г. Эфрон. Дневники. Фразеологизм *как на подбор* – очень похожие друг на друга, сходные друг с другом по каким-л. признакам, качествам (обычно положительным) [3]. *И точно, – если здесь как на подбор, расставлены без тесноты, со вкусом, то группами, то в одиночку, – даже пни, старые и без щеп, – стоят весьма красиво*. В. Иванов. Дневники. *И все, как на подбор, крепкие, рослые, молодцеватые, кудрявые, бороды лопатой, глаза искры мечут...* Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Фразеологизм *как (будто, словно, точно) сквозь сон* – не вполне отчетливо, не совсем ясно; смутно (помнить, видеть, слышать и т.п.) [5]. *Втянутый неестественной силой, нырнул я под цель, перестав быть и став «всеми», влекшими мимо улиц; как сквозь сон: около консерватории ухнуло мощно: «Вы жертвою пали!»*. А. Белый. Между двух революций;

б) **как + предлог + существительное (ген.)**. Например: *как на ладони* – 1) хорошо обозримо, ясно

различно; о четко, отчетливо видимых предметах, расположенных на открытом месте; 2) предельно открытый, ясный, понятный; обычно о человеке, его характере, поведении, взглядах [3]. *Мы у немцев как на ладони, и они не жалели на нас ни пуль, ни снарядов, ни мин. Но мы держались*. В. Абызов. День и ночь идут бои. *Дивно потому, что весь Ленинград с горы как на ладони, а страшно...* В. Саянов. Направление главного удара;

в) **как + предлог + существительное (дательн.)**. Например: *как в раю* – в очень хороших, великолепных условиях [4]. *За двое суток все так умаялись от осмотра ярмарки, что почувствовали себя как в раю на пароходе, который вез нас по тихим водам Волги и Камы*. А.А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. *Как по маслу* – без помех, без затруднений и осложнений (идти, протекать и т.п.) [5]. *Врываемся в пятиэтажный дом. Все идет как по маслу: швыряем – для профилактики – гранаты, прочесываем комнаты, занимаем один этаж, второй, третий*. В. Абызов. День и ночь идут бои. *Как по нотам* – делать, осуществлять что-л. без затруднений, четко, как по заранее разработанному плану [5]. *Все было выполнено ими как по нотам, но принято Жилинским только как должное, с подобающим, на его взгляд, величественным достоинством*. А.А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю;

г) **как + предлог + существительное (препоз.)**. Например: *как в тумане* – смутно (помнить, видеть, слышать и т.п.) [4]. *Утренний чай, «оправка», обед – прошлы для меня как в тумане*. Р.В. Иванов-Разумник. Тюремь и ссылки. *Как на вулкане* – в постоянном ожидании каких-л. неприятностей (жить) [5]. *О, как любила я Москву, в которой жила как на вулкане, как любила я жизнь, в которую меня не пускали, как я ненавидела, как остро я ненавидела тех, кто изуродовал нашу прекрасную жизнь, кто заткнул рот и связал руки народу*. О.Л. Адамова-Слиозберг. Путь. Фразеологизм *как (будто, словно, точно) на иголках* – в состоянии крайнего беспокойства, волнения, нервного возбуждения (быть, сидеть, чувствовать себя и т.п.) [3]. *Жду. Сижу, как на иголках*. Л.К. Бронтман. Дневники и письма. Фразеологизм *как (словно) на крыльях* – будучи в приподнятом настроении, ощущая прилив сил (идти, бежать) [4]. *Я шел домой голодный как на крыльях – чувствовал какую-то особую легкость, бывавшую со мной в минуты смертельной опасности или торжества и уверенности в моем искусстве*. П. Филонов. Дневник. Фразеологизм *как на картинке* – очень красивый [4]. *Сразу, однако, стало ясно, что переправа в надежных руках: наши саперы мост построили, как на картинке*. А.А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю.

Еще один тип трехкомпонентной модели КФЕ, обнаруженный нами в мемуарной литературе: **как + предлог + атрибутивный компонент**, выраженный адвербиальным прилагательным. Например: *как (будто, словно, точно) по писанному* – 1) бойко, гладко, без запинок (говорить, рассказывать и т.п.); 2) так, как намечалось, предполагалось, без каких-л. осложнений и неприятностей (идти, происходить, случаться и т.п.) [5]. *Молодцы союзники; все делают как по писанному*. Г. Эфрон. Дневники.

Гораздо реже встречается трехкомпонентная модель, состоящая из сравнительного союза и двух существительных: **как + существительное + существительное**. Нами зафиксировано только два варианта употребления данной структурной модели КФЕ в мемуарных произведениях: **как + существительное (аккуз.) + существительное (ген.)**. Например: *как зеницу ока* –

проявляя особую заботу, исключительное внимание по отношению к кому-л., чему-л. [3]. Поэтому радиостов и радиоаппаратуру мы охраняли как зеницу ока. Д.Н. Медведев. Сильные духом. Я ее все эти черные годы берег как зеницу ока. В. Катаев. В Молдавии.

Второй вариант данного структурного типа: **как + существительное (аккуз.) + существительное (аккуз.)**. Например: как Сидорову козу – жестоко, беспощадно (выдрать, выпороть) [5], где первое существительное Сидорову – имя собственное. «Да еще раз услышу, – выдеру тебя, как Сидорову козу!» В.В. Версаев. Воспоминания.

Следующий по распространенности структурный тип КФЕ – четырехкомпонентный. Образование четырехкомпонентной структурной модели КФЕ, так же как и трехкомпонентной, заключается в большинстве случаев конкретизацией главного компонента-существительного за счет распространения существительного в родительном падеже или прилагательного и осложненного предлогом. Одним из вариантов четырехкомпонентной конструкции является модель: **как + предлог + атрибутивный компонент + существительное (ген.)**. Например: как у себя дома – это тот же фразеологизм как дома, по значению, но распространенный по структуре предлогом и притяжательным местоимением себя. Дело дошло до того, что немецкие самолеты позволяют себе летать над самой землей, над нами, как у себя дома, не давая нам головы вольно поднять на всем пути отхода. В.Н. Гельфанд. Дневники.

Менее распространена модель со следующим структурным составом: **как + атрибутивный компонент + существительное (ном.) + существительное (ном.)**. Например: фразеологизм как дважды два четыре – совершенно, предельно (ясно) [3], в котором атрибутивный компонент представлен количественным наречием дважды. И они у меня будут, обязательно будут. Это точно, как дважды два – четыре. В конце концов, да здравствует жизнь. Г. Эфрон. Дневники. Подтипом данной конструкции выступает модель: **как + атрибутивный компонент + существительное (ном.) + существительное (ген.)**. Например: как свои пять пальцев – очень хорошо, досконально, основательно (знать) [5]. Он любил солдат и знал каждого подчиненного со всеми его хорошими и слабыми качествами как свои пять пальцев. В.С. Трубецкой. Записки кирасира.

Более продуктивная четырехкомпонентная модель КФЕ: **как + существительное + предлог + существительное**, выраженная в следующих ее вариантах:

а) **как + существительное (ном.) + предлог + существительное (ген.)**. Например: как (словно) грибы после дождя – быстро, в большом количестве (возникать, появляться и т.п.) [4]. Выставившие первое время, как грибы после дождя, юмористические журналы – и текстом и карикатурами – подвергали хуле военных людей и те понятия о долге, которые им внушали на службе. А.И. Деникин. Путь русского офицера;

б) **как + существительное (ном.) + предлог + существительное (дательн.)**. Например: как рыба в воде – свободно, естественно, как в родной стихии (чувствовать себя) [3]. Парень удалой, в нашей атмосфере – как рыба в воде. В. Иванов. Дневники. В городе я себя чувствую абсолютно как рыба в воде. Г. Эфрон. Дневники;

в) **как + существительное (ном.) + предлог + существительное (аккуз.)**. Например: как снег на голову – совершенно неожиданно для кого-л.; обычно нехвата (появиться, прийти и т.п.) [3]. Опыт японской войны

и новые веяния в тактике помогли мне вне учебных программ натаскивать людей на ускоренных маршах (накоротке), благодаря чему на маневрах мой полк свалился как снег на голову на не ожидавшего его «противника». А.И. Деникин. Путь русского офицера;

г) **как + существительное (ном.) + предлог + существительное (препоз.)**. Например: как сыр в масле – жить в удовольствии, в достатке [5]. Он купался ее заботами как сыр в масле. Т. Солоневич. Записки советской переводчицы.

Еще одна модель четырехкомпонентного структурного типа: **как + существительное (аккуз.) + существительное (ген.) + существительное (ген.)**. Например: фразеологизм как две капли воды – очень, в высшей степени (похож, походит кто-л. на кого-л. Чаще о внешнем сходстве) [3]. Но все они, как две капли воды похожи друг на друга, безграмотными кляксами пишущие резолюции с легкостью и безответственностью. В.Н. Гельфанд. Дневники.

Всего нами зафиксировано 24 употребления четырехкомпонентной модели КФЕ.

Многокомпонентные модели КФЕ представляют собой целые предложения и встречаются в мемуарной литературе довольно редко. В нашей картотеке зафиксировано всего три случая употребления таких фразеологизмов. Это модель: **как + предлог + существительное (ген.) + предлог + существительное (инструм.)**. Например: фразеологизм как (будто, словно, точно, что) у Христа за пазухой – под надежной защитой, под покровительством кого-л., в полной безопасности, спокойно (быть, жить, находиться и т.п.) [3]. Бернов заверил Осоргина, что Мише в его полку будет хорошо – как у Христа за пазухой. В.С. Трубецкой. Записки кирасира.

И вторая многокомпонентная модель КФЕ: **как + существительное (ном.) + предлог + атрибутивный компонент + существительное (ген.)**. Например: как гром из/с/ среди/ среди ясного неба – совершенно неожиданно, внезапно; обычно о случившемся несчастье, постигшей кого-л. беде [3]. И вот мгновенно, неожиданно, как гром с ясного неба, грянул ему я с левой руки молча и злобно тяжкую оплеуху, в затылок и шею. А.Н. Болдырев. Осадная запись.

Нам представилась возможность рассмотреть различные варианты структурных моделей компаративных фразеологизмов в мемуарной литературе и выявить все возможные подтипы данных моделей. Выявление особенностей структуры КФЕ в дальнейшем предполагает исследование их грамматического и семантического строения.

Список литературы

- 1 Лебединская М. И. Структурные модели компаративных фразеологизмов в поэзии К. Бальмонта // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской / отв. ред. Н. Б. Усачева. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. Вып. 2. – С. 125-128.
- 2 Огольцев В. М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. – Ижевск : Изд-во УдГУ, 1994. – 511 с.
- 3 Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. П. Жукова. – М. : Рус. яз., 1987. – 448 с.
- 4 Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / под ред. А. И. Федорова. – М. : Топикал, 1995. – 608 с.
- 5 Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – М. : Русский язык, 1978. – 543 с.

Г.М. Самойлова
Курганский государственный университет

МОНТАЖ КАК ВИД ВНЕФАБУЛЬНОЙ СВЯЗИ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация. В работе раскрывается проблема монтажа в художественном тексте, намечаются разновидности классификаций.

Ключевые слова: монтаж, внефабульные связи, мотивы, образы.

G.M. Samoilova
Kurgan State University

BUILDING-UP AS A KIND OF EXTRA-PLOT RELATION IN A PROSE WORK

Abstract. The work presents the problem of building-up in a literary text outlines the variety of classifications.

Keywords: building-up, extra-plot relation, motifs, images.

Создавая и воспринимая произведения искусства, люди манипулируют информацией особого типа, называемой художественной. Она отличается компактностью, несет в себе большое количество смысловых оттенков, эмоциональных обертонов, смутных подсознательных импульсов, из которых многие настолько субъективны, что не поддаются расщеплению, анализу. Многие, но не все. И поэтому задачей литературоведа является расширение круга изучаемых явлений за счет обращения к тонким, прихотливым, еле заметным переливам авторской мысли, часто воспринимаемой обычным читателем бессознательно. Речь идет о внефабульных связях и переключках, которые пронизывают настоящее художественное произведение.

Внефабульность в прозаическом произведении вбирает в себя систему мотивов, но не исчерпывается ими. Внефабульные связи – это внутритекстовые и сверттекстовые связи, механизм функционирования которых пытались рассматривать русские формалисты (Ю. Тынянов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум). Но сама проблема существования внефабульных связей в прозе и их особенностей ими не ставилась.

И.В. Арнольд в своей «Стилистике декодирования», интересной не только лингвистам, но и литературоведам, справедливо выделила следующие недостатки в восприятии художественных произведений, мешающие читателю адекватно понимать текст. Это пренебрежение коннотативными значениями, оттенками смысла, буквализм, наивно-примитивное восприя-

тие текста, обычно богатого символами, знаками. Это также невнимание к подтексту, который для многих читателей, не обладающих достаточным тезаурусом, просто не существует. На пути к адекватному пониманию текста необыкновенно важными оказываются «метки», расставленные автором и позволяющие сопрягать «далековатые» понятия, видеть и ощущать переключку дистанцированных друг от друга элементов произведения.

Монтаж рассматривается нами как внефабульная внутритекстовая связь, которая косвенно соотносена с нарративом. Под монтажом понимается стык элементов, не связанных внешне друг с другом, относящихся даже как будто к разным смысловым рядам, но порождающих самим фактом сближения новые, добавочные смыслы, которые становятся понятными лишь в контексте произведения. Б.А. Ларин справедливо замечал, что суггестивность, недоговорённость могут быть правильно разгаданы только из целого.

В процессе монтажа сочетание двух изображений продуцирует нечто третье, запрограммированное автором. Подобное соположение двух понятий, рождающих нечто новое, можно обнаружить уже в древнемецксиканской поэзии, хотя понятным и принятым многими это соположение стало лишь благодаря кинематографу XX века. «При монтаже, то есть при соединении в синтагматической последовательности двух знаков – изображений, каждый из которых может соотноситься с конкретными предметами (денотатами этих знаков), они в сочетании друг с другом становятся сложным абстрактным символом, соотносящимся с новым концептом, а не с этими денотатами» [1, 152].

Нарративность, содержательные моменты, таящиеся в формальном соединении разнотипного материала, в сфере киноискусства вполне доступны массовому зрителю. То невысказанное, окруженное эмоционально-суггестивной аурой, что пытается «навеять» автор, улавливается публикой, превращающейся таким образом в сотворца. Ведь именно в сознании воспринимающих осуществляется задуманное «действие».

Теория монтажа по отношению к кино активно разрабатывалась уже в 1920-е годы С. Эйзенштейном, Ю. Тыняновым, А. Кулешовым и др. В 1926 году в предисловии к книге С.А. Тимошенко «Искусство кино и монтаж фильма», в которой были представлены приемы киномонтажа, А. Пиотровский писал, что эти приемы теоретически до сих пор не разработаны. Г. Болтнянский в работе «Культура кинооператора», изданной в 1927 году, фиксировал: «Следует бороться с распространяющимся за последнее время среди наших лучших режиссеров мнением, что монтаж – главная и чуть ли не единственная форма творчества в кино. Мы не говорим уже о том, что среди людей кино, особенно у нас, распространено наивное мнение, что монтаж – это особая стихия, свойственная, в отличие от других видов искусства, только кино» [2, 56]. Замечание совершенно справедливое, но почти проигнорированное литературоведами, которые крайне редко обращаются к анализу особенностей монтажа в художественном произведении.

Между тем несущий нарративные смыслы монтаж отдельных сцен, эпизодов, ситуаций не так уж редок в русском романе XIX века. Монтаж «в зародыше» можно увидеть в постоянном желании Пушкина соотносить слова с противоположными смыслами (оксюморонные сочетания), когда в зоне напряженного взаимодействия рождается нечто новое, третье, не являющееся просто суммой двух слагаемых (архивны юноши, светлая грусть, скупой рыцарь, мертвые души и т.д.).

В прозе Пушкина можно обнаружить также стык эпизодов, который позволяет говорить о существовании внефабульных смыслов, добавляющих нечто новое к традиционной, нарративной основе произведения. Так, в главе «Поединок» романа «Капитанская дочка» Пушкин монтирует два эпизода, соседство которых рождает дополнительные смыслы. Когда Гринёв пришел к Ивану Игнатьевичу, кривому гарнизонному поручику, с просьбой быть его секундантом на дуэли со Швабриным, то Иван Игнатьевич был с иголкой в руках: по поручению комендантши он нанизывал грибы для сушения на зиму. В последующем разговоре персонажей обыгрывается тот же мотив «прокалывания»: «И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Ивановичем, я и сам до него не охотник. Ну а если он вас просверлит?» Элемент «протыкания» объединяет грибы, заготавливаемые на зиму, и молодых героев. Монтаж подобных сходных эпизодов порождает комический эффект, связанный со знаменитой пушкинской иронией, которую иногда позволяет обнаружить в тексте анализ внефабульных связей.

В контексте толстовских романов принцип монтажа – способ активизации читательского воображения, заражения его, подключения к целому, а также авторской оценки изображаемого. Толстой часто как бы разбивает образ на отдельные фрагменты и располагает их в той последовательности, которая позволяет читателю в собственном сознании воспроизвести соответствующее «наложение» представлений, в результате которого возникает нечто новое, особенное. Отсюда многочисленные высказывания о «кинематографичности» прозы Толстого.

Монтаж разноплановых эпизодов у Толстого может быть резким, нарушающим привычный фабульный ход событий. Это своеобразные «реплики в сторону», к которым часто обращался писатель, отталкиваясь от приемов любимого им английского писателя Стерна, держащего врать нить повествования, говоря о чём-то своем и как будто постороннем.

Так, в разговор Анны и Вронского (седьмая часть романа «Анна Каренина») вдруг вторгается ненужный с точки зрения основного повествования элемент. Вронский рассказывает об учительнице плавания шведской королевы.

- В каком-то красном купальнике, старая, безобразная. Так, когда же едем?

- Что за глупая фантазия! Что же, она особенно как-нибудь плавает? – не отвечая, сказала Анна.

- Решительно ничего особенного. Я и говорю, глупо ужасно. Так, когда же ты думаешь ехать?

Анна встряхнула головой, как бы желая отогнать неприятную мысль [3, 622].

«Стык» эпизодов, вызывающий недоумение у героев и читателей, – знак «подключения» автора, прямого выражения авторской позиции, его оценки происходящего. Каким-то боковым зрением и сами персонажи видят нелепость собственного «эксперимента» демонстрации «свободной любви», из которого, в конечном счете, не получилось «ничего особенного».

«Реплика в сторону» – условное название рассказа, диалога, повествования, как бы уходящего в сторону от основной линии, но тем самым на стыке различного обнаруживающего новые смыслы, придающие повествованию глубину, объем, масштаб, оценочный момент. Толстой постоянно держит руку на пульсе событий, вторгаясь в роман с «ситуативными» суждениями. Таким образом случайное и второстепенное в одной плоскости оказывается значимым в другой.

От локальных, единичных сближений разноплановых эпизодов обратимся к монтажу «параллельных миров» в рамках одного произведения, которые высекают целые ассоциативные потоки, занимающие место часто редуцированной фабулы. В статье Ю. Тынянова «Об основах кино» так характеризуется внефабульный тип развития действия: «Сюжет при этом переносится на членение и спайку частей речевого материала вне фабулы. Фабула не дана, вместо нее пружинит и ведет “искание фабулы”, как ее эквивалент, заместитель. Таковы, например, многие вещи Пильняка, Леонарда Франка и др. “Ища фабулы” читатель производит оценку и членение отдельных частей, связанных между собой только стилистически (или самой общей мотивировкой – например, единством места или времени). Совершенно ясно, что в последнем типе выступает в качестве главного сюжетного двигателя – стиль, стилевые соотношения связываемых между собой кусков» [4, 342].

Монтаж двух или более неслиянных миров в рамках одного произведения ставит перед писателем сложную задачу преодоления возможной фрагментарности, достижения единства внешне разобщенного материала. Первый опыт подобного рода в литературе XIX века, обративший на себя внимание публики, – роман Толстого «Анна Каренина». В XX веке – «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и ряд других романов. Монтаж миров, параллельно существующих, корректирующих, но не образующих единства в фабульном смысле, неповторимо индивидуален в каждом произведении. Вместе с тем, организация романов подчинена неким общим закономерностям, которые наблюдаются в «разномирной» сюжетно-композиционной организации.

Мир Анны замкнутый, с потерянными скрепами между предметами и людьми. Обрыв внутренних связей, фрагментарность, мозаичность ее существования заложены в законах, которым она подчинена. В финале Анна по-настоящему одинока, ей даже не с кем проститься по-хорошему перед смертью. Бессознательные жесты отчетливо демонстрируют беспомощно-жалкое положение героини. Вспомним, как Анна подходит в финале к зеркалу и целует собственную руку.

Центростремительному, тупиковому миру Анны противостоит центробежный, бесконечно расширяющийся мир Левина. В «паутину любви», раскинутую им, попадают люди, деревья, животные. В финале Левин обращен ко Вселенной. Эта безграничность вечного неба в сочетании с уютным и многочисленным окружением героя рождает ощущение счастья, которое, по Толстому, должно быть всегда с человеком. Если стало плохо, то ищи, где ошибся. Однако замкнутость лишь на земных интересах – не для Левина. Трансцендентный, потусторонний мир привлекает его своей таинственностью и недоговоренностью. Левин ощущает себя на самом краю земного и вечного. И отсюда особая острота его видения мира.

Есть и еще один момент, подтолкнувший Толстого разделить роман на две части. Речь идет об экспериментальном, прогностическом начале, которое может быть реализовано именно в системе «параллельных миров». Это начало усиливается в произведениях многих авторов второй половины XIX века. Желание заглянуть в будущее, понять, осмыслить, предупредить делает литературу «испытательным полигоном», той сферой, где вопросы не только ставятся, но и решаются. Гибельность центростремительной ориентации и для личности, и для человечества в целом продемонстрирована Толстым в «Анне Карениной» с устрашающей наглядностью и убедительностью.

Таким образом, монтаж «параллельных миров» в произведении предполагает еще более тесное, глубинное взаимодействие внешне отстраненных друг от друга фрагментов. Автор разводит разные «миры», чтобы теснее их сблизить. Мы убеждаемся в том, что ассоциативные переключки тех «пространств», в которые «заключены» Анна и Левин, бесконечно разнообразны в своих вариациях. Отсутствие фабульного «костяка» предоставляет автору большую свободу в выборе изобразительных средств, стимулирует его творческую активность. Принцип сцеплений, соединяющий «далековатые идеи», позволяет увидеть общее между теми явлениями, которые отстоят друг от друга во временном и пространственном отношении, и, в конечном счете, дефетишизирует действительность, разрушая стереотипы «отвердевшего» взгляда на мир, не позволяя ему застыть в дурманящем оцепенении бесконечного повтора.

В литературе XX века монтаж занимает важное место в произведениях Б. Пильняка, М. Булгакова, И. Бабеля, Ч. Айтматова и др. У него различные функции: вуалирование авторской позиции или подчёркивание, особое «выдвижение» (термин И.В. Арнольд) нужных, значимых моментов. В каждом отдельном случае монтаж рассматривается индивидуально, хотя есть и в этой сфере определённые закономерности.

До сих пор не оценён по достоинству финальный монтаж двух эпизодов в «Конармии» И. Бабеля: «Девяти пленных нет в живых. Я знаю это сердцем. Сегодня утром я решил отслужить панихиду по убитым. В Конармии некому это сделать, кроме меня. Отряд наш сделал привал в разрушенном фольварке. Я взял дневник и пошел в цветник, еще уцелевший. Там росли гиацинты и голубые розы.

Я стал записывать о взводном и девяти покойниках, но шум, знакомый шум прервал меня тотчас. Черкашин, штабной холуй, шел в поход против ульев. Митя, румяный орловец, следовал за ним с чающим факелом в руках. Головы их были замотаны шинелями. Щелки их глаз горели. Мириады пчел отбивали победителей и умирали у ульев. И я отложил перо. Я ужаснулся множеству панихид, предстоявших мне» [5, 127].

В сильной позиции финала произведения изображение гибели ни в чём не повинных пчёл после сообщения о расстреле пленнх усиливает пацифистскую позицию автора. Это не девять покойников, а десятки, сотни жертв. Убийство, насилие увидено под иным углом зрения. Монтаж по принципу градации поднимает уровень ненависти на такую высоту, что становится по-настоящему страшно.

Таким образом, можно утверждать, что монтаж в художественном тексте позволяет выявить скрытые нюансы произведения. Обычное повествование видится тогда по-другому. Монтаж элементов текста способен высекать новые смыслы. Весьма интересен в этом плане резкий уход повествования в сторону, сигнализирующий не о капризе автора, а о желании отстраниться, чтобы вмонтированный в повествование случайный эпизод стал оценочным, служил задаче косвенного выражения авторской позиции. Монтаж может быть построен по принципу контраста или градации, может находиться в начале или в финале произведения, он может быть единичным, эпизодическим или сквозным, проходящим через всё повествование. Но всегда монтаж индивидуален в работах разных авторов, хотя часто скрыт от взоров публики, наивно-реалистически воспринимающей произведение искусства. Отсюда вы-

текает необходимость понимания, изучения и сохранения того языка, на котором с нами разговаривают настоящие художники.

Список литературы

- 1 Иванов В. В. Очерки по истории семиотики. – М. : Наука, 1976.
- 2 Болтнянский Т. Культура кинооператора. – М. ; Л., 1927.
- 3 Толстой Л. Н. Анна Каренина. Роман в 8-ми частях / изд. подгот. В. А. Жданов и Э. В. Зайденшур. – М. : Наука, 1970.
- 4 Тынъянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977.
- 5 Бабель И. Конармия. – М., 1976.

УДК 81'373

Т.П. Тимофеева
Курганский государственный университет

ПЕРИФРАЗА В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»)

Аннотация. В статье представлена специфика перифразы как номинативной единицы в языке художественного произведения. Автор рассматривается история изучения перифразы, выявляются существующие дефиниции понятия. Анализируются особенности функционирования перифразы, перифрастическое значение; предлагается структурная классификация перифраз. Особое внимание уделено семантической модели образования перифрастических единиц, обозначающих человека, которые использовались авторами в романе «Двенадцать стульев».

Ключевые слова: перифраза, перифрастическое значение, модель перифразирования, функция, «Двенадцать стульев».

T.P. Timofeeva
Kurgan State University

PERIPHRAIS IN THE LITERARY TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF THE TWELVE CHAIRS NOVEL BY I. ILF AND E. PETROV)

Abstract. The article presents the analysis of the specificity of periphrasis as a nominative unit in the literary

text. The author characterizes the different points of view on the concept of periphrasis, and dwells on existing definitions of the term. The features of periphrasis functioning and periphrastic meanings are analyzed; structural types of periphrasis are offered. The author pays special attention to the semantic model of creating periphrastic units denoting a person, which are used in the novel «The twelve chairs».

Keywords: periphrasis, periphrastic meaning, models of periphrasis, function, *The twelve chairs*.

Введение

На современном этапе развития языкознания одним из актуальных направлений стала зависимость семантики единиц языка от коммуникативной задачи. Данный аспект исследований рассматривается коммуникативной лингвистикой, для которой, по словам Т.И. Бытевой, «характерно стремление к адекватному описанию языковых явлений с точки зрения процесса коммуникации, а также изучение механизма семантической модификации языковых единиц разных уровней в процессе коммуникации» [1, 4]. Поэтому особое внимание стали привлекать широко распространённые не-однословные средства номинации.

Возникновение не-однословных номинативных единиц еще в XIX в. объяснял В. фон Гумбольдт. Ученый указывал на несводимость словаря народа к однословным лексическим средствам и писал, что большая часть понятий создается в процессе семантического развертывания слов в составные (описательные) структуры так называемого дескриптивного или метафорического выражения [2]. Таким образом, в случае отсутствия необходимой лексической единицы в системе языка, говорящему «приходится использовать имеющиеся в языке лексемы, которые вынуждены, погашая свое системное значение», адаптироваться к речевой ситуации [3, 106]. Отсюда возникают такие явления, как образные средства языка (тропы), фразеологизмы, перифразы, многословные термины, аналитические формы слов и др.

Как особый тип устойчивых номинативных сочетаний перифраза давно привлекала внимание исследователей. С началом XXI века заметно возрос интерес к перифрастическим оборотам как средству языка публицистики, о чем свидетельствует значительное число посвященных данной теме работ (О.Ф. Катаева, 2002; М.А. Сирипля, 2007; Е.В. Евдокимова, 2008; К.А. Отт, 2010; Е.А. Давыдова, 2011; А.И. Снина, 2012; Т.В. Лыскова, 2012). Однако в это же время вопрос использования перифраз в языке художественной литературы практически не рассматривается (последние исследования относятся к концу XX века – А.С. Елизаров, 1994; В.С. Соловьева, 1995).

Таким образом, актуальность нашего исследования обосновывается необходимостью определения роли перифразы в языке художественного произведения как средства создания идиостиля писателя. Анализ наблюдаемых в художественном тексте фактов, выявление особенностей формирования и функционирования перифрастических оборотов под влиянием замысла автора поможет расширить представление о перифразе как лингвистической единице и определить ее место в ряду образных и выразительных средств языка.

1 История изучения перифрастической номинации

Специфика перифрастической номинации интересовала исследователей с античных времен, и с течением времени сформировалось несколько направлений изучения:

1 Традиционный стилистический подход (античные риторика, риторика М.В. Ломоносова, И.С. Рижского, со-

временные лингвисты: А.Н. Кожин, Л.Н. Синельникова, Г.З. Розанова, Г.Н. Моложай, Т.И. Наймушина, Е.Т. Лисовская, И.З. Ильина) описывает перифразу как стилистический прием художественной литературы, как одно из средств выразительности, наряду с метафорой, сравнением, аллегорией, антономазией, гиперболой, литотой, олицетворением.

В античности перифраза была известна в двух основных функциях: украшение речи и замещение. Аристотель отмечал, что «пространности стиля способствует употребление определения понятия вместо имени, например, если сказать не “круг”, а “плоская поверхность, все конечные точки которой равно отстоят от центра”». А если «есть что-нибудь позорное в понятии, можно употреблять имя, если же в имени – то понятие» [4, 88].

Начало использования перифрастических оборотов в русской традиции было положено в XVIII веке, в период появления идеи М.В. Ломоносова «о трех штилях» русского языка, заложившей основы стилистики. По мысли ученого, высоким штилем «составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях... Средний штиль состоять должен из речений, больше в русском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость» [5, 588]. Именно во избежание «низких» слов классицисты и стали использовать описательные обороты – перифразы.

2 С развитием лингвистики в XX в. выдвинулось лексико-семантическое направление, которое обратилось к анализу перифразы как единицы фразеологии на основании общих для фразеологического и перифрастического оборотов признаков (Л.В. Шубина, Н.М. Шанский, В.П. Уткина, М.А. Куандыкова, М.М. Копыленко, Т.Л. Павленко, Т.А. Османова, В.В. Похмельных, Д.П. Вовчок). В рамках данного направления были определены функции перифраз, разработаны основания для классификации. Позже (в 80-е годы) начал развиваться собственно лексикологический аспект изучения семантической организации перифраз, их парадигматических отношений, моделей образования, функций и др. (З.Д. Попова, Т.И. Бытёва).

3 Во второй половине XX в. стал формироваться ономастический аспект исследования перифразы как «вторичной номинации», представляющей собой процесс идентификации и объективации денотата (И.С. Топорцев, Е.С. Кубрякова, В.И. Телия, Н.И. Базарская, В.Г. Гак, О.Ф. Катаева, В.И. Милехина, М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев, А.Б. Новиков, С.И. Комарова, В.Г. Кульпина, Л.В. Грехнева, И.Р. Гальперин, В.П. Григорьев). Лингвистами ставится вопрос о взаимодействии категорий «слово – образ – денотат».

4 Психолингвистическое направление, ставшее актуальным в связи с развитием антропоцентрической парадигмы в лингвистике, связало перифразу с образной формой мышления и определило ее как развернутую форму повторения мысли (А.А. Потёбня, Ш. Балли, Л.В. Лисоченко, Ю.Д. Апресян и др.).

Несмотря на широкий интерес исследователей к перифрастической номинации, теоретический аспект ее изучения сегодня еще находится в процессе становления. Прежде всего, отсутствует общепринятая дефиниция понятия, остается дискуссионным статус перифразы как категории лингвистики, а также методы разграничения перифразы и смежных явлений.

Затрудняет решение данных проблем активное использование термина в различных областях науки (в литературоведении, лингвистике, логике, стилистике, риторике, музыке).

2 Дефиниция термина «перифраза»

Термин *periphrase* появился в Словаре Французской Академии в 1740 г. и был заимствован русским языком. Этим объясняется существование двух вариантов термина: перифраза (отражает грамматический женский род заимствованного термина) и перифраз (воспроизводит фонетический облик французского слова) [6, 4].

Кроме того, Т.В. Лыскова указывает, что термин осложнен наличием разных произносительных вариантов, относящихся к одному этимологическому гнезду: парафраз, парафраза, парафразис (устр.), перифраз, перифраза, перифразис (устар.), перифразис (устар.). Эти произносительные варианты произошли от греч. *παράφρασις*, *περίφρασις* и зафиксированы в значениях «пересказ» и «окольная речь». Словари предлагают трактовать дублетные термины с разных точек зрения: термины либо отождествляются, либо разводятся в разные словарные статьи [7, 105]. Сегодня большинство ученых придерживаются мнения, что термины имеют специфику в семантике и отождествлять их нельзя, а для разработки теории «окольной речи» используют вариант французского термина – перифраза.

В литературоведческой и лингвистической литературе можно выделить различные дефиниции понятия. Справочный литературоведческий материал определяет перифразу, например, как «стилистический прием, заключающийся в замене какого-либо слова или словосочетания описательным оборотом речи» [8, 214], или как фигуру речи, состоящую «в замене наименования предмета его словесной характеристикой, раскрывающей выделяемое свойство» [9, 237], или «троп, посредством которого одно понятие представляется через несколько понятий, то есть описывается, а не называется» [10, 223]. Перечисленные определения характеризуют перифразу как стилистическое средство создания выразительности.

Большинство лингвистических источников трактуют перифразу как описательное выражение, например: «выражение, вторично описывающее предмет или явление действительности» [11, 6], или как «оборот речи, заменяющий прямое название объекта его описанием с указанием характерных признаков» [12, 260]. Данные определения представляют перифразу как языковую единицу и ставят ее в один ряд с другими единицами – словом, словосочетанием и предложением.

В своих дефинициях исследователи формулируют основные признаки перифразы: описательность номинации (неоднословность, выделение предмета на основании признака), вторичность номинации, семантическую неделимость. Поэтому, основываясь на лексикографических дефинициях, Т.В. Лыскова определяет перифразу как «неоднословную вторичную номинацию описательного, преимущественно эмоционально экспрессивного, оценочного характера, представляющую собой семантически неделимое выражение, косвенно указывающее на существенные, отличительные либо субъективно выделенные носителем языка признаки (признак) обозначаемого объекта или явления действительности» [7, 113].

На наш взгляд, некоторые из свойств, обозначенных в данном определении, не являются абсолютными, поэтому под перифразой будем понимать аналитическую вторичную семантически неделимую номинацию описательного характера, косвенно указывающую на

субъективно выделенные говорящим признаки обозначаемого объекта.

3 Перифрастическая номинация человека в тексте художественного произведения

Обращаясь к объекту нашего исследования, стоит отметить, что лингвистика на современном этапе развития характеризуется увеличением интереса к антропоцентрическому аспекту, рассмотрением языка во взаимодействии с сознанием человека, его мышлением и деятельностью. Е.И. Голованова, разделяя точку зрения многих ученых, утверждает, что язык как продукт человеческого сознания не может быть рассмотрен вне человека, вне его взаимодействия с окружающим миром. Идея антропоцентричности языкового сознания, по мнению исследователя, «подтверждается на лексическом уровне языка: наименования человека составляют значительную часть любого национального словаря и могут исчисляться десятками, сотнями тысяч единиц. Человек в языке предстает во всем многообразии присущих ему свойств, качеств, установившихся связей и отношений с реальным миром» [13, 5].

Образ человека относится к числу важнейших фрагментов языковой картины мира. Он отражает развитие человеческой мысли, принятую в обществе оценку личности, культурные представления народа. Центральное место в этой области занимают объединения слов, которые именуют человека, его жизнь, физическое и психическое состояние, способности, эмоции, интеллект, отношение друг к другу, к миру, природе. Номинация устанавливает общие и частные свойства, которые характерны для того или иного лица. Для обозначения номинации человека в нашем исследовании будет использоваться предложенное Е.Р. Ратушной понятие антропономинанта – термин, образованный от греческого слова *ἀνθρώπος* – «человек» и латинского *nomēn* – «имя» [14, 5].

Наиболее ярко особенности антропоцентрической лингвистики проявляются в текстах, поскольку «все языковые реалии приобретают истинный смысл только в тексте. Без указания на то, как та или иная языковая единица или категория участвуют в создании определенного типа текста, представление о языке будет неполным», считает Е.А. Попова [15, 73].

Особый интерес представляет изучение средств номинации человека в тексте художественного произведения. Л.Г. Бабенко в своей работе высказывает мысль, что антропоцентризм художественного текста обусловлен эгоцентрической позицией человека (в облике автора и обликах персонажей) в семантическом пространстве текста, а сам человек является «центром литературного произведения и как субъект повествования, и как объект эстетического художественного познания» [16, 101]. В связи с такой специфической ролью в тексте антропономинанты часто бывают эмоционально окрашены, могут выражать отношение говорящего, авторскую модальность, являться средством создания художественного образа.

Сатирический роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» написан в 1928 г. – период, который, как отмечает В.В. Шарова, характеризуется сложной языковой ситуацией, связанной с послереволюционной демократизацией языка, расширением его словарного состава, в рамках литературной разговорной речи и письменной формы литературного языка, изменением в семантическом наполнении, активизацией конструкций экспрессивного синтаксиса [17, 8].

Ж.И. Дергилова считает, что авторы следовали этим тенденциям: произведение «впитало в себя новые

или переосмысленные лексические и синтаксические структуры, так как особенностью сатирических произведений является способность быстро откликаться на события современной авторам жизни, причем такая рефлексия предполагает использование специфических языковых средств создания комического» [18, 15]. Одним из таких средств стала перифрастическая номинация.

Как лингвистическая единица перифраза широко представлена в системе номинаций человека. В данной работе нами была проанализирована система перифрастических единиц-антропонимантов (269 единиц), использованных в романе «Двенадцать стульев» [19]. Перифразы данного семантического поля содержат в смысловой и образной структуре экстралингвистические компоненты, в которых отражается, по словам А.Л. Захаровой, ментальность и социально-культурное своеобразие определенного исторического времени [20, 1258].

Итак, рассмотрим явление перифрастической номинации человека на примере романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

4 Категориальные признаки перифразы

Проблема выявления основных свойств и характеристик перифразы до конца еще не решена, исследователями предлагаются различные теории (Т.В. Лыскова, Т.И. Бытева). Обобщив опыт, обозначим признаваемые большинством ученых категориальные признаки перифрастических единиц:

1) семантическая целостность – в конкретном случае употребления перифразы соответствует одному нечленимому в смысловом отношении объекту реальной действительности. При этом сам денотат может быть выражен не только словом, но и словосочетанием (*консерваторы от музыки – духовой оркестр*);

2) вторичность номинации – использование уже имеющихся в языке номинативных средств с целью названия нового объекта путем переосмысления семантики этих средств;

3) раздельнооформленность – перифрастическая единица состоит из двух или более элементов. При узком понимании раздельнооформленности под перифразой понимают только словосочетания (О.В. Катаева, Л.В. Хамидова). Т.И. Бытева подчеркивает обязательную трехчленность формальной семасиологической структуры: перифразируемое слово (в структуре перифразы выражено имплицитно), перифразирующий компонент (опорное слово), предцизируемый компонент. Последние два компонента, составляющие перифрастическую единицу, могут быть распространены: *чопорный обитатель дворцов – аристократ, виртуоз ротационных машин – корреспондент*.

Широкая трактовка предполагает в качестве перифразы не только двухкомпонентные сочетания, но и более сложные конструкции – простые предложения в составе сложных, сложные предложения (А.А. Потеня, И.З. Ильина и др.);

4) особое, коммуникативно-релевантное, расширяющее «сюжет слова» значение, которое, по мнению Т.И. Бытевой, заключается в коммуникативной актуализации семантики слова-номината с помощью использования тема-рематических отношений между членами перифразы, слов определенных селективных классов соответственно коммуникативной функции каждого компонента, механизма образной валентности и т.д. [1, 254]. Значение перифразы определяется характером денотативно-семантического соотношения перифразируемого слова и перифразирующего сочетания, типом значения опорного компонента перифразы и его

корреляцией с перифразируемым словом, утверждает Т.В. Лыскова [21, 5].

Помимо названных исследователи называют ряд других признаков перифразы, таких как экспрессивность; субъективная модальность (способность выражать позицию говорящего); моделируемость и возможная проницаемость структуры; референциальная переинтерпретация (закрепление референции за единичным денотатом); аппозитивность и формально-атрибутивные отношения членов перифрастического сочетания; устойчивость (воспроизводимость). Однако, на наш взгляд, данные признаки нельзя назвать универсальными, они характерны для перифразы в конкретных случаях употребления. Так, например, будучи абсолютными, признаки моделируемости и устойчивости противоречили бы друг другу. Поэтому мы будем их считать дополнительными факультативными признаками.

5 Модели перифрастического значения

Особое перифрастическое значение формируется на базе семантической модели и основывается на взаимодействии между перифразируемым и опорным словом перифразы. Т.В. Лыскова в своей работе выделила типы целостных значений, зависящих от типа значения опорного слова перифразы: описательное, метонимическое, метафорическое [22, 198-200].

Целостное описательное значение характеризуется наличием опорного слова, использованного в прямом значении. Такой тип значения автор усматривает в перифрастических оборотах, образованных с помощью следующих механизмов:

– родо-видовая корреляция – реализуется с помощью расширения объема денотата: перифразирующее слово является родовым по отношению к перифразируемому, представлена 73 единицами (27%) – самый частотный механизм формирования перифрастического значения (*научный работник, исполнительница русских народных песен, циркульный мастер*);

– идентифицирующая корреляция – использование в опорном компоненте перифразы слов, которые идентифицируют объект, названный перифразируемым словом (17%) (*дамский любимец, утренний посетитель, воспитанник духовного училища*);

– экспрессивная корреляция – основывается на прямом значении опорного слова, осложненном эмоционально-оценочной или стилистической коннотацией. В связи с жанровой спецификой романа данный механизм широко использован в тексте – 56 единиц (21%) (*виртуоз фарса, красавец-гусар, чопорный обитатель дворцов*);

– корреляция семантической совместимости – осуществляется на основании семантической связи между лексико-семантическими полями коррелирующих слов. Такой тип связи строится на ассоциациях, семантически близких за счет экстралингвистических факторов (7 единиц) (*плавающее учреждение, население парохода, духовная особа*).

При формировании целостных метонимического и метафорического значений перифраз, опорным компонентом которых является слово, употребляемое в переносном значении, используются механизмы:

– метонимической корреляции, переноса номинации на основе взаимосвязи денотата с его признаком или другим объектом (например, творение и творец, носитель признака и признак, предмет и материал, содержимое и содержащее, действие и результат, место жительства и жители). На основе метонимии образовано 27 единиц (*васюкинские индивидуумы, второй класс, движущаяся аудитория*);

– метафорической корреляции – актуализации образности, выявления тождества и подобия на основе аналогии. Данный тип корреляции прослеживается в 22% перифрастических антропономинантов (*железнодорожный заяц, акробат пера, несовершеннолетнее воинство*).

6 Функциональная классификация перифраз

Также семантика перифрастической единицы обуславливает функции, выполняемые данной перифразой. На основании типологии функций, предложенной Т.В. Лысковой [21, 22-24], нами была разработана следующая классификация:

1 Номинативно-субститутивная перифраза называет основные признаки денотата, замещая наименование сходным по назначению, функции, обогащая речь, позволяя избежать тавтологии. В анализируемом материале было зафиксировано 40 единиц данного типа, что составляет 15% от общего объема (*представитель домовой администрации, воспитанник духовного училища, работник фармации*).

Порывистая душа отца Федора не знала покоя... Ни тогда, когда он был воспитанником духовного училища, Федей, ни когда он был усатым семинаристом Федор Ивановичем [19, 54].

2 Описательная перифраза расширяет представление об объекте, акцентирует внимание на актуальном для говорящего признаке. Описательное перифразирование представлено в 56 случаях, что соответствует 21% (*возница-аджарец, московский гость, движущаяся аудитория*).

К каждому пробежавшему мимо селения автобусу или легковому автомобилю подбегали дети и исполняли перед движущейся аудиторией несколько па наурской лезгинки [19, 364].

3 Эмоционально-оценочная перифраза отражает авторскую оценку, отношение говорящего к объекту номинации. В исследуемой группе оценочные перифразы составляют 47% единиц, среди которых можно выделить перифрастические обороты различных видов коннотации:

а) положительной (7%) – позволяет иносказательно назвать объект номинации, создавая положительный образ человека, раскрывая основные черты характера или достижения в деятельности.

Старуха бросилась ему на шею.

– Спасибо, – сказала она, – я знаю, чем вы рисковали, придя ко мне. Вы тот же великодушный рыцарь [19, 149];

б) отрицательной (13%) – направлена на формирование негативного отношения к объекту.

– Вы, – говорю, – низкий человек, мучитель Клавдии Ивановны и охотник за чужим добром, которое теперь государственное, а не его [19, 197];

в) иронической – заключается в непрямом насмешливо-критическом отношении к объекту перифразирования.

– Поедем в номера! – убеждал Воробьянинов.

Лиза с силой высвободилась и, не примериваясь, ударила покорителя женщин кулачком в нос [19, 204].

Эмоционально-оценочное перифразирование с иронической коннотацией является самым частотным типом, о чем свидетельствуют 27% от общего объема перифраз-антропономинантов (73 единицы).

4 Эвфемистическая перифраза используется для замены первичных номинаций, считающихся неприличными или неуместными (номинативное замещение). В анализируемом тексте перифраз, выполняющих эвфемистическую функцию, встречается мало (2%) (*двою-*

родная сестра, дитя Поволжья, король дипломатов).

Кто же этот розовощекий индивид – обжора, пьянчуга и сластун? Гаргантюа, король дипломатов? [19, 161].

5 Апеллятивная перифраза применяется для обращения к адресату или его развернутого наименования. Апеллятивное перифразирование также редко встречается в тексте – из общего количества единиц исследования данный тип перифразы обнаружен в 8 случаях, что составляет лишь 3%: *ваше высокоблагородие, господа присяжные заседатели, товарищ фельдмаршал*.

Содрогаясь от горя, Ипполит Матвеевич все-таки спросил:

– Почему же так дорого. Везде стоит сорок копеек.

– За конспирацию, товарищ фельдмаршал, – быстро ответил Бендер [19, 92].

6 Декоративная перифраза украшает речь при номинации объектов действительности, является стилиобразующим элементом индивидуально-авторского стиля. В связи с тем, что данный тип более широко используется в поэтической речи, в нашей картотеке было выявлено лишь 12% таких перифраз (*властитель вод, небесное создание, несовершеннолетнее воинство*).

Но рядом с Колькой сидело такое небесное создание, что Остап сразу омрачился. Такие создания никогда не бывают деловыми знакомыми – для этого у них слишком голубые глаза и чистая шея [19, 170].

Названный комплекс функций характерен для перифразы в целом как для единицы языка, но в конкретном случае перифразирования ее функции вступают в отношения иерархии. Так, перифраза «король дипломатов» выполняет заместительную, номинативно-субститутивную и декоративную функции.

7 Структурная классификация перифраз

С точки зрения структуры наиболее часто учеными (О.Н. Заикина, Т.И. Кочеткова) называются следующие синтаксические модели перифразирования:

1) сочетание имени существительного и конкретизирующего его прилагательного, причастия, местоимения – самая частотная конструкция, составляют 38% выявленных перифрастических антропономинантов (*аптечно-негритянский ансамбль, конкурирующая организация, ваше высокоблагородие*);

2) сочетание имени существительного и конкретизирующего его имени существительного в родительном падеже (генитивные конструкции) – также активная модель, представлена 36% единиц (*слушательница хореографических курсов имени Леонардо да Винчи, работник булки, любитель сильных шахматных ощущений*);

3) аппозитивное словосочетание (в функции приложения), в котором номинативную функцию выполняет перифразируемое слово, а зависимое является его контекстуальным синонимом и играет стилистическую роль, в картотеке выявлено 15% перифраз такого типа (*барон-изгнанник, пайщик-концессионер, слесарь-аристократ*).

На основе анализа отобранного материала нами предложено выделить в качестве особой синтаксической модели предложные субстантивные словосочетания, так как они являются семантически целостными единицами и широко представлены в тексте – 11% (*брат по шахматам, консерваторы от музыки, цветы на асфальте*).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что наиболее характерными для сатирического повествовательного произведения являются перифра-

стические номинации человека с описательным значением, созданные на основе механизмов родо-видовой и экспрессивной корреляции, и с целостным метафорическим значением. Преобладающими функциями данных единиц являются описательная и эмоционально-оценочная с иронической коннотацией. В структурном отношении перифразы строятся на основе сочетания имени существительного и конкретизирующего его прилагательного или на базе генитивных конструкций.

В целом перифрастические номинации человека разнообразны в семантическом, структурном, функциональном, коммуникативном, образном и стилистическом отношении, вследствие чего обладают обширным изобразительно-выразительным потенциалом, позволяя автору продемонстрировать в художественном тексте свое видение мира, отношение к нему и создать уникальный стиль.

Список литературы

- 1 Бытеева Т. И. Феномен перифразы в русском литературном языке: Проблема семантики и лексикографии : дис. ... д-ра филол. наук. – Красноярск, 2002. – 352 с.
- 2 Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. яз. под ред. и с предисловием д-ра филол. наук, проф. О. В. Рамшвили. – М. : Прогресс, 2000. – 394 с.
- 3 Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестник СамГУ. – 2006. – № 5/1 (45). – С. 102-110.
- 4 Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб. : Изд-во «Азбука», 2000. – 119 с.
- 5 Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полное собрание сочинений. Т.7. Труды по филологии 1739-1758 гг. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 585-592.
- 6 Елизаров А. С. Перифразы в стиле Н. М. Карамзина : дис. ... канд. филол. наук. – М. : МГУ, 1993. – 231 с.
- 7 Лыскова Т. В. К вопросу о понятийно-терминологическом аспекте перифразы // Семантика. Функционирование. Текст : международный межвузовский сборник научных трудов. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 105-113.
- 8 Квятковский А. П. Поэтический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1966. 377 с.
- 9 Волков А. А. Курс русской риторики. – М. : Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
- 10 Ключев Е. В. Риторика. – М. : Изд-во ПРИОР, 2001. – 272 с.
- 11 Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). – М. : Рус. яз., 2004. – 352 с.
- 12 Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
- 13 Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка: Лингвокогнитивный анализ : дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2004. – 367 с.
- 14 Ратушная Е. Р. Антропоцентризирующая парадигма русской фразеологии: семантика, формирование, функционирование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2001. – 52 с.
- 15 Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 69-77.
- 16 Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с.
- 17 Шарова В. В. Средства выражения экспрессивности в сатирическом художественном тексте: на материале романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 224 с.
- 18 Дергилева Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении: на материале диалогов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и

«Золотой теленок» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – 242 с.

19 Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. – М. : Вагриус, 1998. – 544 с.

20 Захарова А. Л. Итоговые перифразы как ярчайшая оценка жизни и творчества известных лиц // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – Вып.11. – Т. 3. – 2013. – С. 1258-1261.

21 Лыскова Т. В. Субстантивные перифразы современном публицистическом дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Киров, 2012. – 27 с.

22 Лыскова Т. В. Классификация перифрастических значений в аспекте денотативно-семантических корреляций // Ярославский педагогический вестник. Т.1 (Гуманитарные науки). – 2010. – № 4. – С. 196-201.

В.Ф. Салийчук
Курганский государственный университет

ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФ: ЛОГИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА ОФИЦИАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация. Выполнен анализ официальных определений таможенных тарифов Российской Федерации и Таможенного союза. Выделены их атрибутивные признаки. Выполнено сравнение Единого таможенного тарифа Таможенного союза с тремя различными сводами ставок ввозных таможенных пошлин. Представлен критерий разграничения таможенного тарифа и какого-либо свода ставок таможенных пошлин. Сформулированы авторские определения импортного и экспортного таможенных тарифов.

Ключевые слова: таможенный тариф. Таможенные пошлины. Ставки таможенных пошлин. Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (ЕТН ВЭД ТС). Единый таможенный тариф Таможенного союза (ЕТТ ТС). Таможенный тариф Российской Федерации. Свод ставок таможенных пошлин. Критерий разграничения таможенного тарифа и свода ставок таможенных пошлин. Консensusные ставки таможенных пошлин. Ставки вывозных таможенных пошлин.

V.F. Saliychuk
Kurgan State University

CUSTOMS TARIFF: LOGICAL TRAP OF THE OFFICIAL DEFINITION

Abstract. The article analyzes the official definitions of customs tariffs of the Russian Federation and the Customs Union. The characteristics are outlined. The Common Customs Tariff of the Customs Union is compared with three different sets of import duties. The work provides a criterion for distinguishing the Customs Tariff from any set of customs duties. The author presents own definitions of import and export tariffs.

Keywords: customs tariff, customs duty, rates of

customs duties, Unified Foreign Trade Goods Classification of the Customs Union (CU UFTGC), Common Customs Tariff of the Customs Union (CU CCT), Customs Tariff of the Russian Federation, set of customs duties, the criterion distinguishing customs tariff and a set of customs duties, consensus tariffs, rates of export customs duties.

Таможенный тариф является не только одним из фундаментальных понятий теории и практики таможенного дела. Как, например, таможенная территория, таможенная граница, таможенная пошлина и др. Он представляет собой еще и самый сложный инструмент регулирования внешней торговли и таможенной политики любого государства. Таможенный тариф имеет важнейшее прикладное значение в процессе государственного регулирования как импортных, так и экспортных операций.

И еще одно исключительное обстоятельство. Таможенный тариф, единый таможенный тариф является атрибутивным признаком (атрибутом) таких межгосударственных интеграционных группировок, как таможенный и экономический союзы. Без единого таможенного тарифа невозможно создать ни экономический, ни таможенный союз.

Точное определение таможенного тарифа является теоретической основой для профессиональной классификации различных видов таможенных тарифов. Только после этого можно разграничить экспортный и импортный таможенные тарифы, выделить специфические признаки автономного и конвенционного, запретительного, тарного или транзитного таможенных тарифов. Только на этой основе предоставляется возможность разграничить одноколонный, трехколонный и многоколонный тарифы, которыми пользуются или отдельные государства, или Таможенные союзы.

Именно на основе точного определения понятия «таможенный тариф» формируются теоретические предпосылки для постановки ключевых вопросов современного таможенно-тарифного регулирования импорта. Какие и сколько колонок имел Таможенный тариф Российской Федерации до создания Таможенного союза? [1]

Какие и сколько колонок имеет Единый таможенный тариф Таможенного союза? [2]

Чем отличается его многоколонность от многоколонности таможенного тарифа Российской Федерации? По количеству колонок? По их конкретному составу? Какие из этих колонок впервые появились только в Едином таможенном тарифе Таможенного союза? Какие входили в структуру только таможенного тарифа Российской Федерации?

Имеется серия и других интересных вопросов, профессиональные ответы на которые можно получить только при точном определении понятия «таможенный тариф».

Известно, что в научной и учебной литературе предлагается несколько распространенных подходов к определению таможенного тарифа.

Во-первых, его отождествляют с таможенной пошлиной. Такое определение, по мнению автора, не имеет какого-либо конструктивного потенциала для решения указанных ранее вопросов. Ведь в данном случае (на примере Единого таможенного тарифа ТС) этот тариф будет идентифицироваться примерно с его одной одиннадцатитысячной частью (!). Ведь ЕТТ ТС

содержит свыше 11 200 ставок, а значит и свыше 11 200 ввозных таможенных пошлин (?!). Пошлин различного уровня, различных видов и функционального назначения. Такова научная и практическая полезность концепции тождества таможенной пошлины и таможенного тарифа.

Во-вторых, его рассматривают как специальный нормативный документ. И в этом имеется правда жизни. Ведь Таможенный тариф Российской Федерации утверждался специальными постановлениями Правительства России. Единый таможенный тариф ТС был утвержден решением Межгосударственного совета ЕвразЭС (Высший орган Таможенного союза), а его ежегодные версии (и ежегодные изменения) утверждались решениями Комиссии Таможенного союза (теперь Евразийской экономической комиссии) [3, 2; 5, 2].

И, в-третьих, таможенный тариф рассматривается как сложнейшая система таможенных пошлин, позволяющая отдельному государству или Таможенному союзу проводить дифференцированную торговую политику в отношении не только отдельных стран, но и отдельных товаров, а также их зарубежных экспортеров (многоколонный таможенный тариф) [6, 109-126]

Рассмотрим теперь подробнее официальное определение таможенного тарифа. Вначале тарифа Российской Федерации, а потом – ЕТТ Таможенного союза.

Обратимся вначале к официальному определению таможенного тарифа России. «Публикуемый Таможенный тариф Российской Федерации представляет собой свод ставок ввозных таможенных пошлин, систематизированных в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Российской Федерации (ТН ВЭД России)»... [3, 2].

Приведем теперь официальное определение Единого таможенного тарифа Таможенного союза. «Единый таможенный тариф Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (ЕТТ ТС) – свод ставок ввозных таможенных пошлин, применяемых к товарам, ввозимых на единую таможенную территорию Таможенного союза из третьих стран, систематизированных в соответствии с Единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (ЕТН ВЭД ТС)» [5, 2].

Итак, исходя из этих определений, таможенный тариф – это свод ставок таможенных пошлин, который имеет следующие системные признаки:

- ставки относятся только к ввозным таможенным пошлинам. Таким образом, это импортные таможенные тарифы Российской Федерации и Таможенного союза;

- ввозными таможенными пошлинами облагались только товары, ввозимые на единую таможенную территорию вначале России, а потом уже Таможенного союза. Таким образом, сферой применения таможенных тарифов и входящих в их структуру таможенных пошлин являлись вначале национальная таможенная территория Российской Федерации, а теперь единая таможенная территория такой интеграционной группировки, как Таможенный союз;

- ставки и таможенные пошлины применялись и применяются при ввозе иностранных товаров из-за рубежа, в том числе из третьих стран на Единую таможенную территорию Таможенного союза;

- ставки таможенных пошлин систематизированы на основе Товарной номенклатуры ВЭД. Ставки тарифа России систематизировались по ТН ВЭД Российской Федерации, а ставки ввозных пошлин ТС – на основе Единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза.

Таким образом, таможенный тариф – это свод (совокупность) ставок таможенных пошлин, систематизированных на основе национальной или конвенционной (союзной) товарной номенклатуры ВЭД. Причем совокупность, не имеющая каких-либо критериев количественной определенности. Получается тогда, что любая совокупность ставок ввозных или вывозных таможенных пошлин может быть названа таможенным тарифом (?!).

Приведем в этой связи некоторые примеры из современной практики таможенно-тарифного регулирования внешней торговли Таможенного союза.

Пример 1. Это перечень консенсусных ставок ввозных таможенных пошлин, который был утвержден Решением Межгосударственного совета [7].

Перечень содержит совокупность подсубпозиций ЕТН ВЭД Таможенного союза, которые являются наиболее чувствительными товарами для стран-участниц Союза. Количество подсубпозиций – 1147, количество ставок ввозных таможенных пошлин – 1147, количество импортных таможенных пошлин также 1147. Оно составляет примерно 10% от количества подсубпозиций Единой ТН ВЭД Таможенного союза. В случае изменения какой-либо из указанных ставок требуется полное согласие (консенсус) всех стран Таможенного союза.

Итак: свод ставок имеется; ставки сгруппированы на основе ЕТН ВЭД Союза; они применяются при импорте из третьих стран на единую таможенную территорию Таможенного союза. Все как в официальном определении: свод ставок ввозных таможенных пошлин имеется, однако импортный таможенный тариф отсутствует.

Перечень консенсусных ставок не содержит в своем названии понятия «таможенный тариф». Перечень имеет следующее официальное название: «Перечень чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Евразийской экономической комиссии» (Приложение 6) [7].

Пример 2. Другой перечень имеет следующее официальное название: «Ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые за пределы государств-участников соглашений на 30 августа 2013 г.» [8].

Он утверждается (уточняется) специальными Постановлениями Правительства Российской Федерации.

Перечень содержит свыше 300 ставок вывозных таможенных пошлин, которыми облагаются российские товары, экспортируемые за пределы Единой таможенной территории Таможенного союза. Это товары, участвующие в торговле с государствами, не входящими в состав Таможенного союза, при наличии договора (контракта) между резидентами РФ и нерезидентами других государств-участников Таможенного союза.

Перечень охватывает свыше 3% общего количества подсубпозиций, которые содержат Единая товарная номенклатура ВЭД Таможенного союза. Он также содержит свыше 300 вывозных таможенных пошлин различных видов и уровней, которыми облагается ограниченный перечень российских экспортных товаров. Они применяются только в случае помещения отечественного вывозимого товара под таможенную процедуру «экспорт».

И здесь указанный перечень представляет собой свод ставок таможенных пошлин. Однако ставок только вывозных таможенных пошлин. Они применяются только в случае перемещения вывозимых товаров через таможенную границу Таможенного союза. И здесь об-

лагаемые товары сгруппированы на основе Единой ТН ВЭД Таможенного союза. Тогда возникает вывод о наличии экспортного таможенного тарифа?! В Российской Федерации (до создания Таможенного союза)? В условиях Таможенного союза? У каждого из государств, входящих в ТС?!

Однако ни одно из названий Постановлений Правительства России, которыми в различные годы вводились ставки вывозных таможенных пошлин, не содержало понятия «экспортный таможенный тариф»?! И это не случайно. Не может свод ставок таможенных пошлин (несколько сотен таких ставок) представлять собой таможенный тариф какой-либо страны в его подлинном значении, не отождествляя его с отдельной таможенной пошлиной.

Пример 3. И еще один официальный свод ставок ввозных таможенных пошлин, действующих в условиях Таможенного союза. Его название: «Перечень товаров и ставок, в отношении которых в течение переходного периода одним из государств-участников Таможенного союза применяются ставки ввозных таможенных пошлин, отличные от ставок единого таможенного тарифа Таможенного союза» (Утвержден Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г.) [9].

Опять перечень (свод) ставок ввозных таможенных пошлин. Они опять сгруппированы на основе Единой товарной номенклатуры ВЭД Таможенного союза. Они также применяются при импорте иностранных товаров из третьих стран. Однако товары ввозятся не на единую таможенную территорию Таможенного союза, а на территорию только двух участников Таможенного союза. Речь идет о Республике Казахстан и Республике Беларусь. Количество подсубпозиций 108, количество индивидуальных (только для Беларуси и Казахстана) ставок и ввозных таможенных пошлин 108. Период их применения – до вступления указанных государств в ВТО.

Итак, опять свод ставок таможенных пошлин. Признаки таможенного тарифа имеются. Однако и в этом случае официальное название основного перечня не содержит понятия «таможенный тариф»(?!).

Таким образом, формируется логическая ловушка официального определения таможенного тарифа как свода (совокупности) ставок таможенных пошлин, применяемых при перемещении товаров через таможенную границу отдельной страны или Таможенного союза(?!). Если это так, то почему ни один из трех указанных перечней ставок таможенных пошлин не называется таможенным тарифом? Ведь все они являются сводами (совокупностями) ставок таможенных пошлин. Таможенные пошлины применяются только в торговле с третьими странами, не входящими в Таможенный союз. Только при их перемещении через таможенную границу (?). Причем и товары, и ставки таможенных пошлин сгруппированы на основе национальной или коллективной (единой) Товарной номенклатуры ВЭД. В нашем случае на основе единой ТН ВЭД Таможенного союза.

Таким образом, все качественные признаки таможенного тарифа имеются (?!). Однако даже высшие органы национальной и наднациональной власти, уполномоченные вводить или вносить изменения в действующие таможенные тарифы, указанные перечни ставок таможенных пошлин также не называют таможенными тарифами?!

В противном случае мы имели бы дело еще с тремя таможенными тарифами?! Они, на наш взгляд, могли бы иметь следующие названия:

- консенсусный таможенный тариф Таможенного союза (пример 1);

- экспортный таможенный тариф Российской Федерации (пример 2);

- отличный от Единого тарифа Таможенного союза таможенный тариф для определенного периода для Республики Казахстан и Республики Беларусь (пример 3).

Возможна и другая редакция наименований этих перечней ставок таможенных пошлин. С присутствием в них понятия «таможенный тариф». Однако именно на официальном уровне, в официальных документах указанные перечни называются без использования понятия «таможенный тариф». Своды ставок имеются, а тарифы отсутствуют. Качественные критерии, содержащиеся в официальных определениях таможенного тарифа, имеются. Однако три дополнительных таможенных тарифа, по мнению уполномоченных органов России и Таможенного союза, отсутствуют (?!). Причем без какого-либо объяснения (!?). Указанные перечни соответствуют признакам официального определения, однако таможенным тарифом не называются (?!). Именно в этом, по мнению автора, и заключается логическая ловушка официального определения.

Далее следует вполне закономерный вопрос. А где же выход из этой логической ловушки? Как однозначно разделить собственно таможенный тариф и какой-либо свод (совокупность) ставок таможенных пошлин?

Выполненный ранее анализ показал, что и таможенный тариф, и любой свод ставок таможенных пошлин имеют одинаковые качественные признаки. Это было показано при анализе каждого из трех примеров, трех официальных сводов (перечней) ставок таможенных пошлин.

Поэтому пути выхода из этой логической ловушки предлагаем искать по линии поиска количественных критериев их разграничения.

Автором предлагается следующий критерий: равенство количества ставок таможенных пошлин и количества подсубпозиций Товарной номенклатуры ВЭД. [10]. Данный критерий можно представить в виде следующего равенства:

$$\sum \text{СТП} = \sum \text{ПСП}, \quad (1)$$

где

$\sum \text{СТП}$ – сумма ставок таможенных пошлин тарифа (ввозных или вывозных);

$\sum \text{ПСП}$ – количество подсубпозиций ТН ВЭД (национальной или конвенционной, союзной).

С помощью данного критерия можно надежно разграничить таможенный тариф и какой-либо свод ставок таможенных пошлин. Если принцип равенства выдерживается, то мы имеем дело с таможенным тарифом. В нем все подсубпозиции Товарной номенклатуры ВЭД «закрываются» ставками таможенных пошлин. Именно такая ситуация в настоящее время представлена в ЕТТ Таможенного союза. Единый тариф ТС включает свыше 11 000 ставок ввозных таможенных пошлин.

Если указанное равенство не выдерживается, то нет каких-либо оснований называть любой свод (любую совокупность ставок) таможенным тарифом. Именно поэтому все три примера, три приведенных перечня ставок таможенных пошлин официально не называются таможенными тарифами. Несмотря на то, что эти перечни утверждались уполномоченными национальными и наднациональными регулирующими органами, которые имеют полномочия вводить новые или изменять действующие таможенные тарифы (Правительство России, Комиссия Таможенного союза, Евразийская экономическая комиссия).

Краткие выводы:

1 Существуют несколько подходов в научной и учебной литературе к определению таможенного тарифа. Они высказаны в различное время, разными учеными и, безусловно, имеют принципиально различный потенциал дальнейших исследований таможенно-тарифного регулирования импорта на единую таможенную территорию Таможенного союза.

2 Один из подходов определяет таможенный тариф (импортный) как свод ставок ввозных таможенных пошлин, применяемых для обложения иностранных товаров, ввозимых на национальную или единую таможенную территорию Таможенного союза. Тариф – одноколонный. Облагаемые ввозными пошлинами товары классифицируются на основе или национальной, или конвенционной (единой) Товарной номенклатуры ВЭД.

3 Этот подход, как было сказано выше, является основой для разработки официального определения таможенного тарифа. Причем и таможенного тарифа Российской Федерации, и Единого таможенного тарифа Таможенного союза (ЕТТ ТС).

4 В официальных определениях отсутствует количественный критерий разграничения таможенного тарифа и любого свода ставок таможенных пошлин. Этот критерий – равенство количества ставок таможенных пошлин и количества подсубпозиций национальной или конвенционной Товарной номенклатуры ВЭД. Без этого любой свод (совокупность) ставок ввозных или вывозных таможенных пошлин может претендовать на статус одноколонного таможенного тарифа (?!).

5 С учетом данного критерия можно предложить более простые определения таможенного тарифа отдельной страны и даже Таможенного союза. Причем речь идет только об одноколонном таможенном тарифе. Определения, которые исключают их тождество с любым сводом ставок таможенных пошлин.

6 Национальный таможенный тариф – это система ставок ввозных (или вывозных) таможенных пошлин, количество которых равняется количеству подсубпозиций Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности данного государства (национальная ТН ВЭД).

7 Таможенный тариф Таможенного союза – это система ставок ввозных (или вывозных) таможенных пошлин, количество которых равняется количеству подсубпозиций Единой товарной номенклатуры ВЭД Таможенного союза (ЕТН ВЭД ТС).

8 Если это система ставок ввозных таможенных пошлин, то мы имеем дело с импортным таможенным тарифом. Если это система ставок вывозных таможенных пошлин, то это экспортный таможенный тариф отдельной страны или Таможенного союза в его подлинном научном смысле.

9 На базе указанных определений формируются исходные теоретические предпосылки для исследования многоколонности импортного таможенного тарифа Российской Федерации (ретроспективный анализ) [6, 109-126] и Единого таможенного тарифа Таможенного союза [10, 188-201]

Список литературы

1 Об авторской постановке проблемы см.: *Роль и место таможенной службы Урала в обеспечении экономической безопасности : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 27-28 марта 2008 г.)*. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2008. – С. 93-96.

2 *Таможенный тариф: теоретические аспекты исследования // Вестник Курганского государственного универ-*

ситета. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – Вып.8. – № 4(26). – С. 6-9.

3 *Таможенный тариф Российской Федерации*. – М. : ФГУП «РОСТЭК», 2006. – 568 с.

4 *Единый таможенный тариф Таможенного союза (по состоянию на 19.08.2010 г.)*. – М. : ФТС России, 2010. – 571 с.

5 *Единый таможенный тариф Таможенного союза (по состоянию на 01.01.2012 г.)*. – М. : ФТС России, 2012. – 576 с.

6 *Салийчук В. Ф. Экономический рост: специфика и безопасность : монография*. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – 130 с.

7 *Перечень чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Евразийской экономической комиссии. Приложение 6 к Решению Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества № 18 от 27 ноября 2009 года «О едином таможенно-тарифном регулировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» // Консультант Плюс.*

8 *Ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые за пределы государств-участников соглашений о Таможенном союзе» (по состоянию на 30 августа 2013 г.)*.

9 *Перечень товаров и ставок, в отношении которых Республикой Беларусь и Республикой Казахстан применяются ставки ввозных таможенных пошлин, отличные от ставок Единого таможенного тарифа Таможенного союза. Утвержден Решением Совета Евразийской экономической комиссии № 55 от 16 июля 2012 года.*

10 *Россия в ВТО: год после вступления... : в двух частях / Рос. акад. наук. Урал. отд-ние [и др.] ; под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина, М. В. Федорова*. – М. : Экономика, 2014. – (Близкая и такая неразгаданная экономика; т. II.). – Ч. 1. – 848 с.

УДК 327.8

М.М. Кухтин
Донецкий национальный университет

НЕМЕЦКО-РОССИЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты немецко-российского энергетического сотрудничества. После прихода В.В. Путина к власти Россия приобрела статус энергетической сверхдержавы и подверглась резкой критике американскую модель миропорядка. В отношениях с Москвой Берлин должен придерживаться прагматичного подхода, свободного от идеологических догм. Энергетическая сфера Германии остается уязвимой, а элита страны

не всегда верно оценивает опасность современных глобальных вызовов. Только укрепление российско-немецкого сотрудничества позволит гарантировать бесперебойное снабжение немецкой экономики энергоносителями. Необходимо приложить все усилия для того, чтобы украинский кризис 2013-2014 гг. не причинил ущерба политическим и деловым связям Кремля с западными партнерами.

Ключевые слова: Германия, Россия, энергетика, политический кризис.

M.M. Kukhtin
Donetsk National University

GERMAN-RUSSIAN ENERGY COOPERATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Abstract. *The article deals with different aspects of German-Russian energy cooperation. After V. V. Putin came to power, Russia obtained energy superpower status and subjected the American world order model to sharp criticism. Berlin must adhere to a pragmatic approach free of ideological dogmas in its relations with Russia. The German energy sphere remains vulnerable, and the country's elite does not always evaluate the danger of modern global challenges rightly. Only strengthening of German-Russian cooperation will allow guaranteeing uninterrupted energy supplies for the German economy. Every effort should be made to prevent the Ukrainian crisis of 2013-2014 from harming Kremlin's political and business ties with its Western partners.*

Keywords: Germany, Russia, energetics, political crisis.

Сегодня Европа переживает трансформацию, которая по своему значению может сравниться с падением Железного занавеса. Континент стал ареной борьбы двух конкурирующих моделей мира – однополярной и многополярной. Каждую из них поддерживают мощные политические группировки, готовые на многое ради достижения своих целей. Франция, Германия и Великобритания продолжают идти в фарватере американской внешней политики, хотя в последние годы их элиты проявляют растущее стремление к самостоятельности. Желая защитить свою сферу влияния от посягательств «единственной сверхдержавы», Россия взяла курс на сближение с государствами Азии и Латинской Америки. При этом экономика некоторых стран-членов ЕС и НАТО продолжает зависеть от поставок российской нефти и природного газа. Разным в культурном и политическом отношении странам предстоит искать компромиссы и вместе противостоять глобальным вызовам современности.

Статья посвящена немецко-российскому сотрудничеству в энергетической сфере. Данная тема представляется весьма актуальной, поскольку энергетическая безопасность Европы во многом зависит от решений, принимаемых в Москве и Берлине. Страны-транзитеры природного газа вступили в переходный период своей истории, и их выживание напрямую зависит от их способности сохранить свои позиции в мировой системе разделения труда.

Исследование основывается на работах немецких политологов А. Рара, З. Шмидта, Т. Егера и других, а также на материалах российских и западных СМИ. Его объектом являются немецко-российские отношения в сфере энергетики, а предметом – их трансформация после Кавказского кризиса августа 2008 г.

По мнению специалистов, превращение России в великую энергетическую державу было обусловлено двумя факторами. После терактов 11 сентября 2001 г. мировые цены на энергоносители резко выросли. Исламский фундаментализм впервые заявил о себе как о глобальном явлении, и западные элиты посчитали, что энергетический альянс с Кремлем снизит зависимость Европы и США от нестабильного Ближнего Востока. В Брюсселе и Вашингтоне Россию стали рассматривать не как слабую, нуждающуюся в западной опеке страну, а как равноправного стратегического партнера.

До начала 2000-х гг. российские полезные ископаемые в значительной степени контролировали олигархи, полностью игнорировавшие национальные интересы. Они всеми силами уходили от налогов и искали на Западе защиты от справедливых требований собственного правительства. После ареста М. Ходорковского российская олигархия потерпела сокрушительное поражение в борьбе со сторонниками государственного капитализма. Доходы от продажи энергоносителей стали использоваться для модернизации экономики России и для ее возвращения в первый эшелон мировой политики [8, 1-10].

Рост российского влияния застал Запад врасплох. Его приспособление к новым реалиям было медленным и трудным. В начале нового тысячелетия Россия стала главным поставщиком энергоносителей в Германию. Это вызвало тревогу берлинских стратегов, ведь отношения между двумя странами никогда не были простыми.

Кроме того, энергетика как таковая обладает рядом специфических черт, способных порождать проблемы. Продавцы и покупатели энергоносителей обычно заключают долгосрочные договоренности, призванные обеспечить интересы обеих сторон. Однако мировой рынок данных товаров подвержен краткосрочным ценовым колебаниям, на которые трудно оперативно реагировать. Немецкая энергетическая политика должна обеспечивать надежность поставок и сохранение окружающей среды, а также гарантировать рентабельность отрасли [9, 641]. Успех в достижении трех названных целей в значительной мере зависит от факторов, которые не контролирует ни одно национальное правительство [9, 643].

Энергетическая политика Германии имеет два основных направления. С одной стороны, страна стремится развивать региональное и глобальное сотрудничество с поставщиками и транзитерами энергоносителей. С другой – она инвестирует все больше средств в разработку возобновляемых источников энергии. Так, планируют уменьшить зависимость немецкой экономики от импортных полезных ископаемых, а также снизить нагрузку на окружающую среду. Германия намеревается полностью отказаться от атомной энергии к 2020 г. «Зеленая энергия» пока не играет в немецкой экономике ключевой роли: в 2010 г. ее доля на немецком рынке конечного потребителя составила всего 11% [2].

Вмешательство США, вызванное скорее геополитическими, чем экономическими соображениями, также осложняет энергетическую политику европейских стран. В эпоху «холодной войны» Вашингтон противился желанию Бонна заключить с СССР долгосрочный договор о поставках сибирского природного газа. Сейчас «единственная сверхдержава» надеется, что «сланцевая революция» покончит с зависимостью европейской экономики от решений Кремля. Несмотря на все усилия США, российско-немецкое энергетическое сотрудничество развивается бурными темпами, хотя его результа-

ты довольно неоднозначны. Так, строительство газопровода Nordstream по дну Балтийского моря нанесло удар по странам-транзитерам природного газа [1; 5], при этом увеличив зависимость Берлина от Москвы [9, 645-646]. Согласно прогнозам, потребление природного газа Объединенной Европой вырастет с 312 млрд куб. м в год в 2007 г. до 512 млрд куб. м в год в 2030 г. [6].

Немецкое правительство стремится обеспечить поставки российского природного газа в Европу в обход таких транзитных государств, как Украина, Белоруссия и Польша. Берлин извлек уроки из газовых конфликтов между Москвой и Киевом, не раз ставивших под угрозу выполнение российско-немецких договоренностей.

«Пакт Путина-Шредера», предусматривавший прокладку Nordstream, был подписан в сентябре 2005 г., но в реализации проекта есть и немалая заслуга канцлера А. Меркель, пришедшей к власти несколькими неделями позже. Христианские демократы и социал-демократы почти одинаково понимают энергетическую безопасность Германии, поэтому связанные с ней проблемы можно изучать без учета разногласий между немецкими политическими партиями.

До 2008 г. экспертное сообщество оптимистично оценивало будущее российско-немецкого энергетического сотрудничества. Многие на Западе приветствовали избрание либерального Д. Медведева президентом РФ [8, 264-269]. Кавказский кризис августа 2008 г. вызвал временное отчуждение между Россией и Германией, которое было преодолено несколько лет спустя. Как украинский кризис 2014 г. повлияет на их отношения, покажет время.

Немецкое правительство сравнительно недавно начало заниматься вопросами энергетической безопасности. Растущий спрос Китая, Индии и других азиатских стран на энергоносители обратил на себя внимание немецких политиков только в 2004 г. Пока экспансия названных государств непосредственно не угрожала немецким интересам, ее почти не замечали. В 2004 г. энергетическая проблематика впервые нашла свое отражение в Европейской стратегии безопасности. Через год Великобритания разработала национальную энергетическую стратегию, в 2005 г. ее примеру последовали Нидерланды. Британский премьер-министр Т. Блэр одним из первых заговорил об энергетической безопасности ЕС как целого. Германия долгое время оставалась в стороне от данных инициатив. Только российско-украинский газовый конфликт января 2006 г. заставил Берлин пересмотреть свои взгляды [3, 354-357]. До тех пор немецкие политики не осознавали стратегической важности нефти и природного газа, считая, что поведение их поставщиков строго подчиняется законам рынка. Игнорируя существующие вызовы, Германия отдавала контроль над энергетикой на откуп частным компаниям. Считалось, что перебои с поставками энергоносителей могут быть легко и быстро компенсированы из других источников. Трансформация российской энергетической политики в начале нового тысячелетия заставила немцев отказаться от данных иллюзий в пользу более реалистичного подхода [3, 363]. Сегодня ученые все чаще говорят об отсутствии свободной конкуренции на мировых рынках энергоресурсов [4, 5], а также о необходимости государственного вмешательства в энергетику. Последствия китайской экономической экспансии также неоднократно попадали в поле зрения экспертов [7, 336-337].

Россия считает, что умелая энергетическая политика нередко делает для защиты ее интересов больше, чем силы ядерного сдерживания. Ее газо-

вые и нефтяные концерны укрепляют свои позиции в Европе, препятствуя симметричному проникновению европейцев на российский энергетический рынок [3, 364-365]. Упомянутые факты доказывают, что национальные стратегии энергетической безопасности уже не справляются с существующими вызовами. Только Объединенная Европа сможет достойно на них ответить [3, 370].

Американская исследовательница А. Стент помещает энергетическую политику России и ЕС в глобальный контекст и ищет истоки актуальных проблем в истории. По мнению многих американцев, «холодная война» закончилась полной победой США и их союзников, олицетворяющих абсолютное добро, над тоталитарным советским режимом. Соответственно, распад СССР в 1991 г. – это радостное событие, ознаменовавшее начало новой эпохи. Теперь свобода и демократия победят во всем мире, а России придется навсегда смириться с ролью младшего партнера Запада. Русские же часто придерживаются диаметрально противоположной точки зрения на упомянутые события. Они оплакивают гибель великой державы, которую их народ десятилетиями строил и защищал от врагов.

Пока одна страна рассматривает национальное унижение другой как свой триумф, любое их сближение будет обречено на провал. Белый Дом так и не предложил Кремлю осмысленной роли в евроатлантической архитектуре безопасности. Американские эксперты ведут бурную дискуссию о принципах российской политики США. Некоторые считают, что Вашингтон должен привлекать Москву к решению практических проблем, избегая открытой критики российской авторитарной модели. По мнению других, США должны оказывать на Россию давление, чтобы заставить ее провести демократические реформы западного образца [10, 255-274].

Анализ А. Стент проливает свет на многие решения Кремля, который полностью осознает политическое значение подконтрольных ему энергоресурсов. В отношениях с восточным соседом Германия должна придерживаться взвешенного и прагматичного подхода. Не стоит переоценивать ущерб, нанесенный европейской системе коллективной безопасности Кавказским кризисом августа 2008 г. и украинским кризисом 2013-2014 гг. Если немецкое правительство, поддавшись эмоциям и давлению США, разорвет те или иные связи с Россией, разрушительные последствия такого решения, возможно, будут сказываться даже спустя десятилетия.

Список литературы

- 1 *Расширение морских границ Эстонии в Балтийском море затронет газопровод Россия-Германия.* URL: <http://www.newsru.com/world/11apr2007/estonia.html>
- 2 *Energiesicherheit.* URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/GlobaleFragen/Energie/Energiesicherheit_node.html. Stand: 22.07.2011.
- 3 *Jäger T., Höse A., Oppermann K. Deutsche Außenpolitik. Sicherheit, Wohlfahrt, Institutionen und Normen.* – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – 638 S.
- 4 *Müller F. Energie-Außenpolitik. Anforderungen veränderter Weltmarktconstellationen an die internationale Politik.* – Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2006. – 28 S.
- 5 *Nord Stream ищет деньги.* URL: <http://www.rbcdaily.ru/2007/01/11/tek/262859>
- 6 *Nord Stream. Общая информация о проекте.* URL: http://www.nord-stream.com/fileadmin/Dokumente/1_PDF/3_Background_Infos/General_Background/Nord_Stream_White_Paper_General_Background_rus.pdf
- 7 *Nötzold A. Die Energiepolitik der EU und der VR China: Handlungsempfehlungen zur europäischen Versorgungssicherheit.* – Wiesbaden : VS Verlag für

Sozialwissenschaften, 2011. – 395 S.

8 Rahr A. *Russland gibt Gas: die Rückkehr einer Weltmacht* / A. Rahr. – München : Carl Hanser Verlag, 2008. – 280 S.

9 Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – 968 S.

10 Stent A. *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – 384 P.

УДК 334.012.82(519.866)

A.S. Taranov, N.A. Politikova
Kurgan State University

КЛАСТЕРНОЕ РАЗВИТИЕ ВОСПРОИЗВОДЯЩИХ СИСТЕМ РЕГИОНА

Аннотация. В статье изучаются теоретико-методологические принципы создания территориальных кластеров на принципах агломерационной экономики.

Ключевые слова: сопряженная ковариантность систем, синергетический эффект, самоорганизация субъектов экономической деятельности

A.S. Taranov, N.A. Politikova
Kurgan State University

CLUSTER DEVELOPMENT OF THE REPRODUCING SYSTEMS IN THE REGION

Abstract. The article describes the theoretical and methodological principles of creating territorial clusters basing on the principles of agglomeration economy.

Keywords: conjugated covariance of systems, synergistic effect, self-organization of economic actors.

Введение

Кластер – результат самоорганизации субъектов экономической деятельности, объединенных в систему, в которой выполняется условие сопряженной ковариантности параметров и свойств между ними. Синергетический эффект, возникающий в кластере, дает хозяйствующим субъектам, объединенным в кластер, преимущество, именуемое агломерационной экономикой. Эффект агломерационной экономики формируется за счет:

- снижения транзакционных и производственных издержек вследствие экономии на масштабах и логистики;

- плотности экономических субъектов на конкретной территории, что повышает степень инновационности производства (основным фактором которого является циркулирование идей и проявление коллективного разума);

- миграции распространения знаний;

- возникновения технологического партнерства, когда несколько взаимодействующих субъектов конструируют НИОКР, разработку технологий, которые затем реализуются на практике.

В основе образования любого кластера лежат устоявшиеся связи между субъектами, приобретающими при формировании кластера статус участников, что определяет теоретическую значимость вопросов формализации процессов, существования и развития принципов согласования решений и эффективного взаимодействия участников.

1 Институциональные предпосылки создания агрокластера

Условия социально-экономического развития в Российской Федерации характеризуются большим разнообразием основных факторов производства, обусловленные обширностью территории РФ, многообразием климатических зон, природно-ландшафтных, биолого-почвенных и геолого-минералогических характеристик территории. Характер социально-экономических потребностей также разнообразен в силу этнического, социально-культурного и ментально-психологического разнообразия населения, проживающего на различных территориях и в различных условиях общественного бытия.

Формально-логический и исторический анализ эволюции воспроизводящих систем позволяет установить определенные закономерности цивилизационного процесса:

- степень благоприятности пространственно-географических и природно-климатических условий;

- объем информационного и творческого потенциала населения, определяющего границу научно-технического процесса;

- этно-генетические характеристики психотипов и архетипов мышления и поведения населения.

Комбинаторики указанных характеристик проявляются в многообразии цивилизационных характеристик разных типов общества и существующих в них воспроизводящих систем.

Очевидно, что указанная специфика природной и социальной среды предопределяет многообразие организационных форм функционирования воспроизводящих систем. В силу методологического и понятийного смещения в последнее время в организации производства используется понятие кластера как бизнес-субъекта, функционирующего в пределах определенных территорий. Этимологическая сущность кластеров заключается в том, что кластер – это сложная система, состоящая из сопряженно ковариантных подсистем.

Успешное применение кластера как формы корпоративной организации социально-экономической деятельности возможно при условии определения критерияльного разделения сложных систем и отличительных признаков кластера от предпринимательских сетей, таксономических объединений, а также различных корпоративных объединений и ассоциаций, широко распространенных в бизнесе.

Новые формы территориальной организации воспроизводящих систем объективно способствуют оптимизации использования факторов производства благодаря его привязке к территориальным особенностям

ассимиляционного потенциала природной окружающей среды и уровня развития инфраструктуры. Кластеры являются основными факторами повышения конкурентоспособности и ускорения экономического развития региона и объективно способствуют процессам социально-экономической самоорганизации воспроизводящих систем в глобальных масштабах (сопрягаемость и агрегирование кластеров в суперкластеры, обладающие свойствами замкнутых самообеспечивающихся социально-экономических систем).

М. Портер обуславливает эффективность и конкурентоспособность воспроизводящих систем через призму внесистемной (трансгосударственной, трансрегиональной) конкурентоспособности не отдельных хозяйствующих субъектов, а кластеров-объединений предприятий и фирм различных отраслей, при условии эффективного использования внутренних ресурсов. М. Портером разработана система детерминант конкурентного преимущества региона, к числу которых относятся:

- факторные условия: людские и природные, научно-информационный потенциал, капитал, инженерная и социальная инфраструктура;
- условия внутреннего спроса: качество спроса, развитие объема спроса и его структура;
- смежные и обслуживающие отрасли (кластеры отраслей): источники поступления сырья (в том числе и полезных ископаемых), сферы технологий и оборудования и пр.;
- стратегический менеджмент, система внутрикластерных связей;
- система мер, повышающих стационарность и функциональную достаточность кластера.

2 Теоретико-методологические основы агрокластера

В силу своей экономической природы кластер развивается благодаря характеру связей, которые способствуют росту конкурентоспособности и эффективности друг друга. Очевидно, что главным отличительным признаком кластера является поликорреляционная взаимосвязь входящих в кластер фирм. Причем эта связь носит характер автокорреляции, то есть соотношения между значениями случайных функций, характеризующих внутреннюю структуру соответствующего случайного процесса.

Пусть $X(t')$ и $X(t'')$ – случайные величины функции $X(t)$ в точках t' и t'' , представляющих фиксированные моменты наблюдений. По определению автокорреляционной функцией называют моменты связи $X(t')$ и $X(t'')$, т.е. $K_x(t', t'') = M\{[X(t') - MX(t')][X(t'') - MX(t'')]\}$. (1)

Геометрически $K_x(t', t'')$ изображает некоторую поверхность в пространстве $(t'; t''; K_x)$.

Из определения следует, что автокорреляционная функция является симметричной, т.е.

$$K_x(t', t'') = K_x(t'', t'). \quad (2)$$

При $t' = t'' = t$ значение автокорреляционной функции совпадает с дисперсией

$$K_x(t' = t'' = t) = D_x(t). \quad (3)$$

В силу этого полное описание случайного процесса требует знания его двух характеристик – математического ожидания автокорреляционной функции.

В задачах анализа применения важнейших обобщенных характеристик подсистем кластера (производительность труда, себестоимость, рентабельность и пр.) можно использовать нормативную автокорреляционную функцию:

$$Z_x(t, t) = \frac{K_x(t', t'')}{G_x(t')G_x(t'')} \quad (4)$$

Для сравнения двух случайных сопряженно ковариантных процессов $X(t) = \{x_t\}$, $Y(t) = \{y_t\}$, которые можно считать соответствующими временными рядами $y_t = f(t) + \varepsilon_t$,

$x_t = \varphi(t) + z_t$, можно использовать понятие взаимокорреляционных функций $K_{xy}(\tau)$, где τ называется сдвигом.

Взаимная корреляция между ε_t и z_t вычисляется по формуле:

$$Z_{\varepsilon_t z_t}(\tau) = \frac{\sum_{t=1}^{n-\tau} \varepsilon_t z_{t+\tau}}{\sqrt{\sum_{t=1}^{n-\tau} \varepsilon_t^2 \sum_{t=1}^{n-\tau} z_{t+\tau}^2}} \quad (5)$$

В задачах управления сдвиг τ , которому соответствует

наибольшее значение $Z_{\varepsilon_t z_t}$, можно считать временем запаздывания.

Так как кластер создается на длительные временные периоды функционирования, процесс его функционирования можно считать непрерывным. Тогда автокорреляционная функция $K(t)$ процесса жизнедеятельности

ε_t определяется выражением:

$$K(t) = \lim_{T \rightarrow \infty} \frac{1}{T} \int_{-T}^{+T} \xi(t) \xi(t + \tau) dt, \quad (6)$$

где $\xi(t + \tau)$ есть функция $\xi(t)$, сдвинутая на τ , то есть на время переходного процесса при реализации определенных сумм технологий в кластере.

Указанное положение (сопряженная ковариантность подсистем кластера, основанная на автокорреляционной взаимосвязи) позволяет уменьшить риск ошибки при проектировании воспроизводящей системы в масштабах региона, отрасли и т.д. и обеспечить доминирование процесса межсистемной интеграции над процессами диссоциации подсистем кластера, что обеспечивает устойчивость и функциональность кластера. Она применима к другим формам корпоративной деятельности и управления.

Например: широкое распространение получили таксономические системы, то есть формы объединений групп дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков, и благодаря этому появляется основание для присвоения им определенной таксономической категории. К ним относятся функциональные зоны городской застройки, группировка объектов одного функционального назначения в месте наиболее эффективного функционирования (магазины располагаются, как правило, вдоль улиц с максимальной плотностью человекопотока).

Корпоративное объединение воспроизводящих систем основано на взаимосвязях, регулирующих отно-

шения в рамках реализации цели, имеющей значение для всех участников кооперации, при этом прекращение или ослабление корпоративных связей не влечет за собой полную утрату функциональности каждой из подсистем.

В Курганской области создание кластеров рассматривается как одно из перспективных направлений социально-экономического развития. Целями создания кластеров являются :

- повышение конкурентоспособности компаний каждого кластера Курганской области на федеральном и международном уровне;
- увеличение количества малого и среднего бизнеса;
- усиление проникновения инноваций в деятельность компаний кластера;
- уменьшение оттока квалифицированных рабочих кадров;
- создание новых рабочих мест за счет развития кластера.

Основными признаками кластера и степенью его зрелости являются:

- существенная доля ВВП региона;
- наличие устойчивого профессионального сообщества, включающего в себя представителей науки, бизнеса и образования;
- наличие совместных проектов с компаниями из состава профессионального сообщества;
- наличие у учреждений науки и образования действующих образовательных программ с компаниями, входящими в профессиональное сообщество (рисунок 1) .

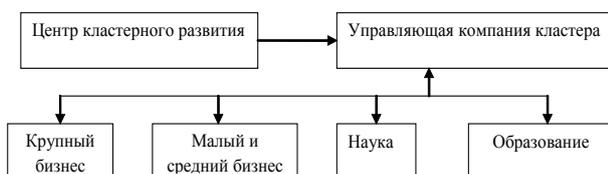

Рисунок 1 – Общая компоновка кластера

Заключение

Воспроизводящая система, организованная как агрокластер, характеризуется повышенным потенциалом самоорганизации, основанном на сопряженной ковариантности подсистем кластера, а также устойчивостью к внешним возмущающим воздействиям, вытекающим из объективной автокорреляционной организационно-технологической адаптации подсистем кластера. Кластерная форма организации воспроизводящих систем обладает рядом преимуществ обусловленных повышенным потенциалом самоорганизации.

Список литературы

- 1 Клейнер Г. Б., Качалов Р. М., Нагрудная Н. Б. Синтез стратегии кластера на основе системно-интеграционной теории // *Отраслевые рынки*. – 2008. – №5-6 (18).
- 2 Мамченко О. П., Оскорбин Н. М. Моделирование иерархических систем. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2007.
- 3 Коссинский П. Д. Кластерный подход к формированию продовольственной обеспечения региона // *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2012. – №3. – С. 280-284.
- 4 Коссинский П. Д., Шабашев В. А. Продовольственная самообеспеченность и качество жизни населения. – Томск : Изд-во Томского университета, 2009. – 304 с.
- 5 Портер М. Конкуренция. М. : Издательский дом «Вильямс». – 2005. – 608 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абуков Сергей Навильевич – кандидат исторических наук, Донецкий национальный университет, Донецк
Алексеева Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Курганский государственный университет, Курган.

Алфеева Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и возрастной психологии, Курганский государственный университет, Курган.

Андрюшина Ольга Николаевна – заведующий кабинетом кафедры английской филологии, Курганский государственный университет, Курган.

Басимов Михаил Михайлович – доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы, Курганский государственный университет, Курган.

Баятова Маргарита Сергеевна – аспирант, Курганский государственный университет, Курган.

Бочегова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, декан филологического факультета, Курганский государственный университет, Курган.

Гагарина Екатерина Сергеевна – аспирант, Шадринский государственный педагогический институт, Шадринск.

Галицкая Александра Павловна – магистрант, Курганский государственный университет, Курган.

Данилова Юлиана Николаевна – аспирант, Курганский государственный университет, Курган.

Духновский Сергей Витальевич – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Курганский государственный университет, Курган.

Ефимов Евгений Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград.

Киреева Зоя Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Курганский государственный университет, Курган.

Козельчук Татьяна Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии, Курганский государственный университет, Курган.

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-экономических дисциплин, Российская правовая академия Министерства юстиции РФ, Москва.

Коурова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и документоведения, Курганский государственный университет, Курган.

Кулигина Яна Андреевна – студент, Курганский государственный университет, Курган.

Кузнецов Олег Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курганский государственный университет, Курган.

Кухтин Михаил Михайлович – кандидат политических наук, соискатель кафедры международных отношений и внешней политики исторического факультета, Донецкий национальный университет, Донецк.

Мальцева Лариса Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии развития и возрастной психологии, Курганский государственный университет, Курган.

Перова Марина Андреевна – аспирант, Курганский государственный университет, Курган

Политикова Наталья Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Курганский государственный университет, Курган.

Попков Сергей Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью, Курганский государственный университет, Курган.

Прокопьева Марина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Курганский государственный университет, Курган.

Салийчук Василий Филиппович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой таможенного дела и коммерции, Курганский государственный университет, Курган.

Самойлова Галина Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории литературы и фольклора, Курганский государственный университет, Курган.

Селиванова Елизавета Владимировна – старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы, Курганский государственный университет, Курган.

Степанова Инга Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курганский государственный университет, Курган.

Таранов Алексей Степанович – доктор технических наук, профессор кафедры менеджмента, Курганский государственный университет, Курган.

Тимофеева Татьяна Павловна – аспирант, Курганский государственный университет, Курган.

Филонова Олина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Курганский государственный университет, Курган.

Худякова Наталья Леонидовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Челябинский государственный университет, Челябинск.

Царев Роман Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Курганский государственный университет, Курган.

Чемодуров Константин Викторович – аспирант, Курганский государственный университет, Курган.

Шалютин Борис Соломонович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Курганский государственный университет, Курган.

Шихардина Татьяна Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Курганский госуниверситет, Курган.

AUTHORS

- Abukov Sergey Navilievich** – Candidate of Historical Sciences, Donetsk National University, Donetsk
- Akekseyeva Yelena Aleksandrovna** – Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor in the Chair of Criminal Law and Procedure, Kurgan State University, Kurgan.
- Alfeyeva Yelena Vladimirovna** – Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor in the Chair of Developmental Psychology, Kurgan State University, Kurgan.
- Andryushina Olga Nikolayevna** – Senior Departmental Assistant in the Chair of English Philology, Kurgan State University, Kurgan.
- Basimov Mikhail Mikhailovich** – Doctor of Psychology, Professor in the Chair of Sociology and Social Work, Kurgan State University, Kurgan.
- Bayutova Margarita Sergeyevna** – graduate student, Kurgan State University, Kurgan.
- Bochegova Natalia Nikolayevna** – Doctor of Philology, Dean of the Department of Philology, Kurgan State University, Kurgan.
- Gagarina Yekaterina Sergeyevna** – graduate student, Shadrinsk State Pedagogical Institute, Shadrinsk.
- Galitskaya Aleksandra Pavlovna** – undergraduate student, Kurgan State University, Kurgan.
- Danilova Yuliana Nikolaevna** – graduate student, Kurgan State University, Kurgan.
- Dukhnovskiy Sergey Vitalievich** – Doctor of Psychology, Professor in the Chair of General and Social Psychology, Kurgan State University, Kurgan.
- Yefimov Yevgeniy Gennadievich** – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor in the Chair of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University, Volgograd.
- Kireyeva Zoya Alekseyevna** – Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor in the Chair of General and Social Psychology, Kurgan State University, Kurgan.
- Kozelchuk Tatiana Valentinovna** – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor in the Chair of World History and Historiography, Kurgan State University, Kurgan.
- Krasikov Vladimir Ivanovich** – Doctor of Philosophy, Head of the Chair of Philosophy and Social and Economic disciplines, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow.
- Kourova Irina Gennadievna** – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor in the Chair of Russian History and Document Science, Kurgan State University, Kurgan.
- Kuligina Yana Andreyevna** – undergraduate student, Kurgan State University, Kurgan.
- Kuznetsov Oleg Valentinovich** – Doctor of Philosophy, Assistant Professor in the Chair of Philosophy, Kurgan State University, Kurgan.
- Kukhtin Mikhail Mikhailovich** – Candidate of Political Sciences, Fellow Applicant in the Chair of International Relations and Foreign Policy of the Chair of History, Donetsk National University, Donetsk.
- Maltseva Larissa Valentinovna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor in the Chair of Developmental Psychology, Kurgan State University, Kurgan.
- Perova Marina Andreyevna** – graduate student, Kurgan State University, Kurgan.
- Politikova Natalia Anatolievna** – Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor in the Chair of Management, Kurgan State University, Kurgan.
- Popkov Sergey Mikhailovich** – Candidate Philosophical Sciences, Assistant Professor in the Chair of Youth Outreach, Kurgan State University, Kurgan.
- Prokopiyeva Marina Yurievna** – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor in the Chair of Philosophy, Kurgan State University, Kurgan.
- Saliychuk Vassiliy Filippovich** – Candidate of Economical Sciences, Head of the Chair of Customs and Commerce, Kurgan State University, Kurgan.
- Samoylova Galina Mikhailovna** – Doctor of Philology, Professor in the Chair of the History of Literature and Folklore, Kurgan State University, Kurgan.
- Selivanova Yelizaveta Vladimirovna** – Senior Lecturer in the Chair of Sociology and Social Work, Kurgan State University, Kurgan.
- Stepanova Inga Nikolayevna** – Doctor of Philosophy, Professor in the Chair of Philosophy, Kurgan State University, Kurgan.
- Taranov Aleksey Stepanovich** – Doctor of Technical Sciences, Professor in the Chair of Management, Kurgan State University, Kurgan.
- Timofeyeva Tatiana Pavlovna** – graduate student, Kurgan State University, Kurgan.
- Filonova Olina Igorevna** – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor in the Chair of the Theory and History of State and Law, Kurgan State University, Kurgan.
- Khudyakova Natalia Leonidovna** – Doctor of Philosophy, Professor in the Chair of Philosophy, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk.
- Tsaryov Roman Yurievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor in the Chair of Philosophy, Kurgan State University, Kurgan.
- Chemodurov Konstantin Viktorovich** – graduate student, Kurgan State University, Kurgan.
- Shalyutin Boris Solomonovich** – Doctor of Philosophy, Head of the Chair of Philosophy, Kurgan State University, Kurgan.
- Shikhardina Tatiana Nikolayevna** – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor in the Chair of Philosophy, Kurgan State University, Kurgan.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.А. Алексеева

АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЯХ КАК НОВЫЙ ФАКТОР ВИКТИМНОСТИ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ СОВЕРШАЮТСЯ КРАЖИ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ3

М.М. Басимов

А.А. НАВАЛЬНЫЙ В НЕЛИНЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНТОВ И ТРИВИАЛЬНОСТЬ ЛИНЕЙНОЙ КАРТИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ7

М.С. Баятлова

МНОГОЛИКОЕ ПРАВО В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО 13

Ю.Н. Данилова

ФЕНОМЕН МОРАЛИ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ..... 17

В.И. Красиков

КОНЦЕПТЫ ЧЕЛОВЕКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА..... 20

О.В. Кузнецов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ТРАГИЧЕСКИХ ПУТЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 23

С.М. Попков

СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ СОДЕРЖАНИЯ НАУКИ КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ 28

М.Ю. Прокопьева

КАЛОКАГАТИЯ: СООТНОШЕНИЕ ИСТИНЫ, ДОБРА И КРАСОТЫ 30

И.Н. Степанова

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ..... 32

Н.Л. Худякова

СТРУКТУРА КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ МОДЕЛИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ..... 35

Р.Ю. Царёв

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ТРАКТОВКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА..... 40

К.В. Чемодуров

ФИЛОСОФСКАЯ ИСПОВЕДЬ В ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХАХ 44

Шалютин Б.С.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПАХ ОТНОШЕНИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА 49

Т.Н. Шихардина

А. БОГДАНОВ: СВОБОДА ОШИБКИ ИЛИ РАБСТВО ПЕРЕД ИСТИНОЙ? 58

О.И. Филонова

РЕФОРМА СУДОУСТРОЙСТВА В ПЕРИОД НЭПА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ 59

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.Н. Абуков

ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ КУПЦОВ ЮГА УКРАИНЫ В 1861-1905 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ) 64

А.П. Галицкая

КОЛЧАКОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И ПАРТИЯ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ 67

Т.В. Козельчук

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КУРГАНА В 1920-Е ГГ. 74

И.Г. Коурова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАВОДА КУРГАНСЕЛЬМАШ ПО РАЗВИТИЮ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ..... 78

Я.А. Кулигина

ФАМИЛИИ КАК ПРЕДМЕТ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 82

М.А. Перова

ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ 1920-Х ГГ. В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ..... 84

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.В. Алфеева

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 90

С.В. Духновский

«ПАТОЛОГИЯ» МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ 92

Е.Г. Ефимов, Е.В. Селиванова

ОСОБЕННОСТИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУППОВЫХ ИНТЕРВЬЮ) 95

З.А. Киреева	
ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ	98
Л.В. Мальцева	
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ДЕВУШЕК С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ФЕМИНИННОСТИ .	100
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
О.Н. Андрюшина, Н.Н. Бочегова	
ХРОНОТОПИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА <i>SITU</i> В СТИМΠΑНК-РОМАНЕ Ч.Т. МЬЕВИЛЛЯ «ВОКЗАЛ ПОТЕРЯННЫХ СНОВ»	105
Е.С. Гагарина	
СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МЕМУАРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ	107
Г.М. Самойлова	
МОНТАЖ КАК ВИД ВНЕФАБУЛЬНОЙ СВЯЗИ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	111
Т.П. Тимофеева	
ПЕРИФРАЗА В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»)	113
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
В.Ф. Салийчук	
ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФ: ЛОГИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА ОФИЦИАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ	119
М.М. Кухтин	
НЕМЕЦКО-РОССИЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	122
А.С. Таранов, Н.А. Политикова	
КЛАСТЕРНОЕ РАЗВИТИЕ ВОСПРОИЗВОДЯЩИХ СИСТЕМ РЕГИОНА.....	125

CONTENTS

YURISPRUDENCE. PHILOSOPHYCAL SCIENCES

E.A. Alekseeva ACTIVE PARTICIPATION IN SOCIAL INTERNET NETWORKS AS A NEW FACTOR OF VICTIMIZATION OF PERSONS AGAINST WHOM THEFT WITH ILLEGAL ENTRY INTO A DWELLING IS COMMITTED	3
M.M. Basimov A.A. NAVALNY IN THE NONLINEAR STRUCTURE OF STUDENTS' POLITICAL PREFERENCES AND TRIVIALITY OF THE LINEAR PICTURE IN POLITICAL SOCIOLOGY	7
M.S. Bayutova MANY FACES OF LAW IN SOCIAL PHILOSOPHY OF LEON PETRAZYCKI	13
Yu. N. Danilova PHENOMENON OF MORAL IN THE CULTURE OF CHINA	17
V.I. Krasikov CONCEPTS OF RIGHTS IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY	20
O.V. Kuznetsov THEORETICAL ALTERNATIVES OF UNDERSTANDING OF THE TRAGIC WAYS OF CIVILIZATION	23
S.M. Popkov WAYS OF PRESERVATION AND TRANSFER OF SCIENCE CONTENT AS A FORM OF CULTURE	28
M. Yu. Prokopeva KALOKAGATHIA: THE CORRELATION OF TRUTH, GOODNESS AND BEAUTY	30
I.N. Stepanova EDUCATION AS A SOCIAL VALUE	32
N.L. Hudyakova STRUCTURE OF COMPETENCE MODEL OF COMPLEMENTARY EDUCATION RESULTS: PHILOSOPHICAL GROUND.....	35
R.Yu. Tsaryov FORMS OF HUMAN SOCIALITY AND THE INTERPRETATION OF THE HISTORICAL PROCESS	40
K.V. Chemodurov PHILOSOPHICAL CONFESSION IN THE HISTORICAL EPOCHS.....	44
B.S. Shalyutin HISTORICAL TYPES OF LAW AND STATE RELATIONSHIP REVISITED	49
T.N. Shihardina A. BOGDANOV: FREEDOM OF ERRORS OR SLAVERY TO THE TRUTH?	58
O.I. Filonova JUDICIARY REFORM IN THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD: HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE	59

HISTORICAL SCIENCES

S.N. Abukov PRIVATE LAND TENURE OF MERCHANTS IN THE SOUTH OF UKRAINE IN 1861-1905 (ON THE EXAMPLE OF EKATERINOSLAVSKAYA PROVINCE)	64
A.P. Galitskaya KOLCHAK COUP AND THE PARTY OF RIGHT SOCIALIST REVOLUTIONARIES.....	67
T.V. Kozelchuk LEGAL REGULATION OF EVERYDAY LIFE IN KURGAN IN THE 1920s.....	74
I.G. Kourova ON CERTAIN ASPECTS OF THE KURGANSELMASH PLANT FOR MILITARY PRODUCTION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	78
Ya.A. Kuligina SURNAME AS THE SUBJECT OF ANTHROPONIMICAL RESEARCH.....	82
M.A. Perova EVERYDAY LIFE OF CHILDREN IN 1920S AS MENTIONED IN RECORD KEEPING DOCUMENTATION: PROBLEMS OF SOURCE STUDY	84

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

E.V. Alfeeva THE SPECIFICS OF THE PERSONAL DEVELOPMENT OF MILITARY PERSONNEL	90
S.V. Duhnovsky «PATHOLOGY» OF INTERPERSONAL RELATIONS AS AN ELEMENT OF THE SOCIOCULTURAL LIFE OF THE PERSON	92

E.G. Efimov, E.V. Selivanova	
THE FEATURES OF THE ADDICTIVE BEHAVIOUR IN SOCIAL NETWORKS (BASED ON FOCUS GROUP INTERVIEWS)	95
Z.A. Kireyeva	
THE STUDY OF HUMAN COLOR PREFERENCES AND THEIR RELATION TO PERSONALITY FEATURES.....	98
L.V. Maltseva	
THE STUDY OF BEHAVIOR OF YOUNG WOMEN WITH VARIOUS FEMINITY LEVEL.....	100

PHILOLOGICAL SCIENCES

O.N. Andryushina, N.N. Bochegova	
CHRONOTOPE ASPECTS OF THE <i>CITY</i> CONCEPT IN A STEAMPUNK NOVEL BY C.T. MIEVILLE «PERDIDO STREET STATION»	105
E.S. Gagarina	
STRUCTURAL MODELS OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN MEMOIRS	107
G.M. Samoilova	
BUILDING-UP AS A KIND OF EXTRA-PLOT RELATION IN A PROSE WORK.....	111
T.P. Timofeeva	
PERIPHRAISIS IN THE LITERARY TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF <i>THE TWELVE CHAIRS</i> NOVEL BY I. ILF AND E. PETROV)	113

ECONOMIC SCIENCES

V.F. Saliychuk	
CUSTOMS TARIFF: LOGICAL TRAP OF THE OFFICIAL DEFINITION.....	119
M.M. Kukhtin	
GERMAN-RUSSIAN ENERGY COOPERATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES	122
A.S. Taranov, N.A. Politikova	
CLUSTER DEVELOPMENT OF THE REPRODUCING SYSTEMS IN THE REGION.....	125

ВЕСТНИК

КУРГАНСКОГО № 3 (34)
ГОСУДАРСТВЕННОГО 2014
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ

«ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ»

Выпуск 10

Редакционная коллегия:

д-р биол. наук, проф. **Речкалов А.В.** (главный редактор журнала)
д-р филос. наук, проф. **Шалютин Б. С.** (ответственный редактор серии)
д-р пед. наук, доц. **Еговцева Н.Н.**
д-р ист. наук, проф. **Менщиков В.В.**
д-р филол. наук, проф. **Ратушная Е.Р.**
д-р пед. наук, проф. **Савиных В.Л.**
д-р экон. наук, проф. **Семенов В.М.**
д-р юр. наук, проф. **Шабуров А.С.**

Редакторы – **О.Г. Арефьева, Н.М. Быкова**
Перевод – **Бочегова М.В.**

Подписано в печать 10.12.14

Формат 60*84 1/8

Бумага тип. 65 гр/м²

Печать цифровая

Усл.печ.л. 16,75

Уч.-изд.л. 16,75

Заказ № 16

Тираж 300 экз.

Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640000, г. Курган, ул. Советская 63/4.
Курганский государственный университет.